

humor_fantasy
sf_detective
love_fantasy
magician_book

Кристина
Зимняя
7745b9ca-9735-11e1-aac2-5924aae99221

Ева
Геннадьевна
Никольская
b5b67de6-968f-11e1-aac2-5924aae99221

Честное волшебное! или Ведьма, кошка и прочие неприятности

Неприятности никогда не приходят поодиночке! Сперва в похоронное бюро отставного жнеца смерти въехала в лиловом гробу ведьма, разыгравшая свою смерть. Следом явилась черная кошка, а потом такое началось, что о привычном спокойствии оставалось только мечтать.

Но если ведьма мила, обаятельна и полна энтузиазма, кошка – обезоруживающе ласкова и их присутствие делает жизнь окружающих ярче и интересней, то, может, это не неприятности вовсе, а самые что ни на есть приключения? Ради них можно и воцарившийся в бюро хаос простить, и вереницу визитеров не заметить, и на личную жизнь ведьмы глаза закрыть.

ведьмы, становление героя, романтическая фантастика, сверхспособности
2016

ru

On84ly

FictionBook Editor Release 2.6.7
2016-10-19
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=21768452
Текст предоставлен правообладателем
b7900512-9576-11e6-a11d-0cc47a5203ba
1.0

v 1.0 – создание fb2 – (On84ly)

Литагент
Альфа-книга
c8ed49d1-8e0b-102d-9ca8-0899e9c51d44

Честное волшебное! или Ведьма, кошка и прочие неприятности: Роман
Альфа-книга
Москва
2016
978-5-9922-2305-7

Ева Никольская, Кристина Зимняя
Честное волшебное! или Ведьма, кошка и прочие неприятности

Глава 1

На одной из тихих улочек Готрэйма

[1]

Ветер пролетел по узкой улочке, выложенной грубо отесанными камнями, поиграл тонкими стеблями вьюнков на подоконниках, ласково погладил остроконечные крыши и устремился прочь, оставляя за собой мерно качающиеся на цепях фонари и вывески. На одной из них – массивной, из потемневшего от времени дерева – изящная вязь металлических букв складывалась в фразу: «ПБ «Последний цветок». Надпись на двери была куда прозаичнее и скромнее: слова, вырезанные чуть ниже небольшого окошка, в настоящий момент прикрытого изнутри заслонкой, всего лишь сообщали всем желающим о круглосуточном режиме работы загадочного «ПБ». На неоштукатуренной стене чуть правее входа имелась обведенная рамочкой инструкция:

«Дерни за веревочку! – Далее следовало изображение радушно оскаленного черепа и приписка, явно сделанная от руки: – Если ты по делу!»

Слева и справа от двери чернели провалы узких витражей. Если бы кто-то в столь поздний час рискнул заглянуть сквозь разноцветные стекла, то был бы глубоко разочарован царившей внутри темнотой. Но любители погулять в этой части города после полуночи, к счастью, встречались редко. Совсем иной вид открывался через хорошо освещенное стрельчатое окно, выходящее во внутренний дворик мрачноватого с виду здания.

В длинном помещении с низким потолком за массивным столом сидел мужчина в черной одежде и, склонив голову, методично вычеркивал строки в огромной счетной книге. За резной спинкой его кресла, недвусмысленно намекая на род деятельности, висел гобелен с тщательно вытканной лопатой. Красивой, серебристой, с толстой рукоятью, элегантно украшенной серебристым же орнаментом. Если долго смотреть, эта самая лопата начинала напоминать не то меч, не то крест – любимый символ богини-сестры

[2]

, что в общем-то весьма соответствовало интерьеру похоронного бюро. А если кому-то и этого знака не хватало для того, чтобы проникнуться местной атмосферой, то последние сомнения рассеивались при взгляде на стойку с лентами да на стеллаж с венками, траурными гирляндами и букетами искусственных цветов, а главное, на ряд пустых черных ящиков на специальных постаментах, выстроившихся вдоль стены.

Впрочем, один из гробов был не пустым и не черным. Его привезли утром вместе с телом, попросили обтянуть лиловой тканью и украсить, а также организовать завтра скромные

похороны на городском кладбище. И хотя гробовщик не очень-то любил цветную обивку, считая черную масть торжественной и мрачной, а потому наиболее подходящей для траурной церемонии, он принял и этот заказ.

Захлопнув книгу, мужчина отложил ее в сторону, поднялся и направился к шкафу в углу комнаты – его полки были заставлены такими же толстыми томами и прикрыты створками из темного стекла. Владелец похоронного бюро любил порядок во всем. Порядок, покой, одиночество, ночную тишину и легкий флер тлена, сопровождающий работу с покойниками, которые так напоминали ему о прошлом. С бумажными делами на сегодня он закончил, а значит, настало время заняться куда более приятными обязанностями. Придирчиво перебрав ворох лент и коробочки с тряпичными цветами, он вооружился гвоздострелом и принялся старательно украшать крышку гроба, который следовало подготовить к утру. Процесс был несложным, но в определенном смысле творческим. Недавно приобретенная новая модель рабочего инструмента удобно лежала в руке и, в отличие от своего предшественника, стреляла крохотными гвоздиками почти бесшумно.

– Итак... Двойная кайма из присборенных шелковых лент по периметру гроба... – прочитал мастер запись, сделанную на вырванном из блокнота листе. Станный шорох отвлек его внимание, но, оглядевшись, гробовщик списал непонятный звук на происки крыс, вернувшихся после недавней травли в его мрачную обитель. – Что дальше? Окантованные белыми ромашками даты рождения и смерти в ногах, хм... несколько вульгарно, но раз так хочет вдова усопшего... – проворчал он, доставая со стеллажа нужную коробку.

Высыпав белые тряпичные цветы на черный гроб, мужчина аккуратно разложил их вокруг таблички и принялся пристреливать к обтянутому атласом дереву. Затем достал из мраморной урны, временно служившей вазой, большую алую розу и, приколов ее посередине крышки, отошел на шаг, чтобы полюбоваться результатами своего труда. Покачав головой, помянул недобрым словом пристрастия заказчицы, но, учитывая, что кроме скверного вкуса у той есть еще и увесистый кошель, сдернул с крюка один из тонких серебристых жгутов и приступил к формированию под красным цветком довольно крупной надписи: «Мы любили тебя, Ки...» – Как там звать-то тебя, приятель? – пробормотал гробовщик. Он оставил в покое будущее прибежище некоего «Ки...» и потянулся за листком бумаги, висящим на стене, чтобы в очередной раз свериться со схемой.

В этот самый момент на смену притихшему некоторое время назад шороху пришло довольно ритмичное постукивание. Тук... тук-тук. Тук... тук-тук...

«Умная крыса, – подумал мужчина, задумчиво глядя в сторону, откуда доносились звуки, – и музыкальная. – За скромным стуком последовала серия сильных ударов. – Большая крыса... – А потом ударов с явным металлическим отзвуком. – И вооруженная».

Черная бровь хозяина ПБ стремительно поползла вверх, пальцы застыли, не коснувшись схемы, а гвоздострел едва не полетел на пол, однако был вовремя подхвачен отточенным движением хорошо тренированной руки.

Минимум час (а то и два-три) ежедневно владелец «Последнего цветка» проводил, упражняясь с оружием или способными оное заменить подручными инструментами. Он родился магом. Вот только от дара

[3]

его в какой-нибудь переделке проку не было. А деньги, которых у довольно богатого мужчины водилось немало, очень уж притягивали всяких темных личностей, охочих до легкой наживы. Потому находиться в хорошей физической форме этот человек считал едва ли не таким же важным делом, как поддерживать безупречную репутацию собственной конторы. Вот и сейчас, судя по всему, настало время «вежливо» пообщаться с очередным воришкой, вломившимся в дом через... хм, а интересный способ проникновения у нынешних грабителей! Ни дать ни взять виртуозы своего дела!

Подойдя ближе к обтянутому лиловым атласом гробу, похоронных дел мастер прислонился спиной к стене и, скрестив на груди руки, в одной из которых по-прежнему держал гвоздострел, с интересом уставился на гроб. За работу с ним рассчитывалась пожилая заказчица с заплаканным морщинистым лицом. Сказала, что внучка хозяйки подхватила неведомую болезнь, покрылась вся язвами и померла. Ну-ну. А такая милая вроде старушка была,

профессионально горе разыгрывала... по виду и не скажешь, что сообщница преступника! Да и сопроводительные бумаги от лекаря к закрытому гробу прилагались.

Из глубины ящика раздался очередной удар, сильно походивший на звук вгрызающегося в дерево лезвия. Затем еще и еще... Тяжелая крышка жалобно крикнула и... шевельнулась.

Мужчина задумчиво почесал гладко выбритый подбородок, не делая никаких попыток помочь новоявленному зомби. Еще несколько ударов, подозрительный треск, и крышка гроба, поддавшись, полетела-таки на пол, потревожив глухим «бу-бум-м-м» тишину рабочего зала. Длинноволосый «труп» с лиловыми разводами под вытаращенными глазами стремительно сел на своем окрашенном в те же тона ложе и принялся озираться. Черный корсет обтягивал торс, полосатые чулки – ноги, а бледные пальцы – без каких-либо намеков на язвы – крепко держали топор.

– Кхе-кхе! – деликатно кашлянул мужчина за спиной «покойницы». Ну надо же... и правда «внучка». Хотя кто этих лиловых колдунов разберет? Они себе и в семьдесят мордочку пятнадцатилетней «нарисовать» могут.

«Покойница» вздрогнула и повернулась в его сторону. Гробовщик скользнул взглядом по перепуганному личику без малейших признаков мифической болезни, но с явным отпечатком решимости, по стройной фигурке в одеянии выпускницы лилового факультета ведьм, уделил особое внимание трепетно прижимаемому к груди топору, слегка покореженной крышке гроба, одиноко валявшейся на полу, и... недобро так хмыкнул.

– Госпожа Джимджеммайна из семьи Аттамс? – воскресив в памяти имя клиентки, осведомился он.

– Джимджеммайла, – осторожно поправила его воскресшая особа и покосилась на свое увесистое оружие. В тонких девичьих руках оно смотрелось нелепо.

– Не важно, – сказал мастер, отталкиваясь плечом от стены и демонстративно взвешивая в руке гвоздострел.

В его практике, конечно, были случаи, когда безутешные родственники клали в гроб любимых покойников деньги, украшения, семейные портреты и даже музыкальные колокольчики, чтоб на том свете не скучно было, но... топоры и прочие колюще-режуще-рубящие предметы у хрупких девиц пока ему обнаруживать не доводилось. Она же не воин какой-нибудь с ритуальным ножом на поясе. А значит, догадка про спланированное ограбление была верной. Или нет?

Медленно проведя гвоздострелом сверху вниз, затем справа налево, гробовщик вздохнул.

Девчонка не упала и не забилась в судорогах, только глаз ее с жуткими лиловыми тенями как-то странно дернулся, пока она внимательно наблюдала за движениями мужчины. Ну что ж, раз знак Саймы на нее не подействовал, значит, «живая покойница» – вовсе не сюрприз от полоумного некроманта, проживающего в начале улицы, а всего лишь воровка... с топором. Да уж, о времена, о нравы!

– А вы сейчас что... – начала шепотом ведьмочка, косясь на гвоздострел, – меня крестом богини-сестры осенили... с помощью этой штуки? – Она опасливо кивнула на инструмент и невольно сглотнула.

– За неимением святой воды из храма богини-матери

[4]

приходится пользоваться обычными гвоздями, – зловеще улыбнулся ей собеседник. –

Безотказное средство, знаешь ли. И для нечисти... и для воров.

– Я не воровка! – воскликнула она и, продолжая удерживать топор одной рукой, будто планировала им отбиваться от упомянутых гвоздей, начала шарить свободной ладонью за спиной. Гробовщик прищурился, ожидая результата ее поисков, а потом едва заметно поморщился, когда девчонка достала большую остроконечную шляпу с лиловой лентой вокруг тульи и, нахлобучив колпак на голову, гордо сообщила: – Я честная ведьма!

– Угу, которая предпочитает спать в закрытом гробу, – саркастически заметил хозяин ПБ.

– Иногда, знаете ли, приходится, – обиженно пробурчала она.

– Выспалась? – покачив головой, поинтересовался мужчина.

– Да!

– Вот и славно. Выход там! – Он указал направление гвоздострелом и, потеряв интерес к «честной ведьме», неспешной походкой направился к недоукрашенному гробу.

Демонстрировать свои воинские таланты ему не хотелось. Ибо не так и много мужской силы требовалось, чтобы душонку из этого хрупкого создания вытряхнуть. Пусть идет с миром, раз честная... поверим на слово. А топор может и оставить, в хозяйстве пригодится. Гробовщику ведь еще крышку гроба латать да список претензий к заказчице сочинять. Шутка ли дело! Эта коварная карга под видом заразного мертвеца в заколоченном ящике подсунула ему живую ведьму. А если б она не проснулась и он ее закопал?!

Девушка тем временем немного подумала и решительно заявила:

– Никуда я не пойду!

Похоронных дел мастер замер на полушаге, медленно обернулся и спокойно проговорил:

– Тогда ложись обратно, Джимджеммайла.

– Джимджеммайла! – воскликнула ведьма.

– Да хоть Джимджеммила, – пожал плечами хозяин ПБ. – Ложись! Утром вынесут. – И как ни в чем не бывало вернулся к прерванному занятию. – Только крышку закрой поплотнее, – добавил, продолжая выкладывать буквы из серебристого жгута на черной обивке другого гроба. – Я, так и быть, забуду.

Три часа спустя

В подвальном помещении было сыро, от голых стен, покрытых специальной краской, исходило зеленоватое свечение. Босые, если не считать шерстяных чулок в полоску, ноги девушки отчаянно мерзли. Но ведьмочка не хотела действовать на нервы и без того негостеприимному хозяину, «громыхая своими калошами», как он изволил назвать ее новые туфли. Очнувшись не в разрытой могиле, а в похоронном бюро этого нелюдимого типа, за которым уже лет пять как закрепилась слава лучшего гробовщика Готтрэйма, Джимджеммайла решила, что богиня дала ей шанс, и... принялась за уговоры.

– Я вам совсем не помешаю! Честно-честно! – горячо заверяла она, тиская в руках до блеска начищенную обувь. Хорошо еще, что подошвы были чистые. В гроб ее, как следовало, уложили не в абы какой одежде, а в парадном одеянии дипломированной лиловой ведьмы. Спасибо, что не в свадебном платье, как других девиц, скончавшихся незамужними. Хотя, судя по тому, как кривилась физиономия собеседника при каждом упоминании ее профессии, лучше бы в свадебном! – Марной клянусь, не помешаю!

– Да хоть всем божественным триумвиратом

[5]

! – отозвался мужчина, невозмутимо засыпая желтую свель

[6]

в погасшую настенную лампу. Золотистые частицы волшебной пылицы, смешавшись с газом в колбе, тут же засветились, озаряя мрачное помещение приятным светом.

– Я готовить умею! – с надеждой сообщила девушка, продолжая стоически подпирать спиной холодную стену. – Иногда даже есть можно, – добавила где-то на грани слышимости.

– Готовить? – Он хмыкнул. – И что, Джемма, ты умеешь готовить? Варенье?

– Малиновое, клубничное, ассорти и... – начала скороговоркой перечислять она, надеясь, что от такой поварахи он не откажется.

– Я сладкого не ем. – Одной фразой бесчувственный тип свел на нет все ее планы. – Они, – он кивнул в сторону пронумерованных ячеек хладокамеры, – тоже!

– А суп? – схватилась за новую соломинку ведьмочка. – Мясной, вку-у-у-усный!

– Из человечины умеешь? – бросив на нее заинтересованный взгляд, спросил мужчина.

Позеленев, ведьма выдавила:

– Я попробую... сумею. – Затем более уверенно добавила: – Если вы такое блюдо любите. – И тут же перешла на любимую «песню»: – Только, пожалуйста, возьмите меня в помощницы, дьер

[7]

гробовщик!

– Дьера недопокойница, мне не нужна помощница, – в который раз повторил он, отворачиваясь, чтобы эта ненормальная пристава не заметила играющую на его губах улыбку. В том, что ее возраст соответствует датам, которые следовало написать на лиловом гробу, сомнений больше не было. – Тем более такая глупая, что уже три часа как этого понять не может! А особенно мне не нужен этот проклятый колпак в доме!

– Я выброшу! – Перекинув обе туфли в одну руку, девушка стянула с головы практически не ношенную шляпу, с сожалением посмотрела на нее, смяла и спрятала за спину. – Сожгу! Честное волшебное!

– С головой? – хмыкнул гробовщик.

– Э-э-э? – не до конца поняла его гостя. Ну или сделала вид, что не поняла.

– Мне не нужна в доме ведьма! – предельно ясно выразился он.

– А... – Она замялась, лихорадочно соображая, какой еще довод привести в свою пользу. – А у меня еще лицензии нет! – выдала, гордо вздернув подбородок: раньше бы и не подумала, что этим можно хвастаться, а тут вон как кстати получилось.

– Тем более ведьма-недоучка, – остудил ее радость хозяин ПБ.

– А я... я дом охранять буду по ночам! – не придумав ничего лучшего, предложила девушка.

– Лаять по-собачьи умеешь? Или зареванной физиономией планируешь темных личностей распугивать? – не скрывая насмешки, полубопытствовал мужчину. Из-за ехидной ухмылки и целого ряда золотых колец в ухе он стал напоминать ей пирата. – А может, станешь отстреливать всех подряд прицельным метанием обуви?

– Топором! – прижав к груди туфли, заявила ведьмочка.

– Метанием топора? – изогнув черную бровь в фальшивом изумлении, переспросил гробовщик. – А кто потом будет соседям разбитые витражи оплачивать?

– Пуганием топора! – окончательно запутавшись в сути их диалога, выкрикнула девушка.

– И зачем мне напуганный топор? – вздохнул мужчина и снова отвернулся.

В черных, как бездна, глазах его плясали золотистые смешинки, а уголки рта едва заметно подрагивали, готовые растянуться в улыбке. Эта «честная ведьма» со сладким именем Джемма забавляла его своими продолжительными уговорами и нелепыми попытками заинтересовать, только поэтому он до сих пор не взял ее за шкирку и не вышвырнул на улицу, ну... или не вызвал сюда горгон

[8]

вместе с безутешными родственниками воскресшей покойницы.

– Ну не выгоняйте же вы меня, дьер гробовщик! – взвыла гостя из гроба и, плюхнувшись на холодный пол, положила рядом и туфли, и потерявшую презентабельный вид шляпу. – Мне правда очень нужны работа и место, где бы меня никто не нашел. Я все что угодно делать буду! – Все? Хм...

Утром следующего дня

На одной из аллей городского кладбища, в тени раскидистого клена, в зеленой кроне которого уже виднелись золотые листья, было куда уютнее, чем среди массивных крестов

[9]

, белокаменных плит и традиционных серн

[10]

. Похожие на миниатюрные пирамиды, они росли возле большинства могил и походили, особенно в полумраке, на молчаливых часовых, охраняющих вечный сон мертвецов. Их мелкие темно-серые иголки испускали в темноте едкое вещество, которое освещало

некрополь и отгоняло нечисть. Но защитить людей от лучей дневного светила эти полутораметровые деревья-карлики были не способны, да и смотрелись они, на вкус дьера Дорэ, весьма убого.

Гробовщик стоял, прислонившись спиной к шершавому стволу, и задумчивым взглядом изучал окрестности. Все-таки северные кладбища с их однообразными рядами поросших мхом плит или даже засаженные кустами и деревьями так, что и могил не видно, нравились ему куда больше этого помпезного убожества, присущего южным захоронениям. Все здесь было слишком приукрашено и оттого напоминало набор декораций, а не настоящий некрополь. Только образующие крест главные аллеи в обрамлении раскидистых кленов-великанов более-менее соответствовали эстетическим вкусам Эдгарда.

Кладбище у Южных ворот, на которое он явился по собственной инициативе, оставляло желать лучшего днем, чего уж говорить про ночи! Нет, пелена мерцающего тумана, нестерпимо воняющая хвоей серн, конечно, смотрелась эффектно, когда стелилась по земле, подсвечивая пейзаж, но... разве можно в таких условиях кого-то тайно отрыть? Или обряд во имя Саймы провести? Да просто выпить чего-нибудь крепкого, помянув мертвецов! Тьфу!

Мужчина скривился и жестом подозвал к себе рабочих. Когда те подошли, гробовщик снял с пояса четыре аккуратных мешочка и раздал каждому. По традиции он выплачивал вторую часть суммы, о которой договаривался с наемниками, после выполнения работы. Качественного выполнения! Сегодня ребята потрудились на славу. Впрочем, они никогда его не подводили. Гроб, обтянутый вульгарной лиловой тканью, был торжественно опущен в свежевырытую могилу под плач и скорбные вздохи собравшихся. А затем благополучно засыпан землей, цветами и венками с шелковыми лентами, на каждой из которых красовалась какая-нибудь пафосно-скорбная надпись. Некоторые из провожающих уже начали потихоньку расходиться, другие продолжали стоять. Кто всхлипывал, кто шепотом переговаривался, а кто и просто молчал. Жрица из храма Саймы, закончив читать отходную молитву, о чем-то тихо беседовала с высокой дьерой в длинном черном платье и широкополой шляпе с вуалью. Делать владельцу ПБ тут больше было нечего, но уходить он почему-то не спешил.

«А славное Джемме досталось местечко, – думал мужчина, продолжая подпирать спиной клен, – не где-нибудь в углу у кованой ограды, а в центре... почти у самого перекрестья аллей. Кто же это так раскошелился? – Скользя взглядом по толпе присутствующих, гробовщик хмыкнул. – Бабуля, закапавшая накануне слезами мою контору? Не-э-эт. Судя по одежде, это экономка дома Аттамсов. Кучка девчонок в остроконечных колпаках, активно размазывающих по щекам соленую влагу? Тоже маловероятно. Эти не потянут, даже если всем факультетом скинутся! Хотя если всем, то потянут, но... вряд ли скинутся. И кто же тогда? Та чопорная до тошноты особа, похожая на сушеную воблу, по надменной физиономии которой так и тянет съездить лопатой, чтобы приобрела выражение попроще? Как только молоденькая жрица умудряется сохранять спокойствие, общаясь с подобными людьми! Впрочем, это ее работа, чему тут удивляться?»

Эдгард Дорэ как-то болезненно усмехнулся, окинув взглядом белые одежды девушки с серебряными крестами на груди и на головном уборе специфической формы, напоминающем перевернутый полумесяц. Затем снова оценивающе посмотрел на дьеру в шляпе, и новая усмешка исказила его узкое лицо, на котором, словно два омута, чернели глубоко посаженные темные глаза. Эта женщина либо зарыла бы девчонку под собственным крыльцом, чтобы зря деньги не тратить, либо устроила ей похороны столетия, но только в том случае, если Джемма из ее любимчиков. То была бы церемония с ритуальными песнопениями, общегородским трауром и лентами скорби на каждой мимо пробегающей собаке. Ну и? Кто же тогда остается? Неужто тот долговязый мужик с изрядно помятой физиономией, что с трудом сохраняет вертикальное положение, опираясь на трезвых и хмурых друзей? Из присутствующих больше некому. Что-то там ведьма говорила про мужа сестры. Видимо, он и есть. Странно, что его супруги не видать. Или у нее тоже... «неизлечимая» болезнь?

«М-да... – мысленно протянул гробовщик, постукивая указательным пальцем по черной трости с серебряным набалдашником в виде львиной головы. – Не врала, похоже, девчонка о домашних проблемах! С такой-то семейкой!» – Он хмыкнул, немного еще понаблюдая за гостями и наконец решил, что пора бы и в привычную тишину любимой конторы вернуться.

– Злорадствуешь, Гард?! – раздался за его плечом звонкий девичий голос. Такой знакомый и в то же время чуть-чуть подзабытый. Сколько же лет он не слышал его? Восемь? Десять?

А сколько из них жаждал вновь услышать?

Чтобы справиться с накатившей волной не свойственных ему эмоций, дьер Дорэ помедлил пару секунд и только после этого обернулся.

– Я злорадствую? С чего бы? – с невозмутимым видом поинтересовался он, глядя на фигурку без лица, испускающую ровный белый свет. Будь она полупрозрачной, наверняка бы напоминала привидение, выскользнувшее из-под могильной плиты. – Давно не виделись, Дис, – добавил гробовщик тихо. Сердце его учащенно билось под черным жилетом выходного костюма, но, силой воли уняв волнение, мужчина надел на лицо маску равнодушия и вежливо проговорил: – Чем обязан столь высокому визиту?

– Не стыдно тебе, а, Гард? – На месте белого пятна, обрамленного того же цвета волосами, начали проступать очертания: нос-кнопка, маленький ротик, миндалевидные очи неестественно-синего цвета и брови вразлет. Очаровательное дитя лет одиннадцати на вид... Если б не однообразная цветовая гамма, лед во взгляде и пара коротких мечей в ножнах за спиной, Дис именно так бы и воспринималась.

– Мне? – Черные глаза мужчины сузились, а правый уголок губ чуть приподнялся в кривой ухмылке. – С чего бы?

– Ну как же? – Мерцающая девочка скрестила на груди руки и, склонив голову к плечу, принялась с любопытством рассматривать расходящуюся толпу. – Тебе ли не знать, что Сайму провести невозможно! Джимджеммайлы Аттамс нет в списках, которые я отдаю жнецам

[11]

. Скажи мне, это ты сам придумал или подсказал кто? – скосив на него глаза, полюбопытствовала она. – Решил таким образом досадить нам и отыгаться за свою преждевременную отставку? – Пухлые губки этого бледного создания растянулись в не самой приятной улыбке. – Это глупо, Гард! Чего ты добьешься? Доставишь неприятности храму богини-сестры? Так он все равно свое возьмет! Я поставлю в известность о вашей аванюре старшую жрицу, и она вытрясет из Аттамсов откупные или объявит девчонку в розыск. Правда вскрыется, и скоро. Ты серьезно хочешь испортить свою репутацию из-за очередной ведьмы? – Тонкая белая бровь вопросительно приподнялась, а в горящих синевой глазах мелькнуло странное выражение.

– Нет, – крепче стиснув любимую трость, ответил мужчина.

– Тогда зачем? – попыталась Дис.

– Может, я просто надеялся увидеть тебя, моя лучезарная? – подарив ей вполне дружелюбную улыбку, сказал он.

– Дурак! – фыркнула девочка и рассмеялась. Звонко, задорно... и в то же время холодно, словно перезвон горного хрусталя в ледяной пещере.

Будто услышав ее, жрица посмотрела в их сторону, резко замолчала, оборвав на полуслове беседу с «воблой», и... низко поклонилась. Дьера в шляпе проследила за направлением взгляда своей спутницы, окинула цепким взором гробовщика, стоящего в гордом одиночестве, после чего отвернулась, кивнула двум мужчинам, опекавшим нетрезвого третьего, и распорядилась проводить последнего к экипажу.

– У тебя три дня, чтобы все исправить, – перестав веселиться, сообщила координатор жнецов, она по-прежнему была рядом с Эдгардом, но оставалась невидимой для всех, кроме своих подопечных, служительниц храма Саймы и тех немногих, кого коснулся «поцелуй смерти» и... кто после этого выжил.

– Ты невероятно щедра, лучезарная, – улыбнулся бывший жнец, наблюдая, как тает, словно привидение, его собеседница.

Хотя почему же «словно»? Жнецы, заключившие контракт с богиней-сестрой Саймой, существовали как бы на грани жизни и смерти, передвигались по большей части в подпространстве и внешне напоминали именно призраков себя прежних. Белых, мерцающих, невидимых и неосязаемых... практически для всех.

«Все-таки соврала ведьма, – покачал головой гробовщик, равнодушно наблюдая за тем, как вырывается из рук своих спутников тот самый мужчина с помятой физиономией. Вырывается и падает на колени перед укрытой цветами могилой. – Надо было заплатить откупные, кретин, – глядя на него, подумал Эдгард. Затем отошел от клена, стряхнул со своего безупречного костюма несуществующие пылинки и, поудобней перехватив длинную трость со скрытой внутри шпагой, зашагал к катафалку, запряженному четверкой черных лошадей. – На Джимджеммайлу, значит, пал жребий храма! Ну-ну... Понятно теперь все. От перспективы десять лет на некрополях и поминках отходные бубнить кто угодно живым в гроб ляжет!» Проходя мимо могилы с памятником, украшенным лиловой вязью орнамента, Дорэ поймал на себе задумчивый взгляд сидящей на скамье женщины. Она почему-то показалась ему знакомой, а еще слишком бледной и прозрачной для представительницы мира живых. Но мысли о странной дьере покинули голову мужчины, как только он добрался до своего экипажа. Немудрено ведь здесь призрак встретить – кладбище – оно и есть кладбище! Кто-то умер не в срок и потому не попал в заботливые руки жнеца, кто-то слишком грешил и потому боялся оказаться ужином пожирателя, а некоторые просто не пожелали менять свою бестелесную сущность на мифическое перерождение или вечный покой в эфемерных далях и поэтому всячески избегали встречи с посланниками Саймы.

Глава 2

На чердаке ПБ «Последний цветок»

Над городскими крышами медленно плыли облака. Лавки пестрели яркими витринами, пряничные
[12]
благоухали аппетитными ароматами, а различные салоны радовали глаз призывными вывесками, заманивающими посетителей. Люди сновали тут и там, радуясь теплым дням ранней осени. Кто-то спешил по делам, кого-то ждали в гости, кому-то просто хотелось окунуться в шумный мир торговых улиц или прогуляться по тихой набережной. А в стороне от мест, куда часто наведывались горожане, в проеме чердачного окна большого двухэтажного дома завязалась самая настоящая драка.

– Отдай, кому говорю! – ругалась ведьмочка, вырывая полотняный мешочек из лап крылатой обезьяны, облаченной в синий бархатный костюм.

– Чи-и-и-и-и-и-и-и! – верещал почтовик

[13]

, скаля свои хоть и мелкие, но довольно острые зубки и нетерпеливо подпрыгивая на широком каменном подоконнике.

– Ты уже сожрал пять орехов вместо одного! – возмущалась девушка, продолжая борьбу за предмет раздора. – Больше не дам! Неси письмо!

– Чи-и-и-и-и-и-и-и-и-и! – снова взвыло противное создание, выпустив из когтистой лапки мешочек с последним орехом, чтобы потыкать корявым пальцем в пустующий шнурок на свитке, приготовленном к отправке.

Там должна была висеть бирка с адресом отправителя. Только ведьме, с трудом уговорившей гробовщика дать ей как работу, так и кров и еду, совсем не хотелось сообщать кому бы то ни было, где она поселилась. А жадная обезьяна настаивала на своем, корча наглые рожицы, хлопая кожистыми крыльями и противно вереща при этом. Конечно, по правилам почтовик не должен был доставлять такое письмо, но... далеко не все этим глупым правилам следовали.

Анонимки давно уже стали обычным делом в Готрэйме. Главное, мохнатую рыжую лапку задобрить – и отправится тайный свиток к нужному адресату. Но кто ж знал, что именно этот молоденький с виду летун, подозванный специальным колокольчиком к окну, окажется таким жадным!

– А, морда рыжая, забирай! – Девушка швырнула в обезьяну последним орехом, решительно захлопнула окошко и, скрючившись, потерла ладонью поясницу, после чего со вздохом похромала к диванчику, приютившемуся у стены.

Многочасовое отскабливание похоронного бюро не прошло даром: все тело ныло, платье требовало не просто стирки, а визита в зельмагочистку

[14]

, чулки же можно было смело выбрасывать. Эх, с согласием на любую работу Джемма несколько погорячилась. Одно только приведение в порядок небольшого помещения по соседству с холодильной комнатой чего стоило! Зато после оттирания со стен, пола и даже потолка бурых пятен и непонятных засохших масс, напоминавших впечатлительной девушке мозги, все прочее воспринималось как сбор игрушек в комнате племянниц. Такие безобидные и несложные занятия: инструменты странные в горючке

[15]

прополоскать; пустые ячейки разморозить; непустые по списку проверить; малость подпортившееся (если не сказать разложившееся) тело из барахлящей хладамеры в нормальную переместить, отвалившуюся в процессе руку на место приладить... Мелочи, угу!

А ведь она, уговаривая дьера Дорэ взять ее в помощницы, наивно полагала, что тут только марафет покойникам наводят, сколоченные на заказ гробы украшают да церемонии похоронные организуют. Ну, может, еще бальзамируют трупы по просьбам клиентов, не более того. Однако, ознакомившись в процессе работы с некоторыми «дивными» комнатками за тяжелыми дверями, обычно закрытыми на ключ, ведьмочка начала подозревать, что ее наниматель не обычный гробовщик, а еще и мастер вскрытия. Хотя, судя по перстню аза

[16]

на его пальце да по странной тяге к одиночеству, могла бы и раньше догадаться, что он не так прост. Около десятка замороженных тел, числящихся в перечне лишь под номерами ячеек, а также подробные описания причин смерти и состава последней трапезы не оставляли места сомнениям. Неясным оставалось одно – с какой целью этот мрачный тип режет трупы на кусочки. И куда девадет потом? Неужели действительно варит?

Брр... мясное в этом доме лучше не есть.

Поморщившись от тошнотворной мысли, Джемма окинула взглядом небольшую комнату на чердаке ПБ, которую выделил ей «гостеприимный» хозяин, и устало улыбнулась. И правда, зачем всякие страшилки обдумывать, когда у нее есть повод для радости. Жаль только, что на уборку своей территории сил уже не осталось. Но завтра... или даже сегодня ночью, как только немного отдохнет и приготовит ужин, она непременно наведет здесь порядок. Хотя тут и так симпатично! Сюда бы еще книжек – пустые стеллажи заполнить, пару связок тряпичных летучих мышек на балках закрепить, любимую шкатулку-череп на полку поставить да котелок водрузить на стол у окна... Вот только все эти вещи остались дома, в ее личной комнате, отделанной в лиловых тонах магического дара. И если Джемма не хочет вернуться к тому, от чего сбежала таким оригинальным способом, ей стоит забыть и о черепе, и о книгах, и даже о мышах. Впрочем, их-то как раз можно будет купить у лавочника, как только появятся деньги.

А-а-а, к чирташу

[17]

мышей! Этой милой комнатке под самой крышей не хватает в первую очередь платяного шкафа (желательно с содержимым нужного размера и подходящего для незамужней ведьмы фасона), а также нормальной кровати, ибо коротенький жесткий диванчик – далеко не

лучший вариант для сна, разве что спать на нем сидя или сложившись буквой Z. Хотя второе из-за ноющей спины сейчас очень даже актуально. Видимо, раньше, при прежних хозяевах ПБ, в чердачной комнате с огромным окном был чей-то кабинет. Нынешний же владелец конторы, судя по следам, отпечатавшимся на толстом слое пыли, пользовался этим помещением исключительно из-за почтовиков, прикормленных к подоконнику. Оставалось надеяться, что письма дьер Дорэ пишет нечасто.

Дверь распахнулась, пропуская внутрь гробовщика, не затруднившего себя вежливым стуком.
– Прохлаждаемся? – с заметной угрозой в голосе произнес он.

Ведьмочка поспешно сунула под валик предательски пустой мешочек и вскочила с дивана, так и не сумев как следует выпрямиться. Ойкнула от боли, закусила губу и замерла, уставившись на работодателя.

– Я почти закончила... – начала оправдываться она.

Мужчина же, оценив ее скрюченную фигуру, хмыкнул и, стремительно приблизившись, развернул Джемму лицом к дивану. Та открыла рот, чтобы возмутиться столь бесцеремонным обращением, но вместо этого громко вскрикнула совсем по другой причине. Одной рукой гробовщик сильно надавил ей на поясницу, другой потянул ведьму за плечо. Раздался тихий хруст – и тело приняло нормальное вертикальное положение.

– Так лучше? – моментально отпустив ее, поинтересовался дьер Дорэ.

– Д-да, спасибо, – запинаясь, поблагодарила она и на всякий случай отступила к стене.

– Не за что! – ответил мужчина, складывая руки на груди. Он смерил собеседницу придирчивым взглядом, после чего заявил: – В твой лиловый гробик только прямолежащий труп войдет.

– Э... – выдавила его новоявленная помощница.

– Меня зовут дьер Эдгард! Могла бы уже и запомнить, ведьма, – продолжая гипнотизировать ее черными, как сама тьма, глазами, проговорил он.

– Я помню, – пробормотала девушка.

– Я рад. – Улыбка, игравшая на губах гробовщика, смотрелась зловеще. – Так что насчет гробика, дьера избранница Саймы?

Девчонка сглотнула, мужчина продолжил:

– Я не спрашивал тебя о подробностях, когда ты сказала, что сбежала от семьи, где тебе что-то там угрожало. Меня это просто не интересовало, дьера. Но! Будь ты хоть самой лучшей уборщицей и поварихой в Готрэйме, я не стану портить из-за тебя отношения с храмом Саймы и ее служителями. Это понятно? – Он чуть подался вперед, и, несмотря на то что расстояние между ними было в пару шагов, ведьмочка попыталась сильнее вжаться в стену.

Чем-то холодным и темным веяло от ее работодателя, и от этих неприятных флюидов хотелось как-то отгородиться. За неимением лучшего Джемма приложила к груди ладони и уверенно кивнула, выражая полное понимание.

– Варианта два: или ты решаешь эту проблему, или занимаешь застолбленное место на кладбище. Не поленюсь и лично зарую! – совершенно серьезно сказал дьер Дорэ. – И на этот раз без топора и сонного зелья, которыми тебя снабдили в «последний путь» доброжелатели. Еще и кол в сердце вобью для надежности.

– Да решаю я, решаю! – не выдержала его натиска ведьма. – В смысле решают... за меня.

Честное волшебное, дьер гробовщик! – Она постаралась улыбнуться. Вышло, но не очень.

– Ну-ну, – покивал тот, наблюдая за ней, а потом совсем будничным тоном, в котором не было и намек на былую мрачность, произнес: – В кладовке должно быть что-то из одежды прежней прислуги. Приведи себя в порядок. Через полчаса пойдем на рынок.

Полчаса? Это переодеться, причесаться, навести маскирующую иллюзию на лицо – и все за полчаса?!

– Час! – крикнула она закрывающейся за ним двери.

– Сорок пять минут, дьера копуша. И ни мгновением больше! – донеслось из коридора.

– А если опоздаю, вы сварите из меня суп, дьер людоед? – пробормотала себе под нос девушка, совершенно не чувствуя при этом страха. Ведь не выставил он ее за дверь ночью, не сдал горгонам и не рассказал о ней дьеру Аттамсу, значит, есть шанс, что не выгонит и сейчас. Странная атмосфера похоронного бюро и темная личность его владельца разжигали любопытство, а пусть гипотетическая, но все же возможность применять тут свои магические

умения – почти вдохновляла. Но размышлять о перспективах было некогда – часы тикали, отсчитывая минуты, отведенные на сборы.

В то же время в другой части города

Окруженный ухоженным садом особняк в квартале Поющих Фонтанов радовал глаз свежей штукатуркой и сверкал идеально чистыми витражами. На шпиле декоративной башенки, украшавшей угол дома, сидел молоденький почтovníк и потирал лапкой лоб, на котором стремительно росла и наливалась синевой шишка. Воодушевленный успехом у отправителя свитка, рыжий прохвост попытался и с получателя потребовать дополнительное лакомство. Ну и получил, как говорится, на орехи! Да еще и палкой по голове приложили. И даже не пожалуешься никому на произвол озверевшей тетки. За доставку анонимок можно на трое суток в клетку угодить, а значит, и без любимой еды остаться. Но ведь номера, вышитого между крыльями на спине, никто не видел? Нет? Значит, и жалобу подать у жадины не выйдет! Ободренная этой мыслью обезьянка прыгнула с облюбованного насеста и полетела прочь, прислушиваясь, не зазвенит ли где-нибудь почтовый колокольчик.

Дьера Грэнна Ганн, спрятав свиток в карман траурного платья и поправив у зеркала свою широкополую шляпу, величаво спустилась на первый этаж и отправила восвояси двоих небогато одетых мужчин. Судя по письму, их услуги ей ночью уже не понадобятся. Да и сторожу кладбища платить не придется, что бесспорно приятно. Девчонка, как ни странно, сама справилась со своим воскрешением. И место, где прячется, указать не пожелала. Гордая? Или просто боится? Хм... похоже, подопечная Этьена не такая глупая, как казалась, раз хватается мозгов на страх! Ну ничего, ничего... пусть прячется. Если надо будет – найдется. А вопрос с храмом все же нужно решить до конца дня. Не хватало еще, чтобы служительницы Саймы явились с претензиями к безутешному опекуну этой недопокойницы. Он ведь тот еще псих! Заподозрит неладное, бросит с горя пить и... кинется искать девчонку. А кому это надо? Дьере Ганн такой расклад точно был не нужен. Она прекрасно знала, что деньги могут если не все, то многое. Потому договорилась о тайной аудиенции с главной жрицей храма, чтобы внести в казну Саймы положенную сумму выкупа за сбежавшую ведьму. Грэнна ведь обещала решить этот вопрос Джимджеммайле – юной тетушке ее очаровательных внушек. А слов на ветер эта женщина не бросала. Довольная тем, как осуществляется ее план, дьера вышла на массивное крыльцо, чтобы полной грудью вдохнуть чистый осенний воздух и счастливо улыбнуться.

Слуги при виде этого выражения на лице хозяйки постарались слиться со стенами. Именно так она улыбалась, когда ее четвертый муж, чью фамилию она сейчас носила, недобрал два голоса, чтобы попасть в городской совет. Именно так она улыбалась после поминок по нему же неделей позже. И очень похоже улыбалась, угощая домашней наливкой жену градоправителя полгода назад. Недавно овдовевшего градоправителя, которому так нужна теперь рядом «умная и понимающая женщина».

Тем же днем

Улица, где находился дом дьера Дорэ, была довольно тихой, но отнюдь не бедной. В основном там располагались частные дома зажиточных горожан, ну и немного контор, которые занимали нижние этажи и подвалы, в то время как наверху были жилые помещения хозяев. Но стоило немного пройти в направлении центра Готрэйма, пару раз свернуть, а потом пересечь небольшой каменный мост с высокими перилами – и картина спокойного района сменялась буйством красок, звуков и запахов.

Ряды длинных двухэтажных зданий тянулись по обеим сторонам торговых улиц. Внизу поблескивали золочеными переплетами сплошные витрины из цветного стекла, выше

находились квартиры, чьи окна также украшали пестрые витражи, над ними – мансарды с массивными подоконниками для почтовиков и закрепленными на стене ящиками для принесенных ими посланий. Разноцветная черепица покрывала многоскатные крыши, над которыми возвышались большие каменные трубы. Фонари и еще по-летнему пышная растительность со слабой примесью алого и рыжего в зеленых кронах отделяли проезжую часть улицы от тротуаров, по светло-желтым плитам которых сновали люди... много людей! Разных: от напыщенных модниц, спешащих за новым нарядом или шляпкой, до строго одетых дьер и дьеров, идущих по делам.

Были тут и простые фермеры, приехавшие в город из соседней деревни, и облаченные в форменные цвета студенты, сбежавшие пораньше с занятий, и циркачи, стремящиеся заработать своим искусством, и воры с бродягами, желавшие пополнить на халяву карманы. На таких улицах возможно было встретить кого угодно: от рядовых горожан до самых выдающихся обитателей Готтрэйма. Здесь всегда кипела жизнь и продавалось все, что душе угодно. А еще тут было просто приятно прогуливаться, глаза на пестрые витрины, оформленные в соответствии с ассортиментом лавок, и не спеша поглощая мороженое, купленное на лотках, украшенных яркими синими лентами с символикой кондитерской, где оно изготавливалось. Джемма раньше очень любила подобные места. Сейчас же она предпочла бы любоваться торговыми рядами из большого окна на чердаке ПБ. Оттуда было видно далеко не все, но мост и часть одной из бойких улочек вполне просматривались.

– Куда прешь, разиня? – рявкнул на ведьмочку крупный мужик в потрепанной серой куртке и прослужившей не один год мятой шляпе.

– П-простите! – пискнула в ответ она, с трудом удерживая обеими руками громоздкую корзину, которой только что задела ногу хмурого прохожего.

– У-у-у, поганка! – скривился мужчина, зло глядя на нее. Бледная курносая мордашка девушки с россыпью светлых веснушек и почти сливающимися с кожей бровями явно не прибавила симпатии. – Сапог поцарапала, дуреха белобрысая!

– Я... мм... – делая осторожный шаг назад, невнятно промычала виновница происшествия. Растерянно хлопая чуть рыжеватыми ресницами, обрамлявшими тускло-голубые глаза, она принялась озираться по сторонам, словно искала кого-то.

– Проблемы? – вмешался в диалог подошедший сзади гробовщик. Он был в безупречном черном костюме и начищенных до блеска ботинках. Смерив грубияна недобрый взглядом из-под полей низко надвинутой на лоб шляпы с серебряной пряжкой в виде креста, он небрежно перекинул из руки в руку трость с массивным набалдашником. Именно в таких безобидных с виду «палочках» большинство совершеннолетних горожан мужского пола предпочитало носить «жала» – длинные тонкие шпаги с гибким, но очень острым и прочным лезвием. Их создавали маги металла, которых обычно называли серыми из-за цвета дара.

– Никаких проблем! – Оценив исходящую от незнакомца тихую угрозу, вредный мужик поспешил убратся подальше вместе со своим пострадавшим сапогом.

– Ну и какая от тебя польза, Джемма? – вздохнул, поправляя отворот перчатки, дьер Дорэ. – Полчаса на рынке, а ты уже дважды потерялась, чуть не угодила под колеса проезжающего экипажа, схлопотала дверью по лбу, нарвалась на агрессивного бугая и... – Он угрожающе сдвинул брови и зловеще продолжил: – Оттоптала мне ногу!

– Ой, простите, дьер Эдгард! – отпрыгнув от него на шаг, выпалила девушка. – Я не специально! Просто вы очень быстро ходите и подкрадываетесь тихо. А тут еще эта корзина, улица шумная... Извините! Ботинки я вам потом почищу, честное волшебное! – заверила светловолосая ведьма, стиснув тонкими пальчиками ручку тяжелой корзины.

Мужчина прищурился, глядя на нее. Эта белая моль в обносках его бывшей служанки очень мало напоминала ту лиловую ведьмочку, что он обнаружил в гробу прошлой ночью.

У настоящей Джимджеммайлы Аттам были густые каштановые волосы до середины лопаток, миловидная мордашка с хитрыми зелеными глазами и чувственные сочно-розовые губы, цвет которых не истаял после того, как ведьма сняла с себя иллюзорный макияж, делавший ее похожей на свежего зомби. Девушку же, что стояла напротив, можно было смело назвать «пустым местом», настолько невзрачно она выглядела. Блондинка с мелкими чертами лица, самой примечательной из которых был чуть курносый нос. Тонкие белые косички ее падали на плоскую грудь, заметно уменьшившуюся в сравнении с оригиналом, а коричневое платье висело на плечах, как на вешалке. У истинной Джеммы фигурка хоть и была довольно хрупкой,

но приятные мужскому глазу округлости в нужных местах присутствовали. А у этой... м-да. Судя по результатам, которых девчонка умудрилась добиться за сорок пять отведенных на сборы минут, она была талантливой лиловой ведьмой, умело использовавшей и свой природный дар, и уроки преподавателей.

– А что не так с корзиной? – чуть морща лоб, поинтересовался гробовщик.

– Так это... – «Блондинка» потупила глазки и принялась ковырять носком лакированной туфли тротуар. – Тяжелая она.

– Тыфу ты! Связался на свою седую голову! – преувеличенно печально вздохнул владелец ПБ. Джемма невольно посмотрела на его черные как смоль кудри, на затылке доходящие до середины шеи, и недоверчиво хмыкнула. – Корзина ей тяжелая! – продолжал ворчать мужчина. – За покупками тебе ходить, раз захотела у меня работать. Так что привыкай, неженка! Надеюсь, память хорошая? – Он тростью указал на противоположную сторону улицы и продолжил: – Гвозди будешь брать только у дьера Джи.

– Угу! – послушно кивнула ведьма и поспешила вслед за двинувшимся дальше хозяином. Приноровиться к его широкому шагу ей никак не удавалось и приходилось время от времени бежать, чтобы не потерять из виду широкую спину, обтянутую черной тканью удлиненного пиджака. Пестро одетая толпа расступалась перед ним и, увы, тут же смыкалась, усложняя Джемме передвижение. А проклятая корзина немилосердно оттягивала руки, мешая получать удовольствие от прогулки. Раньше дьера Аттамс обожала походы за покупками. Но посещение торговых рядов в компании подружек сильно отличалось от нынешнего. Ведьмочка с тоской посмотрела на трех девчонок в остроконечных шляпах, полосатых чулках и изумрудных платьях с черными корсетами. Травницы с зеленого факультета местной школы ведьм. Наверняка младшекурсницы. Веселые, свободные... у них впереди беззаботные студенческие деньки, о которых Джемма теперь могла только вспоминать. Звякнув колокольчиком, закрылась дверь обувной лавки, куда зашла смешливая компания ведьмочек с зеленым даром, а новая помощница гробовщика перевела грустный взгляд на собственные ноги.

«Брр... грязно-коричневый! – Она аж плечами передернула от отвращения. Все оттенки коричневого относились к форменной одежде прислуги, а также к магам земли с даром того же цвета. – Унылый колер древесной коры... Безобразие, а не чулки! – мысленно возмутилась ведьма. – Да и туфли неразношенные натерли ноги. Эх... А это ужасное платье?

Неудивительно, что и торговцы, и покупатели смотрят на меня как на тень! Кому придет в голову обращать внимание на невзрачную служанку?»

С одной стороны, это было хорошо. Не зря же Джемма полчаса перед зеркалом над новым «лицом» трудилась. Хорошо получилось, да! Сколько б гробовщик ни хмыкал при виде ее измененной внешности, зеркало не обманешь. Никто из знакомых теперь не окликнет при встрече, да и тот, от кого она в бега подалась, не узнает. Хотя он как раз может... Особенно ее! Слава Марне, что район, где располагается похоронное бюро, находится на другой стороне их славного города. Пересечься с Этьеном Аттамсом здесь практически невозможно. Но до чего же все-таки обидно вот так сразу превратиться из симпатичной ведьмочки в унылое ничто! «Блондинка» тяжело вздохнула, поудобней перехватив корзину, и принялась выискивать в толпе пропавшего из виду хозяина.

«А эти лавки, куда так тянет дьера гробовщика?! – продолжала ворчать про себя девушка. – Гвозди, молотки, искусственные цветы, зелья подозрительные, инструменты странные... Нет чтобы в приличное место заглянуть! Например, сюда!» – Девушка застыла у витрины, жадно разглядывая свисающий с кресла ворох чулок. Разноцветные, разной плотности, однотонные, с рисунком... полосатые! Она невольно сглотнула, любуясь ими. Всем дьярам до замужества разрешалось носить юбки выше колен, и они просто обожали чулки. Джемма тоже не была исключением. Как обладательнице лилового дара, ей полагалось во время учебы и работы (да и в другое время тоже, если было на то желание) надевать полосатые чулки соответствующей расцветки. Девушки, не являвшиеся волшебницами, ходили в однотонных с узором или без. Замужние – в каких угодно, ибо из-под подола длиной до самых щиколоток мало что видно. Хотя по негласным правилам женщины, вступившие в брак в храме триумvirата, тоже придерживались чулочных традиций.

– Джемма! – донеслось до нее с другой стороны улицы.

Девушка бросила прощальный взгляд на витрину и рванула к хозяину. В попытке не наступить на чинно вышагивающую по тротуару кошку, она снова отдала кому-то ногу, извинилась и

побежала дальше. Лучше гнев прохожего, чем недовольство магически одаренного животного! Коты в Готрэйме и за его пределами по праву считались существами уникальными. Они обладали изворотливым умом, независимым характером и особым зрением, недоступным людям. Потому, наверное, именно кошки зачастую являлись компаньонами ведьм и колдунов. У Джеммы до ее фальшивых похорон тоже была кошка. Только взять четвероногую подругу с собой в гроб и обречь на последующие скитания девушка не рискнула. В доме дьера Аттамса о ней позаботятся куда лучше. Да что там... муж сестры превратит жизнь Вишенки в сказку и лично будет приносить ей свежих мышек на завтрак, обед и ужин. Ведь это не чья-то кошка, а ее, Майлы, как любил называть Этьен свою подопечную. Ведьмочка на секунду зажмурилась, вспомнив черты мужчины, от которого бежала с еще большим рвением, нежели от служения в храме богини-сестры. Если второе можно было решить с помощью откупа, то с первым все было куда сложнее.

Хватит! Ее теперь зовут не Майла и даже не Джимджеммайла, а просто Джемма! И фамилию она возьмет ту, которая была у нее до оформления опекуна. Только удостоверится, что дьер Ганн уладила вопрос с храмом, заработает немного денег и... закажет у мастера-артефактора новый медальон, удостоверяющий личность. К чему вообще надо было давать ей фамилию Аттамс? Глупость! Мало кто это делает, а он, став ее опекуном, зачем-то поступил именно так. И она, пребывая в трауре по сестре, легко согласилась с тем, что они теперь одна семья и фамилия у всех должна быть одинаковая. Но нет больше той Майлы... нет, и точка! На Южном кладбище она покойся в лиловом гробу. Вернее, там похоронена ее прошлая жизнь! Дьер Дорэ укоризненно покачал головой, когда ведьмочка наконец до него добралась, однако на сей раз промолчал, отомстив иначе. Небольшой сверток, опущенный им в корзину, сделал ее практически неподъемной. Девушка чуть не выронила свою ношу, но, кряхтя и пыхтя, словно древняя старушка, приготовилась стойко тащить отяжелевшее лукошко дальше.

– Что ж ты хилая-то такая? – насмешливо протянул гробовщик, наблюдая за ее стараниями. – Да и дар у тебя... бездарный! Лучше бы ко мне синяя или красная ведьма попала. Не знаешь, на этой неделе никого с факультета стихийников хоронить не собираются? А то вдруг повезет, и я в гробу более подходящую безработную недопокойницу найду.

Девушка угрюмо помотала головой и скорчила рожицу пожалостливее.

– Ладно, поставь корзину и жди меня здесь, немощь бледная. – С этими словами Эдгард исчез за непрозрачной дверью лавки.

Джемма тут же приободрилась и принялась с удовольствием осматриваться. Витрины, вывески, экипажи – ей нравилось все. Главное, на свое отражение случайно взглядом не наткнуться, а то сразу настроение портится. И парням не улыбаться по привычке – а то они на эту личину «белой поганки» только кривятся. И, как назло, симпатичные попадают. А вон тот рыжий, с зелеными глазами и длиннющими ресницами, так и вообще красавец! Дорогой костюм, ухоженные волосы, стянутые в короткий хвост, и манеры такие... аристократические. Явно мальчик не из бедных, возможно, даже сынок кого-то из местной знати. Эх, и где он был, когда Джемма еще сдавала выпускные экзамены в школе ведьм и делила с подружкой комнату в общежитии, не зная, что ждет ее после возвращения домой. Словно почувствовав пристальный взгляд, парень медленно обернулся.

«Ну вот, сейчас ка-а-а-ак скривится, будто что-то кислое съел, – уныло предположила девушка, но, вопреки ее ожиданиям, рыжеволосый чуть прищурился, скользя взглядом по фасаду за «блондинкой», по людям за ее спиной, и... остановился на Джемме. Нарочито медленно поправил рукой, затянутой в белую перчатку, отворот черного пиджака с какой-то изящной нашивкой, разглядеть которую ведьмочка со своего места не могла. А потом улыбнулся странной, загадочной улыбкой, превратившей его и без того красивое лицо в необыкновенно притягательное. Девушка даже дышать перестала, зачарованно глядя на незнакомца. А тот подмигнул ей и, махнув на прощанье, скрылся в арке.

– Перегрелась? – раздался за плечом голос гробовщика.

– А? – с трудом вырвавшись из плена приятных мыслей, произнесла ведьмочка.

– Чего улыбаешься, как пришибленная? Перегрелась, говорю? Ничего, в холодильной в себя придешь! – как-то слишком уж зловеще прошипел Эдгард и тоже улыбнулся, но, в отличие от рыжего красавчика, мрачно-предвещающе, словно задумал какую-то гадость.

«Неужели опять полы мыть заставит в надежде, что я воспользуюсь последним пунктом составленного ночью контракта и сама от него уйду? – загрустила Джемма. – А вот и нет, дьер

гробовщик! Работой ты меня не напугаешь, трупами тоже... разве что приставать начнешь, хотя и эту проблему можно решить, если будет желание». – Она смерила его оценивающим взглядом, но, заметив, как черная бровь мужчины вопросительно приподнялась, быстро переключилась на стоящую у ног корзину.

На вид дьеру Эдгарду было лет тридцать пять – сорок. Внешностью он обладал не отталкивающей, хоть и несколько мрачноватой из-за черной одежды и обычно угрюмого выражения лица. Будь сердце ведьмочки свободно, она бы наверняка заинтересовалась этим мужчиной, сейчас же ей не хотелось даже думать о возможности таких отношений. Наемница и работодатель – идеальный вариант! А если гробовщик все же попытается перейти границы дозволенного, что ж, она всегда сможет отправиться искать счастья на материк или... сдастся на милость победителя, который, в отличие от дьера Аттамса, копию покойной жены в ней не увидит! Последняя мысль причинила почти физическую боль и пробудила тоскливые воспоминания. Как он там... дурак упрямый? А как девочки?

– Домой пошли, бесполезная ты моя! – скомандовал гробовщик голосом далеким от того, который предпочитают воздыхатели в общении с будущими пассиями.

Легко подхватив корзину с покупками, он зашагал вниз по улице. Ведьмочка, опомнившись, бросилась следом. Она была счастлива, что не ей приходится тащить эту громадину. А еще потому, что недавние опасения беспочвенны, ибо дьера Дорэ куда больше интересуют гвозди да покойники, нежели ее женские прелести. А может, причина ее хорошего настроения крылась в многообещающей улыбке незнакомого юноши, напомнившего Джемме о беззаботных годах, когда все мысли ее вертелись вокруг учебы и вечеринок, устраиваемых женской и мужской школами магов и ведьм. Отчего-то в душе жила уверенность, что встреча с рыжим отнюдь не последняя, и это интриговало.

В доме дьера Дорэ

Эдгард, достав со стеллажа коробочку с особо стойким гримом, задумчиво повертел ее в руках, глядя на голубоватый оттенок испещренной морщинами кожи одной из усопших, которым следовало завтра утром выглядеть наилучшим образом. Ведь это будет последний парадный выход в их жизни. Две старушки-близняшки прожили долгую жизнь и, как часто бывает с единорожденными

[18]

, умерли в один день, дружно подавившись косточками из вишневого компота. Совпадение, конечно, навевало подозрения, но уверенные в воле судьбы потомки предпочли дорогому расследованию такие же недешевые похороны, тем самым сэкономя, ибо обряд погребения старым любительницам вишни проводить бы все равно пришлось. Будь бабушки моложе семидесяти пяти лет, причины их смерти выясняли бы городские власти, но... обе женщины разменяли уже девятый десяток, потому их случай мало интересовал горгон. А вот гробовщик, признаться, подумывал над тем, чтобы приглядеться к старушкам повнимательней. Причем не только снаружи, но и изнутри.

Вскрывать тела ему приходилось в трех случаях. Первый – в завещании покойного клиента содержалось его желание быть забальзамированным, чтобы покоиться в прозрачном гробу среди предков в фамильном склепе. Второй – в ПБ с таким невинным с виду названием «Последний цветок» являлись немногословные дьеры в черной форме с золотыми нашивками Городских Гончих и, передав Дорэ тело вместе с сопроводительными бумагами, так же молча покидали контору. Третьим пунктом, из-за которого гробовщик мог достать из тайника свой черный саквояж с набором идеально заточенных сверкающих инструментов, было его собственное любопытство. Как, например, сейчас... в присутствии двух бесповоротно мертвых дьер, которых якобы убила вишня. Однако на все требовалось время, а ему этих самых дьер еще нужно было загримировать, причесать, одеть и обложить цветами, за которые заплатили родственники. Невольно вспомнилась бледная личина нанятой ночью ведьмочки.

А может, не стоит ограничивать ее обязанности работой кухарки и прислуги? Ведь и дураку понятно, на что девчонка рассчитывала, набиваясь к нему в помощницы. Усопших она не боится, как показало испытание уборкой. Желудок тоже вроде у нее крепкий, во всяком случае, зеленела во время наведения чистоты в рабочих помещениях ведьма только поначалу, а потом, как говорится, даже во вкус вошла. Бормотала себе под нос какую-то песенку и трудилась на благо нового работодателя, упорно доказывая, что ей море крови по колено и горы трупов по плечо. Упорная девочка. Эдгард уважал таких.

Положив коробку с гримом на стол рядом с одной из умерших сестриц, мужчина покосился на вторую – ту, что возлежала на каталке чуть поодаль, затем на потолок с ярко горящими лампами, заправленными свежей порцией свели. Так уж получилось, что кухня в доме располагалась как раз над комнатой, где он сейчас находился. И, несмотря на толстые стены и перекрытия, очередной концерт колдующей над плитой ведьмочки был слышен даже здесь. Слава Марне, медведь Джемме на ухо не наступил: голос у нее был довольно приятный, да и ритм она ловила хорошо. Но привыкшему к тишине гробовщику ее песни в стенах похоронного бюро все равно казались несколько... неуместными.

– Позвать или не позвать? – спросил мужчина лежащую на столе покойницу. Та, естественно, промолчала. – Глядишь, будет и от лилового дара польза, – продолжал рассуждать он вслух. Хотя при таком раскладе девчонка вполне могла прописаться тут навечно, довольная возможностью практиковать полученные в школе ведьм знания на мертвецах. А он не хотел оставлять ее надолго. Он вообще не желал чужого присутствия в его личном храме смерти. Только он... и покойники. Идиллия! А тут бегают по лестницам живое существо в полосатых чулках, песни мурлычет, орудуя шваброй, спину от усердия надрыывает... Ну к чему ему это чудо лиловое в доме? Вот придет его соседка, почтенная Рива Бланш, с континента, куда отправилась ухаживать за захворавшим внуком, и все снова вернется на круги своя. Она будет приносить ему горячую еду дважды в день, раз в неделю наводить порядок в доме, не задавая лишних вопросов и не напевая ничего при этом, а он – щедро оплачивать ее услуги. А пока пожилая дъера в отъезде, выполнять ее обязанности вполне может и ведьмочка. Поэтому, наверное, он и не выставил Дjemu за дверь еще ночью. Решил, раз уж судьба послала ему этот подарочек в лиловом гробу, то пусть все идет своим чередом. Девушке, судя по сухому рассказу о сложных отношениях в семье, нужно было место для укрытия, ему – временная домработница. Так что, можно сказать, они нашли друг друга. А когда надобность в Джемме отпадет, Эдгард придумает, как выжить ненужную больше служанку со своей территории, не нарушая при этом рабочий контракт. У каждого есть слабые места, у девочки-выпускницы с лиловыми тараканами в голове тем более. Пока же пусть поет птичка. Эх... а хорошо все-таки поет!

Перестав изучать потолок, мужчина вернулся к ждущим своей очереди покойницам. Просить ведьмочку заняться их внешностью он не станет. Зачем давать ей ложную надежду. А вот зарядить прозрачную пыльцу из лаурита ее чарами, чтобы добавлять в грим, шампуни и кремы, купленные в лавке травников, – это да. Надо же извлекать пользу даже из такого дара, как иллюзии. Улыбка, гостившая на губах брюнета, из благодушной превратилась в мрачную. Лиловых ведьм дьер Дорэ не любил. Потому что чуть больше десяти лет назад именно из-за особы с таким цветом магии он перестал быть жнецом – собирателем душ и верным служителем Саймы. Но вопреки своей стойкой антипатии к носительницам лилово-черных чулок и остроконечных шляп, недопокойница с топором вызывала скорее легкое любопытство, нежели раздражение. Это ходячее недоразумение слишком сильно отличалось от той ведьмы, знакомство с которой разрушило привычный уклад жнеца, влюбленного в свою профессию. Деятельность гробовщика в мире живых была лишь жалким суррогатом его прошлой жизни. Прошлой... Эдгард вздохнул, присаживаясь на край стола рядом с растрепанной старухой. Он провел рукой по ее белым волосам, словно прикидывая, как лучше их уложить.

Дар, которым обладал дьер Дорэ, был дымчато-серым и... довольно редким. К магам металла гробовщик не имел никакого отношения. Серый цвет их силы больше походил на сталь, чары же магов душ, к которым относился Эдгард, имели бледный голубовато-серый оттенок.

Сложный, составной, штучный. Именно такие колдуны могли, доведя до совершенства свои магические способности, стать жнецами. Если, конечно, на них падал выбор Саймы. В обычной же жизни их талант был, мягко говоря, бесполезным, ибо влиял исключительно на призраков,

чьи неупокоенные души досаждали живым. Свель, заряженная подобными чарами, отлично отпугивала или, напротив, притягивала полупрозрачных приставал, но... не более того. Эдгард, решив для ночных развлечений со скальпелем оставить тело второй клиентки, уже успел привести в надлежащий вид первую, когда деревянный молоток на стене ударился о такую же деревянную тарелку, издав глухой «бом!». Прикрепленный к его рукоятке шнур змеился вверх по стене, исчезая в потолочном отверстии. «Бом! Бом!» – снова повторил этот своеобразный гонг. Кто-то у черного хода проявлял нетерпение, и хозяин ПБ прекрасно знал, кто именно. На смуглом лице мужчины сверкнула хищная улыбка, в глазах зажегся огонек нетерпения. Гробовщик быстро убрал обратно на стеллаж рабочие материалы и инструменты, после чего отправился встречать незваных, но всегда желанных гостей. Дверью, выходящей во внутренний двор, пользовались только он сам, горгоны, с ними у дъера Дорэ было несколько лет назад заключено официальное соглашение о сотрудничестве, и та самая приходящая домработница, которой сейчас не было в городе. Именно сквозь ее дом проходила единственная ведущая на улицу арка, закрытая глухими воротами, отпиравшимися только специальной печатью.

С соседкой Эдгарду необыкновенно повезло. Женщиной она была немногословной и нелюбопытной. Ее совершенно не волновало, что именно и кто проносит в общий для двух домов дворик, пока дьер гробовщик любезно позволяет ей и на его половине земли разводить обожаемые старушкой каракусы [19]

. К тому же не узнать форму Городских Гончих дъера Бланш не могла, даже невзирая на слабое зрение. А связываться с законниками – себе дороже! Да и сосед заработком дополнительным обеспечивал. Чем не безоблачная старость? А что покойников у него полон дом, так это же ерунда! У сестры вон через улицу лавка мясника под боком и веселый дом [20]

. Вонь от протухшей крови и полчища мух ей досаждают круглосуточно, да еще и визги-вздохи до самого утра спать не дают – и это все в приличном-то квартале!

В то же время на кухне

Ведьмочка всю колдовала над плитой. Именно колдовала! Потому что иначе назвать этот процесс язык не поворачивался. К готовке Джемма всегда относилась творчески. Конечно, если изо дня в день варить кашу строго по рецепту, впору взвыть от скуки, но можно ведь и иначе. Покружиться вокруг стола, выстукивая на пустой сковородке незатейливый мотив. Зажмурившись, наугад схватить с полки баночку со специями и сыпануть от души в кастрюлю, а потом еще из парочки пузырьков добавить... и вот эту загадочную травку обязательно. Трижды провальсировать туда-сюда вдоль плиты со скалкой в качестве кавалера. Пяткой захлопнуть открывшуюся от этих плясок дверцу духовки. Скорчить рожицу своему отражению на гладком боку начищенного до блеска чайника. Пожонглировать ложками (ножами не стоит!). Да мало ли развлечений на кухне? А если все это еще и песенкой сопроводить... Мм... Красота! А получится не слишком съедобное блюдо, так всегда можно чуть-чуть вкусовой иллюзией подправить. Хоть это и не ее специализация была в школе ведьм, но основы этого предмета Джемма знала.

Впрочем, прибегать к настоящим чарам в вопросах кулинарии девушке приходилось крайне редко. Обычно еда выходила из-под ее умелых рук невероятно вкусная, а еще зачастую совершенно уникальная, ибо повторить свое творение ведьмочка просто не могла. Вот и сейчас загадочное варево из того, что купили на рынке, и продуктов, что нашлись на кухне, аппетитно булькало на слабом огне. И пахло это нечто тоже ну о-о-очень соблазнительно. Как там говорят? Путь к сердцу мужчины лежит через желудок? Что ж... надо проверить! А то прежде

Джемме приходилось баловать своей готовкой только подруг-ведьм в общежитии, в доме же Аттамсов полноправной королевой кухни была экономка дьера Валия.

Приоткрыв ведущую в небольшой коридорчик дверь, девушка так и застыла с половником в руке. Прямо перед ее глазами оказалась широкая мужская спина в черной кожаной куртке с вытисненным посередине гербом Готрэйма. А повязанный на голову косырь

[21]

и тройная нашивка на рукаве отменяли всякие сомнения насчет должности незнакомца – нэрл!

[22]

В дом пожаловали горгоны! Неужели бабушка не оплатила откупные храму Саймы и они пришли за ней? Или за хозяином? Ведьмочка сглотнула, отступая назад. Мысленно возблагодарив сразу весь триумvirат за нескрипучие петли, оставленные под столом туфли и удачную позу визитера, Джемма тихонько прикрыла дверь, оставив лишь небольшую щелочку для наблюдения. А посмотреть было на что.

Нэрл повернулся боком, открывая девушке обзор, и отрывисто скомандовал: «Заносите!» Два молоденьких нэрлиса, чье низкое звание наглядно демонстрировали лишенные нашивок рукава, прошагали по коридору с носилками, накрытыми простыней. Под тонкой белой тканью легко угадывалось человеческое тело. Начальник отправился за ними, и вся скорбная процессия скрылась за дверями хозяйского кабинета.

«Так, значит, суп ему из человечины! Ну-ну», – вспомнила ночные торги Джемма и довольно улыбнулась. Канибализм и сотрудничество со стражами порядка никак не вязались между собой в понимании девушки. А вот догадка о том, что дьер Дорэ мастер вскрытия, на глазах обретала все больше интересных подтверждений. Немного подумав, ведьма аккуратно положила половник в мойку и на цыпочках прокралась к кабинету гробовщика вслед за горгонами.

– Что известно о клиенте? – донесся до нее заинтересованный голос Эдгарда. Через узенькую щель осторожно приоткрытой двери ей, увы, была видна только одна стена помещения.

– Вот сопроводительные бумаги. Имя, возраст, привычки – все как обычно, – глухим басом ответил нэрл. – Пока основная версия следствия – объект принял что-то из запрещенных зелий и под воздействием болезненных видений покончил с собой. Но вам ли не знать, дьер Дорэ, как это бывает? Ему двадцать пять, и он уже мертв. Семья в ужасе – без расследования никак. Мамаша бьется в истерике, папаша жаждет крови, тетка строчит жалобы в столицу. – Гость тяжело вздохнул.

– Все как всегда! – без толики сочувствия отозвался владелец ПБ и подошел к стене, находившейся в поле зрения Джеммы. Он отодвинул ширму и надавил ладонью на небольшой рычаг, скрывавшийся за ней. Часть стены чуть выдвинулась вперед и практически бесшумно поползла вбок, обнажая глубокую продолговатую нишу, полностью занятую узким столом на тонких ножках. – Кладите! – скомандовал гробовщик.

Нэрлисы осторожно водрузили носилки на указанное место и отошли. Эдгард, потянув на себя, вытащил утопленное в глубине ниши колесо и принялся медленно его проворачивать. Стол вместе с носилками в сопровождении противного скрежета и скрипа невидимых веревок начал плавно опускаться и вскоре совсем исчез из виду.

– К утру определите точную причину и время смерти, дьер Дорэ? – поинтересовался невидимый ведьмочке горгон.

– Узнаю все, что сможет рассказать мне тело, – уклончиво ответил мастер вскрытия, умолчав о том, что при желании может допросить и душу, если она еще не отправлена одним из жнецов за белый полог Саймы

[23]

Осторожно закрыв дверь, ведьмочка поспешила обратно на кухню. Любопытство – это хорошо, вкусный суп – и вовсе замечательно, но попадаться на подслушивании в первый же день работы

точно не стоило! Нужно было немного подождать, придумать повод поправдоподобней и... навестить хозяина вместе с его мертвым клиентом в отсутствие горгон.

Спустя полчаса, пронаблюдав в окно кухни, как облаченные в черную форму люди покидают двор, Джемма зачерпнула в половник наваристой жижи и, осторожно ступая, спустилась в подвал, чтобы предложить дьеру Дорэ снять пробу с его позднего ужина. А еще через пять минут половник с мерзким звоном ударился о каменный пол, расплескав ароматное содержимое, – на столе гробовщика лежал тот самый рыжеволосый парень, который улыбался ей днем на улице.

– Тоже узнала? – криво улыбнулся гробовщик и, получив в ответ нервный кивок, вздохнул. – Неси тряпку, горе лиловое. Убереешь с пола суп, а потом проконсультируешь меня по долгосрочности и надежности ваших внешних иллюзий.

– Зачем? – В хриплом голосе Джемма с трудом узнала свой.

– Затем, моя недогадливая, что конкретно этот рыжий мертв уже как минимум сутки. И если у него нет брата-близнеца, сегодня на рынке тебе мило скалился не кто иной, как твой коллега по цеху. Ну или кто-то, кого вы, лиловые, замаскировали под этого беднягу.

Глава 3

В квартале Поющих Фонтанов

Город мерцал в ночи лентами уличных фонарей. Час был поздний, вокруг царил тишина, ведь устраивать среди недели приемы считалось признаком дурного тона, которого за благопристойными обитателями этой части Готрэйма не водилось. Лишь одно окно нарушало общую картину сонной безмятежности. В угловой комнате на втором этаже не спал мужчина. Он сидел на голой, лишенной даже матраса кровати, понуро опустив голову с растрепанными пепельно-русыми волосами. Мятая рубашка его была полурасстегнута, под глазами залегли темные круги, а губы чуть кривились в скорбной улыбке. Напротив, как свидетельство его недавней ярости, валялся разломанный стул. Дьер Аттамс окинул помещение тяжелым взглядом и стиснул зубы. Повод для злости был, и еще какой! Пока он заливал горе алкоголем, эта старая ведьма (нехорошо так о собственной матери, но против правды не попрешь) похозяйничала в комнате Майлы. И ладно бы просто выбросила, раздала, продала вещи подопечной сына – нашел бы, вернул, выкупил. Эта молодящаяся помесь змеи и пираньи, знающая все лучше всех, их сожгла!

Глаза мужчины, мутные из-за не до конца выветрившегося хмеля, ненавидяще воззрились на опустевший туалетный столик у окна. Еще вчера на нем стояли резные флакончики и незакрытая шкатулка в виде черепа, белел островок рассыпанной пудры и валялась кверху зубьями щетка для волос – обычный девичий беспорядок. Казалось, что хозяйка вышла на минутку и вот-вот вернется. А теперь о хозяйке спальни напоминали только бежевые обои с ненавязчивым сиреневым орнаментом и мебель. Ни одежды, ни книг, ни милых тряпичных мышек с растопыренными крыльями, что висели на занавесках... Да что там мышки! Эта старая карга даже сами шторы уничтожила! Хотя бы подумала, что он об этом запустении малышам говорить будет, когда их привезут из загородного поместья. Уехала любимая тетюшка учиться, попрощаться не успела – это одно. А исчезла вместе со всеми вещами – совсем другое. Они ведь не маленькие уже, в шесть лет дети все понимают. Всплывшие в памяти образы дочерей чуть притупили злость. Но взгляд на разоренную комнату, из которой он был готов сделать музей своей умершей подопечной, вернул былую ярость. А все это... и слова-то не подобрать! Когда уже она перестанет вмешиваться в его жизнь? На том свете? Может, устроить? Да нет, конечно нет, мать все-таки.

Этьен поднялся на ноги и, чуть покачнувшись, подошел к плотно закрытому окну. Темные стекла витража отразили его осунувшееся лицо с запавшими щеками, «украшенными» трехдневной щетиной. Или уже не трехдневной, а недельной? Ведь он не брился с того

злополучного вечера, как узнал о болезни Майлы. А потом начался самый страшный кошмар в его жизни. Перед внутренним взором, как живое, стояло бледное личико обессиленной девушки с расцветающими на нем уродливыми язвами, ее слабая улыбка и подернутые мутной пеленой глаза. Обычно ярко-зеленые, а тогда будто выцветшие, белесые. Он готов был заплатить любые деньги, купить любые лекарства, лишь бы она выжила. Его не пугали ранки на девичьей коже... его ничто не пугало, кроме ее смерти. А она не заставила себя долго ждать. Незримый жнец явился за той, кто была ему дороже всех. Заключение о кончине ведьмочки подписал один из самых уважаемых лекарей Готтрэйма. После получения проклятой бумажки обычно спокойный и собранный Этьен ушел в свой первый в жизни запой.

В этом неопытном типе сейчас было трудно узнать всегда подтянутого и энергичного мужчину, владельца сети оружейных лавок и мастерских под вывеской «Аттамс». Он был человек-камень – негиббемый, целеустремленный, жесткий. Пронзительного взгляда его очень светлых серых глаз опасались даже самые смелые, словно он видел их насквозь. Всегда идеально одетый, аккуратно причесанный и гладко выбритый – этот мужчина умел произвести впечатление как на своих клиентов, так и на женщин. Заходившие к Майле подружки вздыхали украдкой по отлично сложенной фигуре, мужественному лицу и располагающей улыбке дьера оружейника. Он был способен расположить к себе всех, кого хотел, кроме той, которая была ему действительно нужна.

Идиот! Следовало заплатить за ведьмочку откупные храму и не трепать ей нервы шантажом, быть может, тогда она не заболела бы и... не умерла. Чувство вины и боль рвали сердце. В глазах зашипало, и, на мгновение зажмурившись, Этьен часто заморгал, а потом нахмурился и со всей силы впечатал кулак в стену у окна. Разбитые костяшки заныли, отрезвляя разум. Для дочерей он был лучшим в мире папой, для матери – великовозрастным упрямым болваном, нуждающимся в ее «чутком руководстве», для Джимджеммайлы... покровителем и другом, готовым поддержать в любой ситуации. Лучше бы так все и оставалось. Но прошлого не изменить. Кем дьер Аттамс не был ни для кого и никогда, так это жалким подобием человека, на которое он больше всего походил сейчас. Хватит пить! Пора взять себя в руки. И в первую очередь поставить на место вездесущую дьеру Ганн.

Откинув со лба прядь спутанных волос, оружейник резко развернулся и решительно направился к двери, но на пороге зачем-то оглянулся. Взгляд привлек комок, темнеющий под кроватью. Вернувшись, мужчина подобрал его, да так и замер посреди комнаты, держа в руках находку.

Чуллок! Простой полосатый чулок. Всего один, но такой... бесценный. Спрятав последнее, что осталось от Майлы, в нагрудный карман, поближе к сердцу, Этьен вышел из комнаты ведьмочки. Пройдя по широкому коридору, заглянул в пустую детскую, потом спустился на кухню, где очень удачно обнаружили свежий хлеб и кусок холодного мяса. Наскоро сделал себе пару больших бутербродов, мужчина отправился в кабинет, к накопившимся пустым бутылкам и бумагам: первые следовало выкинуть, вторые – разобрать. Дверь тихонько скрипнула, пропуская хозяина. Очутившись в полумраке хорошо знакомого помещения, он, не зажигая люстру, прошел к удобному кожаному креслу и сел. Затем достал из ящика массивного стола коробку с желтой свелью, сыпанул горсть пылцы в прозрачный плафон настольной лампы. Вспыхнувший свет озарил рабочее место дьера оружейника, а заодно и добавил четкости интерьеру. В углу за диваном мужчине померещилась чья-то тень, стремительно метнувшаяся к окну. Чуть колыхнулась портьера, демонстрируя приоткрытую створку.

«Сквозняк!» – решил Этьен, застегивая верхние пуговицы рубашки. Светло-серой, как и его заметно прояснившиеся глаза. Серой, как и большая часть вещей в гардеробе одного из самых искусных магов металла в Готтрэйме. Хозяин дома сгреб в принесенный с кухни мешок пустые бутылки, сложил в аккуратную стопку раскиданные по столу бумаги и... замер. Серебряное ожерелье с заключенными в оправу кусочками зеркал, которое он сделал своими руками и подарил Майле на выпускной в школе ведьм, пропало. Последние дни он сидел тут, пил и бессмысленно крутил его в руках, думая о ней. Потом оставил среди бумажного хлама и ушел в ее комнату. И теперь на месте исчезнувшего украшения красовалась лужица пролитого вина, а рядом с ней отчетливо виднелись следы лапок проворного похитителя.

Дьер Аттамс прищурился, побарабанил пальцами по столу и вместо запланированной работы с документами... отправился бриться.

Два часа спустя в другом районе города

В кладовке оказалась целая куча полезного хлама. Благодаря прежним хозяевам похоронного бюро к ночи комнатка под крышей приобрела странноватый, изрядно потрепанный, но вполне жилой вид. В углу, за выдвинутым в качестве ширмы стеллажом разместился старенький матрас в компании с пестрым лоскутным одеялом и валиком с дивана. Окошко обзавелось «веселенькой» занавеской из погрызенного мышами черного бархата, стол – скрипучим стулом с подозрительной дырой в высокой спинке, прозрачным фужером, сияющим внутри благодаря крупным свели, а главное, симпатичным зеркалом на кованой ножке. Для лиловых магов зеркала имели особое значение и служили им талисманом удачи. Да и для работы отражающие поверхности были просто необходимы, ведь на ощупь сам себе новое лицо не сделаешь. Перед закованным в серебряную раму другом каждой девушки (а порой и злейшим врагом – в зависимости от внешности) Джемма сидела уже часа два, примеряя одну за другой все новые маски. После разговора с дьером гробовщиком о лежавшем в подвале мертвеце ведьмочка никак не могла уснуть, хотя мышцы и ныли от усталости. А может, она просто выспалась впрок в гробу под действием запрещенного зелья, которое сумела раздобыть ее всемогущая родственница, желая помочь то ли ведьмочке избавиться от ухаживаний своего сына, то ли сыну выкинуть из головы бесприданницу-подопечную. Или эта бессонница – результат нервной встряски? Точной причины девушка не знала. Да и не очень-то она ее волновала. Думать об опекуне Джемма себе запрещала, потому что сердце начинало болезненно сжиматься, и вовсе не от ненависти. Мысли же о Грэнне Ганн то и дело скатывались к теме откупных храму Саймы, и от этого тоже ныло в груди, правда, теперь причиной являлись ожидание и страх. Хоть пожилая дьера прежде не нарушала данного ею слова, но кто знает... ведь все когда-то случается впервые.

И почему на нее не пал жребий богини-матери Марны, покровительницы всех магов? Ну или хотя бы бога-отца Жилия. Ведь после работы в их храмах жрецы не отбирали дар у своих бывших служек. У Саймы же были иные правила. Поэтому идти в послушницы к богине смерти ведьма совершенно не желала. Это означало полный крах ее мечты. Каждый год в храм богини-сестры уводили несколько колдуний, выбирая их наугад из общего списка одаренных девушек в возрасте от восемнадцати до двадцати двух, проживающих в Готрэйме и близлежащих деревнях. Эти несчастные проходили обряд посвящения, который лишал их магических способностей в пользу «прожорливого» до чужих чар алтаря смерти, а заодно отнимал и память, превращая в послушных кукол, призванных ближайшие десять лет служить верой и правдой Сайме.

По окончании этого срока избранницам давали выбор: вернуться к мирской жизни или остаться в рядах храмовников. Первым возвращали память, но не дар. Да только куда с этой памятью идти, когда молодость и магия безвозвратно потеряны? Разве что сесть на шею родственникам или попробовать выучиться какому-нибудь ремеслу, но удовольствия от подобных перспектив было немного. Джемме нравилось колдовать, она обожала свой лиловый дар, полностью раскрывшийся лишь недавно, после ее совершеннолетия, и мечтала довести до идеала свои умения, чтобы рисовать не только кратковременные лики, но и постоянные – те, которые срастаются с телом, изменяя его, и становятся настоящей внешностью, а не маской.

Девушка всегда думала, что ей несказанно повезло родиться лиловой ведьмой. Она прекрасно относилась к зеленым магам, серым, красным, золотым и прочим, но свой цвет любила больше других. Пожалуй, лучше лилового, по ее мнению, был только редчайший изменчивый

[24]

, позволявший носителю сочетать в себе магические способности разных оттенков.

– А если так? – пробормотала сидящая у зеркала ведьмочка.

Указательный пальчик прочертил дугу, почти касаясь лица. Бровь под воздействием исходящей от него лиловой дымки послушно изогнулась, принимая заданную форму. Палец выписывал линии, круги и восьмерки, переплавляя исходные черты. Уголок глаза опустился, веко

потяжелело, ресницы поредели, на щеке образовалась ямочка, нижняя губа надулась, став заметно толще верхней. Джемма с интересом следила за метаморфозами, которые отражало зеркало с треснувшим верхним уголком, но результаты опять были не те. Оставшаяся неизменной правая половина лица все равно выглядела куда живей и симпатичней наколдованной.

Дар лилового мага требовал практики и исключительного чувства меры. Вот стихийники, к примеру, ценились в зависимости от силы, ведь чем ее больше, тем мощнее воздействие, а значит, и заряженного лаурита маг может много произвести за сутки. Для иллюзий же гораздо важнее была точность. Неловкое движение – и вместо миндалевидного разреза глаз на лице клиента нарисуются косоглазие, лишняя капля магии – и брови уползут к вискам, а ресницы вымахают так, что и веки не поднимешь. А если с вложенной силой переусердствовать всерьез, на что, впрочем, были способны далеко не все лиловые чародеи, то прежнюю внешность и вовсе не вернешь. Однако некоторым такие длительные маски, плавно переходящие в постоянные, очень даже требовались. Они ведь не только меняли облик, но и убирали морщины, надолго сохраняя молодость. И хотя годы брали свое даже при наличии стойкой иллюзии, процесс старения заметно замедлялся. Но природа не терпела вмешательств, а потому мстила людям, которые подвергали себя подобным процедурам, тем, что лишала их детей возможности повторить черты измененного родителя. Ни прежние, ни нынешние. Маска – она и есть маска, по наследству не передается.

Проще всего ведьмочке удавалось копирование. Именно так она и поступила днем, воскресив в памяти образ Зары – ее бывшей одноклассницы, пять лет назад переехавшей с семьей на материк. Блондинка была очень неприметной и именно этим запомнилась Джемме. Повторить внешность приятельницы было легко, сложнее – «нарисовать» абсолютно новый лик, и очень трудно сделать лицо, которое будет выглядеть настоящим. Для этого кроме магии требовался еще и опыт. У Джеммы маски пока получались не очень естественные. Слишком красивые, чересчур правильные... сказывался недостаток практики.

В устах лектора – дьеры Крю – все звучало так просто.

«Помните, девочки! – постоянно повторяла она. – Люди несовершенны! Один глаз чуть-чуть больше другого, слегка кривоватые зубы, след от прыщика на щеке – и ваша маска будет живее всех живых!»

Легко сказать, угу... А на деле получаются или идеальные куклы, или уродливые монстры!

Придется пока ходить с позаимствованной внешностью блеклой блондинки. И тренироваться, тренироваться, тренироваться... чтобы рано или поздно стать настоящим мастером своего дела и, быть может, получить после решающего экзамена перстень аза. Такой же, как был у Клариссы. Джемма печально вздохнула, вспомнив покойную сестру, ее дочек и Этьена, затем решительно встряхнула волосами, отгоняя грустные мысли, вытащила спрятанную под столом остроконечную шляпу, которую так и не отважилась выбросить, и водрузила ее на голову. Пару минут она любовалась своим отражением и... вернув лицу исходный вид, снова начала создавать иллюзию. Практиковаться в похоронном бюро дьера Дорэ ведьмочка надеялась на покойниках, но, судя по всему, придется делать это на себе, ибо гробовщика куда больше интересуют развитие ее кулинарных способностей и физические упражнения со шваброй, нежели таланты лилового мага.

Через час

В тишине чердачной комнаты раздался противный скрежещущий звук. Джемма замерла, прислушиваясь. Что это? Нечисть какая-то? А может, противный рыжий почтовик?

«Пш-ш-ш!» – за скрежетом последовало шипение.

Ведьма встала из-за стола и огляделась: занавеска, диван, стеллаж, матрас, камин, а в нем...

– А-а-а! Змея! – заорала девушка, запрыгивая на стол. В глубине почерневшего от сажи очага действительно шевелилось что-то узкое и длинное. Это что-то мерно раскачивалось, спускаясь из дымохода. Точно змея! Здоровая! Полосатая! Э-э-э... Полосатая?

«Змея» плавно опустилась в камин, а вслед за ней из трубы вывалился чихающий черный комок.

– Ви?! – недоверчиво воскликнула Джемма и, спрыгнув на пол, рванула к очагу. – Ви! Моя милая, хорошая, маленькая Ви! – счастливо приговаривала она, тиская чумазую кошку, сжимавшую в зубах чулок хозяйки. – Вишенка! Нашла, моя хорошая! Не забыла, не оставила... Дверь хлопнула, открываясь с ноги.

– Что здесь происходит? – грозно спросил с порога дьер гробовщик, поудобней перехватив свою трость. – Грабители? Храмовники? Род... – Он запнулся, уставившись на перепачканную сажей ведьму, стоящую напротив камина с черным комком в руках.

– Мяу! – раздалось в повисшей тишине.

– Ну конечно... – протянул мужчина, расслабляясь. – Ведьма есть, колпак есть, только черного блохастого клубка шерсти и не хватало!

Джемма хотела тоже жалобно мяукнуть, но промолчала, только стянула с головы шляпу и спрятала ее за спину. Эдгард перевел взгляд с вырывающегося зверька на искаженное чарами девичье лицо и задумчиво прищурился.

– Ну-ка, дай сюда! – протянув руку к животному, сказал он. – Кот или кошка?

Вишенка в мужских ладонях затихла, поджала хвостик, скрестила передние лапки. Ушки медленно опустились, в больших зеленых глазах, почти таких же ярких, как и у ее хозяйки, отражалась трогательная беспомощность, и даже маленькие острые рожки будто бы втянулись в пушистую шерстку.

– Кошка, – сам себе ответил дьер Дорэ. – Хитрая маленькая киса, – добавил чуть мягче, вертя в руках излучаемый объект. Та, прикинувшись плюшевой игрушкой, продолжала стойко молчать. – Еще и бракованная! – заявил мужчина, задержав взгляд на чуть более светлом пятне вокруг левого кошачьего глаза. По-настоящему ценными представителями рогатых кошачьих считались только однотонные особи, примесь же других цветов в окрасе свидетельствовала об ослаблении магического зрения животного.

– Вишня не бракованная! – возмутилась ведьмочка, пытаясь отобрать у хозяина свое четвероногое сокровище.

– Как-как? – Гробовщик посмотрел на девушку, потом на кошку и рассмеялся. – Вишня? Эту шерстяную варежку зовут Вишней? М-да-а-а, – протянул он. – Ну и привалило мне счастье в гробу. Лиловая ведьма с именем, похожим на сладкий джем, и ее кошка-ягодка. Нарочно не придумаешь!

– Я...

– Вымыть! – распорядился Эдгард, возвращая животное хозяйке и брезгливо отряхивая вымазанные сажей ладони. – Чтобы у себя в кабинете, спальне и на рабочей территории я это мелкое чудовище не видел! – проговорил он тоном, не терпящим возражений. Потом развернулся и направился к двери, но на пороге чуть помедлил, сказав: – Ах да, ведьма! Через полчаса жду тебя в кабинете. Дело есть по твоей специальности.

«Неужели опять будет выпрашивать про иллюзии и утверждать, что тот рыжий парень на рынке – лиловый маг? – с грустью подумала девушка, глядя на захлопнувшуюся дверь. – Или ему после вскрытия трупа требуется уборка?»

Вздохнув, она посмотрела на прижатую к груди кошку и улыбнулась.

– Ничего, Вишенка, уж вдвоем-то мы этого непробиваемого дьера как-нибудь да заставим признать наши таланты. Да?

Ви согласно мяукнула, мигнув тем самым глазом, что был в обрамлении темно-бордового, словно переспелая вишня, пятна, более светлого, чем остальной угольно-черный мех.

– А что это ты принесла? Из моей комнаты утащила? – начала щебетать ведьмочка. – Как там Этьен? Он в порядке? А как... – Джемма замолчала, держа в руке грязный чулок, внутри которого мерно поблескивало ее ожерелье. То самое, что подарил ей опекун несколько месяцев назад. То, которое она так хотела забрать с собой в гроб, но дьера Ганн запретила. И вот оно здесь, с ней... благодаря Вишенке. – Спасибо! – В порыве чувств девушка крепко обняла кошку, чмокнула ее в нервно дернувшееся ухо и, лишь услышав сдавленный писк четвероногой любимицы, нехотя отпустила.

Еще через пару часов

В Готрэйме уже светало, а в стенах похоронного бюро «Последний цветок» все еще горел свет. Джемма приладила к траурному венку последнюю ленточку с надписью «От скорбящих правнуков» и отошла на пару шагов, любуясь проделанной работой. Несмотря на навалившуюся усталость, ведьмочка была счастлива. Прошло чуть больше суток с момента преждевременного пробуждения, не предусмотренного планом, а у нее уже есть крыша над головой, бесплатное питание и возможность на практике применять свои магические способности. Жаль только, что денег нет. Небольшой мешочек с десятком золотых трэймов

[25]

, зашитый в подушечку, что лежала в ее лиловом гробу, бесследно исчез – наверняка, пока она спала «мертвым» сном, кто-то особо ушлый в лечебнице его заметил и вытащил. Деньги, конечно, дело наживное, но сейчас ведьме даже чулки было не на что купить.

Девушка покосилась на заштопанную наспех прореху на черно-лиловой коленке и тяжело вздохнула. Ничего! Лиха беда начало! Если подумать, то у нее есть все шансы на достойную оплату труда в недалеком будущем. Это с виду дьер гробовщик такой суровый, а в действительности человек хороший. Вишенку вон позволил оставить! Сокровище, а не работодатель! А что запретил кошке по дому бродить – так это конечно же временно. Джемме он тоже сперва сказал, что ее место – кухня, а дело – тряпка да кастрюля. И где сейчас тряпка, а где ведьма? Правильно – в рабочем зале ПБ. И не полы намывает, а профессионально растет! Ведьмочка улыбнулась, потянулась, разминая затекшую спину, и покосилась на стойку с лентами, за которой на стене располагался рычаг подъемника. Посмотреть, что ли, как он работает? Нет, лучше дьера Дорэ не сердить понапрасну излишней инициативой. Во всяком случае, пока он дома. С этими мыслями девушка вышла из зала и направилась к лестнице. Но вопреки намерению подняться в свою комнатку, чтобы потеснить оккупировавшую матрас Ви, Джемма зачем-то пошла в подвал. Любопытство у них с кошкой было общей чертой, и, как надеялась ведьма, отнюдь не той, которая их погубит.

«Я только одним глазком взгляну, и все, – убеждала себя девушка, бесшумно спускаясь по деревянным ступеням. Туфли она по привычке сняла и теперь несла их в руках, намереваясь надеть внизу, чтоб ноги не сильно мерзли на холодных плитах каменного пола. – Ведь отчет о выполненном поручении – это достойный повод для позднего... вернее, раннего визита к хозяину, правда?»

Зеленоватый свет ламп в подвальных помещениях уже не пугал, а воспринимался неотъемлемой частью интерьера, который радовал чистотой, – можно было по праву гордиться проделанной за день работой. Ведьма уверенно шагала к приоткрытой двери, за которой несколько часов назад остался гробовщик в компании рыжеволосого трупа, и не боялась наступить в какую-нибудь подозрительную лужу.

– Повторяю: это твоя проблема! – долетел до слуха девушки голос хозяина. – Ты парень сообразительный, справишься!

Хм... это он так заработался, что с покойником беседует? Или слегка тронулся от одиночества в своей мрачной конторе? Если первое, то чашка травяного отвара, бутерброд и сон решат вопрос. А если второе – то она, Джемма, очень вовремя появилась в местном царстве скорби и уныния. Осталось только донести эту свежую мысль до дьера Дорэ, и можно смело требовать повышения жалованья! Ну или для начала хотя бы появления этого самого жалованья в виде небольшого аванса.

Ведьмочка хотела постучать, но потом передумала, надеясь увидеть незабываемую картину «беседа мастера вскрытия с подопытным» во всей красе. Однако мечтам ее не суждено было сбыться: толкнув не запертую на засов дверь, она узрела отполированную до блеска поверхность, излучающую слабое мерцание. Взгляд девушки скользнул выше по забранной в белый металл шее, по гладкой коже подбородка, бледным губам и наконец добрался до лазурных глаз, обрамленных белоснежными ресницами. Джемма растерянно моргнула – и незнакомец тут же исчез.

Девушка шарахнулась назад в коридор и прижалась к стене. Эдгард, отложив тетрадь, в которую что-то записывал, устало потер переносицу и повернулся к ведьме.

– Ну что еще тебе надо, дьера Мне-не-сидится-на-месте?

– Я это... закончила оформление гробов к утренней церемонии, – осипшим голосом проговорила она и невольно уставилась на блеснувший на пальце гробовщика перстень аза. Он по-прежнему был прозрачным, скрывая цвет магии, которой владел мужчина. Но ведьма не сомневалась больше в специфике его дара.

– Так иди спать, пока есть возможность! Дрыхнуть до обеда не дам! – распорядился хозяин, возвращаясь к своим записям. Поспать в это время он планировал сам, ее же хотел оставить принимать заказы.

– Дьер Эдгард, а вы... – Джемма помедлила, но все же рискнула продолжить: – Вы ведь маг душ? Да?

Он поднял на нее вопросительный взгляд, чуть нахмурившись.

– Ну-у-у, – продолжала бормотать ведьма, – вот это вот странное, белое, с которым вы недавно разговаривали, это же душа?

– Белое? – вновь отложив тетрадь и развернувшись всем корпусом в сторону девушки, с неожиданным любопытством уточнил гробовщик.

– Это? – в унисон с ним возмутился незнакомый мужской голос.

– Мама! – пискнула Джемма, прижав к груди туфли. – Оно разговаривает, – в ужасе прошептала она, озираясь по сторонам, но кроме живого хозяина и неживого мертвеца никого в комнате не увидела.

– Шла бы ты, девочка, спать, – покачал головой первый. – А то тебе уже не только души, а еще и мама мерещится! – изогнув губы в ироничной ухмылке, проговорил гробовщик.

– Брось, Гард! – возразил бесплотный голос. – Она меня видела.

– А ты заткнись.

– Видела-видела, – вопреки требованию не унимался невидимка. – Это такая редкость!

Щеки девушки коснулось что-то холодное... Ладонь? Нет? Джемма замерла, временно перестав дышать. Незримые пальцы скользнули к подбородку, запрокидывая ее голову.

– Скажи, ведьмочка, ты уже умирала? – Шепот, коснувшийся уха, больше походил на шелест осеннего ветра, играющего жухлой листвой. И то ли из-за возникшей ассоциации, то ли еще по каким причинам, но девушке почудилось, что в комнате и правда пахнуло осенью. Не той ранней, что была на дворе, а холодной и пасмурной, мрачной и серой... осенью из далекого прошлого, которое она почти не помнила.

– Я не... – сглотнув, начала Джемма.

– Эл, отстань от нее! – Гробовщик весь подобрался, будто готовился к прыжку. Черные глаза его сузились, черты лица заострились, а руки сжались в кулаки. Однако, несмотря на напряженную позу, мужчина не двинулся с места. Он просто смотрел на застывшую у стены девушку и кого-то еще... того, кого мог видеть только он, а не она.

– Не будь таким жадным, Гард. С друзьями принято делиться! – В голосе призрачного собеседника, словно грани первых льдинок в осеннем озере, сверкнули острые интонации далеко не мягкой иронии. – Когда еще мне выпадет шанс пообщаться со столь прелестной особой. Тем более без нарушения правил. Она ведь уже поцелована смертью.

– Подавай в отставку и общайся сколько влезет! – мрачно проговорил гробовщик и, оттолкнувшись от края стола, направился к ним.

– Завидовать нехорошо!

– Зариться на чужое тем более, – не меняя тона, заявил Эдгард.

– Да кто зарится-то? Я же так... просто поговорить, – примирительно сказал голос.

– А... – сделав первый решительный вздох после продолжительной задержки дыхания, вмешалась в их диалог ведьма. – А можно я спать пойду? – жалобно прошептала она, чуть отклоняясь от невидимой руки, продолжавшей поглаживать ее щеку.

– Иди! – разрешил хозяин. Хотя скорее уж приказал, только улизнуть от наглого «призрака» оказалось не так-то просто.

– Куда? – возмутился тот. – А поцелуй на прощанье?

– А? – выдохнула Джемма.

– Не смей! – заорал гробовщик.

Но губ девушки уже коснулось что-то холодное. Ведьма перепуганно замычала, пытаясь вжаться в стену. Воздух перед ее глазами задрожал, стал словно плотнее, побелел и через пару мгновений превратился в высокого белокожего парня в того же цвета латах. А ледяное прикосновение переросло в жаркий, жадный поцелуй.

– Ну ты... Совсем обнаглел, Эл! – как сквозь слой ваты донесся до Джеммы возглас Эдгарда.

– Хватит придирается, Гард, – сказал голубоглазый парень, оторвавшись от губ внезапно озябшей девушки. От него по-прежнему веяло холодом, но теперь он был видим и осязаем. Мягкое свечение, исходящее от фигуры, этому ничуть не мешало. – Всего лишь невинный поцелуй жнеца, чтобы девочка видела, с кем разговаривает.

«Жнеца, – пронеслось в голове ведьмочки, – меня только что поцеловал жнец! Мама дорогая... а я еще жива или уже нет? Может, дьер гробовщик потому так странно на меня и смотрит: прикидывает, на какой стол класть новый труп?»

– Невинный, угу, – с легкой толикой сочувствия глядя на дрожащую помощницу, покачал головой Эдгард. – А если бы она прямо тут от этой невинности померла? – обратился он к блондину.

– От восторга? – Белые губы собеседника сложились в самодовольную улыбку.

– От страха, идиот! – закатил глаза гробовщик. – Да отойди ты от нее, заморозишь же! Кто потом будет ее от простуды лечить?!

Жнец хотел что-то сказать, но хозяин ПБ продолжил свою тираду, не дав ему вставить и слова:

– Зачем ты вообще к ней полез? Она же теперь на всю жизнь проклята тем, что будет видеть таких, как мм... ты!

«Значит, я жива», – с облегчением подумала Джемма.

– Она и так видела, – отступив от нее, возразил тот, кого дьер Дорэ называл Элом.

– Мельком. В ее прошлом имел место мимолетный «поцелуй смерти», а теперь...

– Э-э-э... «поцелуй смерти»? – стараясь усмирить стучащие то ли от холода, то ли от нервного потрясения зубы, пролепетала ведьма. – Я слышала, что так жнецы убивают тех, кому пора за полог Саймы. А вы... – Передернув плечами, девушка посмотрела на беловолосого. – Вы всех

так

целуете? – От воспоминаний о сморщенных лицах старушек в зале наверху ее слегка замутило. Если этот ледяной рыцарь в сверкающих доспехах и длинном белом плаще и в их уста так же страстно впивался, то...

– Так, в губы, моя милая, я целую, – оборвал полет ее фантазии жнец, – только хорошеньких девушек! Остальных – исключительно в лоб. – Он ласково улыбнулся ей и, подмигнув, добавил: – Будь добра, красавица, организуй нам чайку... с вареньем?

Джемма, как зачарованная, медленно отлепилась от стены, развернулась и пошла по коридору к лестнице, но, не дойдя до нее нескольких шагов, остановилась, оглянулась и спросила:

– А разве жнецы едят варенье?

Там же

Как только шаги девушки затихли, жнец осторожно прикрыл дверь и, пройдя к свободному столу, расположенному по соседству с тем, на котором лежал украшенный Y-образным швом труп, присел на край металлической столешницы и вкрадчиво поинтересовался у бывшего сослуживца:

– И что это сейчас такое было, Эдгард Хладнокровный?

– Что именно, Элрой Стальной?

– Что-что! Весь этот пафос и наигранное возмущение... ты ведь даже пальцем не пошевелил, когда я ее целовал. А сколько было воплей по этому поводу, – скрестив на груди руки, проговорил блондин. – Почему, кстати, не остановил?

– Думал, – разглядывая тело доставленного горгонами покойника, ответил гробовщик.

– О чем? – когда пауза излишне затянулась, напомнил ему Эл.
– О том, какой вариант меня больше устроит: то, что Джемма будет видеть жнецов, или то, что нет.
– Судя по всему, второй, – усмехнулся блондин, поправляя металлический наплечник. – А собак на меня зачем спустил? Чтобы девчонка тебя защитником считала?
– Чтобы не считала равнодушным монстром. Во всяком случае пока.
– А потом, значит, можно и монстром?
– Даже нужно. Но, как ты верно заметил, только потом, – натянуто улыбнулся ему хозяин ПБ.
– А эта...
– Джемма, – подсказал Эдгард.
– Хм... Джем-м-ма, – словно пробуя на вкус ее имя, протянул визитер. – Милое имечко, сладкое... Люблю десерты. Так эта клубничная девчонка у тебя служанкой работает?
– И служанкой тоже. А почему клубничная?
– Потому что вкусная. – Облизав белые губы, все еще хранившие след поцелуя, жнец опустил ресницы. – Любовница? – хитро улыбнулся он.
– Не твоё дело, Стальной! И хватит уже расслаиваться на моем столе. – Подойдя к гостю, мужчина бесцеремонно столкнул его с облюбованного места. – Иди давай... если не хочешь разозлить Дис. Работа не ждет. Я не собираюсь искать Варфаламею. Ни по старой дружбе, ни за твои красивые глаза, ни...
– А за сокровища капитана Бристоука?
– Это еще кто? – вздернув черную, как бархат ночи, бровь, спросил гробовщик.

– Один довольно известный пират, – пожал плечами собеседник. – Я его прогнившую душонку забирал некоторое время назад, а он мне с чего-то вдруг решил поведать о кладе, спрятанном в скалах Корлуна
[26]

– Так вот вдруг и решил? – недоверчиво прищурился Эдгард.
– Именно, – отведя сияющий неземной лазурью взгляд, отозвался жнец. – Я поклянусь своей службой, что скажу, где хранится подлинная карта пиратских сокровищ, если ты поможешь мне найти эту многоликую тварь. Послушай, Гард... из-за нее погиб твой рыжий парнишка? – Блондин кивнул на юношу на столе. – Узнаешь почерк хорошо известной нам лиловой ведьмы? Ну же... сокровище, благородное дело... соглашайся!
Гробовщик молчал, и Элрой вздохнул:
– Я так понял, что благими делами Эдгарда Хладнокровного не соблазнить.
– Я не спал больше суток... для моего человеческого тела это слишком. Так что поверь: сейчас меня ничем не соблазнить, – криво усмехнулся брюнет.
– Даже мстью? – не сдавался гость. – Ведь это из-за Варфаламеи ты вылетел из жнецов.
– Иди работай, Эл, – скрипнув зубами, посоветовал гробовщик.
– Да я бы ушел, – как-то понуро отозвался блондин. – Только Дис поручила мне отвести за полог именно Варфаламею. Уже сколько лет назад она должна была предстать перед судом Саймы, а все бежит. Тебя из-за нее уволили, Ирвина, Алеандру... да многих! Чтоб ее душу пожиратели слопали! Зачарованная какая-то баба, не иначе. Я ее совсем не чувствую. Будто и нет мерзавки среди живых, – трагично закончил он.
– Ба-а-а! – протянул дьер Дорэ, пакостно ухмыляясь. – Так ты, Элрой Стальной, очередной кандидат на преждевременную отставку? – Он откровенно заржал, любуясь кислой физиономией бывшего соратника.
– Зря радуешься, – сдув со лба длинную прядь сияющих белизной волос, сказал жнец. – Уволят – к тебе приду и буду нависать над душой молчаливым... или не очень молчаливым укором.
– Гремя цепями... то есть доспехами, и пугая мою ведьму? – В черных глазах мужчины прыгали смешинки.
– Обязательно, – согласно кивнул блондин и широко улыбнулся.
– Тащи сюда пиратскую карту, Эл Ржавый Гвоздь, – вспомнил одно из смешных прозвищ друга Эдгард и, немного помолчав, сдался: – Так и быть, обсудим условия нашей сделки.

Вообще-то дьер Дорэ был богат. Даже очень богат, и по большей части не из-за доходов похоронного бюро. Здесь он работал ради удовольствия, ну а состояние накручивалось за счет выгодных вложений и банковских процентов. Однако помогать кому-то, пусть даже не постороннему чел... мм... жнецу, за просто так было не в духе расчетливого гробовщика. Сокровища? Что ж, пусть будут сокровища! Как говорится, с паршивой овцы хоть шерсти клок.

– Ваш чай. – Открыв носком туфли дверь, в комнату вошла Джемма.

– А почему только две кружки? – удивился жнец, прыгивая с высокого стола. – Разве ты не составишь нам компанию, сладкая девочка?

«Он это серьезно? С воплощенной смертью чаи гонять – задачка не для моего усталого рассудка, – мысленно вздохнула ведьмочка, аккуратно поставила поднос на стеллаж, бочком обошла мерцающего гостя и встала рядом со своим хозяином. – Сладкая... и этот туда же! Может, стоило настоять на сокращении Майла, а не Джемма?»

– Что-нибудь еще, дьер гробовщик? – спросила она.

– Нет, дьера ведьма, иди поспи пару-тройку часов, потом приготовишь мне завтрак, сходишь на рынок за продуктами и посидишь за стойкой в приемной. Деньги и список продуктов я выдам тебе чуть позже.

Девушка кивнула и под внимательным взглядом Элроя, от которого бежал холодок по коже, выскочила за дверь.

Глава 4

На торговой улице

Четыре стальясы выторговала у зеленщика, еще два у мясника... такими темпами через полгодика как раз получится на новые чулки наэкономить. Джемма тяжело вздохнула, перекинула корзину с покупками в другую руку и уныло побрела дальше. Это чудовище, которое она по наивности успела счесть приличным человеком, заявилось с проклятым списком, едва утро вступило в свои права. Поспать ведьме удалось всего часа полтора, не больше. И теперь уже вряд ли получится добраться до вожделенного матраса раньше полуночи. Ведь надо приготовить обед и ужин, помыть полы в рабочем зале и других помещениях, а также встретить потенциальных клиентов в приемной, чтобы, не приведи Марна, не упустить ни одного из них.

Покойников дьер гробовщик любил почти так же, как тишину. Без них, как он выразился вчера, ему, видите ли, скучно. Да и репутация заведения требовала своевременного и качественного проведения заказанных мероприятий. А из этого следовало, что Джемме придется весь день курсировать между плитой, шваброй и скорбящими родственниками, к которым, по словам Эдгара Дорэ, еще и особый подход нужен. Маг душ, мастер вскрытия... человек, который водит дружбу со жнецом смерти. Мама дорогая, и вот это ее новый хозяин?!

Ведьмочка вздохнула, продолжая устало плестись по многолюдной улице к лавке молочника. Было немного обидно, ведь, пока она тут работает, кудрявый деспот благополучно отсыпается в своей спальне. Проследив за церемонией прощания родни с двумя усопшими старушками, он отправил катафалк с гробами и специально нанятыми носильщиками на кладбище, а сам заперся в кабинете с горгоном, пришедшим по поводу рыжего парня. После чего проводил гостя до порога, закрыл за ним дверь и, сожрав остатки приготовленного Джеммой завтрака, отправился отдыхать. Несправедливо! Но с начальством, как говорится, не поспоришь. Хотя... еще пара-тройка таких «веселых» рабочих дней, и можно будет смело идти к дьеру эксплуататору с требованием... нет, с просьбой о повышении зарплаты и об авансе. Ведь помощница в потертом и местами заштопанном платье горничной в первую очередь вызовет подозрения насчет благосостояния нанимателя и надежности его конторы. Так недолго и вовсе репутацию утратить. Именно! Вот эту умную мысль девушка и преподнесет своему хозяину через неделю. Нет, через три дня... да лучше завтра! Или сегодня вечером, когда он выспится,

вкусно поест и получит в свои загибающие лапы свеженького покойничка, тело которого должны привезти из лечебницы к обеду. Во всяком случае, именно так обещал Джемме убитый горем сын умершего, приходивший час назад, чтобы заказать роскошную похоронную церемонию для любимого отца.

«Итак, всего пока шесть стальных, – вернулась к финансовой теме ведьма. – Мало. А будет вожделенный аванс или дьер Дорэ пошлет меня с этой просьбой куда подальше – неизвестно. – Она запустила руку под ворот старенького жакета, накинутаго поверх коричневого платья, и принялась перебирать пальцами изящное ожерелье, которое ночью принесла в чулке Вишня. – Что, если заложить его? – Девушка вздохнула, расставаться со своим памятным сокровищем ей не хотелось. Все девчонки завидовали, когда она пришла на выпускной бал с этим восхитительным украшением на шее. Этьен сделал его сам, используя вместо драгоценных камней тончайшие зеркала, в которых, как известно, обитают отражения духа-покровителя лиловых магов. – Как отдать такое ожерелье в ломбард? А вдруг не будет возможности выкупить, или еще какая напасть... Нет уж! Лучше в драных чулках похожу и в этом жутком тряпье, если дьер гробовщик сам не раскошелится на новую форму для своей помощницы». Принятое решение согрело душу, а гладкий металл украшения потеплел в пальцах. Если бы не пестрые витрины, зазывавшие своим ассортиментом, настроение ведьмочки повысилось бы еще больше. А так... оставалось идти и тихо вздыхать, пропуская вперед торопливых прохожих. Ну и обдумывать заодно: как бы раскрутить хозяина на скорую оплату ее услуг, при этом не вызвав его недовольства. Ведь оказаться на улице, лишившись возможности практиковаться в магии иллюзий, Джемма не желала. Ей просто хотелось немного разнообразить свой скучный гардероб да наконец положить в рот дольку шоколада, который принципиально не ел дьер Дорэ. Эх... Неужели этот деревянный тип не понимает, что молодая девушка просто не может существовать без конфет, лент, духов и прочих милых сердцу безделушек? А главное, без чулок!

Поравнявшись с витриной, которая еще вчера привлекла ее внимание, ведьма застыла и, практически прильнув носом к стеклу, принялась жадно разглядывать выставленные образцы, стараясь игнорировать ценники. Никогда прежде не нуждаясь в деньгах, на такие вот маленькие бирочки с противными надписями она ориентироваться не привыкла. А теперь эти мерзкие цифры отравляли все удовольствие от созерцания. Полгода копить, не меньше! А на те, из черно-лилового кружева ручной работы, так и вовсе года два откладывать стальные придется! Правда, такие чулки только на романтический ужин с любимым мужчиной и наденешь, но... до чего же красивые!

Джемма заставила себя отвернуться от воплощенного соблазна за стеклом и поспешила прочь, бросив на дно корзины мешочек с оставшимися деньгами. И, как это всегда и бывает, тут же налетела на прохожего, оттоптав ему ногу.

– Простите, дьер, я не видела... – начала оправдываться она, поднимая взгляд от серой шелковой рубашки, в которую чуть не уткнулась носом, к лицу пострадавшего от ее туфли мужчины, и умолкла. Безразличный взор льдисто-серых глаз скользнул по ее невзрачной личине и замер в районе шеи. – Ой! – растерянно пискнула ведьма, рефлекторно стягивая ворот жакета там, где мог виднеться кусочек ожерелья. Она отступила на шаг, другой рукой прижимая к груди корзину. – П-простите! – пробормотала, запинаясь, и, крикнув неестественно высоким голосом: – Я очень, очень тороплюсь! – резко развернулась и пошла по улице, изо всех сил стараясь не сорваться на бег.

Сердце бешено колотилось, в висках стучало, а перед глазами все плыло. Джемма двигалась словно в тумане, инстинктивно огибая живые препятствия. В голове ее царил хаос, множество противоречивых мыслей смешались в неразборчивую кашу, и единственной разумной идеей среди всего этого безобразия было – «Бежать!»

Дьер Аттамс, чуть склонив к плечу голову, посмотрел вслед удаляющейся блондинке с неестественно прямой спиной и какой-то странной походкой и вместо того, чтобы продолжить путь на назначенную в соседнем доме встречу, решительно зашагал за незнакомкой, на ходу пытаясь понять, зачем ему это нужно. Внутреннее чутье буквально вопило: «Не упusti!», а здравый смысл продолжал анализировать ситуацию со всей присущей ему скрупулезностью. Девушка, служанка, совсем еще молоденькая, довольно бесцветная, если не сказать – страшенькая... С несколько кривоватым, словно помятым спросонья лицом, левым глазом,

отливающим зеленым, странной реакцией на безобидное происшествие и... блеснувшим из-под ворота ожерельем.

Майла?

Сворачивая за угол, Джемма не выдержала и обернулась. Заметила идущего в некотором отдалении Этьена и невольно ускорила шаг. Он ведь не мог ее узнать? Конечно, маску она с недосыпа наложила не идеально, но ведь не настолько, чтобы та испарилась в самый неподходящий момент. Не мог он увидеть в этой бледной горничной прежнюю Джимджеммайлу! Не мог, и все тут! Но... почему тогда преследует? А может, ему просто в эту же сторону?

Девушка скользнула за угол очередного дома, а дьер оружейник все так же тенью шел за ней. Закусив губу от нервного напряжения, ведьмочка прибавила шагу. Арка, захлащенный дворик, еще одна арка... и вот Джемма уже почти бежит по узкой улочке мастеровых. К сапожнику, что ли, заглянуть? Ага, за шесть стальсов полшнурка купить, если хватит! Поворот – снова торговый ряд и празднующая толпа. Может, здесь удастся оторваться?

– Простите! – прошептала Джемма, протискиваясь между спорящими мужчинами. –

Извините! – вывернулась в последний момент из-под колес экипажа, но свою нелестную характеристику из уст возницы не дослушала, ибо спешила. – Фу! – двинула не до конца укомплектованной корзиной по носу оскалившей зубы собаке. – Брысь! – крикнула едва не попавшему под башмак полосатому коту. – То есть, пожалуйста, пропустите, – исправилась на бегу, помня о том, что кошки даже смешанных окрасов – существа непростые.

Девушка неслась по улицам и дворам, то и дело натываясь на препятствия. А перед дьером Аттамсом, как назло, подобных помех не возникало. Ну конечно, высокий представительный мужчина в дорогом темно-сером костюме, расстегнутом из-за жаркой погоды, – это не невзрачная девица с облезлой корзиной. Его и пропустить можно! Нет в мире справедливости! Не выдержав гонки, Джемма юркнула в первую попавшуюся подворотню и припустила со всех ног до ближайших зарослей: больших, раскидистых, с ажурной лавочкой поблизости. Самое место для того, чтобы затаиться, спрятавшись за пышной листвой. Да простят ее местные садовники, но другого варианта отделаться от опекуна девушка не видела. Во дворе, к счастью, было безлюдно и тихо. Ветки довольно высоких кустов, в гуще которых затаилась Джемма, неприятно кололись и рвали старенькую одежду, но ведьмочка стоически сносила эти неудобства, мысленно умоляя Этьена пройти мимо. Или все-таки не проходить? В потоке противоречий, «наводнивших» ее голову, разобраться было сложно.

Дьер Аттамс мимо не прошел. Зайдя в тихий двор, он огляделся и, прищурившись, неспешной походкой направился к кустам. Плавные движения, в которых удивительным образом сочетались сила и грация, завораживали. Девушка, словно зачарованная, неотрывно следила за мужчиной из своего зеленого укрытия и... ждала. Один удар сердца, второй... он все ближе, еще каких-то пять-шесть широких шагов, и ей уже не ускользнуть. Зачем она вообще побежала, глупая? Надо было разыграть неуклюжую дурочку, которая впервые видит дьера оружейника.

А ожерелье... ну почему не сказать, что ночью на кладбище подобрала бесхозную кошку с чулком. Угу... ночью! На кладбище! Самое место для благопристойных девиц. Пф-ф-ф, и почему в голову лезут лишь одни глупости? Да и сидеть в кустах, на которых разве что табличка не висит «Лучшее место для игры в прятки», – тоже верх сообразительности!

– Дьера? – тихо позвал Этьен. – Вы здесь, дьера? – повторил он чуть громче, остановившись напротив скамьи.

А голос-то какой! Вкрадчиво-мягкий, даже ласковый... И на бледных губах улыбка: легкая, едва заметная, но такая искушающе-коварная, что Джемма невольно поблагодарила куст за его колючесть. Отрезвляют, знаете ли, острые ветки от гипнотического воздействия, которое оказывает на нее этот мужчина.

«Врать... нагло врать, не глядя в глаза, – мысленно настраивала себя ведьма. – Скажу, что он похож на кого-то, кто меня обидел... Такие же пепельно-русые волосы, в которых едва намечилась седина... Седина?! О С-с-сайма! Не из-за моих ли похорон она там появилась? – Укол совести оказался куда более болезненным, чем укол ветки. – И лицо осунулось, заострилось... а в глазах словно навечно прописался серый лед...»

– Я-то здесь. – Женский голос, раздавшийся совсем рядом, заставил Джемму насторожиться. – А ты почему тут, а не в назначенном месте, дьер оружейник? – В речи незнакомки

проскользнули насмешливые нотки. Ведьмочка вытянула шею, стараясь рассмотреть ее, хотя и рисковала при этом засветиться сама. Однако любопытство оказалось сильнее осторожности.

– Дьера Олли-о

[27]

, вы тоже предпочитаете шумным улицам тихие дворы? – Этьен подарил подошедшей к нему девице такую красивую и располагающую улыбку, что Джемма вновь закусил губу, на этот раз от досады.

Она никогда раньше не видела эту рыжеволосую Олли-о, а он ей так улыбается, будто они давно знакомы. Неужели роман? Пока подопечная в гробу... нет, в лечебнице... да нет же! Еще до лечебницы, значит, у них отношения завязались. А она, а он... В порыве раздражения ведьмочка слишком резко дернула ожерелье, которое опять неосознанно теребила пальцами, и порвала его. Звякнув, украшение упало на руку.

«Ну все, заметят!» – испугалась беглянка.

– Майла? – Этьен уставился на кусты.

– Это кот, – махнув рукой в тонкой перчатке на выпрыгнувшее из зарослей животное, сказала рыжеволосая. Усатый зверь предупреждающе зашипел, проследив за движением ее изящной кисти. Желтые глаза его сузились, а шерсть на загривке встала дыбом. Кошачьи недолюбливали оборотней, а загадочная Олли-о, судя по вертикальным зрачкам и приставке к имени, была именно из них. – Идем, дьер оружейник, – игнорируя поведение кота, предложила девушка и, взяв мужчину под руку, повела его к арке. – Ты хотел обсудить со мной что-то очень важное... Джемма с силой сжала порванное ожерелье, неотрывно глядя вслед удаляющейся парочке. Оба высокие, статные... и двигаются в унисон, словно давно привыкли так прогуливаться. Она с внешностью хищницы, красивой и опасной. А он... Он даже не обернулся! Ни разу! Так и ушел, тихо переговариваясь с этой долговззой акулой, безвкусно одетой в мужской костюм. Ну ладно, не безвкусно, но ведь и не по последней моде! Да и акулы, увы, не на «о» начинаются. Тогда какая у нее вторая ипостась? Орлица? Ослица? Обезьяна рыжая! Криво усмехнувшись своим мыслям, ведьмочка грустно вздохнула.

Может, зря дьера Ганн беспокоилась за доброе имя семьи и помутившийся разум ее глупого сына? Не нужна ему молоденькая сестра покойной жены, у него вон целая дева-оборотень есть! А она, Майла, была всего лишь забавной игрушкой для скучающего взрослого мужчины. Настроение у девушки окончательно испортилось. Посидев еще какое-то время в кустах, Джемма подняла с земли корзину и выбралась на свет, отряхивая платье. Лежащий на скамье кот тихо мявкнул, привлекая к себе внимание. Это был тот самый полосатый, перед которым она извинилась на бегу.

Вежливо поклонившись, девушка поблагодарила зверя за отвлекающий маневр, а кот подмигнул ей в ответ и снова смежил веки, намереваясь подремать на солнышке. Воистину волшебные существа! Умные, хитрые, одаренные... и верные, как ее любимица Ви. Вот уж кому никто больше не нужен, кроме хозяйки, так это ей. Помахав на прощанье мохнатому спасителю, ведьмочка отправилась в похоронное бюро. К молочнику она не пошла. Обойдется дьер гробовщик сегодня без сметаны и творога. Тем более в холодильной камере на кухне есть еще немного вчерашних запасов.

– Найдет, не найдет, – бормотала ведьмочка, бредя по улице. – А будет ли искать?

Джимджеммайла Аттамс официально мертва, а Ен... что ж, у него своя жизнь, где есть малышки-дочки, деспотичная мамаша и... нет меня, Майлы. – Подобный вывод, вопреки ожиданиям, облегчения девушке не принес.

Отмахнувшись от жужжащего насекомого, увязавшегося за ней от самых кустов, Джемма прибавила шаг, насильно заставляя себя думать не об опекуне, а о меню на обед для дьера Дорэ.

Через двадцать минут

В самом узком, словно втиснутом между двумя другими, доме на оживленной торговой улице Готтрэйма располагалась контора со скромной вывеской «СБ О-О-С». На втором этаже, в кабинете владелицы сыскного бюро, за рюмочкой дорогого коньяка велась оживленная, хоть и немного странная беседа.

– Ты же сам говоришь, что кошка у нее была бракованная, не однотонного окраса. У такой не может быть стопроцентно надежной привязки к хозяйке, – уверенно доказывала Олли-о Сомс своему гостю. Она сидела, вопреки всем правилам приличия, на подоконнике, подтянув одну ногу к груди. Он – в удобном кожаном кресле с чуть потертой спинкой. А на стеклянном столике между ними стояла початая бутылка янтарного напитка. Хозяйка потягивала его не спеша, заедая шоколадом. Мужчина же последние минут десять задумчиво вертел рюмку в руках, так и не пригубив содержимое.

– Вот именно поэтому я не удивился, когда Вишня не умерла вслед за хозяйкой, а просто лежала сутки напролет, свернувшись клубочком на ее подушке, – подтвердил версию собеседницы Этьен. – Но когда кошка ни с того ни с сего покидает свой дом с регулярной кормежкой, да еще и утаскивает хозяйкино ожерелье, поневоле призадумываешься.

– Не доказательство! – оборвала нить его рассуждений высокая девушка в черном брючном костюме, сшитом на манер мужского, но по женской фигуре. Она с тихим стуком поставила на стол недопитую рюмку и, спрыгнув с подоконника, принялась расхаживать по комнате. Ее ярко-рыжие, длиной чуть ниже плеч волосы подпрыгивали в такт шагам, выдавая возбуждение обладательницы. Дневной свет, проникая в помещение сквозь открытые ставни, играл на чуть растрепанных прядях, заставляя вспыхивать их, точно пламя.

– Ее хоронили в закрытом гробу, – продолжал гнуть свою линию дьер Аттамс. – Болезнь возникла без каких-либо предпосылок, и трое лекарей дружно провозгласили ее уникальность, неизлечимость и крайнюю заразность. Не удивляет?

– С чего бы? – пожала плечами рыжая, стягивая с себя теплый жакет. Под ним была надета шелковая блузка кремового цвета с едва заметным узором на манжетах и воротнике. – Всякое бывает.

– При этом, дьера сыщица, в лечебнице не объявили карантин, а в городе не провели ни одной проверки, ни одного предупреждения о возможном заражении так и не последовало.

– Странно, да, но... может, халатность?

– Возможно, Олли-о. Однако мой утренний визит в банк, где хранит свои сбережения драгоценная матушка, доверенным лицом которой я являюсь, добавил подозрений в общий котел несостыковок. Многоуважаемая дьера Ганн за последние дни дважды затребовала крупные суммы денег: первую – неделю назад и вторую – вчера.

– В карты проиграла? – предположила девушка, скептически заломив бровь.

– Моя мать?! – Решивший было отпить немного коньяка оружейник едва не поперхнулся от такой версии.

– Снимаю вопрос! – поспешила согласиться с визитером хозяйка СБ. Его стервозную родительницу она помнила хорошо, несмотря на то что последние лет семь практически не встречалась с этой дьерой. Официально разрешенные азартные игры Грэнна считала чем-то непристойным, предпочитая не менее увлекательное плетение интриг.

– По дороге к тебе я встретил неестественно страшненькую... – снова заговорил Этьен.

– А тебе только смазливые попадались раньше? – хмыкнула сыщица, перебив его.

– Повторяю: неестественно! – чуть нахмурился мужчина. – Поверь, человеку, не год и не два прожившему под одной крышей с лиловой ведьмой, разница между настоящим лицом и иллюзорной маской видна. Так вот – страшненькая девица с зеленым глазом и подозрительно знакомым ожерельем, выглядывающим из-под ворота, перепугалась до полусмерти и рванула от меня, как от жнеца.

– Н-ну ты же не можешь всем нравиться! – попыталась сыронизировать рыжая.

Теперь уже мужчина, выгнув темную бровь, насмешливо посмотрел на собеседницу.

– Ладно-ладно, – примирительно сказала та и снова уселась на подоконник. – Согласна, не очень правдоподобно звучит. Но, может, наоборот, дурочка была так поражена твоей мужественной, хоть и несколько синюшной после запоя физиономией, что засмушалась и задала стрекача?

– Смущалась три квартала подряд? Настолько, что чуть под колеса не угодила?

– Ну, если ты так уверен, что твоя драгоценная Майла жива, то почему бы для начала не получить разрешение на эксгумацию... или не получать, а заплатить кладбищенскому сторожу и ночью разрыть могилу, чтобы проверить ее содержимое? Если там пусто...

– А если нет? Обнаружение в гробу чужого тела выставит мою подопечную не в лучшем свете. А я не хочу добавлять девочке неприятностей. Исследование могилы – это на самый крайний случай, и только когда буду полностью уверен, что удастся все провернуть действительно тихо!

– Этьен! Ты лопух! – скривилась рыжая сыщица. – Эта твоя ненаглядная Майла не просто сбежала, а раскрутила вас всех на собственные похороны! Заставила тебя ее оплакивать, уйти в запой, поседеть в конце-то концов! А ты все печешься о жестокой девчонке. Плюнь ты на нее, а? Ты ведь даже не опекун ей уже, она совершеннолетняя!

Мужчина отрицательно мотнул головой.

– Несовершеннолетняя? – вздернула бровь оборотень.

– Это не имеет значения, она – моя семья. Я в ответе за нее независимо от возраста. И плевать не буду! – заявил он, упрямо поджав губы.

– Ладно, не плюй, – покладисто отозвалась сыщица. – Но тогда смени хотя бы тактику. Как найдем, возьми ведьму за шкуру, пригласи лилового аза, чтобы снял иллюзию с мордашки, и оттащи мерзавку волоком в храм Саймы. Десять лет нудных ритуалов и лишение магического дара – достойное наказание для глупой девицы, играющей твоими чувствами, Этьен. Там, глядишь, и поумнеет.

– Олли-о, дорогая, – чуть подавшись вперед, вкрадчиво произнес дьер Аттамс, – давай ты будешь делать то, за что тебе платят, а уж как поступать с моей девочкой, я решу сам.

– И что, даже не накажешь? – с нарочитой грустью, скрывающей иронию, спросила рыжеволосая. – А то у меня тут симпатичный ремешок заваялся, длинный, крепкий...

– Олли, ты извращенка! – ухмыльнулся мужчина и пригубил-таки немного ароматного коньяка.

– Это ты извращенец, – откусив кусочек от шоколадной плитки, сказала собеседница. –

Я ремнем хотела предложить ей задницу надрать, а ты что подумал?

– Ох, Олли-о... лучше тебе не знать, что именно я подумал, – рассмеялся Этьен. – Просто найди ее для меня, узнай, где, с кем, почему там? Хорошо ли устроилась, не нуждается ли в деньгах... узнай все, что сможешь, и последи за Майлой. Я хочу быть в курсе каждого ее шага, хочу узнавать свою ведьмочку под любым из ее новых ликов. Еще мне нужна полная информация о людях, которые сейчас рядом с ней. Понятно? И да... заплачу за работу двойной гонорар.

Договорились?

– Хорошо, я поищу, – нехотя согласилась девушка, пряча под ресницами хитрый блеск светлок-карих глаз. – Дня два-три...

– Два? – недоверчиво переспросил мужчина.

– Ну-у-у, день, – скромно потупившись, улыбнулась она.

– Думаю, час – максимум, – выразительно посмотрев на правую руку оборотня, где не хватало мизинца, поправил ее оружейник. – Ты ведь уже отправила пчелку за Майлой.

– Не пчелку, а осу! – привычно возмутилась Олли-о. – Ну я же не дура, чтобы не заметить сидящую в кустах блондинку с круглыми от страха глазами.

– Вот именно, что от страха, – поморщился дьер Аттамс.

– Так ты поэтому в кусты с ходу не ломанулся? – Допив коньяк, сыщица налила себе еще. – Совсем перепугать беглянку побоялся?

Мужчина неопределенно пожал плечами, а собеседница насмешливо фыркнула.

– Ты мне вот что скажи, дорогой, – ехидно поинтересовалась она, – чем ты ее так достал, что она вообще помирать надумала? Плохо в постели ублажал?

– Какая, к чирташу, постель?! Ты в своем уме, Олли? – проворчал Этьен.

– Как? Не было постели? – в притворном ужасе воскликнула сыщица, прижав к губам ладонь и наивно похлопав ресницами. – Ну хоть поцелуй-то были?

– Нет, – раздраженно буркнул мужчина.

– Даже не целовал?! Ну ты даешь, друг, – едва сдерживаясь, чтобы не расхохотаться, сказала хозяйка СБ. – Я б тогда тоже на ее месте сбежала.

– Олли... – с тихой угрозой произнес Этьен.

– Ты как ее в себя влюблять-то планировал? На прогулки водить на расстоянии вытянутой руки? Или стихи читать перед сном с соседнего балкона? Девочка-то созрела, ей уже двадцать один годик стукнул, она ласки хочет... а ты...

– А я предложил ей после выпускного в школе ведьм уехать со мной и малышками из Готтрэйма, где полгорода знает, что я был женат на ее сестре.

– Вот так в лоб и предложил? Не соблазняя, не подготавливая... стихи с балкона не считаются! – хихикнула оборотень, тряхнув своими огненными волосами.

– Я... я ухаживал за ней, заботился, дарил подарки. Мне казалось, она знает о моих чувствах и тоже... равнодушна. – Последнее слово он произнес совсем тихо и как-то глухо.

– И что она ответила на твое предложение?

– Ничего хорошего. – Тонкие губы его сжались в линию, а потом резко разомкнулись, выплюнув горестное: – Мне она предпочла гроб!

– Оригинальный подход к делу у современных ведьм, угу. А просто послать тебя подальше девочка не пробовала? – продолжала допытываться Олли-о.

– Пробовала, наверное... но невнятно.

– И?

– И я совершил ошибку.

– О! Дьер безупречность умеет ошибаться в чем-то еще, кроме выбора объекта своих нежных чувств?

– Я сказал, что либо она переезжает со мной и племянницами, либо я не выплачу храму Саймы отступные за нее. Как раз этот проклятый жребий подвернулся и...

– И от храма, и от тебя девочка сбежала через фальшивые похороны – это я уже поняла, да, – оборвала его сыщица. – А что? Творчески подошла к решению вопроса! Надо запомнить на будущее.

– Я уже сделал один промах, – тихо повторил Этьен и, подумав, сам себя поправил: – Или не один... И пережил ее смерть. Больше такого не повторится! На этот раз я сплелу сеть, из которой моя прыткая лиловая бабочка не выскользнет. И в эту сеть она залетит сама, по доброй воле и собственному желанию.

– А если упрямства в девчонке больше, чем стремления быть пойманной тобой, дорогой? – лукаво щуря свои светло-карие глаза с тонкими нитями зрачков, осведомилась рыжая.

– Тогда придется поработать пауком, дорогая, – в тон ей ответил мужчина.

– О-о-о... а дальше уединенный загородный дом, ремень и бурные эротические фантазии престарелого опекуна на предмет его юной подопечной, – рассмеялась Олли-о.

– Какой я тебе престарелый! – мрачно рявкнул Аттамс. – Я всего-то на пятнадцать лет ее старше, и она уже не так и юна, как ты верно заметила. Многие девушки в ее возрасте давно замужем, и у некоторых мужья гораздо старше меня.

– Многие, но не все! – глубокомысленно заявила дьера Сомс.

– Ну да, – теперь настала очередь гостя говорить колкости в адрес хозяйки, – некоторые, здесь присутствующие, и в двадцать шесть еще с выбором не определились.

– Какой выбор? Никто не берет! – изобразила тяжелый вздох Олли-о.

– Так ты никому не даешь... в смысле не даешься! – ухмыльнулся оружейник.

– Как не стыдно?! – округлила глаза рыжая. – Пошлый старый извращенец!

– Но-но, дьера сыщица! Не стоит наговаривать на порядочного вдовца, который носил траур по жене целый год, а потом так и не стал ни с кем больше официально встречаться.

– Во-о-от! – подняв указательный палец, протянула Олли-о. – Воздержание и сказалось – налицо помутнение рассудка! На фига тебе эта беглая ведьма? Не понимает она своего счастья, ну и пусть дальше бежит! Хочешь колдунью, да? Лиловую, чтобы разнообразить облик постельной грелки? Так сходи в школу ведьм! Десяток студенток сразу на шею к такому симпатичному и состоятельному дьеру кинутся. Только свистни!

– Мне не нужны десятки, – чуть поморщился он. – И недостатка в «постельных грелках» у меня нет. Было бы желание. Впрочем, его сейчас тоже нет. Все, чего я хочу, – это найти и вернуть Майлу.

– Говорю же, псих! – Залпом допив коньяк, девушка со звоном поставила рюмку на стол. – Одержимый к тому же... – Махнув рукой, она отвернулась к окну.

– Может, я и псих, а ты – наемница психа, – поднявшись с кресла, констатировал дьер Аттамс. – Ладно, Олли, мне пора. Первый отчет о Майле жду к вечеру.

– Как скажешь, Этьен, как скажешь. Встретимся на обычном месте?

– Да, – подтвердил мужчина и, обернувшись на пороге кабинета, добавил: – Деликатно, дорогая, все сделай тихо и деликатно. Я не хочу, чтобы моя девочка что-то заподозрила или чтобы у нее из-за слезки возникли проблемы.

– Иди уже, – отмахнулась дьера Сомс. – Будто я когда-нибудь что-то делала иначе.

Он ушел, а она, вздохнув, взяла со стола бутылку и, хлебнув прямо из горлышка, поморщилась. Этого мужчину Олли-о знала давно. Знала и уважала как предпринимателя с отличной деловой хваткой, талантливого мастера-оружейника и просто хорошего человека. Восемь лет назад, сбежав на остров из общины ос

[28]

, девушка-оборотень ходила от одной конторы к другой, пытаясь найти заработок, кров и пищу. Но сильны в народе предрассудки: заметив форму ее зрачков, люди либо шарахались от рыжей как от прокаженной, либо вежливо отказывали, стремясь поскорее выпроводить за дверь.

А дьер Аттамс не отказал. Дал ей работу и исправно платил до тех пор, пока не заметил способности юной двупостасной к сыскному делу. Именно этот мужчина помог ей открыть собственную контору: снял помещение, одолжил денег, порекомендовал начинающую сыщицу знакомым и просто поддержал ее, когда эта самая поддержка была так нужна. С тех пор они и общались. Не явно и не часто, но встретиться порой за рюмочкой дорогого коньяка с шоколадом и поговорить за жизнь любили оба.

Олли-о и жену его несколько раз видела, та заходила в лавку мужа. Вот чего никак не могла понять дьера Сомс, так это зачем мужчина, за которым вилась куча девок, решил жениться на довольно странной ведьме, работавшей в прошлом личным иллюзионистом его матери. Сплетни об этом союзе не один год по городу ходили. Ну, подумаешь, дьера Ганн прилюдно оскорбила «безродную нищую девицу», высмеяв ее шансы на отношения с сыном. Это же не повод так же прилюдно делать предложение потерпевшей стороне?! А ведьма-то ушлая оказалась, взяла и согласилась в присутствии кучи свидетелей. Ну и... понеслось. Хотя, чтобы деятельная мамочка наконец перестала устраивать ему под любым предлогом смотрины невест, может, и стоило жениться на лиловой азе. Жили Этьен с Клариссой неплохо, но недолго. Большой и чистой любви в этом браке не было, однако взаимная выгода, уважение и симпатия присутствовали. Ну а шесть лет назад супруга Аттамса умерла при родах, подарив жизнь двум очаровательным близняшкам, так похожим на отца, а заодно и оставив мужу на попечение свою пятнадцатилетнюю сестру. К девочке, проводившей почти все время в школе, Этьен всегда хорошо относился и воспринимал как члена семьи. А потом Майла выросла... Олли-о, высунувшись из окна, проводила взглядом шагающего по тротуару мужчину. Красивый, благородный... не ее. Но грустная улыбка, скользнувшая по губам девушки, очень быстро сменилась довольной. Спрыгнув с подоконника, сыщица потеряла в предвкушении руки, на одной из которых не хватало пальца. Сейчас ее частичка, обратившись рыжей осой, «пасла» ту самую идиотку, которая не разглядела своего счастья и сбежала, инсценировав смерть. Бывают же дур-р-ры! Впрочем, именно на этой дуре она планировала в ближайшее время весьма неплохо заработать. Хочет дьер оружейник знать все о своей ведьме? Чудесно! Олли из общины ос ему это обеспечит. Главное, чтоб платили в срок!

Через час

Дьер Аттамс редко ошибался, не ошибся он и на этот раз. Не прошло и часа, как в сыскное бюро сквозь небольшое отверстие, спрятанное от посторонних глаз под подоконником, проскользнуло крылатое насекомое.

– Иди ко мне, моя хорошая, – улыбнулась сыщица и протянула руку к тихо жужжащей летунье. Коричневая оса с ярко-рыжими полосками, привычно опустившись на хозяйскую ладонь, сперва расплылась по ней неопытным пятном, а потом и вовсе стала впитываться в кожу. По мере слияния крошечного существа с телом девушки фаланга за фалангой восстанавливался

мизинец дьеры Сомс. Когда все закончилось, она пошевелила пальцами, проверяя подвижность, и довольно улыбнулась, анализируя подсмотренные с помощью осы события. Конечно, зрение насекомого отличалось от человеческого, но и восприятие оборотня было иным. В том, что другому казалось бы отражением в беспорядочной мозаике осколков, сыщица без труда видела все необходимое.

Ну что ж, девчонку приютила контора, которая, судя по сведениям, содержащимся в бумагах, оставленных Этьеном, занималась погребением хитроумной ведьмы с непроизносимым именем Джим-джем-майла. Просто-таки три в одном. И кто, интересно, так невзлюбил девчонку, что нарек ее подобным «ассорти»? А может, в имени крылась какая-то тайна из туманного прошлого? Ведь об их родителях Кларисса так никому и не поведала, даже сестре. Она вообще была особа скрытная. А еще странная и, как казалось Олли-о, слишком уж расчетливая. Был под слоем ее радушных улыбок, вежливых слов и чрезмерного сюсюканья с уже довольно взрослой сестрой какой-то неприятный душок, который способны учуять только оборотни и маги, видящие истину. Но таких разве что в храмах встретишь да в окружении сильных мира сего. Дьера Аттамс же обходила стороной как первых, так и вторых. Неспроста это, ох неспроста!

А теперь вот и ее подросшая родственница эстафету чудаковатого поведения перехватила. Да только неумело ведьмочка скрывается. С фальшивых похорон всего ничего прошло, а про ее маскарад уже знают как минимум трое: Этьен, Олли-о и... дьер гробовщик. Не побоялся же он рискнуть, прикрывая девчонку. Впрочем, репутация Эдгарда Дорэ, как и его связи с горгонами, сыщице были хорошо известны. Такой тип, случись что, сухим из воды выйдет. А если и не выйдет, то откупится. И все-таки... Что-то ведь побудило его помочь глупышке, неужели смазливая мордашка? Ох, Этьен, как бы не пролететь тебе со своими сетями мимо лиловой бабочки. Ее, похоже, уже другой паук в свой кокон замотал.

Рассмеявшись собственным мыслям, девушка принялась собираться. Раз уж взялась следить за Майлой, то надо этим и заниматься. И лучше не в человеческой ипостаси, хотя... наведаться в ПБ «Последний цветок» стоило сначала в образе молодой дьеры, якобы опечаленной кончиной какого-нибудь родственника. Выводы насчет беглянки и приютившего ее гробовщика делать пока было рано. Версии версиями, а работа профессионального сыщика требовала доказательств.

Спустившись вниз, Олли-о надвинула на лоб шляпу так, чтобы тень по возможности скрывала глаза, взяла со стойки одну из тросточек со скрытым внутри «жалом» и направилась к выходу. Вот только покинуть стены конторы ей так и не удалось. Стоило подойти к двери, как раздался решительный стук. Сыщица досадливо вздохнула и, нацепив на лицо любезную улыбку, приберегаемую исключительно для заказчиков, открыла.

На пороге стояла высокая худая дьера. Из-под густой вуали выглядывали только подбородок и чопорно поджатые губы. Хозяйка СБ шагнула в сторону и сделала приглашающий жест. Не удостоив ее даже кивком, посетительница гордо вплыла в приемную и небрежным движением руки в кружевной перчатке откинула назад вуаль.

– Думаю, вы знаете, кто я! – надменным тоном произнесла Грэнна Ганн.

По счастью, пять лет сыскной работы приучили дьеру Сомс отменно владеть собой. Иначе если бы она и не выдала своего изумления в первый момент, то непременно продемонстрировала бы его после того, как гостя озвучила свое поручение.

– Простите, я правильно поняла, – внимательно выслушав ее, проговорила Олли-о, – вы хотите, чтобы я нашла сестру вашей покойной невестки, которая... якобы тоже умерла? Причем «умерла» не без вашего непосредственного участия.

– Совершенно верно! – ровным голосом подтвердила мать Этьена.

– При этом вам известно, что с вашим сыном меня связывают... – рыжая помедлила, подбирая слова, – не только деловые отношения.

– О своем сыне я знаю все! – усмехнулась дьера Ганн.

– Угу. И вы рассчитываете, что я не поделюсь с моим близким другом чрезвычайно важной для него информацией? – Девушка недоверчиво прищурилась.

– Дьера Сомс, давайте начистоту! Какая может быть дружба между мужчиной и женщиной?

Я вас умоляю. – Смех Грэнны был бы довольно мелодичным, не будь он насквозь пропитан сарказмом. – Вы ведь не глупы и наверняка осознаете уровень помешательства моего сына на этой безродной девчонке, у которой за душой ни приданого, ни положения, ни семьи, не считая

Аттамсов, с которыми она так удачно порвала все связи своей «скоропостижной кончиной». А еще вам прекрасно известно упрямство и целеустремленность Этьена. Майлу необходимо найти и отправить куда подальше, пока она не попалась ему на глаза или не вляпалась в неприятности, которые заставят ее обратиться за помощью к моему мальчику. Не сомневайтесь, я хорошо вам заплачу за работу. – Холодные серые глаза ее встретились с заинтересованными светло-кариками.

– Ваши мотивы мне ясны, – немного подумав, сказала сыщица, – но что вселяет в вас уверенность, что я рискну потерять расположение Этьена ради этого плана? Боюсь, деньги в данном случае несколько утрачивают свое значение, – вздохнув, добавила она.

– Я прекрасно знаю своего сына! – Светлые радужки гости сверкнули колючим льдом. – Возможно, лучше, чем он сам. Если он получит то, что хочет, ваша... «близкая дружба» ему уже не понадобится. – Тонкие губы женщины изогнулись в неприятной улыбке.

– А вы так печетесь о моих интересах? – наигранно удивилась Олли-о. – Я тронута.

– В этом вопросе наши с вами интересы, дьера Сомс, тесно переплетаются, – снисходительно произнесла Грэнна. – Вам же хорошо известно, что на такой, как вы, Ен никогда не женится. Одно дело лиловая ведьма с перстнем азы на руке, другое... оборотень. Даже в своем упрямстве мой сын весьма расчетлив, поверьте, дьера, – усмехнулась женщина. – А я могу вам гарантировать, что супруга, которую подберу ему я, не будет препятствовать мужу... ни в чем. Так что скажете теперь про небольшую коррекцию планов? – искушающе промурлыкала эта интриганка.

– Хм... кажется, я начинаю находить некоторую привлекательность в ваших рассуждениях, – вертя в руках черную трость с серебряным набалдашником, ответила Олли-о. – Я возьмусь за ваш заказ. В два раза больше заплатите, значит?

Визитерша кивнула, а сыщица, немного помолчав, спросила:

– Только – исключительно для интереса – скажите, чем вас так не устраивает... мм... Майла? – Олли-о выразительно поморщилась, с удовольствием отметив, что эта ее гримаса пришлась по вкусу собеседнице. – Девочка, как я понимаю, хорошенькая, воспитанная, образованная...

– А еще совершенно не перспективная, да к тому же сестра его покойной жены, – проворчала Грэнна Ганн. – Кларисса была проходимкой, а эта и вовсе невеста кто! Хотя... мне бы не хотелось, чтобы она пострадала. Ведьмочка хочет свободы и магической практики? Мы хотим для нее того же, но подальше от Этьена. Значит, просто надо помочь девочке принять верное решение и уехать. – Холодная улыбка на ее губах смотрелась весьма решительно. – Вы согласны, дьера Сомс?

– Сделаю, что смогу, – уклончиво ответила сыщица. – А сейчас давайте заключим контракт и обсудим мой будущий гонорар. – Повернувшись к столу, рыжеволосая хозяйка дружелюбно предложила: – Чай, кориф

[29]

, коньяк?

Спустя двадцать минут Олли-о выпроводила наконец визитершу за дверь и, вернувшись наверх, плюхнулась в свое любимое кресло, непроизвольно погладив подлокотник, на котором совсем недавно лежала рука дьера Аттамса. Прокрутив в голове события последних часов, девушка от души расхохоталась. Что мать, что сын – одного поля ягоды. Заказ на эту Джимджеммайлу, надо отметить, вырисовывался все более любопытным. А главное, весьма прибыльным! Но не успела довольная сыщица отойти от второго визита, как ей нанесли третий. Прямо наплыв какой-то!

«Медом намазано, что ли? – мысленно проворчала дьера Сомс, поднимаясь навстречу закутанному в плащ мужчине. Такую одежду обычно носили в северной части континента, но никак не на острове ранней осенью. – То никому не нужна, то всем понадобилась». Темно-коричневая накидка скрывала фигуру, надвинутая на лоб шляпа – большую часть лица, а перчатки – руки. Гость, представившийся дьером Дэгором, вопреки правилам хорошего тона не стал снимать головной убор. Он даже пройти в кабинет не удосужился. Просто уточнил с порога, является ли здесь присутствующая рыжеволосая особа дьерой Олли-о Сомс, после чего протянул ей конверт и, дождавшись, когда она его вскрыет и прочтет, спросил, согласна ли сыщица, рекомендованная ему как лучшая в городе, взять заказ.

Искать еще одну лиловую ведьму без имени и описания внешности, не считая родимого пятна в виде капли на правом бедре, осе не хотелось. Но сумма, которую, как оказалось, готов заплатить странный тип за работу, быстро исправила ситуацию. Где одна ведьма, там и две... подумаешь! В конце концов, она профессионал, который вполне может вести несколько дел сразу.

Глава 5

В городской школе ведьм

В общежитии, где располагались комнаты учениц лилового факультета, царил переполох. Молоденькие волшебницы верещали на все лады, носились по коридорам и швырялись мелкими заклинаниями, метя в крохотную, но очень подвижную мишень. Все началось в душевых, где сонные девушки по традиции получали свой заряд бодрости перед занятиями. Именно в это царство обнаженных красавиц, чьи тела омывали прохладные струи воды, и залетела рыжая оса. Противно жужжа, она петляла между ведьмами, которые, заметив кусачее насекомое, принялись истошно визжать и метаться по облицованным каменной плиткой кабинкам. Они поскальзывались, вскакивали, выбегали в раздевалку, вооружались полотенцами, простынями и даже метлами, а потом те, кто посмелее, отправлялись на охоту за гадким насекомым. Остальные, второпях собрав вещи, неслись прятаться от ядовитой (а про рыжих ходила именно такая слава) летуны. Однако проворная оса, изучив их бедра на предмет наличия родинки в форме капли, давно уже смылась с места преступления, улизнув через так часто открываемую дверь. Навестив еще несколько комнат и вдоволь поплутав в складках ведьминских юбок, полосатая нарушительница спокойствия, чудом оставшись невредимой, вылетела на улицу.

«И чего верещали, дуры? Ну, подумаешь, страшно... и щекотно... и вообще... Любить надо иные формы жизни в природе, а не пытаться пристукнуть или временно обратить в безобидную бабочку с помощью магии иллюзий. Наивные! Показала бы им эта «бабочка» ядовитое жало за подобное проявление гостеприимства... ж-ж-ж...» – раздраженно жужжала оса, летая, чтобы немного успокоиться и перевести дух, над поставленным на уши корпусом.

Все-таки уворачиваться от всего, чем пытались достать ее ведьмы, и при этом еще и не забывать смотреть на их бедра – было той еще задачей! Хорошо, что кошек девчонкам запрещено держать в общежитии. А то от хозяек свалить – это одно, а вот от рогато-усато-хвостатых зараз, обладающих магическим зрением, – совсем другое. Эти достанут своими когтистыми лапками и прихлопнут, дай только волю!

Придя в себя после разведки в школе ведьм, оса направилась на другой конец города: туда, где нес вахту целый рой ее соратниц. Добравшись до «Последнего цветка», оса скользнула в щель под самой крышей и затаилась, глядя сверху на ворвавшуюся в комнату девушку с каштановыми волосами, забавно торчащими из-за ушей. Схватив со стола ожерелье, она положила его в карман черного передника и снова выскочила за дверь. Полосатая гостья выползла из своего укрытия и отправилась следом.

Дважды по пятнадцать ступенек вниз, поворот, коридор и еще два лестничных пролета... Глухой топот босых ног – и тишина. Эта юная особа в заштопанных полосатых чулках выглядела совсем не так, как та блондинка, что пряталась вчера в кустах. Но тем не менее это была именно она. Ее движения, ее запах... Майла! Чертами лица девчонка напоминала покойную жену Этьена, но, несмотря на сходство, была куда ярче и красивее Клариссы. Подвижная, деятельная, словно маленький вихрь, носящийся по обычно мрачному ПБ. Туда-сюда-обратно: тут завтрак подгорает, там потенциальный заказчик дверной молоток терзает, здесь мертвый клиент без присмотра лежит... беденький! Дел у ведьмы (удивительно живой для покойницы!) сегодня было невпроворот. А все началось с утреннего визита горгон...

Некоторое время назад

Когда в ПБ явился нэрл Гэлвин, который недавно так уважительно беседовал с дьером Дорэ, Джемма не придавала этому особого значения. Зато когда горгон надел на гробовщика лауриновые браслеты и повел к украшенному городским гербом экипажу, девушка заволновалась. Она поспешно выскочила на крыльцо, да так и застыла, не зная, что делать и говорить. Куда его, почему, за что?! Неужели дьер Дорэ из тех, кто практикует запрещенную магию? Вопросы вертелись на языке, но не спешили складываться в слова. Нэрлисы смущенно отводили взгляд, ведьма испуганно тарасилась то на хозяина, то на нэрла, а тот лишь слегка, словно с ехидством, улыбался, бросая на нее косые взгляды. Странная улыбка и отчего-то знакомая... вот только где Джемма могла ее раньше видеть?

— Дьер Эдгард... — собравшись с духом, начала девушка.

— Спокойствие, дьера помощница, — перебил ее тот, кто, вопреки сложившейся ситуации, это самое спокойствие и источал. — Я принял с утра два заказа, твоя задача — выполнить их в лучших традициях «Последнего цветка», пока меня не будет, — сказал он, неотрывно глядя на бледную как мел ведьмочку. Он словно передавал ей свою уверенность, гася тем самым всплеск паники. — Приступай к работе, Джемма! — приказал мужчина. — По ее результатам и обсудим потом жалование, о повышении которого ты вчера просила, — добавил насмешливо и повернулся к нэрлу. — Теперь я готов, идемте, дьеры.

— Не будь вы уважаемым горожанином... — проворчал глухим басом главный горгон.

— К счастью, я именно такой, — хмыкнув, отозвался Эдгард и, звякнув пропитанными магией наручниками, сел в карету.

— А... за что вы его? — когда экипаж отъехал, пробормотала та, кого только что из кухарки официально повысили до заместителя хозяина, а заодно и сбавили на нее все дела. Мама дорогая! И как же с этим справиться?! А дьер гробовщик даже не удосужился выдать денег на поддержание жизнедеятельности своей конторы. Или она должна устраивать похороны на ту самую призрачную зарплату, которую, быть может, он ей выдаст... потом... когда вернется... если вернется. А-а-а, чирташ вездесущий! За что?!

Вот с этой памятной сцены во дворе ПБ и начались злключения ведьмочки.

Как выяснилось путем тщательного исследования всех закутков кухни и кладовой, имеющихся в наличии продуктов ей должно было хватить на неделю. За это время следователи наверняка во всем разберутся и, признав ошибку, отпустят дьера гробовщика и дальше провозжать в последний путь городских мертвецов. Джемме очень хотелось верить в то, что будет именно так. Вариант, что загадочное преступление хозяина вовсе не вымысел и его ожидает долгое тюремное заключение, а возможно, и казнь, девушка даже не допускала. Пусть она знала этого мужчину всего пару дней, но он ей нравился. И очень. Меньше всего она хотела видеть его в петле. Так что прочь... прочь мрачные мысли! Работа не ждет, да и вопрос зарплаты зависит от ее стараний, значит, надо быстрее вникать в процесс. Подбадривая саму себя, ведьма начала действовать.

С заказами дела обстояли менее радужно, чем с продуктами. Дьера Клю завещала похоронить ее в украшенном золочеными розочками и кремовым шелком гробу. Ни того ни другого в запасах похоронного бюро не наблюдалось. Вот интересно, за шесть стальных, сэкономленных вчера на рынке, ей хоть ленточку продадут? Вряд ли! И что тогда остается? Организовать уже заказанные похороны с помощью того, что найдется в рабочем зале, а с завтрашнего дня повесить на дверь «Последнего цветка» табличку «Закрето»? В принципе можно. Благо хоть с подручными дьер Дорэ успел частично рассчитаться, а то пришлось бы самой в катафалк впрягаться и лопатой махать. Вот только репутацию его конторе после простоя долго придется восстанавливать. И Эдгард, когда вернется, по головке за такое свою помощницу не погладит. В лучшем случае опять разжалует в кухарки, в худшем — отправит пинком за дверь без стального в кармане. Этот может, угу... А что будет, если он все-таки не вернется? Что делают с имуществом осужденных? В городскую казну передают? Ужас!

Ее еда, кров, работа... все исчезнет в один миг из-за того, что гробовщик в чем-то напортачил. Вот же... гад! Накатившая было злость уступила место тоске. Главное, и не сделать ведь

ничего! Ну не может же Джемма к горгонам пойти, чтобы все выяснить и по возможности помочь хозяину. Кто она такая? Попросят предъявить медальон с информацией о личности. А нету у нее такого. Вернее, есть, только вот принадлежит мертвой подопечной дъера Аттамса, которого в городе каждая горгона знает. А может, к чирташу все эти инстанции? И напрямую к Этьену? Он, конечно, устроит ей разнос за фальшивые похороны, но не убьет же! И в храм не отправит, так как дъера Ганн уже заплатила откупные. Позлится, попсихует и... поможет. Хотя бы денег в долг даст... И не в долг тоже.

– Даст, – мрачно покивала своим бредовым идеям девушка. – Все что угодно даст, ну и возьмет тоже. Как он тогда сказал? «Если не согласишься переехать со мной и девочками на материк – пойдешь послушницей к Сайме?» Шантажист проклятый! – Джемма закусила от досады губу и гордо вздернула подбородок, направляясь в рабочий зал. – Извращенец! Бабник! Любитель рыжих ш-ш-швабр! – шипела она, находя в этой вспышке раздражения некое лекарство от безысходности. – Дурак проклятый! – Усевшись за стол, где обычно работал Эдгард, девушка взяла в руки гвоздострел, повертела его, прицелилась к невидимой мишени и, прищурив один глаз, выстрелила.

– Пив! – несколько гвоздиков врезались в каменную стену и, отскочив от нее, упали на пол.

– И почему ты любишь не меня, а образ сестры в моем лице? – вздохнула она грустно. – Права была Грэнна... во всем права. Идея с похоронами – лучший выход для всех нас, – проговорила тихо, словно убеждая в этом саму себя.

Позор, насмешки, косые взгляды и презрение. Переезд опять же... Это здесь дьер оружейник – фигура известная, при связях и деньгах. А там что? Все начинать с нуля? Разве Джемма могла обречь зятя на такое? А девочки? Им новая мама нужна: чужая тетка... та рыжая, к примеру. Чем не вариант? Чужая! Р-р-р! Да разве сможет чужая вырастить малышей лучше, чем она, родная?! Зажмурившись на мгновение, девушка открыла глаза и уставилась на подставку с ленточками. Размышляя, она принялась раскачиваться на стуле, не обращая внимания на его протестующие поскрипывания. Думы о самом близком человеке в стрессовой ситуации выглядели вполне нормально. Ненормально было от него сбегать, да еще и прикидываться умершей. Но что сделано – то сделано. И как бы ни нашептывал трусливый внутренний голос, что стоит вернуться да попросить о помощи, Джемма ни за что не сделает этого. Этьен не простит обиды, а Грэнна... эта хитрая гримза четко дала понять, что деньги... большие, к слову, деньги, которые она отдаст храму, – последнее, что Майла получит от их семьи. Своего рода прощальный подарок. Не считая мешочка с трэймами в гробу. А может, сама дъера Ганн его и забрала, решив, что два подарка для ведьмочки – это слишком.

Поморщившись, Джемма отогнала прочь неприятные мысли. У нее есть дела поважнее! Что ж, нет безвыходных ситуаций. В конце концов, это Эдгарда арестовали, а не ее. Если не справится с управлением ПБ, то найдет другую работу и кров, а если не повезет с ходом, то подружится с бродягами, ночующими под мостом, уж они-то не откажут в гостеприимстве еще одной бездомной. Но лучше все же остаться здесь. В тепле, комфорте, с трупами, готовыми смиренно лежать, пока она над ними колдует, с хозяином, который водит дружбу со жнецами, и с хорошей – в перспективе – зарплатой на должности помощницы гробовщика.

Решив так, ведьмочка погрузилась в работу. Украсила два гроба, придумала в процессе, как будет объяснять, почему дизайн не соответствует заказанному. Затем отправилась в подвал, чтобы заняться той самой дьерой Ключи, чьи прижизненные вкусовые пристрастия так сильно расходились с тем, что имелось в запасах ПБ. Привела в порядок покойницу, несмотря на то что стук дверного молотка постоянно отвлекал от плетения чар и приходилось бегать наверх, общаться с визитерами, рассказывать небылицы на тему временного отсутствия дъера Дорэ, после чего снова возвращаться к работе. Закончив с мертвой клиенткой, Джемма отметила, что та небось при жизни никогда так шикарно не выглядела, и, зайдя по пути за учетной книгой, провела пару холодных покойников, одним из которых был тот самый рыжий, оставшийся здесь после вскрытия, чтобы быть достойно погребенным на городском кладбище послезавтра.

– Ай!

Книга полетела вниз, неудачно приземлившись Джемме на ногу. Девушка дернулась, и приоткрытая, чтобы было видно лицо покойного, ячейка хладамеры хлопнула, при этом больно прищепив ей пальцы. Ведьма взвыла, выдернула руку из металлического зажима, пнула коварный талмуд и уселась прямо на холодный пол, прижав к груди пострадавшую кисть.

– Мур-р-р? – Вишенка, спрыгнув со стула, подошла к хозяйке и потерлась головой о ее щиколотку.

Джемма втащила кошку на колени и почесала между рожками. То, что Ви теперь могла бродить где угодно, было, конечно, прекрасно, только причина этой вседозволенности, увы, не вызывала восторга. В здании ПБ ведьмочка была одна. Одна, если не считать нескольких трупов, мурлычущей любимицы и парочки надоедливых насекомых, у которых наверняка где-то под крышей пряталось гнездо. Тоже вот... надо будет поискать и выбросить, пока весь дом не начал походить на один жужжащий улей.

Тяжело вздохнув, девушка в последний раз подула на пальцы, затем поднялась, сунула под мышку книгу и отправилась на кухню. Ей просто необходимо было обдумать кое-какие вопросы. И лучше совместить это занятие с припозднившимся обедом, пока на входной двери висит соответствующая табличка, потому как потом явится еще кто-нибудь и потребует принять заказ, или встретить карету с покойником, или заплатить по счетам, или просто проконсультировать. И все это придется делать ей – лиловой ведьмочке без лицензии, которая жаждала стать помощницей гробовщика. Стала, угу! Теперь вот наслаждается... сбывшимся желанием. Вчерашний день казался ей ужасным, но по сравнению с сегодняшним он был просто замечательным.

– Ви, – обратилась девушка к кошке, невозмутимо восседающей на обеденном столе, – если бы ты была серьезным нелюдимым мужчиной средних лет, где бы ты хранила деньги? В столе рабочем нет, в письменном, что стоит в его кабинете, – тоже. Под матрасом пусто, в шкафу ничего... – рассуждала ведьма. – Да отвяжись ты! – отмахнулась она полотенцем от зависшей у самого уха осы. Насекомое отлетело, недовольно жужжа, и... превратилось в безмолвную лепешку под лапкой шустро подскочившей Вишенки. – Спасибо, моя хорошая! – Почесав любимице шейку, Джемма тяжело вздохнула и подперла кулачком щеку. – Нет, я же не дура, понимаю, что основные сбережения дъера Дорэ в банке. Но ведь и дома что-то должно быть, хотя бы на мелкие расходы. Значит, где-то есть тайник. Вопрос: где именно?

Кошка спрыгнула со стола и, выгнув спину, направилась к выходу.

– У тебя есть идея? – обрадовалась ведьма и устремилась за ней. Вишня целеустремленно помчалась к лестнице, девушка следом. – В моей комнате? – удивилась Джемма, но открыла пушистой напарнице дверь.

Ви, в пару прыжков преодолев расстояние до дивана, запрыгнула на него, устроилась на облюбованном ранее валике и, широко зевнув, свернулась калачиком.

– Ты... ты... – От негодования хозяйка даже слова подобрать не могла. – Хулиганка ты!

– Мур-р-р! – отозвалась киса, приоткрыв один глаз. И тут же взвилась в воздух, на лету перекусив слишком близко очутившуюся осу. Рядом с кошкой зажужжала еще одна и принялась летать вокруг вошедшей в азарт охотницы.

– Да что ж такое! – возмутилась Джемма, взяла стоящий у стены башмак и прицелилась. – Кругом эти мерзкие полосатые твари! Ядовитые к тому же...

Насекомое, легко увернувшись от просвистевшей мимо обуви, тут же стало жертвой острых зубок животного. Но жужжание почему-то не смолкало. Сразу три рыжих летуньи угрожающе зависли над пушистой черной макушкой с заинтересованно дергающимися ушками.

– Ах так! – Ведьма взяла второй башмак и подкинула его на ладони. – Ничего, Ви! Не перебьем всех, так отраву у зеленых ведьм купим! Будут знать, как гнезда в похоронном бюро вить и над ухом его обитателей жужжать. У, гадины!

Из щели под потолком начали одно за другим появляться рыжие насекомые. Быстро, стремительно, в сопровождении звука, больше походившего на угрожающий вой... Джемма понялась к двери, но десяток ос преградил ей путь. Метнулась к дивану, но с потолка на пол у ее ног обрушился целый рой полосатых тварей. Джемма вскрикнула и, швырнув в шевелящуюся гущу последний башмак, бросилась в свой спальный закуток, где накрылась с головой покрывалом. Ви же, напротив, бежать не собиралась. Она яростно шипела и скалилась, выгнув спину и распушив хвост. А рой кружился и уплотнялся, быстро приобретая очертания человеческой фигуры.

Через минуту с пола поднялась высокая девушка с ярко-рыжими волосами и коричнево-оранжевыми полосами по всему обнаженному телу.

– Сама ты гадина! – обиженно буркнула Олли-о и, ловко ухватив за шкурку, потрясла Вишню, воинственно размахивающую когтистыми лапками. – И кошка твоя – ведьмино отродье. Крокодил зубастый... в миниатюре.
Не снимая покрывала, Джемма вскочила, метнулась к столу, схватила зеркало и решительно повернула его к девушке-осе.
– И... и... изыди, чирташ! – проговорила грозно. – Именем духа отражений заклинаю...
– Сбавь обороты, ведьма, а? И это... пафоса поменьше в голос добавляй, а то коробит, – криво усмехнулась полосатая особа. Она швырнула на диван кошку и будничным тоном сообщила, рассматривая отражение: – Надо бы волосы подстричь немного, а то что-то быстро путаются.
– Вы... вы кто? – запинаясь, пробормотала ведьмочка. Она, по-прежнему держа перед собой зеркало, словно щит, сделала шаг назад и прислонилась к стене.
Ви тут же бросилась к ней, вскарабкалась по покрывалу и устроилась на хозяйском плече.
– Дай сюда эту тряпку! – скомандовала незваная гостья и, не дождавшись реакции, сама сдернула с собеседницы клетчатое одеяло, едва не скинув кошку. Обернув его вокруг тела, завязала узлом над грудью. – И зеркало поставь! Такая большая ведьма, а все веришь в сказки, что духи-покровители на зов приходят, фи. – Рыжая направилась к дивану и подобрала ос, пострадавших от охотничьих инстинктов и острых зубов Вишни. – Эх... Не годятся! – разочарованно пробормотала она, усаживаясь на диван. Двухцветные полосы на ее теле стремительно светлели. – Ты посмотри на это! – Девушка задрала ногу и пошевелила единственным пальцем. – Из-за твоей хвостатой мерзавки мне теперь дня два новые отраживать. Тоже мне охотница! Куча ведьм в общаге не поймала, а эта бракованная киска... Да ты садись, Майла! Чего как не родная стоишь? – Сыщица приглашающе похлопала рукой по дивану. – Поговорим за жизнь.
– Я вас знаю? – Лицо рыжей, которое почти приобрело нормальный цвет, действительно показалось ведьме знакомым.
«Да это же та «ослица», что с Этьеном во дворе была!» – осенило наконец Джемму. И вместе с открытием пришла и странная волна злости. Со стуком водрузив зеркало обратно на стол, девушка сложила на груди руки и мрачно посмотрела на оборотня.
– Вот сейчас и познакомимся! – очаровательно улынулась ей та, подмигнув светло-карим, почти желтым глазом с вертикальным зрачком. – Садись, кому говорю, ведьма! Буду вести с тобой воспитательную беседу! – иронично добавила она. – Только чудовище свое держи от меня подальше! Хотя бы ближайшие часа два...

Через два часа

– Ну, Олли, ну пожалуйста!
– Нет! – отрезала сыщица и, чуть зажмурившись от удовольствия, облизала ложку с остатками варенья. – Я даром не работаю!
– Я заплачу! Честное волшебное!
– Чем? – посмотрела заинтересованно рыжая.
– Ну-у-у... – протянула Джемма, на ходу придумывая достойный ответ. – Дьер Дорэ заплатит, когда вернется.
– Если! Если вернется, – скептически хмыкнула гостья и с сожалением покосилась на практически чистую ложку. – Значит, и заплатит – если! Это «если», видишь ли, меня не устраивает.
– А...
– Нет!
– Но...
– Нет, я сказала! – Брови осы съехались на переносице. – И вообще, что это я с тобой разговоры разговариваю? За шкурку и домой!
Ведьмочка испуганно попятилась, и собеседница сжалилась.
– А еще варенье есть? – спросила как ни в чем не бывало.

– Есть! – кивнула Джемма, поспешно доставая из шкафа украшенную цветным ярлыком банку. – И пирожки с повидлом будут! И торт я тебе испеку! Только узнай хотя бы, в чем Эдгарда обвиняют. Ну что тебе стоит, а? Слетай к нему, поговори. Может, он сам тебя и наймет его дело расследовать.

– Я в противостояние с горгонами не полезу, – скривилась рыжая, повыше подтянув сползающее с груди покрывало. – Мне вполне хватает заказов на слежку, поиск и прочие мелкие поручения. А против властей иди...

– Ну почему против?! Почему? – всплеснула руками Джемма. – Просто выясни все, осмотришься и... потолкуй с моим хозяином. Потому что пока он не вернется, – ведьма поставила банку перед гостьей и, опершись руками на стол, нависла над ней, – я отсюда никуда не пойду. А попробуешь отвести за шкурку, хм...

– Хм? – Насмешливые карие глаза посмотрели в зеленые.

– Наколдую тебе бородавок, Олли-о, и будешь три дня ими щеголять! – вновь распрямив спину, сказала ведьмочка.

А дьера Сомс, посмеиваясь, принялась открывать крышку.

– Торт, говоришь, испечешь? – Слопав еще полбанки лакомства, сыщица покосилась на свою босую ногу, где теперь вместо одного пальца красовались уже два. Сладкое всегда благотворно влияло на ее регенерацию. Да и чего уж там, любила оса десерты... а еще коньяк. Второго в ПБ «Последний цветок» ей не предложили, зато первого... мням! Олли-о снова оценивающе посмотрела на палец, восстановленный из недобитого насекомого, поэтому пока что больше похожий на один сплошной синяк, и сказала: – Два торта! А еще, деточка...

– Какая я тебе деточка?! – возмутилась Джемма. – Ты всего на несколько лет меня старше.

– Ключевое слово тут «старше», – запустив ложку в остатки варенья, заметила рыжая. – Так вот, деточка... Ты молча, вдумчиво – можешь конспектировать – выслушаешь все, что я скажу тебе насчет твоей безмозглости и Ена.

– Э... – Джемма слегка опешила от такой резкой перемены темы.

– Второй раз предлагать не буду! – многозначительно заявила сыщица. – Торт и... конспект!

– Ладно-ладно, – примирительно подняла руки девушка. – Я все выслушаю, но только после того, как ты поможешь мне вернуть дьера Дорэ.

– Вернуть?! – взвилась оса.

– Э-э-э... ну-у-у... я имела в виду, что ты поговоришь с ним и предложишь ему свои услуги сыщика... не бесплатно, конечно.

– Угу-угу, – криво усмехнулась Олли-о. – Предложить я, конечно, могу. Думаю, он сильно впечатлится предложением сыских услуг от голой девки в рыжую полосочку.

Ведьма подавилась смешком, представив, как рой ос обращается человеком в тюремной камере Эдгарда, но быстро взяла себя в руки и спокойно проговорила:

– Зачем же так сложно, тебе всего-то и надо – навестить его в заключении. С лицензией сыщика тебя обязаны пропустить.

– А если он политзаключенный? – не хотела сдаваться оборотень.

– А если я у тебя сейчас варенье отберу? – нехорошо так прищурилась Джемма. – И торты печь не стану, и Этьену твоему драгоценному всю морду расцарапаю, если он решит ко мне приблизиться?

– У, какие мы злые, – поморщилась рыжая, покрепче обняв банку.

– Оказалась бы ты в моем положении, тоже злой бы стала, – проворчала ведьмочка, растеряв весь свой воинственный запал. – Олли, пойми! Дьер Дорэ дал мне кров и работу, прикрыл мою выходку с похоронами... Я не могу подвести его, когда он нуждается во мне. К тому же здесь отличное место, чтобы практиковаться в лиловой магии, и мне совсем не хочется его потерять. Пожалуйста, не сообщай Аттамсу, что нашла меня, – глядя в глаза собеседнице, попросила Джемма. – Хотя бы до тех пор, как все устаканится в ПБ.

– Три торта! – немного подумав, заявила обнаглевшая сластена. – Ни к чему Ену такая дурища! Вот воспитаю тебя немного, мозги на место поставлю, тогда и предъявлю пред светлые очи дьера оружейника. – Вскочив со стула, она положила в рот еще одну ложку клубничного варенья и, водрузив на стол банку с его остатками, покинула кухню. – Жди! Пеки! И не тронь мое варенье! Скоро вернусь! – Последняя фраза этой деятельной особы долетела до слуха Джеммы откуда-то с лестницы.

Постояв еще немного, будто ожидая, что рыжий вихрь с именем Олли-о передумает и вернется за лакомством, Джемма устало опустилась на стул. Общение с осой ее совсем вымотало. Страх, растерянность, злость, решительность, любопытство, раздражение – череда эмоций была слишком насыщенной, слишком яркой и стремительной.

Теперь вот еще и десерт печь. А из чего? Имеющийся набор продуктов подобных изысков не предполагал. Да и прежняя проблема так и не была решена. Где взять денег на оформление заказанных похорон? Дьера Сомс категорически отказалась одолжить ведьме хоть сколько-нибудь, а больше ведь и не у кого. Неужели из попыток ведьмочки справиться с делами ПБ ничего не выйдет?

Рука невольно легла на спрятанное в кармане ожерелье. Ради конфет и чулок Джемма точно не стала бы с ним расставаться, но в нынешней ситуации выбора нет. Может быть, сыщица согласится взять украшение в качестве оплаты ее услуг? От одного только предположения стало тоскливо. От желания разреветься удержала лишь мысль о том, что не пойдет серебро к золотистой коже осы и ее рыжим волосам. Занятая мрачными думами, девушка не заметила, как в углу кухни начал постепенно уплотняться воздух, образуя небольшую, испускающую слабый свет воронку. Сияние нарастало, пока не превратилось в высокую фигуру в длинном плаще и белых латах. Взвесив в руке огромный меч, будто он был не опасным оружием, а муляжом или детской игрушкой, жнец еще с минуту любовался затылком погруженной в размышления ведьмы, после чего радостно изрек, увидев на столе на четверть полную банку:

– О, варенье! А чайку нальешь, моя сладкая?

Там же через полчаса

– Говорю же тебе, не могу я! – возмущался жнец, делая очередной шаг назад и с опаской поглядывая на подбоченившуюся ведьмочку, бросающую на него грозные взгляды.

– Что значит «не могу»? Ты ему друг или кто? – наступала Джемма. – Как за помощью к Эдгарду являться – так это пожалуйста, а как самому хоть палец о палец ударить – так сразу «не могу»!

– Сладкая моя, клубничная... – начал парень, подумывая вынуть клинок из ножен на спине.

Не для того чтобы пускать его в дело, конечно... да и не вышло бы это с мечом жнеца, а затем, чтобы хоть немного отрезвить слегка спятившую девчонку видом грозного оружия. Ситуация, в которой она оказалась, не повергла ведьму в уныние, а, наоборот, подстегнула к решительным действиям. И ладно бы девчонка сама действовала, так она же упорно пыталась привлечь к этому процессу и его – жнеца смерти! Докатился.

– Я не сладкая! – возмутилась Джемма.

– Очень даже сладкая. – Белые губы Эла сложились в плутоватую улыбку.

– А почему клубничная? – чуть нахмурившись, уточнила собеседница.

– Так фея же, – развел руками он.

– Я ведьма! – Она умудрилась зашипеть, несмотря на то что в словах, сказанных ею, не было ни одной шипящей буквы.

– Это для всех ты ведьма, а для меня самая настоящая фея. Клубничная, малиновая... сладкая.

Джемма, – произнес он, смакуя ее имя, словно сочные ягоды. – Фея моего сердца.

– Ладно, можешь называть меня этой мифической коротышкой со стрекозиными крылышками, да простит нас Марна! Но ради всего триумвирата, помоги! – сооротив жалобную мордашку и умоляюще сложив руки, попросила девушка.

Смена тактики ничуть не обрадовала Элроя. То агрессивно настроенная ведьма, то готовая расплакаться страдалница... и что ему с ними всеми делать?! Зашел к старому другу на чай, называется. Эх! Нет чтобы опасалась его девчонка, как вчера. Стороной обходила, вареньем кормила... А тут схватила банку, спрятала в шкаф и... началась вербовка жнеца на службу на благо несчастного похоронного бюро и его арестованного владельца. А то, что Эл уже лет тридцать как завербован куда более могущественной организацией, это не считается, да?

– Чем помочь, сладкая? – вздохнул жнец. – Я не могу пойти к Гарду, во всяком случае пока.

Посланники Саймы вообще не могут бродить среди людей, мы перемещаемся иначе. По

сопредельному миру, если ты понимаешь, что я имею в виду. Или, правильней будет сказать, по подпространству. И, чтобы передвигаться, нам нужны точки-якоря. Либо люди из списка, выданного координатором, либо... маги душ и такие, как ты, помеченные смертью.

– Дьер Дорэ – маг душ, – не желала сдаваться Джемма.

– И? Хочешь, чтобы его сочли умалишенным после беседы с незримым для всех жнецом? Да и что он мне скажет? – Проходя мимо ведьмочки, Элрой приобнял ее за плечи, скользнул пальцами по руке к запястью и на несколько секунд сжал ладонь. Затем сел на тот самый стул, который полчаса назад занимала Олли-о. – Рано еще, фея, – сказал, глядя, как она оттаивает после холода его прикосновений. – Если это не ошибка, а происки недоброжелателей... хотя скорее уж недоброжелательницы... и Гард не вернется к ночи домой, обещаю, я навещу его в промежутке между работой. Может быть, даже сегодня. Но сначала дай мне чаю, сладкая, – потребовал блондин.

– Дай мне денег, ледышка, – сложив на груди руки, тем же тоном ответила Джемма.

– Ну ты... – выдавил ошарашенный ее заявлением жнец.

– Фея? – мило улыбнулась та.

– Ведьма! – рявкнул он.

Девушка хихикнула и налила-таки потустороннему гостю чай. Даже варенье отдала, хоть и подумала, что влетит ей за это от сластены-осы.

– Нет у меня денег! Нет! – уплетая лакомство с не меньшим аппетитом, чем сыщица, оправдывался жнец. – Я не принадлежу вашему материальному миру. Я бесплотен, понятно?

– Ах, бесплотен? – Джемма прищурилась. – Как целоваться и десерты трескать, так ты вполне материален!

Элрой раздраженно рыкнул, неожиданно поднялся из-за стола, шагнул вперед и... резко ударил девушку кулаком.

– Ай! Ты что делаешь... – взвизгнула та и осеклась, глядя на мужскую руку, до середины предплечья утонувшую в ее животе.

От места пересечения (назвать это иначе было сложно) с конечностью жнеца по телу расползался холод. Джемма подняла голову и, посмотрев в лицо блондину, попыталась коснуться его щеки кончиками пальцев. Но ее кисть ощутила лишь холодный воздух. Эл... Не осязаемый Эл, который касался ее несколько минут назад, а призрачный белый жнец, молча взиравший с высоты своего роста на обескураженную девушку, отступил. Ведьма округлившимися от удивления глазами следила за тем, как медленно выплывает из ее тела рука белого посланника.

– Убедилась? – прислонившись к стене, устало спросил он. – Я могу остановить твоё сердце, но просить у меня взаймы, увы, без толку. С тем же успехом ты можешь обратиться к чьему-то портрету. Ты и видишь-то меня и чувствуешь холод только потому, что уже была помечена смертью.

Джемма угрюмо кивнула и вдруг застыла, осененная идеей.

– Погоди-ка! Портреты чай с вареньем не пьют!

– Вчера у меня подпитка была. И сегодня была, но слабая. На чай с вареньем только и хватило, – хитро улыбнулся Элрой.

– Какая подпитка? – насторожилась девушка.

– Ты, фея. – Его улыбка стала шире.

– Как это? – Ее зеленые глаза сузились, вглядываясь в него.

– Вчера поцелуй, сегодня объятия. Немного твоего тепла, дыхания, жизни... и на время я становлюсь рядом с тобой похожим на обычного человека, способного чувствовать и осязать. Ведьмочка подумала. Кивнула и еще подумала, потом решительно подошла к нему и, наклонившись, спросила:

– Твои прикосновения сокращают мою жизнь?

– Нет, только поцелуй.

– На сколько?

– На срок, пока длится контакт, – нехотя признался жнец.

Она кивнула, принимая к сведению его слова, еще чуток поразмыслила над принятым решением, а потом коснулась его губ своими. Несмело и осторожно, готовая в любой момент отскочить, убежать, спрятаться от этого холода, по каплям ворующего ее жизнь. Но если такова цена за мужскую помощь, столь необходимую ей сейчас, что ж, можно стерпеть и поцелуй

жнеца... нежный такой поцелуй, теплый. И пока он не стал горячим, как вчера, Джемма оттолкнула вошедшего во вкус блондина и деловым тоном заявила:

– Так, а теперь за работу, мой белый эльф.

– Кто?! – вылупился на нее обалдевший Эл.

– Клубничные феи, светящиеся эльфы, – пожала плечами ведьмочка, пряча в уголках губ лукавую улыбку. – Добро пожаловать в сказку, Эл. Идем, у меня есть к тебе дело, пока ты снова не превратился в тыкву... в смысле в призрака и не сбежал косить души своим тесаком.

Тем же днем

– Чуть вниз, правее и поднажми! Ага, вот так! – руководила Джемма, нетерпеливо ерзая и тем самым полируя мятой юбкой рабочий стол в холодильной.

– Ты... ты не... – пропыхтел в ответ Элрой, на его белом виске от напряжения вздулась голубая жилка. – Ты могла бы не комментировать?

– Могла бы! – скрестив руки на груди, сказала девушка. – Если бы ты держал его правильно. Давай помогу!

– Ну, знаешь ли, он не для этого предназначен! – Помахав перед лицом ведьмочки свежепоцарапанным клинком, жнец вернулся к прерванному занятию. А именно – к выковыриванию из каменной кладки сейфа, обнаруженного в одной из хладокамер. Вот тебе и заглянул чайку попить с прелестной девочкой да о делах поговорить с бывшим сослуживцем! Чирташ свидетель, знал бы, во что вляется, – парил бы и дальше в вязкой белизне полога, ожидая нового задания от Дис.

– Мне вообще сложно представить, для чего может быть предназначен этот тесак, – наблюдая за блондином, проговорила Джемма и сладко зевнула, прикрыв ладошкой рот. – Трехполосную

[30]

дорогу в лесу прорубать? – Усталость и сонливость одолевали девушку гораздо сильнее, чем вчера, что не добавляло ей доброжелательности.

Может, причиной было то, что она перенервничала, или что на сей раз жнец предупредил ее о последствиях смертоносных ласк, хотя, вероятнее всего, причина недомогания крылась в том, что белокрысый нахал одним поцелуем не ограничился. Ему, видите ли, для поддержания осязаемого облика требовалась регулярная подпитка. Ну а ей – сильный и ловкий помощник. Джемма прикрыла глаза, вспоминая и оценивая собственные ощущения. Пожалуй, целоваться Эл умел. И, судя по уверенным и крепким объятиям, ставшим еще более пылкими после первого же соприкосновения губ, – не только целоваться. Ведьмочка, чуть склонив голову, принялась задумчиво разглядывать жнеца. Высокий... даже чересчур высокий, где-то на голову выше Эдгарда и на полголовы – Этьена. Худощавый, плечи широкие, глаза – чистая лазурь, к тому же светящаяся. Мечта, а не парень! Вот только два маленьких минуса: во-первых, Джемма не любила альбиносов, а во-вторых, парень был неживой. То есть не то чтобы мертвый... Но, пожалуй, зомби – и то более удачный выбор, чем жнец. Если он за пару поцелуев ее до такой усталости довел, что же будет, если с таким в постель лечь? Как минимум заснешь на самом интересном, а как максимум – не проснешься вовсе!

Бз-з-з-бам-м-м! – С противным звуком сейф вылетел из плена стены и грохнулся у ног девушки, расколов пару плиток пола.

– М-да... – задумчиво протянула она, рассматривая литой металлический куб с диском замка, открыть который новоявленные грабители так и не сумели. Вместилище предполагаемых сбережений дьера Дорэ гордо лежало на поцарапанном полу аккуратно под свисающими со стола девичьими ножками в заштопанных чулках. – И что с ним теперь делать? Кувалдой расплющить? – растерянно спросила ведьма, пытаясь затолкать подальше мысль о том, как бы ей сейчас пригодилась помощь Этьена в качестве мага металла. И в качестве мецената для ПБ

«Последний цветок» тоже, а еще в качестве... Стоп! Решила же не думать о нем, значит, надо не думать!!!

– А я откуда знаю? – фыркнул жнец. – Ты попросила выломать ящик из хладамеры – я выломал.

– Вообще-то я надеялась, что ты только крышку отдерешь, – принялась терев свой передник Джемма.

– Крышку? У этого металлического бульдога?! – мрачно усмехнулся парень. – Только через его труп, – попинав носком сапога куб, заявил жнец. – Узнаю Гарда, он к любому вопросу всегда подходил серьезно.

– Ладно! Забудем пока про сейф. – Ведьмочка спрыгнула со стола и, пошатнувшись, ухватилась за Эла. – Будем работать с тем, что имеем. Кажется, я видела в шкафу простыню подходящего цвета, – мило улыбнулась ему она, глядя снизу вверх в насмешливые голубые глаза.

– Из нее тоже попробуем немного денег выжать? – хмыкнул жнец, придерживая одной рукой свою сообщницу.

– Не попробуем, а выжмем! – с энтузиазмом ответила Джемма.

– Это как? – подозрительно прищурился он.

– Мы обтянем ею гроб, если не хватит – скомбинируем. А еще пустим пару наволочек такого же кремового оттенка на ленточки и сделаем из них розочки. Ну а когда тело достопочтенной дьеры Клю наконец обретет покой на дне могилы, родственники заплатят оставшуюся часть суммы за услуги нашей конторы мне, а не Эдгарду. И у меня будут тогда деньги на то, чтобы достойно организовать остальные похороны. – На ходу рассказывая план действий, Джемма потащила Эла в коридор.

– Куда?! – прихватив в последний момент свой слегка поцарапанный меч, взвыл блондин.

– Учиться шить, забивать гвозди и мастерить цветочки из шелка! – сообщила девушка, крепко держа его за рукав, так как до холодной кожи дотрагиваться было не очень приятно.

Спустя час

Дзынь-тук, дзынь-тук! – разносилось по рабочему залу, перемежаясь с шорохом ткани.

– Вомафки пофай!

– Чего?

– Ромашки, говорю! – выплюнув зажатые в зубах гвозди, огрызнулась девушка и, многозначительно махнув молотком в нужную сторону, сказала: – Вон лежит коробка.

С гвоздострелом у нее отношения не сложились. Зато с ним поладил Элрой, довольно быстро (и относительно качественно) натянув кремовый шелк поверх черного атласа на крышку одного из гробов. Заслужил свое варенье, сладкоежка!

От разговора обоих отвлекла нестерпимо яркая вспышка, озарившая угол рабочего зала. Свет померк, привидение осталось. На этот раз взору ведьмочки предстала такая же белая, как Эл, девочка лет десяти-одиннадцати на вид, только глаза ее были ярко-синие, а не лазурно-голубые, как у парня.

«Еще один жнец», – подумала Джемма, прижав к груди молоток.

– Что здесь происходит? – спросила гостя, окидывая ошалелым взглядом Элроя, с банкой клубничного варенья восседающего на подоконнике, и Джемму, ползающую на коленках вокруг раскрытого гроба, стоящего прямо на полу. На шее ведьмы красовались похоронный веночек и несколько странных лент с обожженными краями, а в руках был крепко зажат небольшой молоток.

– И тебе привет, Дис, – тяжело вздохнул блондин, пряча лакомство за занавеску.

– А ты, как я погляжу, не скучаешь без работы. – Проводив взглядом варенье, белоснежная гостя повернулась к помощнице гробовщика и насмешливо продолжила: – Хорошо смотришься среди похоронного барахла, детка. Зря в жрицы не пошла. Могла бы шикарную карьеру сделать.

– Нет уж, спасибо! – ответила Джемма, продолжая сидеть у гроба и смотреть на мерцающую пигалицу, которая только что назвала ее... как? Деткой?! Однако!

– Заметь, Эл, – снова обратив взор на жнеца, девочка склонила голову к плечу и поправила челку, – я даже не спрашиваю, что ты здесь делаешь.

– А я даже боюсь интересоваться, чего мне это будет стоить! – На лице парня появилась кислая мина.

Дис улыбнулась. Широкая улыбка, как ни удивительно, сделала ее по-настоящему страшной. Губы совсем побелели, странным образом ввалились щеки и глазницы. Хорошенькое личико с курносым носиком и красивыми в своей идеальности очами превратилось в обтянутый белым пергаментом череп, скалящий зубы в мерзком оскале. Джемма невольно отшатнулась, плюхнувшись на пол, и схватилась рукой за горло, будто ей вдруг стало нечем дышать.

– Дис, прекращай ее пугать! – воскликнул Элрой.

– Вот еще! Между прочим, смерти положено бояться! Это, знаешь ли, жизнь продлевает, – возмутилась «девочка», возвращая свой обычный облик. – А ты тут развел панибратские отношения с клиентом!

– К-как это... с клиентом? – полузадушенно просипела ведьма и с ужасом покосилась на траурный венок на своей груди. Вот же, как в тему-то все!

– А так! – прошла... хотя эта крошка скорее проплыла по залу до окна, едва касаясь пола подошвами белых тапочек. – Или ты думала, что будешь жить вечно? – усмехнулась она, встав рядом с блондином. – Другое лицо и имя не помогут спрятаться от Саймы, когда придет твой черед, – невежливо указав на девушку пальцем и зловеще понизив голос, проговорила Дис, а потом добавила более спокойно, если не сказать печально: – Никто не уходит от смерти дважды, ведьма!

– Дважды? – едва шевеля губами, переспросила Джемма.

– Что не понятно? – холодно посмотрела на нее призренная гостья. – Ты помечена смертью в детстве. Это означает, что уже умирала. Ненадолго: всего на несколько секунд твое сердце останавливалось, а душа покидала тело. Потом вернулась обратно, так как рано тебе было еще за полог Саймы. Эл не сказал?

– Сказал, – ответил за нее жнец. – Ну... почти. И кстати, насчет того, что никто не уходит от смерти. Я знаю как минимум один пример обратного!

– На твоём месте я бы этот пример не упоминала, – ухмыльнулась девочка. – У тебя осталось не так много времени, как тебе кажется. Уже по меркам мира живых прошла неделя, еще три – и... ты сам знаешь, что тебя ждет. Самонадеянность не одного дурня в мир иной отправила.

– Подумаешь! Нашла чем пугать, – отмахнулся Элрой. – Эдгард вон неплохо устроился в этом самом ином.

– Хочеш-ш-шь в отставку? – нехорошо так прищурилась Дис.

– Ну что ты! – примирительно поднял руки жнец. – Просто ищу плюсы даже в самой скверной ситуации.

– Вижу я, – она перевела взгляд своих искрящихся синих глаз на притихшую Джемму, – твои «плюсы». Лучше бы Варфаламею искал, а не ублажал первую встречную, смертью помеченную.

– Я не ублажаю, – насупился Эл. – Я веду бурную деятельность по розыску проклятой ведьмы.

– Да ну? – съехидничала Дис, но блондин продолжил:

– Если она неуловима для нас, жнецов, то, может, есть шанс найти ее с помощью живых людей?

– Угу, и в каком из гробов вы ее искать изволите? – не скрывая сарказма, полюбопытствовала девочка.

– Ах, если бы в гробу... – мечтательно протянул парень.

– Ладно, Элрой, – вновь стала серьезной гостья. – Пошутили, и будет. Мое дело предупредить тебя. Хотя нет... даже не дело, а добровольный вклад нужной информации в твою пустую голову, ибо, хвала Сайме, предупреждения не входят в обязанности координатора!

Исключительно в силу моей природной доброты говорю тебе: не отвлекайся от заказа на Варфаламею! А пока... – Дис перевернула руку ладонью вверх, сжала в кулак и медленно раскрыла. Темный комок, зависший над тонкими девичьими пальчиками, начал сам по себе расправляться, превращаясь в небольшой чернильно-черный лист, испещренный ярко светящимися строками. – Держи! – Она протянула список блондину.

– Такой маленький? – с сомнением уточнил тот.

– Ты с этим-то успеешь справиться, прежде чем срок истечет, бабник отмороженный! – Под ногами девочки закрутился вихрь из белесого тумана.

– Я тебя тоже очень люблю, мелкая! – не остался в долгу жнец и послал воздушный поцелуй своей непосредственной начальнице. А та, успев скорчить на прощанье недовольную гримасу, исчезла.

– И что это было? – Джемма медленно поднялась с пола и, угрожающе похлопывая молотком по раскрытой ладони, направилась к Элрою.

Но стук в дверь оповестил о приходе еще одного гостя. Отложив расспросы на потом, ведьма поспешила ему навстречу. От души надеясь, что это вернулась Олли-о, а не явился еще кто-нибудь неизвестный с угрозами и издевками, вроде призрачной девочки. Или не пожаловал очередной заказчик, успевший оплатить часть услуг хозяину ПБ до его ареста. Втроем со жнецом и оборотнем они уж точно сообразят, как выручить дьера Дорэ. Про то, что видеть собирателей душ дано далеко не всем, ведьмочка почему-то не подумала. Как не подумала и о том, что у блондина с неподъемным мечом могут быть другие планы. Когда в сопровождении рыжей сыщицы Джемма вернулась в рабочий зал, о беловолосом госте напоминала лишь пустая банка на подоконнике. А ведь она собиралась еще расспросить, что сказала Дис по поводу ее кратковременной смерти в детстве.

– Что-о-о? – От возмущенного вопля дьеры Сомс, застывшей разъяренной фурией напротив окна, зазвенели стекла. – Кто съел мое варенье?!

Вечером того же дня

Джемма все-таки испекла торт. Даже два, но от первого ничего не осталось в процессе готовки. Олли-о, которая не поленилась сходить на рынок и купить все необходимые продукты, слишком часто снимала пробу. Там кусочек, тут еще один, здесь чашка крема, ложка глазури, мед, изюм, джем малиновый... того, что эта сладостка попробовать не успела, хватило на один, но большой торт с красивой шапкой из кремовых розочек. После кулинарных экспериментов сил на мертвецов, ожидающих ее внимания в хладамерах, у ведьмочки не осталось. Она жутко устала за этот день. Но, к своей гордости, могла спать спокойно, ибо уважаемая дьера Кню, ее гроб, венки с лентами и зал для церемонии прощания были в полной боевой готовности. Кладбищенские же вопросы обещали уладить два наемных работника, с которыми Эдгард сотрудничал несколько лет.

Взяв с собой справочник, где подробно описывались все нюансы профессии гробовщика, включив несколько сценариев похорон, Джемма отправилась наверх. Не раздеваясь, завалилась на диван и, раскрыв книгу, начала листать. Олли-о, изъявив желание не расставаться с тортом, запертым на несколько часов в холодильном шкафу, чтобы он как следует пропитался до того, как рыжая снимет и с него пробу, решила переночевать в ПБ «Последний цветок». Помощница хозяина не возражала. Несмотря на неприязнь, которую девушка испытала, увидев осу с Этьеном, сыщица нравилась ей все больше.

Она восхищалась ведьмочку своей энергией, своим заразительным смехом, уверенностью, которой Джемма пока что не обладала, и самостоятельностью. Дьера Сомс давно уже ни от кого не зависела и ни в чем не нуждалась. Разве что в развлечениях и сладостях. В столь мрачной конторе, как похоронное бюро, сыщица, если верить ее словам, нашла и то и другое. Но, несмотря на зарождающуюся симпатию к рыжеволосой гостье, Джемма по-прежнему отказывалась воспринимать ее как потенциальную пару для своего опекуна. Даже думать о такой перспективе не желала! Впрочем, тем для раздумий у нее хватало и без этого. Например, хозяин. Олли-о все-таки побывала в главном здании горгон, в подвале которого обычно держали арестантов до принятия решения об их судьбе. Через знакомого нэрлиса сыщица попыталась выяснить, в чем же обвиняют законопослушного гробовщика. Вот только так ничего толком и не узнала. Дьера Дорэ безо всякого допроса заперли в одиночной камере с семью уровнями защиты, будто он был опасным преступником, а не мирным жителем Готрэйма. Хотя кто ж эту мрачную личность разберет? Вдруг и правда маньяк?

Джемма всего несколько дней как с ним познакомилась. А дьера Сомс и вовсе раньше не встречалась, разве что наслышана была о мастерстве и профессионализме владельца «Последнего цветка». А что он за человек, чем живет, чем дышит, оса не знала. Зато знала

ведьмочка, вернее, догадывалась. Смертью этот тип живет... чем же еще? Вот только от вспарывания трупов до вскрытия живых – рукой подать. Были бы желание, смелость и большая фантазия! И почему-то Джемме казалось, что у ее работодателя все вышеперечисленное имеется в избытке. Это ж надо – дружбу со жнецами водить! Кому скажи – не поверят. И живет гробовщик уединенно, ни экономки, ни горничной... даже кота нет! У Этьена целых два серых питомца дома как сыр в масле катаются. И Вишенку он всячески баловал. А Эдгард один как перст. Он, гробы и трупы... брр! Как есть маньяк! Вопрос: насколько опасный?

Но как ни пыталась девушка представить своего начальника в роли душегуба, потрошащего на безлюдной улице невинную жертву, ничего у нее не получалось. Нравился ей черноволосый гробовщик, пусть на уровне банальных инстинктов, призрачных предчувствий и особого ведьминского чутья, но нравился, и все тут! А потому, что бы там ни говорила сыщица, не мог он быть опасным преступником, и точка! Просто вышло недоразумение, которое быстро исправит один из городских судей – маг, видящий истину.

А может, проблема в том, что перешел дьер Дорэ кому-то дорогу? Как там Элрой говорил, пока они с ним гробы двигали? Всею виной какая-то таинственная женщина, причем ведьма, да еще и лиловая! Вот и вскрылась причина неприязни гробовщика к дару этого цвета и к остроконечным шляпам, жаль только, что при столь печальных обстоятельствах. Почему белый эльф так поспешно смылся, лишив девушку возможности черпать из разговоров с ним важные и интересные сведения? Эх!

Джемма вздохнула, отогнав прочь мысль о том, что жнец может и не зайти больше на чашечку чая. Это к Гарду он приходил, пытаясь уговорить того помочь в розыске проклятой ведьмы.

А какой ему толк от неопытной колдуньи, едва окончившей магическую школу? Правильно! Никакого! Разве что та самая чашка чая да варенье. Хотя есть еще шанс сорвать с девичьих губ пару поцелуев вместе с секундами жизни, но это дело сугубо добровольное и влечет за собой отработку в роли помощника гробовщика. Или правильней будет сказать – гробовщицы? Ведь пока дьер Дорэ отсутствует, Джемма тут за главную. А вот когда он вернется... когда увидит и оценит ее старания... да обнаружит свой выкорчеванный из хладамеры сейф... у-у-у, что будет! Вспомнив о последнем, ведьмочка побледнела, резко поднялась и, захлопнув книгу, бросила ее на матрас рядом с нагло дрыхнувшей там Вишенкой. Через пять минут Джемма уже была в подвале и пыталась затолкать обратно вырванный из ячейки ящик.

– Тебе помочь? – Насмешливый голос Олли-о, стоящей в дверях, отвлек ее от дела.

– Нет, спасибо, – переведа дух после таскания металлической тяжести, отозвалась девушка. Она искренне надеялась, что преуспевающую сыщицу не заинтересует чужой ящик и его содержимое. Ошиблась. Карие глаза гостьи заблестели, а руки с острыми ноготками потянулись к новой игрушке.

– Что это? Сейф? Дьера Дорэ? Давай открою!

– Не с-с-тоит, – загородив проход к хранилищу чужих секретов, прошипела Джемма.

– Да ладно тебе, Майла! – улыбнулась рыжая, искренне стараясь придать лицу невинное выражение. Куда там! В глазах с вертикальными зрачками так и плясали хищные огоньки. – Мы только посмотрим, что за страшные тайны прячет этот арестант, и вернем все обратно. Должно же быть хоть что-то, намекающее на причину его заключения под стражу. Ты ведь хотела выяснить...

– Я хотела, чтобы ты перекинулась в рой ос, навестила пленника и спросила об этом его, – продолжая стоять между сыщицей и ее целью, сказала ведьма.

– Язык насекомых твой дьер вряд ли понимает, а щеголять перед ним в чем мама родила мне неохота, – перестав улыбаться, проговорила Олли-о. – К тому же там высший уровень защиты. Это значит, открытых окон нет, щелей... хм, даже если они и имеются, зачем рисковать, когда среди горгон есть хорошие знакомые, должники и просто болтуны?

– Угу, – кисло усмехнулась ведьмочка. – Может, среди твоих знакомых и нэрл Гэлвин числится? Он Эдгарда и увел в лауритовых браслетах.

– Гэлвин... – Рыжая чуть наморщила лоб и потерла большим пальцем подбородок. – Гэлвин, Гэлвин... это который третий по старшинству нэрл, без пяти минут начальник отдела исследований?

– Ты его знаешь?! – Теперь уже глаза Джеммы загорелись алчным любопытством.

– Лично не знакома, но слышала, а позавчера заходил ко мне один милый мальчик из довольно влиятельной в Готрэйме семьи, просил выяснить кое-какие сведения именно об этом человеке...

– И?

– Я ему отказала. Вежливо. Первый принцип частного сыщика, который ценит свою работу, репутацию и клиентов, – не ссориться с городскими властями.

– Ясно, – вздохнула ведьма. – А хоть что хотел твой несостоявшийся клиент?

– Ну-у-у... Что хотят мальчики нетрадиционной ориентации знать об объекте своих больных фантазий? Все! Где бывает, куда отдыхать ходит, с кем встречается-общается, что ест на завтрак и прочее, прочее, – с легким раздражением, замешанным на иронии, ответила девушка-оса.

– Нэрл Гэлвин г... г... – Сев от удивления на сейф, как на низкую табуретку, Джемма никак не могла выговорить последнее слово, так как образ огромного мужчины с хрипловатым басом в ее представлении никак не ассоциировался с теми, кто предпочитает представителей своего пола. Хотя много ли знала Джемма о таких людях?

– Понятия не имею, таков ли Гэлвин, а вот тот рыжий красавчик, что пытался меня нанять...

– Рыжий? – В голове ведьмочки будто что-то щелкнуло – вспыхнул огонек догадки, которую она тут же решила проверить.

Вскочив на ноги, ведьмочка метнулась к одной из хладокамер, открыла дверцу и, с усилием потянув за металлический поддон, выкатила наружу ту его часть, на которой покоилась голова мертвеца.

– О! – только и сказала сыщица. – Это ж кого парнишка нанял, раз оказался в похоронном бюро? Или его сам Гэлвин и порешил? За домогательства.

– Олли! – воскликнула Джемма, глядя на собеседницу так, будто та только что раскрыла страшную тайну последних столетий. – Вдруг так оно и было?! Только зачем тогда нэрл притащил труп сюда? Неувязочка выходит. – Ведьма задумалась. – И потом Эдгард сказал, что парень был мертв уже сутки, тогда как я его видела на торговой улице живого... Нет, здесь что-то не то. Дьер гробовщик настаивал, что вместо рыжего мы встретили лилового мага под личиной мертвеца. Лиловый маг, лиловый... или не маг, а ведьма? Так, может... – Девушка снова вдохновилась, поймав очередную догадку за хвост. – Все сходится, я чувствую! Ведьма, о которой говорил Элрой, настолько искусная, что распознать ее иллюзию практически невозможно. Тот фальшивый рыжеволосый парень, его улыбка... мне ли? Или, может, она адресовалась дьеру Дорэ, который стоял за моим плечом? Да точно же! Раз ведьма его знала в прошлом, улыбалась она именно ему! А в настоящем эта тварь, позорящая весь лиловый дар, каким-то образом подставила Гарда, чтобы он не успел принять предложение Эла и отыскать ее...

– Стоп! – Сыщица попыталась вклинить в словесный поток собеседницы. – Остановись, Майла! – Она легонько потрянула ее за плечи, когда поняла, что девушка говорит больше сама с собой, нежели с ней, озвучивая очередную цепочку безумных идей. – Для начала скажи, – глядя в упор на притихшую ведьмочку, рявкнула дьера Сомс, – кто такой... Эл?

Немного позже

Они проговорили часа полтора, сопоставляя кусочки имевшихся данных и додумывая варианты отсутствующих. О сейфе, оставленном в запертой холодильной, больше не вспоминали, зато рыжего дьера Эми, чью фамилию вспомнила оса, лежащего там в одной из ячеек, и его улыбчивого двойника обсудили по всем статьям. Так и просидели на кухне, делясь предположениями, за чашечкой свежесваренного корифа, который Джемма разбавляла молоком, а сыщица – коньяком, купленным вместе с продуктами для торта. Последний, кстати, тоже принимал активное участие в поздней трапезе... в качестве подпитки для ума дьеры Сомс. Как сообщила она ведьме по секрету, от сладкого ей гораздо лучше думается. Умяв половину лакомства, в то время как Джемма съела всего кусочек, оса благосклонно разрешила вновь спрятать десерт под замок. Ведьмочка же невольно позавидовала хваленой регенерации

оборотней. Если бы обычный человек ел столько сладкого, да еще и на ночь – наверняка выглядел бы, как пять Олли-о вместе взятых, а в эту... как не в коня корм! Худая, подтянутая, бодрая – мечта, а не женщина! Любой бы мужчина был счастлив обладать такой. Даже Этьен. Эта мысль больно царапнула сердце, и Джемма насильно заставила себя переключиться на обсуждаемую за столом тему. Последнюю порцию корифа разливала по чашкам рыжая. И вопреки ожидаемой бодрости, которую должен был дарить напиток, ведьмочку начало клонить в сон. Пожелав сыщице хороших снов, Джемма вялой походкой побрела на чердак. Уже обжитый и почти родной, а еще светлый днем из-за огромного окна и загадочно-волшебный ночью из-за него же.

За цветными стеклами мерцал огнями Готрэйм, на темно-синем небосводе горели звезды, а в тени раскидистого дерева на противоположной стороне улицы стоял человек и неотрывно наблюдал за хозяйкой комнаты под крышей. С такого расстояния сквозь полупрозрачный витраж с раскрытой наполовину створкой он видел лишь очертания девичьей фигурки, но и этого было достаточно, чтобы понять, чем она занята. Вошла, зажгла палочку с покрытым свелью кончиком и... так и застыла напротив окна. Губы мужчины тронула понимающая улыбка, а сердце сжалось от наплыва нежности. Он отчетливо представил изумление, переходящее в радость, которое сейчас наверняка отражалось на милом личике его любимой ведьмочки.

Врывающийся в комнату ветер трепал ее волосы, а она все стояла и смотрела на лежащий на подоконнике мешочек, туго набитый монетами. Потом стряхнула оцепенение, протянула руку и, вытащив из-под неожиданной находки лист бумаги, принялась читать записку. После этого шире раскрыла окно и высунулась на улицу, вглядываясь в темноту. Мужчина невольно подался вперед, едва не переступив границу спасительной тени, но недовольное жужжание над ухом быстро охладило его неосознанный порыв.

Так ничего и не разглядев в ночи, девушка захлопнула створки, тщательно проверила надежность запора и, прижав к груди драгоценный подарок, села на диван. Золоченый шнурок послушно поддался под натиском ее дрожащих пальчиков, открывая взгляду ведьмы такое необходимое ей содержимое. Трэймы... много трэймов! Штук двадцать или даже тридцать. Джемма задумчиво уставилась на нежданное богатство, сжимая в руке записку, которая к нему прилагалась. Там было всего три слова печатными буквами, но какие!

«Когда сможешь – вернешь».

И подпись: «Э.».

Вот и гадай теперь, кто этот таинственный благодетель, не побоявшийся одолжить бедной ведьмочке столько денег. Эдгард каким-то образом прислал весточку из своей темницы? Элрой нашел способ помочь «клубничной фее» или все-таки Этьен? Если Олли-о проболталась, то... то...

Джема хотела вскочить и кинуться выяснять отношения с рыжей прохвосткой, но вместо этого сладко зевнула, погасила свет и, спрятав мешочек под подушку, легла спать в обнимку с тихо мурлыкнувшей Ви. Завтра... все завтра. Завтра она выяснит, причастна ли к подарку сыщица, а заодно и наймет ее на работу. Ведь теперь деньги у нее есть и на гонорар обратно, и на покупку материалов, необходимых для работы похоронного бюро, и на оплату услуг кладбищенских наемников. Да что там! Здесь на все хватит! Даже на новое платье и на пять пар дорогих чулок в черно-лиловую полоску.

Ведьмочка так и уснула, не раздеваясь, со счастливой улыбкой на губах. А прятаящийся в тени дерева мужчина, отведя взгляд от потемневшего окна ее комнаты, поправил глубокий капюшон куртки, отмахнулся от жужжащей над ухом осы и, посмотрев на серебряные часы на длинной цепочке, направился к дому с вывеской «ПБ «Последний цветок». Как только ночной визитер скрылся за гостеприимно открывшейся дверью, на месте, где он недавно стоял, проступила еще одна фигура. На этот раз женская. Дьера с мрачным интересом уставилась на окно ведьмочки, брови ее сошлись на переносице, а водянисто-зеленые глаза раздраженно сверкнули. Она стояла прислонившись к стволу, как и ее предшественник, но в отличие от него эта особа была призраком.

В доме градоправителя Готрэйма

В уютной гостиной загородной резиденции дьера Эсми ярко полыхало пламя камина, потрескивали дрова. Свечи, плавающие в пузатой настольной чаше, источали дурманный аромат. Их теплый свет, проникая сквозь разноцветное стекло сосуда, пестрыми бликами ложился на светлую обивку дивана, на пушистый ковер и на лица засидевшихся за полночь собеседников.

– Так что вы думаете насчет рудников, дорогая? – Глубокий голос мужчины был приглушен, но отчетливо слышен в каждом уголке не самой маленькой комнаты.

Это, как и идеальная дикция, сразу выдавало в нем публичную персону. Услуги магов-искусников стоили недешево. За совершенствование кого-либо эти чародеи брались весьма неохотно, а потому и цену заламывали приличную. Обладатели бирюзового дара настолько ревностно относились к своим талантам, что соревноваться с ними на этом поприще было не под силу никому. Чтобы кто-то, кроме них, мог очаровать балладой, покорить танцем, написать великолепную картину? Вот еще! Разве что самородки, от природы одаренные музыкальными и художественными талантами, смели претендовать на свой кусок пирога сферы искусств. Прочим оставалось наслаждаться зрелищем и ласкать слух чужим творчеством. Даже за очень большие деньги бирюзовые волшебники не доводили работу до совершенства. Всегда оставляли едва приметный изъян. Вот и в голосе Вэйдмара Эсми время от времени проскальзывала еле уловимая нотка, выдавая ненатуральность. Но кому какое дело, если свою задачу зачарованные искусником связки выполняли на «отлично»? Голос лился как песня, завораживая, убеждая...

– Думаю, использовать для разработки опасного участка осужденных – великолепная идея.

Даже с учетом почти иссякнувшей жилы это значительно выгоднее новых неизведанных шахт, каждая из которых что кот в мешке. – Женщина подалась вперед и, проведя пальцем по краю чаши, улыбнулась. – Потому что практически даром. Вы как всегда правы, мой дорогой Вэйд.

– Я знал, что вы меня поддержите, Грэнна. – Дьер Эсми улыбнулся, взял за руку собеседницу и, склонившись, поцеловал ее холодное запястье. На его указательном пальце мигнул красным перстень аза. Словно откликнувшись на зов родственной магии, в камине сильнее вспыхнуло пламя, выхватив из полумрака рыже-белые пряди на голове мужчины. – Только с вами и можно разделить... бремя экономии городской казны.

– Вы мне льстите!

– Ну что вы! Чтобы польстить такой женщине, нужно быть как минимум поэтом, а я, увы, всего лишь скромный служитель народа. – В черных глазах градоправителя плясали рыжие огоньки насмешки. А может, так просто казалось из-за проскальзывающей в голосе иронии и отблесков пламени, отражающихся в расширенных зрачках.

Дьера Ганн высвободила руку из плена мужских пальцев и, откинувшись на спинку кресла, смерила потенциального супруга оценивающим взглядом. Все-таки Вэйдмар Эсми должен стать достойным экземпляром в ее небогатой пока коллекции мужей. Старше Грэнны лет на десять, но возраст выдают лишь частая проседь, морщинки у глаз и едва наметившиеся складки, сбегаящие от крыльев носа к уголкам рта. Хотя последние скорее прозрачно намекают на склонность к цинизму и гордыне. А эти качества умная женщина всегда сумеет обернуть себе на пользу. Особенно если они прилагаются к подтянутому сильному телу, которое вполне позволяет хозяину отлично смотреться даже в такой непритязательной домашней одежде, как рубашка с закатанными рукавами и простые домашние брюки.

Добавить к привлекательности состояние, положение в обществе, и вот он – ценный приз.

Единственное, что смущало дьеру Ганн в претенденте на ее руку и сердце, – это едва уловимое сходство градоправителя с ее первым мужем, которое она порой замечала. Было что-то общее между этими мужчинами. То ли скрытая под дорогими костюмами мощь, то ли слишком уж пронизательный взгляд, от которого возникало неприятное ощущение, словно тебя видят насквозь. Видят все твои тайные помыслы и надежды. Видят и снисходительно посмеиваются

про себя. Впрочем, Грэнне уже давно было не семнадцать. И отказываться от своих планов из-за призрака первой любви она уж точно не собиралась.

Вэйдмару Эсми не требовалось смотреть на женщину, сидящую по ту сторону круглого стола, чтобы ее оценить. Его великолепная память хранила множество различных сведений, в том числе и облик дъеры Ганн, знакомый до мелочей. По-прежнему красива, несмотря на возраст (спасибо лиловым магам), все так же холодна и надменна. Под ледяным взглядом ее прозрачно-серых глаз покорно склонятся и заместители, и секретари, и высокомерная знать. Чего еще желать от будущей супруги овдовевшего градоправителя? Постельных талантов?

Кстати о них! А не пора ли перевести отношения на новый уровень? Так сказать, для подтверждения взаимовыгодной сделки, в народе именуемой словом «брак». Мужчина прищурился и практически беззвучно побарабанил пальцами по подлокотнику, раздумывая. Пожалуй, не сегодня. Даже выбирая разумом, а не инстинктами, он предпочитал полностью владеть мыслями партнерши. А Грэнна весь вечер была непривычно рассеянна. Да и Рози расстроится, если он не навестит ее будуар этой ночью.

Градоправитель Готрэйма поднялся, галантно подал руку дъере Ганн и сопроводил ее до гостевой спальни, в дверях чувственно приложился губами к узкой ладони, после чего пожелал потенциальной супруге волшебных снов и отправился в объятия содержанки. Грэнна закрыла дверь на ключ и подошла к окну. За красно-рыжими стеклами закованного в золотую раму витража темнел чуть подсвеченный луной лес. Женщина заметила и то, какое направление приняли мысли Вэйда, и то, к какому нелестному для нее решению он пришел, но сегодня ее куда больше волновал совсем другой вопрос. Ей было о чем подумать кроме рыжего дъера, недавно потерявшего племянника, из-за грядущих похорон которого дъера Ганн и остановилась в этом доме. Ее куда больше беспокоил внезапно протрезвевший и странно оживившийся сын. Грэнна достала из кармана записку от своего соглядатая – экономки, работавшей в доме Аттамса, – и еще раз перечитала. Кроющийся за сухими строчками смысл за последние несколько часов ничуть не изменился. То, что Этьен перестал искать забвение на дне бутылки, безусловно, радовало. Вот только быстрота перемены в его поведении и, что важнее, настроении откровенно настораживала. Куда, интересно, он сегодня отправился, велел не ждать его к ужину и не готовить завтрак? Заподозрил обман в смерти Майлы или, может, девка-оборотень, пользуясь тем, что мужчина нуждается в утешении, заманила его к себе на всю ночь? Это плохо... ой, как плохо! Одно дело – роль тайной любовницы, другое – не тайной. И что бы там ни наплела Грэнна сыщице, пытаясь переманить ее на свою сторону, видеть звероглазую осу в качестве пары для своего единственного отпрыска дъера Ганн не желала. Не хватало ей в семье еще одной проходимки!

Женщина чуть поморщилась, откинув с лица пепельно-русый локон без намека на седину, и злорадно улыбнулась. Кларисса ей много крови попортила, пока близняшек не родила. Зато потом могла бы стать послушной игрушкой в руках свекрови. Даже жаль, что умерла. Грэнна присела на кровать и ласково погладила резную крышку массивной шкатулки, что стояла на тумбочке. Аккуратно переложив ее на колени, женщина проколола палец шипом замка. Еще в юности она поняла, что информация порой куда надежнее и денег, и оружия. Знания – вот истинная власть. За долгие годы у нее накопилось много бумаг, свидетельствующих о чьих-то ошибках и промахах, грешках и преступлениях. И большая часть компромата хранилась дома в сейфе. Но самые важные документы дъера Ганн предпочитала всюду возить с собой.

Втянув каплю хозяйской крови, замок тихонько щелкнул. Крышка послушно поднялась, открывая доступ к бархатному нутру, защищенному от взлома, кражи, пожара и наводнения. Холодные пальцы бережно перебрали лежавшие там сокровища и извлекли нужный свиток. Тот самый, на котором уважаемый лекарь с незапятнанной репутацией и государственной лицензией написал несмываемыми чернилами, что «дъера Кларисса Аттамс такого-то числа такого-то года произвела на свет двух абсолютно здоровых младенцев, но сама погибла из-за большой потери крови, редкий состав которой не позволил найти подходящего донора, и из-за отторжения целительских чар, предположительно возникшего вследствие значительного магического вмешательства в облик пациентки в прошлом». Более того, Грэнна прекрасно помнила, что кровь Джимджеммайлы, сданная девушкой для сестры, оказалась не только совершенно другой, но еще и более уникальной по своему магическому наполнению, что полностью исключало их родство. И, будучи женщиной дальновидной, попросила сделать об этом приписку на обратной стороне документа.

Личная печать главного лекаря Готрэйма подкрепляла его слова, но использовать раскрытую в них тайну Грэнна так и не успела. О ведьме, неожиданно ставшей женой Этьена, вездесущая дьера Ганн, к своему огромному сожалению, знала очень мало. Кларисса явилась на остров с континента, где следы ее терялись. Она словно возникла из ниоткуда лет десять назад, а до этого будто и не было такой дьеры на свете. Фальшивое имя, фальшивый медальон, фальшивая младшая сестра... разве что перстень азы настоящий, да только какой от него прок? Такие знаки высшей степени мастерства выдавались магам в любом храме Марны, если претенденты на получение проходили испытания жрецов.

Увы, сей милый сердцу Грэнны документ так и не принес ей пользы, а ведь мог обеспечить годы покорности наглой невестки, останься Кларисса по эту сторону белого полога. Мог послужить весомым аргументом для устройства нового брака Этьена с правильной женщиной. Мог... да только к чему это все теперь? Разве что использовать тайну странных уз Майлы с ее «сестрой» в качестве приманки для беглой ведьмочки. Любопытная, деятельная, не битая жизнью девочка... стоит правильно подкинуть ей нужную информацию, и она сама умчится на континент в поисках истины. Жаль, конечно, будет, если пропадет в полном опасностей мире, но сын, его нервы, репутация и благосостояние для матери дороже, нежели судьба безродной ведьмы!

В похоронном бюро

– Мур-р-р-р-р-р-р-р-р-р! – От низкого раскатистого звука, казалось, вот-вот завибрируют стены.

– Мур-р-р-р, мур-р-р, мур-р-р-р, – урчала Вишенка, то медленно поворачиваясь, то потягивая лапки. Мол, да-да, хозяин, и вот тут, за ушком почечи... мур-р-р!

Ведьмина кошка вела себя словно последняя бездомная бродяжка и нисколько этого не стеснялась. Она выгибала спинку, жмурилась, подставляла для ласки шейку, набитое вкусной колбаской брюшко и громко без остановки мурлыкала. Нет, Ви, конечно, любила свою ведьмочку. Даже без магической привязки, наверное, любила бы. Джемма была доброй, заботливой, нежной. Не жалела вкусностей, делилась кроватью и никогда не наказывала четвероногую компаньонку за подранные чулки. Но что делать, если у нее такие маленькие, прохладные лапки и острые коленки, на которых не уляжешься без риска свалиться? То ли дело большие и теплые лапы хозяина! Мур-р-р-р!

Этьен, откинувшись на спинку передвинутого им диванчика, привычно гладил довольную кошку и смотрел на ее мирно посапывающую владелицу. Просто смотрел и наслаждался тем, что она спит отнюдь не мертвым сном. Такая милая и смешная под этим клетчатым покрывалом, из-под которого выглядывают лишь макушка, лицо, полускрытое спутавшимися прядями волос, да узкая ладошка. Его девочка... нежная и желанная, а главное – живая! Пусть здесь, в чужом доме и под чужим именем, пусть... Дьеру Аттамсу на данный момент хватало и этого.

Он готов был просидеть напротив ее импровизированной постели не одни сутки, любясь тем, как скользят по девичьим щекам прозрачные тени, как касается губ легкая улыбка. Как забавно Майла чешет во сне кончик носа или бормочет что-то неразборчивое, а порой чуть закусывает нижнюю губу или хмурится. Она спит зачарованным сном и видит разные сны. Его маленькая ведьмочка, его бесценное сокровище... Мечта, которая уже год как должна была стать реальностью, но... Этьен боялся.

Сильный, уверенный в себе мужчина, не знавший поражений у женщин, терялся, словно зеленый юнец. Скажи кому – засмеют! Риск спугнуть ее, обидеть, упустить сковывал решимость. И дьер Аттамс медлил. Идиот! Правду говорят, любовь делает людей глупее. А он именно любил. Впервые в жизни по-настоящему влюбился по уши, как мальчишка, готовый в порыве чувств слагать стихи для ведьмочки, похитившей его сердце. Смешно...

Губы мужчины тронула ироничная улыбка. Было бы смешно, не будь все так грустно. Мать твердила ему, что он одержим. Или что назло ей решил заменить одну безродную ведьму ее же копией. Она была настолько уверена в своей правоте, что убедила в этом и Майлу. А как

объяснить обратное молоденькой девочке, попавшей под пресс заверений дьеры Ганн? Ведь младшая сестра и правда была очень похожа на старшую. Причем Кларисса будто специально культивировала это сходство, воспитывая Майлу по своему образу и подобию. Она делала им одинаковые прически, покупала похожих фасонов платья, словно действительно старалась вырастить свою маленькую копию. Когда Этьен как-то спросил жену, зачем она так поступает, та ответила, что не желает видеть в сестре даже намек на их отца. Тогда Аттамса подобное объяснение вполне устроило, а потом Кларисса умерла, оставив после себя двух чудных близняшек и привыкшую быть ее тенью Майлу.

Проклятье! Ну как? Как донести до ведьмочки такую простую истину?! Разве имеет значение поверхностное сходство? Ведь даже в абсолютно одинаковых бокалах может быть совершенно разное содержимое. Наполни один густым, как кровь, тягучим вином, за которым и дна не видно, а другой прозрачной, как слеза, родниковой водой, и их никто не перепутает. Иной цвет, иной запах, иной вкус. Вот и с Майлой так же. Глаза бесстрастно отмечают знакомый оттенок кожи и завитки волос, похожую линию подбородка, излом бровей, а чувства кричат – другая. Особенная, единственная... моя!

Когда старая гадалка, что приезжала в город на праздник, нагадала семилетнему Этьену любовь всей его жизни и даже показала слегка расплывчатый образ будущей возлюбленной в прозрачном шаре, взрослые посмеялись, а он запомнил. Через много лет встретил Клариссу и, заметив в ней знакомые черты из эпизода далекого детства, решил приглядеться к девушке поближе. А дальше все сложилось само собой. Скандал, устроенный Грэнной, помолвка, свадьба... Они неплохо жили и хорошо ладили. Но каково это – по-настоящему полюбить, – Этьен узнал лишь после смерти жены. Когда у него на глазах повзрослела ее сестра. Девочка нравилась ему всегда, но раньше она была ребенком, и он воспринимал ее как любопытное маленькое «солнышко», поселившееся в его доме. Майла буквально излучала энергию, свет, радость и заражала этим всех вокруг. А потом она выросла. И больше не было сомнений, чье именно лицо показывала мальчишке гадалка в детстве. Сердце не умеет лгать, его глупым сходством не обманешь.

Дверь тихонько скрипнула, открываясь. И на пороге, изображая деликатное покашливание, появилась Олли-о. Этьен нехотя отвел взгляд от лица спящей ведьмочки и вопросительно посмотрел на свою сообщницу. Та стояла подперев плечом стену и насмешливо изучала их обоих.

– Тебе еще не надоело? – громким шепотом спросила оса. – Целый час уже несешь почетный караул возле ее убогого ложа. Знала бы, что ты опять будешь пылинки сдувать со своей ведьмы да романтическим мечтаниям предаваться, не стала бы сонное зелье зря переводить.

– А что ты предлагаешь? – Рука мужчины на миг замерла, что тут же вызвало недовольство Вишенки.

Кошка ревниво зашипела на рыжеволосую дьеру, посмевавшую узурпировать внимание хозяина, и предупреждающе вонзила когти в его ногу.

Олли-о ехидно ухмыльнулась и закатила глаза.

– Вот уж не думала, что
тебя

, дьер оружейник, по этому вопросу консультировать требуется! Ты мужик или кто? Не знаешь, что с женщиной делать?

– Олли! – одернул сыщицу Аттамс и укоризненно покачал головой.

– Что Олли? Что? Я уже двадцать шесть лет как Олли! Дело же предлагаю, вот смотри, – перешла на заговорщический шепот сыщица. – Первый шаг ты сделал правильно – девку в койку отправил. Осталось совсем чуть-чуть: одежду долой, и тело по прямому назначению использовать. Утром, конечно, всплакнет твоя ведьма по утраченному. Ну ничего, ничего... Утешишь, приласкаешь – и никуда она уже от тебя не денется! – пряча в уголках губ хитрую улыбку, с жаром закончила оборотень.

– Да ну? – Этьен скептически хмыкнул в ответ на горячие убеждения осы. – Посмотрел бы я на твою реакцию в подобной ситуации.

– А ты не данукай! – отмахнулась Олли-о. – И не сравнивай. Я бы плакать не стала. Если бы мужик нравился, так с утра сама бы его зацеловала! А если нет – молча и без сантиментов

кастрировала. – Последнее предложение рыжая сопровождала красноречивой жестикуляцией, после чего задумчиво почесала бровь и продолжила абсолютно спокойным тоном: – Ну, может, еще расчленила бы заживо.

С губ собеседника сорвался сдавленный смешок, сыщица же скромно потупилась и одернула полу длинного пиджака.

– Так, ладно... не обо мне сейчас речь. Ты будешь что-то делать с этой спящей красавицей или как?

– Я уже делаю, Олли, – улыбнулся он.

И улыбка эта была такой искренней, мальчишеской, что девушка невольно залюбовалась.

Решив, что выглядит как полная дура, взирая на него восхищенными глазами, натянула на лицо свою любимую маску: чуть-чуть насмешки, побольше цинизма и поменьше реальных чувств.

– И что же?

– Смотрю на нее, осознаю, что это именно она, живая и невредимая. Ну и... наслаждаюсь зрелищем.

– И тебе этого достаточно? – нарочито разочарованно поинтересовалась сыщица. – Эх, а я надеялась подсмотреть в замочную скважину горячую сцену...

– Олли!

– ...а тут дальше невинного ослабления узлов на ее одежде дело не идет. Обидно!

– Олли-о!.. – простонал мужчина. – Чем тебе Майла так не угодила?

– Она-то? – Сыщица пожала плечами, изобразив на лице глубокую задумчивость. – Она-то угодила. Очень даже угодила! Добрая, неглупая... торты к тому же печет... мм... восхитительные!

– Торты? – Брови Этьена поползли вверх. – Ты что, ее готовить заставила? Олли!

– Ну что опять Олли? – проворчала рыжая, а потом, лукаво улыбнувшись, добавила: – Впрочем, ладно, повторяй мое имя, в твоих устах оно звучит как песня.

– Ол... – хотел было осадить ее собеседник, но вовремя осекся и, не сумев сдержаться, рассмеялся. Тихо, прикрыв ладонью рот, чтобы, не привести Марна, не разбудить спящую ведьмочку. Хоть оса и подлила ей зелье в кориф, но кто ж знает, как быстро молодой организм справится с его воздействием.

– Насчет девчонки, – ухмыльнувшись, продолжила оборотень, – должна же она была как-то за мое молчание и содействие рассчитаться. А торт... ну ты же знаешь, что я люблю сладкое.

– Ты порой такой ребенок, дьера Сомс, что мои шестилетние малышки старше кажутся, – с особой теплотой в голосе проговорил Аттамс, будто перед ним действительно стояла не взрослая женщина, а рыжая школьница. Только он один видел в циничной сыщице девчонку. Только ему одному она показывала свое истинное лицо.

– В общем, меня такая твоя жена вполне устроит, – сделав вид, что не услышала его тихих слов, заявила Олли-о. – Против меня возражать не будет – это раз; на вкусные семейные ужины позовет, так как добрая, – это два. И, наконец, самое сладкое! Это для меня как вишенка на торте... Да не про тебя я, чирташево отродье, – покосившись на подобравшуюся кошку, усмехнулась оса, – не шипи! Так вот, Ен... самое вкусное в этом деле – щелкнуть по носу твою мамашу! Как тебе план?

– Мне нравится, – качнул головой мужчина.

– Угу, – в тон ему отозвалась собеседница, а потом как-то слишком уж серьезно сказала: – Шутки шутками, друг мой, однако я хочу кое-что у тебя прояснить. Девочка мне правда нравится. Хорошая она, неизломанная жизнью, не обиженная людьми. Светлая, чистая. И я прекрасно понимаю, что ты смог бы сберечь этот драгоценный камень, став ей достойной оправой, но... А если Джемма... Майла откажет? Что ты будешь делать, если она не ответит взаимностью на твои чувства? Если все планы и интриги, которые ты намерен сплести вокруг ведьмочки, ни к чему не приведут? Что тогда, Этьен? – Она выдержала паузу, чтобы потом с нажимом проговорить: – Отпустишь?

С минуту в комнате раздавалось только мерное урчание Ви, а потом прозвучало хриплое:

– Не знаю, Олли... – словно у мужчины вмиг пересохло в горле и каждое слово давалось ему с большим трудом.

– Ну, «не знаю» – это не то же самое, что «нет», – вздохнула сыщица. – Даю тебе еще

пятнадцать минут, дьер мазохист! – сказала, возвращаясь к прежнему насмешливому тону. – Не

спустишься на кухню пить коньяк, я тебя сама рядом с ведьмой уложу. Честное осиное! – донеслось уже из-за двери.

– Иду, Олли... уже иду. – Мужчина бережно переложил недовольно сверкнувшую глазом кошку на подлокотник дивана и, откинув с глаз пепельно-русую челку, поднялся.

Бесшумно ступая, подошел к матрасу, осторожно опустился рядом с ведьмочкой и поправил сползшее с ее плеча покрывало. Не удержавшись, Этьен легонько скользнул кончиками пальцев по девичьей щеке. Она не должна была почувствовать и тем более не должна была проснуться, но... Ресницы ведьмы дрогнули, открывая затуманенные сном глаза, губы изогнулись в счастливой улыбке.

– Нашел меня? – прошептала девушка. Тихо и не совсем разборчиво, но он понял. Сердце пропустило удар, дыхание сбилось.

– Нашел, – ответил еле слышно, стараясь не делать лишних движений, чтобы не разбудить Майлу окончательно. Она сейчас пребывала на границе сна и яви, и в его интересах было, чтобы девушка вернулась в страну грез, решив, что он ей просто приснился. Но как же тяжело порой даются правильные решения.

Уголки ее рта поползли вниз, превращая улыбку в гримасу печали.

– А Гарда арестовали, – вздохнув, поделилась наболевшим девушка.

– Не страшно, – пробормотал дьер оружейник. Как же ему хотелось сейчас обнять это растрепанное чудо, прижать к себе, поцеловать, успокоить. И только боги знают, чего мужчине стоило сдержаться. – Все наладится, Майла.

– Обещаешь? – Дождавшись его уверенного кивка, ведьмочка опять улыбнулась. – Тогда точно наладится, – сказала она больше самой себе, чем ему. И, снова закрывая глаза, пробормотала: – Завтра надо перенести гробы, ну ничего... поцелую пару раз Эла... перенесет.

– Ш-ш-ш-что? – неожиданно громко зашипел Этьен, враз забыв о конспирации, но его собеседница уже спала крепким сном, продолжая чему-то сладко улыбаться. Ему? Гарду? Таинственному Элу? Или, может быть, лиловым бабочкам в мире снов?

Этьен поднялся с пола, в пару шагов добрался до двери и, плотно закрыв ее за собой, вперил тяжелый взгляд в невозмутимо подпиравшую стену сыщицу. – Олли-о, – подозрительно сладким голосом начал он, – скажи-ка мне, милая... Кто такой Эл?!

Глава 7

В одной из камер горгонария

[31]

Небольшой столик, казалось, прогибался под тяжестью разнообразных блюд. Чего здесь только не было: всевозможные колбасы и копчености, салаты, пирамида экзотических фруктов и восьмигранная бутыл с терпкой ореховой настойкой. На подносе под столом ютился чайник. Платформа под ним, заправленная огненной свелью, пульсировала красным светом, поддерживая нужную температуру. На кресле в углу перебирала струны дитэры

[32]
полупрозрачная рука, сотканная из серебряных, золотых и ярко-бирюзовых нитей. Такая игрушка, насквозь пропитанная магией искусства, стояла не меньше парочки хороших лошадей или годовой аренды небольшого домика в не самом скверном районе Готрэйма.

В воздухе над дитэрой пощелкивали, добавляя отчетливости ритму, плоские костяные кругляши. С узкой койки свисало меховое покрывало, сшитое из серебристых шкур диких коз. Поверх него была спущена на пол нога, обтянутая черной штаниной. Босая ступня притопывала в такт музыке по чисто вымытым плитам, заставляя подпрыгивать стоящие рядом массивные ботинки. Вторая нога, согнутая в колене, служила подставкой для раскрытой книги.

Пожелтевшие от времени страницы переворачивались с тихим шелестом. Пузатый бокал с темно-коричневой настойкой медленно прокручивался в смуглых пальцах... Дьер гробовщик отдыхал.

Ему нисколько не мешали ни грубые каменные стены, ни низкий потолок, ни решетка на крохотном окошке, выходящем не на улицу, а в один из многочисленных коридоров здания горгон. Конечно, Эдгард бы не отказался от компании парочки интересных трупов, «разделочного» стола и саквояжа с начищенными до блеска инструментами. Ну или хотя бы от одной из девиц мамыши Люю, которые время от времени навещали одинокого гробовщика в его мрачной обители. Дьер Дорэ предпочитал любовь, оплаченную звонкой монетой, когда можно было смело получать удовольствие и не беспокоиться о последствиях. Однако тот, кто превратил камеру предварительного заключения в комнату отдыха, не озаботился притащить сюда еще и трупы со шляхами. А жаль. Было бы весело. Впрочем, редчайший иллюстрированный справочник по времени воздействия ядов на разложение жертвы тоже неплохо скрашивал унылые часы.

Нэрлисы, с раннего утра таскавшие в камеру подушки, покрывала, еду, посуду, книги и расписную шелковую ширму, чтобы прикрыть удобства в углу, всерьез подозревали, что нэрл Гэлвин свихнулся. Ничем иным это обустройство «любовного гнездышка» в крыле для особо опасных задержанных рядовые горгоны объяснить не могли. Правда, самый младший из них, Краш, недавно переведенный в Готрэйм из столицы, предположил, что начальник просто сдуру связался с кем-то из местных аристократок. У знати, мол, не редкость извращенные фантазии, вот и захотела его зазноба провести незабываемую ночь в камере предварительного заключения. Или же шеф по-умному придумал сдавать застенки для свиданий.

Но привыкшие к провинциальным нравам коллеги от него отмахнулись. А зря... Глядишь, не были бы потом шокированы, узнав, кого уважаемый нэрл разместил с таким неслыханным комфортом. Краш, выдавший всякое, только плечами пожал. А вот остальные твердо решили помалкивать и по возможности держаться от начальника подальше, пока вся эта катавасия с загадочным арестом дьера гробовщика не закончится. Судьи в Готрэйме, как и во всех больших городах страны, были золотыми магами. Уж они-то, видящие истину, невиновного не накажут. А судя по тому, как устроил пленника Гэлвин, дьер Дорэ либо попал сюда по ошибке и ненадолго, либо... за долгое сотрудничество арестованный, по мнению нэрла, заслуживает уважения и некоторых поблажек.

Заскрежетал ржавый замок, громыхнул засов – и дверь противно заскрипела, медленно открываясь. Массивная фигура заслонила поток тусклого света, льющегося из коридора. Неловко пригнувшись, чтобы не стукнуться обтянутой косырем макушкой о слишком низко расположенную перемычку, гость вошел внутрь. Печата шаг, приблизился к столику, развалился в одном из кресел и, забросив в рот виноградину, рявкнул:

– Оставьте нас!

Дежурный по крылу нэрлис невольно втянул голову в плечи и бросил на арестанта сочувствующий взгляд. Поспешно прикрыв тяжелую кованую дверь, загремел засовом. Дьер Дорэ спокойно дочитал страницу, бережно закрыл книгу и аккуратно отложил в сторону. После чего повернулся и сел, спустив обе ноги на пол и прислонившись спиной к стене.

– Развлекаешься? – вкрадчиво поинтересовался он.

Нэрл Гэлвин усмехнулся и сменил позу. Его грузное тело с идеально ровной спиной, скрещенными в щиколотках мощными ногами, руками на коленях и чуть склоненной головой смотрелось на редкость несуразно.

– Не без этого. – Голос горгона заскрипел, словно плохо смазанные петли. – Жизнь так коротка и ненадежна! Нужно радоваться каждому дню, – добавил он, стягивая с головы косарь. – Театры посещать, в рестораны наведываться, в гости ходить, в клуб знакомств записаться...

– Куда-куда?

– Ну не хочешь в клуб, так хоть уток со Звездного моста покорми – все развлечение будет.

– Ты про мост самоубийц? – буркнул пленник. – Там проще плавающий труп увидеть, чем утку.

– Самое место для тебя, – подмигнул ему нэрл и кокетливо взбил свои темные кудри. – Хватит дуться, а то так и помрешь с кислой физиономией. Неужели не рад меня видеть? – обиженно надув губы и почти срываясь на фальцет, спросил он.

– Это еще вопрос,

кого

я вижу. – Ухмылка, искривившая рот гробовщика, была недоброй.

– Фи! Какой ты противный. – Гэлвин вздернул поросший густой щетиной подбородок и похлопал короткими ресницами. – Неужели тебе недостаточно

знать

? Ты же сразу догадался, не отрицай. – Его крупные белые зубы сверкнули в довольной усмешке.

– Дело в том, – Эдгард вздохнул и, помедлив, словно подбирая слова, продолжил: – что я знал и человека, чей облик ты так бесцеремонно используешь и чью репутацию так основательно гробишь. Причем посмертно. Тебе не стыдно, Варя?

– Фу, не называй меня так! – Черные брови мужчины сошлись на переносице, демонстрируя фальшивое возмущение.

– Прости, но называть Гэлвином клоуна, сидящего напротив, как-то не получается, – вполне серьезно ответил арестант.

– Ну ладно, жнец, – отозвался «нэрл».

– Я не жнец, – скрипнув зубами, возразил пленник.

– Жнец-жнец, – насмешливо посмотрев на него, повторил «Гэлвин». – Был, есть и будешь. Для таких, как ты, отставка ничего не меняет. Как любил смерть, так и любишь. Как работал на нее, так и работаешь.

– Я не жнец, а гробовщик. Прочувствуй разницу, – спокойно пояснил Эдгард.

– Так и я не Варя, – подмигнул ему собеседник.

– А кто тогда? Монстр в человеческой шкуре? Лживая тварь, беспринципная убийца и банальная трусиха, которая боится показать свое настоящее лицо тому, кто однажды спас ее от смерти? – Улыбка, промелькнувшая на губах мужчины, была холодной.

– Сволочь ты, Гард. Очень дурно воспитанная и совершенно не галантная сволочь. – В него полетело с силой брошенное яблоко. Дьер Дорэ ловко поймал его, потер о рубашку на груди и, откусив, выжидающе посмотрел на посетителя. – Ладно! Так и быть. Исключительно по старой дружбе...

Лицо Гэлвина на миг будто сплющило. Все черты смазались и поплыли. Образовавшаяся маска, похожая на раскисшую глину, забулькала, словно закипая. Сначала из вязкой массы показался маленький носик, потом пухлый розовый ротик, изогнутые брови, гладкий лоб и, наконец, кукольно большие глаза.

– Ну что, так лучше? – Голос тоже изменился, став более женственным.

Гробовщик с сомнением покачал головой:

– Что-то я не уверен.

– Ну вот! Опять ты недоволен. А я так старалась. Так старалась... – Загорелая мужская пятерня поднесла к демонстративно шмыгающему изящному носику платок. Рядом с тонкими девичьими чертами она казалась особенно громоздкой. Впрочем, парочка золотистых кудряшек, затесавшаяся в темной шевелюре «нэрла» возле самой кромки волос, нежная кожа щек, постепенно перетекающая в грубую щетину, и острый подбородок над толстой шеей с заметным кадыком смотрелись еще нелепей. – Только не думай, жнец, что твои соратники успеют меня засечь. Поверь, у них нет ни единого шанса. – В глазах... в прекрасных голубых глазах этого существа отразилась такая самоуверенность, что Гарда передернуло.

– Я не об этом думаю.

– А о чем тогда?

– К чему весь этот спектакль? Арест, камера со всеми удобствами...

– Скажем так, это предупреждение, – перестав дурачиться, посерьезнела Варфаламея. – При всей моей привязанности к тебе я не люблю вмешательства в свои дела. Вот и решила напомнить, чем может быть такое вмешательство чревато. Пять лет назад ты оставил затею найти меня. И это было правильно. Не стоит возвращаться к прошлому и повторять былые ошибки, друг мой. – Ведьма, продолжая большей частью пребывать в чужой личине, окинула камеру взглядом и, остановившись на невозмутимом лице гробовщика, подалась вперед, прикрыла рот ладонью и прошептала: – Пока еще друг.

Эдгард странно улыбнулся, но продолжить беседу не успел. На запястье гостя запульсировал белым светом небольшой крест.

– Еще пообщаемся! – Неожиданно ловко поднявшись на ноги и послав арестанту воздушный поцелуй, посетительница метнулась к выходу, по пути восстанавливая личину.

Через минуту за «нэрлом Гэлвином» захлопнулась дверь. А еще через пару минут из облака светящегося тумана в углу камеры появился жнец. Белый, в доспехах и с огромным сверкающим мечом, идеально дополнявшим его рыцарский облик. На самом деле, чтобы перерезать незримые нити, соединяющие тело и дух, достаточно было и обычных ножниц, но посланцы Саймы предпочитали разнообразие в выборе холодного оружия. Элрой, в первый момент не поверив собственным глазам, помотал головой и даже пару раз зажмурился, но обстановка в камере оставалась той же. И, что самое странное, как нельзя лучше соответствовала выражению непреодолимой скуки на лице арестанта.

– Э... это что? – с некоторой опаской помахав мечом над вазой с фруктами, поинтересовался жнец.

– Не видишь, что ли? Последний ужин приговоренного, – лениво отозвался Гард и потянулся за ранее отложенной книгой.

– К чему приговоренного?

– Как минимум к вынужденному безделью.

– Дурак ты, Эдгард! – рассмеялся жнец, устраиваясь в кресле, лишь несколько минут назад покинутом лже-Гэлвином. – И шутки у тебя дурацкие! Я уже почти испугался...

– Только почти? Как там мои контора и ведьма поживают?

– Твоя контора еще стоит, а у ведьмы имя есть и...

– И?

– И море энтузиазма! – Эл поморщился и потер плечо. Болеть оно, конечно, после таскания тяжестей и прочей нагрузки у жнеца не могло, но воображение с ненужной услужливостью подсовывало почти реальные неприятные ощущения. – Даже меня умудрилась в свою бурную деятельность втянуть. А ты тут прохлаждаешься под музыку зачарованной дитэры. Я-то думал, тебя вызволять надо. Ломал голову, как мне – существу, принадлежащему к иной реальности, – это сделать. Подозревал происки Варфаламеи, а ты...

– Правильно подозревал.

– Уверен? – Элрой, мгновенно подобравшись, вперил в друга пристальный взгляд.

Гробовщик перевернул страницу и спокойно ответил:

– Более чем. У меня сегодня сплошной поток визитеров. Как раз перед тобой наша общая знакомая и заглядывала.

– Ты... – Эл задохнулся от возмущения, а потом процедил сквозь зубы: – Не мог сразу сказать? – Он метнулся к стене, отделявшей камеру от коридора, и растворился в ней облаком белого тумана.

– Мог, – вздохнул арестант, которого, вопреки всем законам, так до сих пор и не просветили, в чем именно обвиняют. Впрочем, Варфаламея прямо сказала в чем: в желании выследить и поймать ее. Забавно. – Мог, но не захотел. Долг платежом красен, Варя, – добавил он еле слышно. – Ты мне ужин с музыкой обеспечила, я тебе – фору.

Мужчина отложил книгу и, закинув руки за голову, уставился в потолок. Ему было о чем подумать. Например, о том, откуда на руке лиловой ведьмы, слишком давно и успешно избегающей смерти, взялась метка, заблаговременно предупреждающая о появлении посланников Саймы.

Немного позднее

Элрой словно охотничья собака несся по следу. Едва заметному, уже почти исчезнувшему следу незнакомой ауры. Последним в камере гробовщика был именно этот человек. Значит, он и есть новая маска неуловимой ведьмы. Если бы Гард поставил несколько лет назад на Варфаламею метку смерти, Эл просто переместился бы к беглянке, как делал это с Джеммой или своими клиентами из списков Саймы. Души-якоря были видимы особым зрением жнецов

как светящиеся точки на карте. Стоило лишь пожелать встречи с таким вот «светлячком», и, сделав шаг в мерцающий провал перехода, он оказывался рядом с искомым объектом. Но с пресловутой лиловой ведьмой, которая обвела вокруг пальца уже не одного посланника богини-сестры, всегда было непросто. Поэтому сейчас жнец, вместо того чтобы использовать преимущества своей профессии, примитивно преследовал покинувшую кабинет фальшивку. Беловолосый мужчина в длинном плаще и сияющих доспехах быстро шагал по коридорам, словно обычный человек. Хотя нет, не человек... призрак!

«Гард, чирташев сын, нашел время в игры играть! – мысленно костерил он гробовщика. – А еще друг называется! Конечно, тебе-то уже терять нечего – из жнецов выгнали, так что никому ты теперь ничего не должен, и угроза увольнения над тобой больше не висит. Зато она висит надо мной!» – Его четко очерченные губы сжались в напряженную линию, а белые как снег брови сдвинулись на переносице.

Налет юности, который его лицу придавали привычная улыбка и хитрый блеск в лазурных глазах, растаял, как вышеупомнутый снег, проявив истинный возраст этого нечеловека. Ему исполнилось тридцать, когда явилась малышка Дис и предложила особую работу. И хоть маниакальной страстью к своей нынешней профессии Элрой не страдал, быть жнецом ему понравилось куда больше, нежели малоперспективным магом душ. Возвращаться к былым временам, когда охота за привидениями являлась основной статьей дохода, не хотелось. Заказов кот наплакал, доход еще меньше – не работа, а... да ну это все к чирташу в пасть!

Как говорится, и на старуху бывает проруха, так что выследит жнец Варфаламею просто потому, что кто-то ведь должен это сделать. На Эдгарда, к сожалению, надежды мало.

И обещанная карта сокровищ, увы, делу не поможет. Потому что лиловая тварь гробовщику не враг. Особой надобности в ее отлове он не чувствует. Если судить по обстановке в камере, так многоликая ведьма дьера Дорэ разве что в порыве страсти случайно придушить может. А он... Он по-прежнему к ней что-то испытывает. Иначе бы сразу сказал, что беглянка поблизости.

Постовые совершенно не замечали вестника Саймы. Лишь одного пробрало внезапной дрожью от пролетевшей сквозь тело полы белого плаща. Для жнеца не существовало замков, дверей, стен. Ни вода, ни пламя, ни камень, ни даже живая плоть не были для него препятствием. Эл не ощущал веса доспехов и с легкостью управлялся со своим мечом, весившим не меньше одного из тех самых охранников, но... скорость блондина была ничуть не больше обычной человеческой. Не предусмотрела Сайма для своих слуг необходимости догонять кого-то пешком. А жаль.

Элрой пролетел сквозь массивную дверь, окованную металлом и зачарованную от всего на свете, кроме жнеца, и очутился на улице. Призрачный след еще виднелся на остывающей земле, шлейф ауры чувствовался в прохладном ночном воздухе, но здесь, за пределами душевных стен, он растворился куда быстрее, чем внутри здания. Блондин безнадежно опаздывал. На стороне Варфаламеи было преимущество во времени, ему же повезло лишь с длинными ногами, неплохо тренированными еще в прошлой жизни. Учитывая же, что маги душ, становясь служителями богини-сестры, застревали в своей последней физической оболочке и словно выпадали из времени на все последующие годы, бегал Эл Ржавый Гвоздь быстро. Но кто сказал, что нынешний облик ведьмы двигался медленней?

Узкие грязные улочки за следственным управлением так же отличались от благополучных районов Готрэйма, как мутная лужа от родниковой воды. Темные глазницы окон с ободранными рамами и дешевыми зернистыми стеклами, обшарпанные стены, разбитые фонари... Ни пестрых витражей, ни цветов, ни ажурных заборчиков вокруг палисадников. Лишь кучи мусора, чахлые неухоженные кусты, несколько бродяг, коробка с бездомной собакой и... истаявший след.

Эл в растерянности остановился, озираясь по сторонам. Направо? Налево? Прямо? Или сразу повернуть назад и вытрясти из дьера бывшего жнеца все, что он успел узнать у проклятой лиловой стервы? На втором этаже скрипнула рама, в оконном проеме мелькнула чумазная детская мордашка. Вплотную к Элрою, чуть не задев его плечом, прошаркала худосочная старушка с миской в руке. Она куталась в драный плащ, придерживая его дрожащей от старости рукой, и что-то бормотала себе под нос. Кажется, кличку собаки. В подворотне кто-то сладострастно застонал, и снова воцарилась тишина. Ни топота ног, ни удаляющегося силуэта, ни-че-го!

«Направо! – решил жнец. – Вдруг повезет? А Гард... хм... да куда он из своей комфортабельной клетки до утра денется?»

Старуха, краем глаза проследив за маневрами призрачного блондина, неловко склонилась, ставя возле собачьей морды наполненную объедками миску, и ухмыльнулась. На сморщенном желтоватом запястье, на миг показавшемся из-под обтрепанной ткани плаща, сверкнул белый крест. Женщина погладила по голове недоуменно тарасившееся на нее животное, выпрямилась и неуклюжей походкой отправилась дальше. Ведьма еще не успела завернуть за угол, а щедрое угощение перед сильно озадаченным псом растаяло как дым, вместе с миской.

Ноги в тяжелых мужских ботинках, не скрытых второпях под слоем маскировки, как было с одеждой, переставлялись с трудом. Менять облик пришлось быстрее, чем планировала Варфаламея, на переодевание в чужие лохмотья времени банально не хватило. Будь она обычной лиловой ведьмой, посланник Саймы непременно бы ее поймал, так как «нарисовать» себе новое лица Варя вряд ли успела бы. Но изменчивая колдунья, умудрившаяся довести дар иллюзий до совершенства, знала, как обыграть вестника смерти в мире живых. Знала и обыгрывала, уходя от преследования раз за разом, меняя в считанные секунды маски, которые были столь естественными лишь благодаря забранной вместе с обликом жизни. Практиковать подобное законом запрещалось, но когда Варфаламею останавливали такие мелочи? Не остановили и сегодня. Хорошо еще, что старая нищенка, и без того стоявшая одной ногой за белым пологом, вовремя под руку подвернулась. Скопировать эту дряхлую немощ оказалось проще, чем кого бы то ни было. Беглянка с новым лицом уже добралась до своего укрытия, когда в одном из темных переулков Готрэйма Элрой Стальной наткнулся на призрак недавно убитой старухи, мечущийся возле остывающего тела и опрокинутой миски.

Помянув недобрым словом себя, Варфаламею, Дис и особенно Гарда, упустившего ведьму десять лет назад, жнец привычно «распорол» мечом грань призрачного полога и практически силой втолкнул перепуганный дух в светящийся проем. Освобожденная не по списку душа могла так и не пересечься с мерцающим посланником Саймы и затеряться среди живых надолго, если не сказать – навсегда. Перепуганная нищенка, к счастью, не сильно сопротивлялась, чем помогла избавить улицы города от очередного неприкаянного призрака. Жнец проследил за быстро срастающейся прорехой и, тяжело вздохнув, шагнул в привычный переход. Настало-таки время получить от бывшего коллеги более четкие ответы.

Следующим утром в душевном корпусе главной городской лечебницы

Узкое, вытянутое по горизонтали окно было забрано прочной решеткой. Оно ютилось под самым потолком, пропуская в комнату рассеянный свет. Вместо традиционного для Готрэйма витража квадратные ячейки заполняли одинаковые чуть рыжеватые стекла, добавляющие освещению теплых красок. Раскосые ярко-голубые глаза внимательно следили за солнечным зайчиком, пляшущим на бледно-зеленой стене. Крупный снежно-белый кот с длинной ухоженной шерстью лениво тронул лапой переползшее на пол пятнышко и настороженно шевельнул ушами, уловив шум в коридоре.

«Мр-р-р... Еда?»

Мгновенно позабыв об охоте на «зайца», зверь метнулся на середину квадратной комнаты и выжидающе уставился на практически незаметную дверь, обитую тем же материалом, что и стены. Заскрежетал замок, и тяжелая с виду створка бесшумно распахнулась, пропуская внутрь полноватого мужчину в балахоне. Вслед за ним вошли еще двое. Они, поддерживая под руки, практически внесли в помещение хрупкую девушку в белом костюме.

Гладкая ткань плотно облегла ее тело, захватывая и лишенные обуви ступни, и кисти, и голову. Свободным от плена материи оставалось только лицо. Бледное, усталое, с морщинками на лбу, кожа которого лоснилась от выступающих капелек пота. Девушку осторожно усадили на пол, прислонив спиной к стене. Руки ее, похожие на обрубки из-за стянутых вместе пальцев, безвольно вытянулись вдоль тела. Белый кот, неслышно ступая, подошел ближе, замер, словно прислушиваясь, и, довольно мяукнув, влез на колени к пациентке. Его загнутые, как у барана,

рожки, похожие на хрустальные, замерцали сперва белым, потом синим и наконец засветились ровным голубым светом.

Мужчина в балахоне облегченно вздохнул.

– Ну, хвала Марне, может, хоть эту в чувство приведем, – пробормотал он, потрепав по холке своего пушистого помощника. – Третья уже за месяц! Что за напасть? – проворчал он, ни к кому особо не обращаясь.

– И какие будут указания, дьер Леар? – спросил один из помощников, скользя по несчастной полным сожаления взглядом. Такая молодая, хорошенькая и... здесь. – Поступим как с остальными?

– Нет! Раз Крем от нее не отказался, – лекарь задумчиво почесал подбородок, вновь погладив кота, – пусть работает. Проверять пациентку трижды в сутки. Чуть что – сразу вызывать дежурного лекаря. – Он помолчал и неохотно добавил: – И в горгонарий записку отправить надо. Там будут просто счастливы узнать, что уже не первый раз какая-то неведомая дрянь за ночь сводит с ума абсолютно нормальных женщин. Глядишь, и след возьмут... гончие. – Последнее слово он произнес с нескрываемым сарказмом. Как-то так повелось, что лекари, дающие клятву своим духам-покровителям помогать каждому нуждающемуся независимо от того, преступник он или нет, недолюбливали тех, кто этих самых преступников в столь плачевное состояние обычно и приводил.

В специальные пазы в скрытой под обивкой нише поместили две узкие цилиндрические колбы, заполненные лиловой и оранжевой свелью. По мягким стенам и полу палаты тут же зазмеились причудливые темно-зеленые узоры, призванные успокаивать, а из спрятанных в потолке крохотных отверстий в помещение начала проникать первая порция рыжеватой дымки, подпитывающей жизненные силы несчастной. Мужчины вышли, дверь тихо закрылась, оставляя больную наедине с ее белоснежным «лекарством». Кот довольно заурчал и сыто зажмурился:

«Хорошая еда, вку-у-усная! Не то что предыдущая – холодная, пустая, словно мертвая». Крем мурлыкал, а его полупрозрачные рожки мерно светились, вытаскивая все страхи, тающиеся за отрешенным личиком.

Глава 8

На улице Готрэйма

Полуденное солнце на безоблачном небе ярко светило, но почти не грело. За каких-то десять дней осень вступила в свои права, подменив зеленые листья желто-красными лоскутками, едва цепляющимися за ветки. Подмерзшие выюнки в палисадниках уступили место мохнатым головкам астр и источающим тонкий горьковатый аромат хризантемам. Горожане, уже успевшие сменить легкие костюмы и накидки на утепленные куртки, плащи и пальто, невольно поеживались, когда с недоумением косились на уверенно шагающего по улице мужчину. Черноволосый, смуглый, в мятой рубашке и брюках, он казался припозднившимся гостем из жаркого лета.

Дьер Дорэ, сунув руки в карманы и щуря отвыкшие от яркого света глаза, направлялся домой. Непрошеное внимание праздно шатающихся прохожих его нисколько не беспокоило, как, впрочем, и не подходящая по сезону одежда. После затаившегося безделья в стенах горгонария мелочи вроде холодного ветра или сплетен не могли пошатнуть его довольства окружающим миром. Свобода! Свобода идти куда пожелаешь, делать что захочешь, есть и пить что душе угодно... Как же это приятно! А впереди работа в любимой тихой гавани – мрачном, темном и спокойном похоронном бюро, где ждут хозяина начищенные до блеска инструменты и восхитительно безмолвные клиенты.

На углу, ловко балансируя на шатких стремянках и воодушевленно выстукивая дробь молотками, трое рабочих снимали вывеску с бывшей кондитерской. Гард, мимоходом оценив

оригинальным способом. Грэнна брезгливо морщилась от их возни с блохастой тварью посреди ее гостиной, но вслух ничего не говорила. Внучек она любила и не так часто приглашала к себе, чтобы что-то им запрещать. Бабушка ведь должна быть доброй, щедрой и немножко наивной в противовес «жестоким» родителям.

Кроме того, близняшки Аттамс помимо необыкновенно честного взгляда в стиле «это не я!», присущего многим детям, обладали одной завидной особенностью – они никогда не пачкались, что очень ценила дъера Ганн. Даже после попытки найти клад в отцовском саду мелкие золотоискательницы вернулись домой в белоснежных фартучках и чулочках под отчаянные завывания садовника, выдавшего в три ручья над загубленными клумбами. Так что пусть себе играют малышки! Будут вспоминать, как весело было у бабушки, и чаще проситься к ней в гости, привозя с собой и отца.

В роскошном кресле аккуратно напротив хозяйки сидела ее ближайшая подруга – высокая и немного грузная Джильберта Палмс. Ее холеное лицо не выражало никаких эмоций, кроме застывшего на нем тоскливого презрения, отчего напоминало маску. Впрочем, если учесть частоту походов в салон лиловых ведьм, маской оно и являлось. Долгосрочной и необратимой. Последние полчаса гостя делала вид, что ест пирожное, на деле же она лет тридцать как придерживалась строжайшей диеты, в чем никогда и никому не признавалась. Зелений травников и искусства лиловых азов было, увы, недостаточно, чтобы держать в узде ее склонную к полноте фигуру.

Объектом недовольства Берты помимо чрезмерно шумных, с ее точки зрения, и самостоятельных детей служила еще одна гостя, сидящая по правую руку от хозяйки за круглым чайным столом. Эта тощая девица с невзрачной физиономией, словно издеваясь над тучной сотрапезницей, уплетала пирожные одно за другим и время от времени счастливо улыбалась.

– Грэнна, дорогая, ты уверена, что дочкам Этьена так уж нужна воспитательница с проживанием? – одарив ненавистную худышку презрительным взглядом, поинтересовалась дъера Палмс. – Думаю, уже скоро у девочек появится более подобающий присмотр и пример для подражания. Такой молодой и привлекательный вдовец один не останется. – Женщина со злорадством наблюдала, как стремительно побледнела эта... несправедливо щуплая, вопреки обжорству, сладкоежка. Видимо, за обещанное хозяйкой место опасается. Ну-ну, так ей! Хоть улыбаться блаженно перестала, моль бледная! В честь сделанной гадости Берта даже ложечку десерта в рот отправила. Довольно прищурилась и... добила записанную во враги девицу: – Мачеха куда лучше какой-то там дъеры из подворотни.

Блондинка, как раз отпившая чаю, поперхнулась и закашлялась.

– Ну что ты, Берточка! – сладко улыбнулась подруге Грэнна, не забыв при этом протянуть второй госте белоснежную салфетку. – На то ведь и расчет. Сначала свадьба, потом... ну ты же знаешь этих молодоженов! Разве им есть дело до кого-то, кроме них самих? А я старая больная женщина, – она поправила кружево на глубоком декольте, привлекая внимание к идеально гладкой коже, противоречащей утверждениям хозяйки, – у меня нет ни сил, ни возможности за детьми присматривать. Вот через годик, как страсти поулягутся, так и будет новая мама, – дъера Ганн чуть выделила интонацией последнее слово, – дочками Ена заниматься. А пока им нужна воспитательница.

– А что, уже есть кандидатура на роль... мамы? – Джильберта подалась вперед, не скрывая своего интереса.

На самом деле кандидатур в списке дъеры Ганн было три, даже четыре, и ее подруга их всех прекрасно знала, но, видя, как реагирует на подобные разговоры воспитательница, решила уточнить еще раз. Грэнна понимающе улыбнулась и, мельком взглянув на блондинку, загадочно произнесла:

– Берта, дорогая, как только сын определится с выбором, ты первая получишь приглашение на свадьбу...

– Ой! – Блондинка резко вскрикнула, едва не уронив чашку. На столик со звоном упала свернувшаяся кольцом десертная ложечка.

– Что такое? – Джильберта, недовольная прерванной беседой, злобно уставилась на дующую на пальцы девицу, которой после сегодняшнего чаепития Грэнна наверняка откажет.

– Ложка нагрелась, – смущенно пояснила та, покосившись на заинтересованно следящих за ними близняшек.

– Энни, Анни! – переведев взгляд с металлической спирали, слабо напоминающей столовый прибор, на хихикающих хулиганок, их «грозная» бабушка демонстративно нахмурилась и фальшиво возмутилась: – Сколько раз я вам говорила не практиковать магические таланты на домашнем серебре!

– Не сердитесь на них, – снова подала голос тощая воспитательница. – Они всего лишь дети, – улыбнулась она и, украдкой подмигнув сестричкам, проговорила совсем другим тоном: – Я, пожалуй, пойду. Еще есть кое-какие...

– Да-да, милочка, идите! – перебила ее хозяйка, махнув изящной кистью, затянутой в кружево перчатки, в направлении массивного комода. – Ваши рекомендации там, заберите. Решение я вам сообщу после беседы с сыном. К выходу вас проводят.

Девушка недоуменно уставилась на дьеру Ганн, растерянно моргнула белесыми ресницами, поднялась и, кинув последний взгляд на уже чем-то увлекшихся детей, побрела за папкой. Из приоткрытого ящика комода выглядывал уголок письма. Воспитательница скользнула по нему безразличным взглядом, а потом вдруг замерла, напряглась и присмотрелась внимательнее. После чего, воровато оглядевшись, выхватила конверт из ящика, спрятала его в папке и нарочито неторопливо засеменила к выходу. Дьера Ганн, краем глаза следившая за ней, чуть заметно улыбнулась, довольная происходящим.

Величественный, словно очень важная особа, слуга, презрительно поглядывая на неброско одетую блондинку, проводил ее до двери и красноречивым жестом распахнул тяжелые створки. Завидев на дорожке статного мужчину с тростью в руке, лакей подобострастно заулыбался. Гость уверенно шагнул к дому, в то время как воспитательница так же стремительно шла прочь. У ворот остановилась крытая карета, из которой, минуя подножку, прыгнул Этьен Аттамс. Он галантно протянул руку к раскрытому дверному проему и улыбнулся. На ступеньку оперлась стройная ножка в черно-красном полосатом чулке. А следом за ней показалась и сама огненная ведьма с тщательно уложенными золотисто-рыжими волосами.

Поблуднев еще сильнее, гувернантка на миг замешкалась и споткнулась, но от позорного падения ее спас тот самый немолодой дьер, перед которым готов был расстелиться ковровой дорожкой заносчивый слуга. Пробормотав какие-то сбивчивые извинения и в противовес бледности покраснев, блондинка вывернулась из объятий смутно знакомого мужчины и со всех ног рванула на боковую аллею, ведущую ко второму выходу со двора дьеры Ганн. Выпавшее из папки письмо плавно опустилось на каменные плиты прямо у ног не узнавшего его градоправителя.

Он проводил задумчивым взглядом странную девушку, втянувшую голову в плечи и как будто спрятавшуюся за своей объемной папкой от всех и вся, затем наклонился, подобрал конверт, сунул его в карман и как ни в чем не бывало продолжил путь. Слуга, так и стоявший у распахнутой двери, улыбался все шире и шире, предчувствуя шикарные сплетни этим вечером. Не каждый же день к хозяйке одновременно заявляются лучшая подруга, будущий муж и сын... с племянницей будущего мужа под ручку!

Пять минут спустя

Блондинка, выскочившая на улицу через калитку для слуг, испуганно огляделась. Не обнаружив поблизости ни одной живой души, она шумно выдохнула, после чего поспешила прочь, очень стараясь не сорваться на бег. Миновав пару десятков особняков, подошла к узорчатым воротам сквера и, смешавшись с толпой прогуливающихся горожан, очутилась на аллее с семью фонтанами, давшими название кварталу. Идя по мощенной желтоватыми камнями дорожке, девушка уклонилась от летящей будто на пожар обезьяны в синем костюмчике, улыбнулась какой-то дьере, охающей над чумазым чадом, проскользнула мимо двух мрачных горгон и юркнула в приземистое одноэтажное строение с женским силуэтом на двери. Через пятнадцать минут в сгущающиеся сумерки вышла уже совсем другая дьера.

Вывернутый наизнанку плащик из мутно-серого стал синим. Черты лица по-прежнему оставались неприметными, но куда более милыми. Ресницы, брови и волосы немного потемнели, что придало им естественности. Глаза зрительно увеличились, губы порозовели.

И пусть место «бледной моли» заняла тоже не очень яркая особа, эта вторая куда больше походила на живую девушку, потому что имела живой прототип.

Если приложить некоторые усилия, именуемые в народе макияжем, нынешнюю маску можно было сделать даже симпатичной, вот только стоит ли привлекать лишнее внимание к полюболюбившейся иллюзии? Под этой самой личиной последние десять дней ведьмочка жила и работала в похоронном бюро дъера Дорэ, называя себя Джеммой Истри – дальней родственницей и помощницей временно отсутствующего гробовщика. Вернувшись из поездки соседка даже успела взять «сиротку» под свое крыло и начать присматривать «бедной крошке» женихов.

И между прочим, у дъеры Истри была целая куча дел в стенах «Последнего цветка». Несносный Элрой, по-прежнему опустошавший запасы сладкого в доме за счет сорванных с губ ведьмочки поцелуев, периодически приносил новости о хозяине ПБ. Но все они, к сожалению, сводились к заявлению: «Да что ему сделается? Отдохнет наконец-то от работы, о жизни подумает!» и к клятвенному заверению, что Гард предоставляет своей заместительнице полную свободу в управлении его конторой, а также право на любые нововведения.

«Вы будете мной гордиться, дъер гробовщик! Я молодец! Столько всего провернула за какую-то неделю», – с этой мыслью Джемма просыпалась по утрам и с энтузиазмом приступала к работе, предвкушая восторг владельца «Последнего цветка», как только он узнает о приливе клиентов. Эдгард точно будет доволен ею, когда вернется! А вернется он скоро. И так его слишком долго в горгонии продержали. А все потому, что нэрл Гэлвин, устроивший гробовщику «отпуск» за решеткой, бесследно исчез. Нелепо... Как будто арестант мог его под нарами закопать. Но пока все выясняется, пока письма официальные туда-сюда курсируют, пока рассматриваются, пока выносятся решения... короче, волокиты с этим странным делом много, как сказала всезнающая Олли-о. Пусть и нехотя, но она все-таки взялась помогать дъеру Дорэ после долгих и нудных уговоров ведьмочки, подкрепленных некой суммой из подаренного «Э» мешочка.

«Э»... Кто же он все-таки? Элрой не признается, Эдгард, по словам жнеца, тоже отрицает свою причастность к столь своевременно подкинутым деньгам. И кто же остается? Этьен? Но Олли-о обещала повременить с раскрытием ведьминой тайны. Или обманула, оса рыжая? Но тогда почему Ен до сих пор не появился на пороге ПБ? И что означают эти трэймы: прощальный подарок или намек на то, что он знает, где ее искать? Что же теперь делать: бежать и прятаться дальше или, наоборот, расслабиться и больше не ожидать внимания от потерявшего к ней интерес мужчины? Ведь он так и не постучал в ее дверь.

При мысли об опекуне блондинка грустно вздохнула, а воспоминание о красной ведьме, с которой приехал Этьен в дом своей матери, и вовсе заставило девушку обиженно поджать губы. Ступив на мост, она даже споткнулась от накалившего расстройства. Как же он мог так быстро ее забыть?! С глаз долой – из сердца вон? Выходит, права была Грэнна, она, Майла, для Ена – всего лишь мимолетное увлечение, болезненная тяга к которому пропала почти сразу после исчезновения «магнита». И вроде все хорошо, все правильно... вот только сердце сжимается, а душа плачет.

Папка выскользнула из дрогнувших рук, и белые листы веером легли на каменные плиты моста. Ведьмочка, тяжело вздохнув, опустилась на колени, чтобы подобрать бумаги, зачем-то подсунутые ей дъерой Ганн. Она так старалась отвлечься, думая о делах и заботах в почти родном уже ПБ, а теперь на поверхность всплыли все недавно пережитые эмоции, и ее словно накрыло. Радость при виде малышей, с которыми бабушка разрешила повидаться под предлогом якобы собеседования с потенциальной воспитательницей. Грусть, что нельзя обнять племянниц, расцеловать их и, поправив бантики, расспросить о жизни. Раздражение от постоянно лезущей с дурацкими замечаниями Берты, которую Майла всегда недолюбливала. Ужас от чуть не случившейся встречи с Этьеном. И странное чувство, поселившееся внутри после слов о его вероятной женитьбе.

Ревность? Обида, что он будет любить и оберегать кого-то другого, а не ее? Но разве не этого желала ведьмочка, согласившись на авантюру с фальшивыми похоронами? Этого! И что теперь? Та рыжая красotka – племянница градоправителя – получит законное право жить рядом с девочками, в то время как ей, недопокойнице, придется по договору с Грэнной исчезнуть из жизни близняшек навсегда, чтобы не травмировать ни их, ни себя? Прекрасный расклад!

Желание исполнилось, да, но... отчего же тогда так обидно, что на глаза наворачиваются слезы?

Захлопнув папку, Джемма вздохнула. Интересно, почему дьера Ганн, с которой по настоянию Олли-о ведьмочка встретилась через пару дней после знакомства с сыщицей, так быстро согласилась устроить свидание с малышками? Привезла внучек к себе, предложила маскарад со смотрами гувернантки организовать... даже чаем напоила с любимыми пирожными Майлы! А ведь свекровь Клариссы просто так никогда ничего не делала. Неужели все ради того, чтобы передать бумаги, кажущиеся в полумраке абсолютно чистыми? Или ради письма? Джемма совершенно не запомнила, что именно привлекло ее внимание, но не взять его из ящика комода она не смогла, что девушке было совершенно не свойственно.

– Да где же оно? – проворчала ведьма, снова роясь в открытой папке. Среди подобранных листов не было никакого конверта. Джемма задумчиво посмотрела на темную воду за резными перилами моста. – Неужели улетело?

Что ж, туда ему и дорога! Оторвав взгляд от водной глади, девушка резко развернулась на каблуках и поспешила домой. Но, сделав всего шаг, снова уронила папку. На сей раз к ногам гробовщика, вместо приветствия прорывавшего:

– Прогуливаеш-ш-шься, дьер-р-ра почти покойница?!

– Вы? – прошептала ведьмочка и... повисла на шее разъяренного мужчины.

Он опешил от такой выходки, она в общем-то тоже, а прохожие только улыбались, идя мимо, пока какая-то чопорная дьера преклонных лет не просипела, гордо задрав подбородок и едва не заработав косоглазие, чтобы при таком положении головы не выпускать из виду пару:

– Позорники, обж-ш-ш-жиматься у всех на глазах... совсем распустились!

Неподалеку от крепостной стены Готрэйма

Олли-о сидела в кустах у дома некой дьеры Хлэмс и злилась. Хозяйку крохотного одноэтажного строения, приютившегося на окраине Готрэйма, она уже была готова раздеть лично, наплевав на конспирацию. Эта лиловая ведьма мало походила на магов своего цвета как внешностью, так и продвигаемыми идеями. Тошная, будто шпага, и зеленая, словно капуста, которую она беспрестанно жевала для «естественного омоложения лица», дьера Хлэмс за двое суток умудрилась ни разу не спустить уродливые полосатые рейтузы настолько, чтобы маленькая рыжая оса смогла как следует изучить ее бедра на предмет родимого пятна. Эти штаны, как выяснила сыщица, были новинкой от заморских врачей, которые гарантировали после месячной носки заметные сдвиги в стройности ног и гладкости кожи. По крайней мере, именно так чокнутая ведьма говорила немногочисленным клиентам, которые, как и она, пытались добиться природной красоты без применения магии иллюзий. Если бы Олли-о менее ответственно относилась к работе, она бы давно плюнула на дьеру Хлэмс и отправилась проверять оставшихся в городе ведьм. Но вдруг по закону подлости именно у этой жерди на бедре окажется искомая родинка?

Осмотрев свой походный костюм, оборотень всерьез подумала, а не рассыпаться ли ей роем и улететь отсюда на осиных крыльях? Все-таки явиться лично к объекту слежки было не самой удачной идеей. Тем более нормального контакта все равно не состоялось: ведьма прочитала потенциальной клиентке занудную лекцию про полосатые штаны, а результат их воздействия на бедра показывать до конца месяца отказалась. Пришлось с умным видом покивать, уйти и... затаиться в кустах. Вот все это уже начало утомлять. Так почему не обернуться? Оставленная в зарослях одежда – не такая уж и большая жертва, если на кону стоит порция сладкого, горячая ванна и крепкий коньяк.

«Двое суток потраченного зря времени! Чтоб тебе исчезаться, дьера Хлэмс! – мысленно пожелала ей сыщица, продолжая наблюдать за ведьмой. – Хм... Может, пойти содрать с нее штаны и выпороть крапивой... для естественного улучшения кровообращения?»

Отправленная на разведку оса беспрестанно передавала картинки, от пестроты которых у Олли-о болела голова: вазочки, коробочки, вязанные салфеточки, засушенные цветочки – сплошное нагромождение хлама, а не дом. И целый ряд проклятых полосатых штанов, вывешенных вдоль стены, как на витрине. Как же сыщица в этот момент ненавидела и заморских лекарей, и свихнувшихся на их новомодных идеях теток.

«О! А это уже что-то интересное». – Дьера Сомс вся подобралась, высунув нос из своего укрытия.

По дорожке к двери, украшенной нарисованным венком из роз и ленточек, вышагивал молодой мужчина с непропорционально широкими плечами и тщательно уложенными волосами. Он небрежно помахивал букетом и довольно скалил идеально белые зубы.

– Что тут у нас за фрукт? – проворчала девушка-оса, изучая его спину. – Эдакая замена капусте с доставкой на дом? Или все-таки можно надеяться, что явился спаситель, который наконец-то вытащит ведьму из проклятых штанов?

Сыщица, заметив приободрившись, отправила на помощь крылатой шпионке еще двоих. Вот сейчас они быстренько проверят эту швабру костлявую, и можно будет с чувством выполненного долга бежать к Майле. Пока невидимый, но невероятно прозорливый Эл все вкусное не слопал.

– Та-а-ак... – бормотала Олли-о, наблюдая за происходящим в доме через своих полосатых летуний. – Веник вручил, куртку снял, на ушко что-то прошептал и на диван уложил... Хор-проший мальчик, шустрый! Надо будет адрес выяснить и бутылку вина послать с благодарностями. Ну же, парень... еще чуть-чуть... во-о-о-от... – Рыжая замерла, узрев наконец столь важную ей часть тела дьеры Хлэмс, и тут... – Ну что ж так орать-то?! – с досадой сплюнула оборотень. – Ну оса, ну две, три! Куда? Что? А-а-ай! – взвыла она, в ярости выскакивая из облюбованных кустов.

Сжав ноющий кулак, дьера Сомс развернулась на низких каблуках и решительно зашагала прочь. К чирташу эти идиотские посиделки! И малахольную ведьму с разбрызгивателем наперевес, и рыцаря ее с мухобойкой туда же! Руку без трех пальцев Олли-о спрятала в карман. Кто бы мог подумать, что эти заморские кудесники не только полосатые штаны да сомнительные отвары готовят, но еще и отраву для насекомых делают. Редкая дрянь...

И меткая! Обрызганные ею осы уже никогда не вернутся к хозяйке, а значит, пальцы придется наращивать самой. И ради чего, спрашивается, такие жертвы? На бедрах дьеры Хлэмс ведь не было никакой родинки, одни только красные пятна от чрезмерно теплых чудо-штанов.

Олли-о уже почти вышла на широкую улицу, где можно было нанять экипаж, как в подворотне соседнего здания ей померещился темный силуэт. И все бы ничего, но в руках у скрытой в тени фигуры сверкнула белым металлом необычная трость. Такую сыщица видела лишь у одного человека. Вернее, не человека, а оборотня, обладавшего уникальным нюхом и безупречной репутацией в сфере частного сыска. И хотя сыскарь не любил афишировать свою принадлежность к племени двуипостасных, знающие люди и нелюди были в курсе.

– Акеллар! Какого чирташа он здесь делает? – процедила оса сквозь зубы, глядя на быстро опустевшую арку. Вариант, что ее коллега, хотя вернее сказать – конкурент тоже охотится на лиловую ведьму с необычным родимым пятном, девушку не устраивал.

Поздним вечером в особняке градоправителя

Вэйдмар Эсми с видимым удовольствием потягивал щедро сдобренное пряностями вино и перебирал в памяти события прошедшего дня, мысленно отсеивая ненужные и в деталях восстанавливая те, что могли еще пригодиться. Вечерний визит к Грэнне Ганн в этом смысле был просто кладезем тем для раздумий. Мужчина усмехнулся, откинул со лба бело-рыжую прядь, вытянул ноги к камину и, прикрыв глаза, полностью отдался воспоминаниям. Наблюдать за жалкими потугами его племянницы Жаннин, которая пыталась очаровать дьера Аттамса, было весьма увлекательно. Ощущать на себе жадный взгляд ни капли не изменившейся за последние десятилетия и вечно голодной Берты – забавно. Обнаруживать тонкие намеки и тщательно завуалированные подколки в ручьем льющих речах хозяйки – приятно. А уж то, с какой непревзойденной ловкостью и внешней невозмутимостью Этьен все это игнорировал, было поистине достойно восхищения!

Мальчишка Грэнны явно не из тех, кто женится по родительской указке. И не из тех, кого легко обвести вокруг пальца. Улыбался дьер оружейник вежливо, а беседы о погоде и ценах на урожай вел легко и непринужденно, вот только не забывал при этом сверлить взглядом

потенциального отчима. С таким упорством он, не приведи Сайма, высверлит еще чего лишнего. Что ж, с Этьеном придется считаться. Или устранить его с дороги. Но это только в крайнем случае. Жаль дьеру Ганн лишать единственного отпрыска, а таких очаровательных малышек – отца.

Эти две безобразницы с невинными мордашками, повисев на родительской шее и оттоптав по дороге к этой самой шее ноги красотишки Жаннин, впихнули папе в руки замученную кошку, велели называть ее Ви и, обойдя вокруг стола, бесцеремонно устроились на коленках у незнакомца рыжего дяди с «посыпанными снегом» волосами. К слову, дьер градоправитель не возражал, чем девочки и пользовались. Еще бы! Во-первых, ваза с конфетами ближе, во-вторых, можно попытаться приглянувшийся перстень с руки гостя утащить, ну а в-третьих, втихую заняться шпильками в прическе тети Жаннин, которая слишком уж много улыбается папе. В результате хулиганки получили «строгий» выговор от «злого» Аттамса, а племянница Вэйдмара Эми чуть не схлопотала сердечный приступ из-за пережатых заколками прядей. Пришлось везти ее домой. Всю дорогу красная ведьма шипела и грозила отправить мелких мерзавок в самую дальнюю школу-интернат сразу после их с Этьеном свадьбы. Градоправитель же благоразумно помалкивал, ухмыляясь про себя: что бы там ни думала его так называемая родственница, стать новой дьерой Аттамс у нее вряд ли получится.

Да-а-а... вечер определенно удался! И внутреннее чутье подсказывало мужчине, что ночь тоже не обойдется без сюрпризов. Дьер Эми поставил бокал на столик и вытащил из кармана немного помявшийся конверт. Изучить находку сразу не удалось – не в гостях же этим заниматься и не в карете с бьющейся в истерике Жаннин. Зато дома, расслабившись и отдохнув, любопытному письму можно было уделить должное внимание. Вэйдмар поднялся, подошел к книжному шкафу, вытащил несколько томов и достал из потайной ниши небольшой сундучок. Щепотка разноцветной свели из граненого флакона мгновенно проявила незримый до этого характерный вензель, прикрепленный к желтоватой бумаге. Мужчина усмехнулся и, поддев ножом, снял магическую приманку, наличие которой заподозрил сразу. Не в его привычках было подбирать что попало, но ведь поднял, даже не задумываясь. Чары искушения работали без сбоев. И стоили немало, ибо были доступны лишь высшим жрицам храма Марны. На конверте кроме метки, которая привлекала внимание и заставляла взять предмет, обнаружили старательно подделанную подпись ныне покойного лекаря, дата, совсем не соответствующая свежим чернилам, и чуть заметный аромат очень знакомых духов. А вот бумага, спрятанная внутри конверта, оказалась подлинной, весьма интересной и явно не предназначенной для глаз градоправителя. Тогда для чьих? Той страшненькой светлокожей девицы, которая еще больше побледнела, увидев Этьена с Жаннин?

Дьер Эми задумчиво потер подбородок, перебирая известные ему факты, словно фрагменты головоломки, и чуть улыбнулся собственным догадкам. Как ни крути, а случайное столкновение было слишком удачным, чтобы не оказаться тщательно спланированным. Эта бумажка много значила и для Грэнны, и для ее сына, и для девушки... чересчур невзрачной, чтобы ее внешность могла быть настоящей. Да и за умершую избранницу Саймы храма откупные не платят, а чем еще могли оказаться переданные дьерой Ганн деньги?

Рука градоправителя сама потянулась к внутреннему карману жилета, вынув из него небольшую металлическую пластину. На ее белом фоне был нарисован фрагмент ветви с лиловым бутонем, который прямо на глазах начал распускаться.

– Даже так? Как все-таки тесен мир. – Темно-рыжие брови мужчины поднялись в удивлении. – Неожиданно и... интригующе.

Глава 9

На кухне похоронного бюро

Осенний вечер сиял звездами за окном опустевшего похоронного бюро. Наемные работники разошлись по домам, и двухэтажное здание, как и прежде, погрузилось в тишину и темноту. Общую картину «спящего склепа» нарушала лишь кухня, в которой горели заправленные свелью лампы и слышались приглушенные, а местами и громкие голоса.

– Скажи этому проглоту, что если он еще раз влезет в мой мед...

– Олли, он тебя прекрасно слышит! – напомнила ведьма, на миг оторвавшись от разделочной доски, на которой методично крошила овощи для салата последние минут двадцать. Поздние гости ее слегка нервировали, а готовка успокаивала.

– И видит! – Элрой поднялся с подоконника, на котором сидел, демонстративно смерил сыщицу оценивающим взглядом, обошел ее, чтобы осмотреть еще и сзади. – А ведь есть на что посмотреть...

– Ай! – взвизгнула рыжая. Резко развернувшись с занесенной для удара рукой, она чуть не смахнула с полки кастрюлю.

Джемма вздохнула, не без удовольствия разрубив помидор. А жнец, сквозь которого пролетела рука осы, не причинив никакого вреда, довольно ухмыльнулся, дернул девушку за выбившийся из пучка локон и добавил к ранее сказанному:

– Что пощупать тоже есть!

– Эл! – возмутилась ведьмочка, временно забыв про приговоренный к четвертованию овощ.

– Что? Что он с-с-сказал? – почуяв подвох, воинственно зашипела сыщица. – Где этот С-саймин с-сын стоит, а? – сжав кулаки, обратилась она к ведьме. – Скажи мне, и я начищу его невидимое...

– Брось, Олли! – ссыпав кусочки помидора в большую чашу, перебила Джемма. – Все равно ты ему ничего не сделаешь. Он ведь жнец. Тварь потусторонняя, бессмертная и неосязаемая для большинства людей.

– Я не тварь, – поджав губы, сообщил блондин.

– И где эта тварь сейчас? – не слыша возмущений Элроя, вновь уточнила оборотень. – Не прибью, так хоть в глаз плюну!

– Не доплюнешь, малявка! – Белый плут, чуть нагнувшись, подул Олли-о в ухо. Та подпрыгнула на месте и схватила с крючка на стене огромный половник.

– Убью! – пообещала она уверенно.

– Я же сказала... бес-смерт-ный, – по слогам повторила ведьмочка, приступая к разделке очередного овоща. Она сильно устала за день: слишком уж много эмоциональных потрясений выпало сегодня на ее долю, и далеко не все из них были приятными. А эта парочка поздних визитеров явно не спешила уходить. И, обреченно вздохнув, девушка посоветовала: – Будешь плевать, целься повыше! Он длинный. – А затем добавила, немного подумав: – Но пол потом сама помоешь.

– Выше меня? – заинтересовалась оборотень, которая и сама на рост не жаловалась.

– Намного, – кивнула Джемма, тяжело вздохнув. Служить посредником между двумя сластенами, претендующими на роль советчика и лучшего друга, ей уже порядком надоело. – Эл, если ты и дальше будешь тратить полученную от меня энергию на то, чтоб доводить Олли-о, можешь забыть о поцелуях!

– Давно пора его отвадить, а то даришь драгоценные минуты жизни этому... бессмертному! – проговорила дъера Сомс, оглядываясь по сторонам, будто пыталась в привычной обстановке кухни разглядеть невидимку.

– Сами вы!.. – насупился жнец, а потом выхватил из миски кружок сладкого перца, который с момента попадания в руки невидимого блондина могла лицезреть уже только Джемма, и вернулся на облюбованное место на подоконнике. – Уйду я от вас... к Гарду, – старательно изображая обиду, проворчал он.

– Иди-иди, я ему как раз собиралась рассказать, как ты мне про его одобрение новшества в ПБ врал! – мило улыбнулась ведьма.

– Так-так-так! – оживилась сыщица, цапнув из той же миски точно такой же ломтик перца. Джемма закатила глаза, мысленно отметив, что вкусы у этих двоих сходятся. – С этого места, пожалуйста, поподробнее...

– Осознал, раскаялся, больше не буду! – не скрывая хитрой ухмылки, воскликнул «обиженный» и тут же сменил тему: – А пирог дъеры Бланш еще остался?

– Обойдешься! – ткнув в сторону жнеца ножом, ответила Джемма. – Ты не то что пирогов, даже чаю несладкого не заслуживаешь за свою выходку! – И, взглянув на осу, совсем другим тоном сказала: – Да какие тут подробности, Олли? Этот любитель сдобы и варенья...

– И меда! – вернула оборотень.

– И то-о-ортов! – мечтательно протянул Элрой, послав влюбленный взгляд холодильному шкафу, подступы к которому сейчас надежно перекрывала сыщица.

– И трупов! – добавила к перечислению ведьмочка. – Иначе чем объяснить его попытку сделать оный из меня?

– Это как? – насторожилась Олли-о. В ее рыжей голове молнией пронеслась мысль, что за пропущенное покушение на Майлу Этьен лично прибудет приставленную к девочке горе-охранницу.

– Очень просто! – заправляя салат домашним соусом, сказала ведьмочка. – Эл уверял, что Эдгард дал мне полную свободу действий в ПБ. А на деле... – Она замолкла и задумчиво посмотрела на лежащий на доске нож. – На самом деле дьер гробовщик готов был меня собственноручно придушить и за отпевальщиц-плакальщиц, и за живые цветы, и особенно за кучу заказов.

– Почему? – удивилась Олли-о. – Ты же увеличила прибыль его бюро и...

– А потому, что ему совсем не нужны шум, суета и чрезмерная популярность, – перебила Джемма. – «Последний цветок» у него, как выяснилось, не для денег, а для души! Еще для сотрудничества с горгонами. Так что мне повезло, что Гард меня дома не застал и успел немного остыть, пока по улице шел навстречу. А то пришлось бы ему в ночи могилу Джимджеммайлы Аттамс вскрывать. Сама понимаешь зачем.

– Скажешь тоже... – пробурчал Эл.

– И скажу! А за то, что я тебя не сдала, ты мне должен будешь! – разрезав буханку хлеба, заявила ведьмочка.

– Хм... – Сыщица расплылась в довольной улыбке. – А ведь и я рассказать могу. Так что и мне... должен! Для начала не смей жрать мое варенье! – рявкнула она.

– Размечталась! – фыркнул жнец. – Джемма, скажи ей...

– Не буду я ей ничего говор-р-рить! – раздраженно швырнув нож на стол, воскликнула девушка.

– Чего ты мне говорить не будешь? – тут же наострила ушки рыжая.

– Ничего не буду! Как же вы мне надоели, а! – простонала помощница гробовщика, затем села на табурет и печально подперла щеку кулачком. – Олли, ты, кажется, говорила, что у тебя еще дела сегодня, когда записку с почтовиком отправляла.

– Ну говорила... – нехотя протянула та.

– Так, может, уже пора ими заняться?

– Съела, рыжая? – довольно заулыбался мерцающий гость, но Джемма не оставила без внимания и его:

– А ты, Элрой... не пошел бы ты... пошел бы...

– Куда? – с интересом уставился на нее блондин.

– К Гарду! – нашла ведьма.

– Зачем? – прикинулся непонимающим белый прохвост.

– Сказать, что ужин готов. А если еще и Вишенку вызволишь из рук гробовщика, так и быть, будем квиты.

– У-у-у, ведьма! – на удивление слаженно протянули оба припозднившихся гостя. И если Олли-о вторящего ей голоса жнеца не слышала, то Элрой, на миг опешив, посмотрел на идущую к выходу сыщицу с искренним умилением.

– Завтра зайду! – сообщила оборотень и, не попрощавшись, исчезла за дверью. Последние дни в отсутствие дьера Дорэ она либо ночевала в ПБ, либо навещала его временную хозяйку вечером, в то время как пара рыжих ос торчала тут безвылазно. – Хочу к завтраку пончиков с кремом! – донеслось из коридора.

– Мне салата не надо, только десерт положи! – распорядился Эл, растворяясь в кухонной стене.

– С-с-спелась, – как-то совсем беззлобно прошептала ведьмочка.

Девушка прекрасно понимала, что сыщица может позволить себе любые сладости, а жнец вполне способен обходиться без кулинарных соблазнов, но оба они при любой возможности спешили к ней, чтобы узнать, как дела, пообщаться и устроить эти комичные войны за варенье и мед. Они в равной степени опекали свою новую подругу, беспокоились о ней и...

развлекались за ее счет. Но, как ни странно, это было приятно. Даже сегодня, несмотря на усталость и всякие противные мыслишки, которые нет-нет да и посещали темноволосую головку ведьмочки, визит двух наглых сластен пусть немного, но поднял ей настроение, испорченное встречей с Этьеном и... с Гардом.

В другой комнате

Гробовщик в одних домашних брюках сидел в кресле у камина и размеренными движениями гладил громко урчащую кошку. Ви осторожно выпускала коготки, стараясь не поранить новую живую игрушку. Теплую, почти горячую игрушку, в которой чувствовался дар. Мужчина, тиская животное, успокаивал свои нервы, а она получала порцию ласк и по чуть-чуть тянула нарастающую энергию из его огромного запаса.

Станный маг, сильный маг, вку-у-у-усный маг, мур-р-р...

Эдгард пребывал в несвойственной для себя растерянности. Непривычным было и находиться в своей спальне, а не в рабочем кабинете, и думать о чем-то, кроме дел. Непривычным и в то же время странно знакомым, словно давно позабытым. Прошедший день просто изобилует эмоциями. Самой яркой из них оказалась не злость на самоуправство предприимчивой ведьмы, а что-то непонятное, теплой волной затопившее душу при виде ее искренней радости. Это что-то мгновенно погасило желание гробовщика прибить обнаглевшую девчонку и вызвало смущение, если не сказать – робость. Неужели он действительно привязался к дьере недопокойнице, так оригинально въехавшей в его жизнь в гробу?

Еще одна лиловая ведьма на его голову? Да уж... И ничему-то вас жизнь не учит, дьер бывший жнец! Мужчина криво усмехнулся собственным мыслям и качнул головой, капли воды, слетевшие с мокрых волос, попали на черную шерстку Вишни. Кошка недовольно муркнула и царапнула ногу мужчины.

– Почему ты еще не одет?! – воскликнул просочившийся сквозь закрытую дверь Эл.

– Зачем? – не глядя на мерцающего друга, отозвался Эдгард.

– Ужинать зовут!

– Зачем ты устроил этот балаган в моем бюро? – пропустив мимо ушей сообщение жнеца, спросил гробовщик.

– Й-а-а? – Блондин делано округлил глаза и похлопал белыми ресницами.

– Хватит дурака валять! Это в первый момент я поверил, что ведьмочка сама хозяйничала.

А как остыл, сразу понял, что без тебя не обошлось.

– Ну, – пожав закованными в доспехи плечами, Эл улыбнулся, – может, я и перестарался немного, поощряя ее бурный энтузиазм.

– Мстил мне за то, что дал Варфаламее уйти? – На этот раз дьер Дорэ внимательно посмотрел на друга.

– Ага, – не стал отпираться тот.

– Детский сад, – проворчал хозяин ПБ и не без ехидства добавил: – Это глупо, Эл Ржавый Гвоздь.

– Зато весело, – ни капли не обидевшись на старое прозвище, фыркнул жнец, – и полезно.

– Чем же? – Антрацитовые глаза сузились, пытливо глядя в лазурные.

– Ну... – Элрой привалился к по-прежнему закрытой двери, сквозь которую только что вошел, и продолжил: – Так как мы заключили договор, а Дис, расщедрившись, дала мне еще одну неделю на поиски Варфаламеи, нам придется в самое ближайшее время заняться этим делом. А чтобы ты не отвлекался на свою похоронную контору, я воспитал тебе достойную заместительницу!

– Достойную?! Да еще немного, и она окончательно превратит «Последний цветок» в цирк, не забыв при этом разорить меня, – язвительно парировал Гард, продолжая гладить притихшую Ви, чье острое ухо забавно выгнулось, ловя реплики столь любопытной беседы.

– Ну, допустим, не разорит, и уж точно не тебя...

– Взлом сейфа не считается?

– Джемма его не взламывала.

– Ты помог?

– И я не взламывал... не вышло. Только выбил из стены. – Изображая скромность, Элрой потупился и даже носком сапога шаркнул для пущего эффекта. Не убедил. Гард продолжал гипнотизировать собеседника тяжелым взглядом, и жнец проговорил, вздохнув: – К тому же мы его обратно затолкали.

– Угу, – тряхнув мокрыми волосами, гробовщик мрачно улыбнулся, – после того как вдоволь в нем покопались.

– Э-э-э? – Вся показная застенчивость вмиг слетела с гостя. – Кто-то влез в твой сейф? Ух ты... и как открыли? А что взяли? А?

– Бэ! – рывкнул дьер Дорэ, поднимаясь из кресла, на что Ви недовольно заурчала. – Ничего не взяли, просто порылись в бумагах. И если это не вы с Джеммой, то...

– Олли-о! – радостно известил жнец.

– Олли-о? – не разделяя эмоций друга, переспросил хозяин ПБ. – Та сыщица-оборотень, которая пыталась меня из камеры выволить, потому что ее кто-то там нанял?

– Наша сладкая девочка наняла.

– На какие шиши? – нахмурился гробовщик.

– На какие-то, – развел руками гость. – Я ей денег не давал, ты тоже, сейф твой цел... был. Значит, кто-то из бывшей родни одолжил. Ну или она ограбила банк в промежутке между наймом персонала, организацией похорон, беготней по городу и попытками разведать хоть что-то о Варфаламее, из-за которой тебя арестовали...

– Хватит! – Эдгард глянул на нахохлившуюся Ви, одиноко сидящую в огромном кресле, затем посмотрел на жнеца, окруженного ореолом белого света, и... сменил тему. – Ужин, говоришь, готов?

– Да. Джемма настрогала салат...

– А это-то зачем? – Черная бровь мужчины выгнулась от удивления. – Дьера Бланш со своей подругой трехдневный запас еды в холодильном шкафу оставили.

– Ну а сам-то как думаешь, зачем? – покачал головой Элрой и, не дождавшись ответа друга, обреченно вздохнул. – Пошли уже, дьер деспот, а то девчонка, чего доброго, решит, что ты по-прежнему на нее злишься.

– А я не злюсь? – натягивая рубашку, проворчал гробовщик.

– Не-а, – лукаво улыбнулся Элрой. – В глубине души ты искренне ею восхищен и доволен.

– Очень-очень в глубине, – пробормотал Эдгард, а потом поинтересовался совсем другим тоном: – Расскажи-ка мне побольше про эту Олли-о.

Той же ночью

После яркого света, вкусных запахов и тепла уютной кухни выходить на улицу оказалось не очень-то приятно. Во внутреннем дворике ПБ было просто холодно, а за его воротами еще и ветрено. Фонари рассеивали ночную тьму, но теплее от их желтоватого сияния не становилось. Олли-о зябко поежилась, понизже надвинув шляпу, чтобы ее не сдуло ветром, втянула голову в поднятый ворот плаща и, сунув руки в карманы, зашагала прочь. Желающих совершать прогулки в столь поздний час на улице не было. Только тени пятнами ложились под ноги, рыжий кот степенно переходил дорогу, да парочка подозрительных типов выглянула из подворотни, но, оценив широкий шаг и трость припозднившегося прохожего, юркнула обратно. В стенах сыскного бюро было немногим теплее. Сыщица поднялась по лестнице на второй этаж, бросила на спинку стула плащ и, не глядя, зашвырнула шляпу на шкаф, после чего плюхнулась в любимое мягкое кресло. Скрещенные в щиколотках ноги легли на край стола, а рука потянулась за спрятанным в ящике коньяком. И в этот момент лампы вспыхнули, освещая силуэт на подоконнике. Бутылка, щедро поделившись содержимым с полом, полетела в затаившегося гостя.

Этьен перехватил ее и, отхлебнув из горлышка, поинтересовался:

– Нервы шалят, Олли-о?

В городском парке Готрэйма

Неподалеку от ворот парка остановился экипаж с дверцами, прикрытыми безликими щитами. «Не иначе гербы спрятаны», – подумал ночной сторож. Он окинул взглядом пару породистых кобыл и хмыкнул. Опять кто-то из богачей позднее свидание на природе устраивает. И чего им дома в теплой постельке не ложится? Приключений хочется, остроты ощущений? Ну-ну. Что ж, им приключения, а ему доход – лишний стальной карман не порвет!

Дьер полуночник уже маячил возле узорчатой створки, подкидывая на ладони небольшой мешочек. Сторож без лишних разговоров открыл ворота и молча поклонился, пряча деньги за пазуху. А чего беседовать-то? Красть в парке нечего, громить скамьи да беседки этот дьер в дорогом плаще и начищенных сапогах явно не станет. Так почему бы не подзаработать, пустив его за ограду после закрытия парка? А знать много вредно, да... так что не о чем им разговаривать!

Выглянувшая из-за туч луна на миг высветила профиль мужчины. На руке, поспешно натянувшей капюшон пониже, сверкнули крупные запонки и массивный перстень золотого аза. «Ох ты ж чирташ хвостатый!» – выругался сторож, невольно узнав в ночном госте главу Городских Гончих, и поспешно скрылся в своей будке. Марна упаси в дела этого дьера влезать! Мужчина уверенно направился в глубь парка. Во всем Готрэйме вряд ли нашелся бы человек, не слышавший о радужных беседках, дугой выстроившихся в северной части. Детворе запрещали даже приближаться к изящным белокаменным строениям с разноцветными крышами, а юные и не очень юные дьеры не рисковали прогуливаться неподалеку, опасаясь за свою репутацию. Потому что семь беседок, укрывшихся в зарослях цветущих кустарников, были популярным местом для не слишком приличных свиданий.

Знакомая с далеких студенческих лет аллея навевала приятные воспоминания. И пусть для встреч на свежем воздухе был уже не сезон, но даже холодный ветер, шелестящий пожухлой листвой, не мог стереть с лица полуночного посетителя предвкушающую ухмылку. Вернуться в беззаботную юность было даже приятно, да и женщина, избравшая столь странное место для свидания с человеком его положения, стоила жертв. А что холодно, так согреться рядом с пылкой красавицей – не проблема. Мужчина поднялся по ступеням одной из беседок и обернулся, вглядываясь в темноту парка. Полоски ткани, закрывающие арочный проем, качнулись за его спиной. На плечи легли ладони в белых кружевных перчатках, пальцы скользнули по шее, скулам и закрыли ему глаза.

– Угадай, кто? – раздался хрипловатый шепот у самого уха дьера, чей нос уловил терпко-сладкий аромат духов эксцентричной прелестницы.

Мужчина осторожно отнял от своего лица ее руки, поцеловал их и, развернувшись, шагнул внутрь уютного помещения, повинаясь призывному жесту тонкого пальчика. Женщина, сбросив капюшон, обвила руками шею горгона и прильнула к его губам в страстном поцелуе. Полчаса спустя сторож, с недовольством оторвавшись от чашки корифа, снова открывал ворота. «Что-то быстро управился, – думал он. – И один идет... Девушка-то где? Следующего, что ли, дожидается? Ишь шустрая какая! Или, может, наоборот, стесняется мимо старика пройти? – смягчился он, вглядываясь в полумрак спящего парка. – Замерзнет ведь до утра, дуреха. Хотя... скромницы так не душатся. Вон аж от любовника за пять шагов разит», – на этом мысли о неведомой дьере покинули голову сторожа. В конце концов, с другой стороны был еще один выход, где тоже нес вахту ночной дежурный.

Карета под мягкий перестук копыт исчезла за поворотом, увозя в своем комфортабельном нутре мужчину, сторож же вернулся к недопитой чашке. А в беседке с зеленой крышей остывало под каменной скамьей обезглавленное тело в дорогом костюме с золотистого цвета запонками. И на пальце трупа белел след от сорванного кольца.

В резиденции дьера Эсми

Свечи горели повсюду: в высоких канделябрах, расставленных по углам просторного кабинета, в небольших металлических вазочках на каминной полке, столе и тумбах, и в массивной люстре, свисающей на цепях с потолка. Можно было бы заменить их лампами, заправленными золотистой свелью, как и делал предшественник нынешнего градоправителя, но красный аз предпочитал живое пламя – родную стихию, покорную огненному магу. Чтобы зажечь в комнате свечи, рыжеволосому дьеру требовалось всего лишь щелкнуть пальцами. Зачарованных от быстрого сгорания свечей хватало почти на неделю, потом же слуги меняли их на новые. И так происходило последние полгода, с тех самых пор, как Вэйдмар Эсми, овдовев, начал незаметно меняться.

Внешне он оставался все тем же импозантным мужчиной с гордой осанкой и посеребренными сединой рыжими волосами. Вот только взгляд стал острее, улыбка коварней, а речи проникновенней. Бесконечные вереницы балов и частных вечеринок с игрой в карты сменил жесткий рабочий график, горы вычурных нарядов в шкафах – строгие дорогие костюмы, а светящуюся свель в прозрачных сосудах – живой огонь.

Прислуга, привычная к причудам богатея, объясняла все эти странности в поведении хозяина двумя причинами: скоропостижной кончиной его вертихвостки жены, обожавшей блеснуть в новом платье на очередном светском рауте, и поездкой дьера Эсми на материк, где он не только занимался делами, но еще и посетил искусников, подкорректировавших его голос и жесты. Да и лиловые азы наверняка поработали, добавив внешности градоначальника новые штрихи. Хотя и увлеченность мужчины дьерой Ганн конечно же сказывалась, ведь всем известно, что любовь преобразует даже тех, кто не юн. И в чем-то слуги были правы: Вэйдмар действительно изменился после двухнедельной отлучки... а точнее, его подменили.

Храмовники лишь в особых случаях прибегали к замещению политических фигур своими людьми, и это всегда оставалось тайной. В Готрэйме как раз и произошел тот самый особый случай, потребовавший вмешательства тайного ордена рыцарей триумvirата. Вызвать настоящего дьера Эсми в столицу под предлогом аудиенции в главном храме божественной троицы труда не составило. Даже порядком зарвавшийся градоправитель, давно и с успехом припрятывавший часть доходов от готрэймских рудников и обворовавший тем самым королевскую казну, не рискнул бы проигнорировать такое приглашение. Впрочем, знай он, что это билет в один конец, может, и отказался бы.

На остров вернулся уже совершенно другой огненный маг, похожий как две капли воды на прототип (спасибо лиловым азам и бирюзовым искусникам!). Когда-то у него было свое имя и внешность, но все это осталось в прошлом. Отныне один из первых рыцарей триумvirата стал Вэйдмаром Эсми, причем вызвался на это задание сам. И дело было не только в нарушавших божественные законы ритуалах, участвовавших в Готрэйме и его окрестностях в последние несколько месяцев. И даже не в желании очистить некогда родной город от мрази, которая, пользуясь занимаемым постом, давно и со вкусом творила разные мерзости за высокими стенами своего роскошного дома. И Грэнна, его первая юношеская любовь, отвергшая своего пылкого поклонника, по сути, тоже была лишь приятным дополнением к миссии.

Главной причиной, толкнувшей мужчину на эту авантюру, был старинный артефакт, доставшийся ему от друга. Чахлое семейное древо, изображенное на стене в родовом замке, шесть лет назад неожиданно дало росток на ветви, считавшейся погибшей. А недавно на волшебном рисунке расцвел и сине-фиолетовый цветок, символизирующий вступление лилового мага из семьи Морт в силу. Этого самого мага нынешний дьер Эсми был намерен найти во что бы то ни стало. Потому что потрепанному жизнью роду как воздух требовался наследник, а старый глава был уже не способен на такие подвиги. Одиноким и угрюмым, он давно заперся в своем мрачном поместье, где из прислуги остались лишь верная экономка и старый садовник. По жестокой иронии судьбы пережив своих детей и внуков, Миландер Морт планировал тихо умереть в добровольном заточении, но свежий росток нарисованного древа воскресил надежду, которую укрепило письмо таинственного доброжелателя, обещавшего найти пропавшего родственника Миландера в силу данного когда-то слова. С тех пор эти двое регулярно переписывались, обсуждая поиски.

А все потому, что глава ожившей ветви, погибший, выполняя одно из заданий храма, был не только сыном старика, но и лучшим другом лже-Вэймара. Тем, кто прикрывал ему спину, делился тайнами и... никогда не верил, что его пропавшие без вести дети мертвы. Умирал

Шертан на руках друга, и последней волей его стала просьба о продолжении поисков Айлы и Арис. А последним подарком – миниатюрная копия родового артефакта, бутон на котором начинал распускаться лишь вблизи кровного родственника Морта. Причем чем ближе был искомый объект, тем насыщенней становились краски диковинного цветка.

Прежде чем выяснить, где находится кто-то из внуков Миландера, будущий градоправитель Готрэйма успел исколесить полстраны. Когда же определился с направлением, нанял опытного сыщика-оборотня. А чуть позже подвернулось и задание храма, на которое он с радостью вызвался. Личные интересы переплелись с рабочими, упустить такой шанс было бы глупо. И вот новоявленный дьер Эсми здесь, в городе, где когда-то родился и жил, но звался иначе. В доме, где больше не устраивают постыдные оргии под прикрытием светских вечеринок. На службе короля и народа, а главное, на службе храма триумvirата и... собственного сердца. В дверь тихо постучали. Безукоризненно одетый, несмотря на ночь, дворецкий сообщил о позднем госте и, получив утвердительный кивок хозяина, отправился в холл, где дожидался приглашения визитер. Войдя в кабинет своего нанимателя, мужчина коротко поклонился, отчего серебристо-белая челка его упала на чуть прищуренные карие глаза. Сейчас карие, но рыцарь тайного ордена помнил те времена, когда они были ярко-желтыми с вертикальным зрачком. Да и к имени Акеллар Эвир тогда добавлялась еще одна буква, характерная для оборотней.

Чтобы откупиться от общины волков и отправиться в свободное плавание, беловолосый дьер некоторое время работал на храмовников. Там будущий Вэйдмар и познакомился с этим довольно скользким, но очень хватким типом, обладавшим к тому же непревзойденным нюхом. Впоследствии Акеллар с помощью постоянной иллюзии подкорректировал свою внешность, сделав ее больше похожей на человеческую. А заодно и сменил медальон, удостоверяющий личность, избавившись от ненавистной буквы «В» в конце имени. Волк переехал в столицу, где открыл частное агентство, специализирующееся на розыске пропавших людей. Так что с выбором сыщика дьер Эсми долго не раздумывал. Как только определился с местом обитания пропавшего потомка Миландера Морта, нанял Эвира для работы, которую следовало держать в тайне.

Почему? Все просто! Заказчик похищения детей и убийства жены Шертана так и не был найден, потому что разбойники, разговаривавшие под пытками, банально не знали, кто их нанял. И опасность повторного покушения на чудом спасшегося ребенка по-прежнему существовала. Поэтому тот, кто отныне и навсегда должен был жить чужой жизнью и зваться Вэйдмаром, старался вести поиски как можно осторожней, не посвящая в это дело лишних людей. Акеллару же храмовник доверял, прекрасно зная, что волк умеет держать язык за зубами. К тому же силу компромата еще никто не отменял. Эвир слишком много средств и сил потратил, желая стать похожим на обычного человека в глазах большинства, и совершенно не хотел разрушения созданной легенды. О раскрытии собственной тайны градоправитель не беспокоился. Волк не дурак, прекрасно знает, что переходить дорогу тайному ордену крайне опасно не только для репутации, но и для жизни!

– Как успехи? – любопытствовал дьер Эсми, жестом предлагая гостю сесть. Приветственные расшаркивания были излишними, когда речь шла о деле.

– Хлэмс не имеет отношения к той крови, что ты мне дал, – удобно устроившись в большом кожаном кресле, сообщил Акеллар. – Как и еще двадцать шесть магов и ведьм из твоего списка. Но на паре последних заданий я заметил одну довольно ушлую сыщицу, которая, как мне кажется, тоже интересуется лиловыми чародеями.

– И кто она? – вздернул рыжую бровь наниматель.

– Некая дьера Сомс. Оборотень. Оса, – делая короткие паузы между словами, отчитался Эвир. А потом, повертев в пальцах свою белоснежную трость с массивным набалдашником в виде волчьей головы, спросил: – Тебя не устраивает моя работа и ты нанял кого-то еще?

– Отнюдь, – чуть улыбнулся ему собеседник. – Меня все устраивает, Акеллар. Сегодня я назову тебе новый объект для проверки.

Блондин заинтересованно подался вперед, стиснув в пальцах спрятанное в длинный футляр «жало».

– И кто же он? – В карих глазах отражалось любопытство.

– Она. – Улыбка рыжеволосого дьера стала шире. – Ныне покойная лиловая ведьма Джимджеммайла Аттамс.

– Предлагаете раскопать могилу? – откинувшись обратно на спинку кресла, невозмутимо поинтересовался волк.

– Боюсь, это не поможет, – тем же тоном ответил градоправитель. – Смерть девчонки, судя по всему, была фикцией. Но как ее теперь зовут, как она выглядит и где прячется, я, увы, не знаю. И все же одна зацепка для тебя есть. – Он взял со стола предназначавшееся для глаз бледной «воспитательницы» письмо и, вынув сложенный вдвое лист с подписью лекаря, протянул сыщику конверт. – Ведьмочка держала это в руках перед тем, как я подобрал. Попробуй найти ее по запаху.

Блондин довольно оскалился, поднимаясь с кресла. Подойдя к столу, он осторожно вынул из ноздрей крошечные фильтры, притуплявшие его обостренное обоняние, которое вне рабочего времени сильно мешало жить, и, взяв вскрытый конверт, поднес его к лицу. Шумно втянул носом воздух, прикрыв сверкнувшие звериным золотом карие глаза, и, не поднимая ресниц, сказал:

– Твой запах слишком сильный, Эдвард...

– Забудь это имя! – холодно проговорил рыжий.

– Хорошо, Вэйдмар. Прости, – ничуть не смутившись собственной оплошности, проговорил оборотень. – Ведьмочка пахнет молодостью, корифом и джемом... сладкая девочка. – Его губы тронула теплая улыбка.

– Не увлекайся, – проворчал градоправитель, наблюдая за Акелларом.

– Даже не думал, – продолжая плутовато улыбаться, ответил тот. – Есть и третий запах, горьковато-пряный. Женщина, немолодая...

– Эту искать не нужно, – снова оборвал его наниматель. – Впрочем, она что-то явно знает о своей «мертвой» родственнице. Так что за Грэнной Ганн тоже можешь установить слежку. Авось выведет к нужной нам ведьме.

– Ты уверен, что нужна именно Джимджеммайла? – Резко распахнув глаза, блондин уставился на рыжеволосого.

– Не уверен, – спокойно ответил тот. – Но надеюсь.

Эвир кивнул, убрал во внутренний карман пальто конверт, поудобней перехватил трость и, сочтя аудиенцию оконченной, направился к выходу. Он так же, как и дьер Эсми, не любил долгих прощаний, когда речь шла о работе. Не успел градоправитель расслабиться за бокалом дорогого вина, как дворецкий сообщил о приходе еще одного гостя. Оглядев мужчину, перешагнувшего порог кабинета, с ног до головы, Вэйдмар задумчиво протянул:

– И?... Что тебя привело сюда посреди ночи?

– Одна до жути надоедливая оса, которая сует свое жало куда не следует, – ответил визитер, поправляя белые манжеты с золотистыми запонками в тон массивному перстню мага истины на его правой руке.

Глава 10

По дороге в сыскное бюро дьеры Сомс

Немногочисленные утренние прохожие провожали недоуменными взглядами стремительно несущуюся по улице девушку. Приталенный модный плащик и зеленый газовый шарф совершенно не вязались с ее лишенной макияжа безликой физиономией. Да и походка, прямой взгляд, осанка, характерные для уверенной в собственной привлекательности особы, никак не подходили унылой, невзрачной блондинке, бледной словно плесень. Порывы ветра так и норовили вырвать из рук несущейся девицы зонт, но, не добившись желаемого, лишь бессильно трепали кружевную оборку на его краях. Джемма, еще ранним утром отдав все необходимые распоряжения нанятому персоналу, оставила за старшую в ПБ дьеру Бланш, которая охотно помогала заместительнице гробовщика. И, пользуясь отсутствием хозяина, отправилась по своим (очень важным!) делам.

Вчера вечером, слушая за ужином разговор Эдгарда с Элроем, ведьмочка вспомнила о старой книге сестры, в которую имела неосторожность заглянуть еще в детстве, за что и получила по любопытному носу от Клариссы. Книжка была старенькой, потертой и невзрачной с виду, но ее пожелтевшие страницы хранили описание редких заклинаний (по большей части запрещенных), а также рецепты и инструкции создания уникальных амулетов. Но чтобы прочесть их, требовалось сначала подобрать магический ключ – свой для каждой темы. Сестра хранила этот кладезь ведьминских тайн в своем личном сундуке-сейфе. Но после смерти дьеры Аттамс книжица исчезла. А три месяца назад Джемма увидела знакомый серенький корешок в домашней библиотеке Этьена. Увидела и забыла о книге, занятая другими проблемами. Зато теперь вот вспомнила! Потому что именно в ней она когда-то наткнулась на описание амулета, позволяющего видеть сквозь иллюзии. Он бы точно не помешал дьеру Дорэ, взявшемуся искать лиловую ведьму Варфаламею вместе с жнецом. Правда, мужчинам свои соображения Джемма не озвучила, решив сначала осуществить задуманное, а потом уже об этом говорить. Дело осталось за малым – позаимствовать вожделенную книгу из дома Ена и, разгадав ключ к нужному параграфу, попробовать создать волшебную вещицу. Вот только в одиночку Джемма могла справиться разве что с последним пунктом. И то не факт. Для осуществления же первой части плана ей требовалась умная и пронырливая помощница. Та самая, которая являлась в похоронное бюро под любым предлогом, когда была не нужна, а как только понадобилась – исчезла с концами. Даже пара надоедливых ос, что постоянно жужжала где-то поблизости, сегодня отсутствовала. И ведьмочка, перебрав кучу вариантов, решила, что Олли-о обиделась на нее за вчерашние слова. Но ведь она не со зла! Просто устала очень и хотела спать. Переполненная чувством вины Джемма спешила в контору дьеры Сомс, совмещенную с ее квартирой. В недавно купленной одежде и с привычной уже иллюзией на лице. Ведьмочке не было никакого дела до удивленных взглядов прохожих. Обновки очень даже шли к ее истинной внешности, а эффект, производимый маской, ведьму не слишком-то беспокоил. И плащик, и платье под ним, и ботинки на удобном каблучке и с пряжками в виде летучих мышек, а самое главное, шикарнейшие полосатые чулки с вытканными на кайме черными розочками были слишком хороши, чтобы отказываться от них в угоду чьему-то мнению. Девушка вбежала по лестнице на второй этаж и, застыв перед дверью с табличкой «СБ О-О-С», медленно выдохнула. В сыском бюро своей новой подруги она еще не бывала. Отчего-то вдруг стало неуютно, и былая решительность начала таять. Ведьма на миг прикрыла глаза, мысленно убеждая себя собраться с духом, и торопливо постучала. Пальцы почти не дрогнули, коснувшись дерева, но звук вышел слабым и неуверенным.

– Открыто! – раздался из-за двери знакомый женский голос, и Джемма, радостно улыбнувшись, вошла в контору дьеры Сомс. В том, что хозяйка ее узнает, сомнений не было. Блондинистую иллюзию оса уже видела на лице ведьмочки и тоже отметила с присущей ей бесцеремонностью, что маска ужасна. Не в плане исполнения, а как выбранный типаж.

– Привет, Олли-о! – заявила с порога визитерша. – Чаем угостишь? Я тут шоколада по дороге купила.

Рыжая скользнула задумчивым взглядом по приодевшейся ведьме и, ничем не выдав удивления, спросила:

– Шоколад горький?

– Разный, – немного смутилась девушка. – Не знала, какой ты больше любишь, и взяла два сорта.

– Эх ты чудо лиловое, – покачала головой рыжая, выходя из-за стола, – не на то одолженные деньги тратишь, – сказала с легким укором.

– Одолженные? Так, значит, ты выяснила, откуда они? Это Этьен, да? – закидала ее вопросами Джемма.

– Думаешь, будь твоим кредитором дьер Аттамс, он бы не явился к тебе лично? – вздернула темно-рыжую бровь оборотень.

– Не знаю, – вздохнула ведьмочка, старательно пряча всколыхнувшуюся обиду. – Он сейчас слишком занят своей невестой, чтобы искать «покойную» подопечную.

Вслед за первой бровью на лоб Олли-о полезла и вторая.

– То есть искать ему некогда, – подвела итог высказываниям собеседницы оса, – а деньгами сорить на окнах чужого похоронного бюро – это запросто. Так, что ли?

Джемма пожала плечами, отведя взгляд. Отчего-то очень хотелось верить, что кожаный кошель с запиской от загадочного «Э» ей презентовал именно Ен. С другой стороны, мысль, что он знает, где она прячется, и даже не пытается встретиться и поговорить, жутко расстраивала.

– Ладно, оставим пока тему твоего таинственного покровителя, – решила не давить на нее сыщица. – Или покровительницы, – добавила она чуть тише, намекая на то, что подпись «Э» может принадлежать и женщине. – Шоколадки, говоришь? Давай их сюда и садись! Вон кресло, – распорядилась хозяйка сыского бюро, выхватив из рук гостьи сумочку и аккуратно сложенный зонтик. – Чай сейчас заварю и зонтик поставлю на просушку. А ты давай раздевайся и рассказывай, с чего вдруг тебя принесло сюда среди бела дня? И не ври, что соскучилась! Не поверю, – усмехнулась рыжая и скрылась за дверью в смежное с приемной помещение.

– Ну и зря, – ответила ведьмочка пустой комнате. – Я и правда соскучилась, – озвучила она то, что только что очень четко осознала. – Впрочем, и дело у меня тоже к тебе есть, – добавила, немного подумав.

– Что за дело? – спросила вернувшаяся оса.

– Очень важное, – многозначительно посмотрела на нее визитерша. – Очень-очень!

– Я внимательно тебя слушаю, Май... – Рыжая запнулась, бросив странный взгляд на дверь, из-за которой только что вышла. – Джемма Истри!

Полчаса спустя

– Ну, Олли, ну пожалуйста! – растягивая слова, уговаривала сыщицу гостья. – Ну что тебе стоит? Ты же такая...

– Какая? – уплетая шоколад, спросила рыжая.

– Ловкая! Шустрая! Незаметная! – с чувством перечислила ее достоинства Джемма.

– А как же умная? – делано возмутилась хозяйка СБ.

– И умная конечно же, – охотно подтвердила ведьмочка, отставляя в сторону чашку с недопитым чаем. – Мне очень нужна твоя помощь.

– Я сказала нет! – отрезала оборотень, смяв золотистую обертку горько-сладкого лакомства. – Этьен мой друг. Я не собираюсь его грабить.

– Да при чем тут грабить?! – возмутилась Джемма. – Всего-то и нужно одну маленькую книжицу из библиотеки забрать. К тому же она принадлежала Клариссе, а не ему. Олли, миленькая, мне одной не справиться. Прошу, помоги. Я тебе схему нарисую, где книга стоит, и опишу ее подробно.

– Ни за что! – стукнув коричневой чашкой по журнальному столику, заявила сыщица.

– А я тебе торт испеку! – перестав уговаривать, начала искушать ведьма. – Честное волшебное!

– Шоколадный? – заинтересовалась рыжая сластена.

– Какой захочешь! – пообещала Джемма.

Сыщица сделала вид, что обдумывает предложение, после чего уверенно выдала:

– Нет! – и чуть отвернулась, пряча за полуопущенными ресницами золотые смешинки, гостившие в ее карих глазах все время разговора.

– Мороженое пятислойное сделаю с сиропом и засахаренными фруктами, – не сдавалась «блондинка».

– Не-а, – продолжала упираться Олли-о.

– Ну почему?! – взывала лиловая ведьма, отчаявшись добиться от рыжей упрямцы сотрудничества.

– Потому что если меня вдруг застукают, мне придется объясняться с хозяином дома. А потерять расположение Ена я не рискну и ради всех тортов мира, – вздохнув, объяснила свою позицию оса.

– Ну, Олли! Ты же сыщица! – всплеснула руками ведьмочка. – Сделай так, чтобы не застукали, и не придется ни перед кем оправдываться.

– Нет, Джемма! Хватит и того, что я ввязалась из-за тебя в дело гробовщика и согласилась помогать в поисках лиловой ведьмы, творящей беспредел в нашем славном городе. Воровать имущество Аттамсов я не пойду. Даже за все сладости мира. Но... – Оборотень сделала

многозначительную паузу, во время которой ее собеседница не дышала. – Могу постоять на стреме... за мороженое... семислойное с пьяной вишней. В дом же полезешь сама!

– Как сама? – шумно выдохнув, пробормотала Джемма.

– А вот так! Используешь лиловый дар – нарисуешь себе образ неприкаянного призрака. Если попадешься, подумают, что привидение покойной Джимджеммайлы явилось! Повоешь чуть-чуть, погремишь иллюзорными цепями, спросишь загробным голосом, где украденные с кухни продукты, – слуги сами разбегутся.

– А...

– А Ена дома не будет! Он сегодня вечером приглашен на прием, который в загородном доме устраивает сестра градоправителя в честь совершеннолетия своей дочери Жаннин, – обрадовала сообщницу сыщица. Вот только радости от этой новости девушка почему-то не испытала.

Мысль о том, что дьер оружейник будет кружиться в танце с огненной ведьмой, заставляла неприятно сжиматься глупое сердечко. – Странные люди все-таки эти богатеи. Десять дней назад сына похоронили, а уже готовы плясать и веселиться. Ну да ладно, нам это только на руку. Там намечена большая развлекательная программа на всю ночь, до утра время у тебя будет. Кстати! – налив себе еще чаю, заявила Олли-о. – Одним мороженым ты не отделаешься. Десерт после похода на дело, сейчас же с тебя другая услуга.

– Какая? – настороженно спросила ведьмочка.

– Избавишь меня от мелких до вечера, раз уж так вовремя пришла. А то я из-за этих мартышек привязана к месту. А с осами сейчас временная напряженка. – Оборотень показала гостье руку, на которой не хватало половинок пальцев. – Одна ушлая особа отравила нескольких без возможности воскрешения. Регенерация займет еще как минимум сутки. Так что пришлось использовать тех, которых я обычно у тебя оставляю.

– Так вот куда они делись! – воскликнула Джемма, обрадовавшись, что причиной пропажи насекомых была вовсе не обида Олли-о.

– Ну да, четверых отозвала. А одна всегда с тобой, дьера непоседа, – улыбнулась ей сыщица. И от улыбки этой на душе у ведьмочки стало невероятно тепло. Наслаждаясь этим чувством, она забыла спросить главное: что за мелких мартышек ей пытается сбавить рыжая хитрюга. А они, словно почуяв, что речь идет о них, сами явились пред светлы очи обалдевшей визитерши.

Сначала раздались тихие шажки, потом приоткрылась дверь в соседнее помещение и в образовавшуюся щель высунулись друг над другом две перепачканные чернилами мордашки.

– Тетя Олли, оно сломалось! – синхронно произнесли дочки дьера Аттамса и с любопытством уставились на незнакомую блондинку. Сейчас Джемма выглядела иначе, нежели во время визита в дом их бабушки.

– Нам срочно надо помыться! – сообщила Энни, которая терпеть не могла пачкаться. И не пачкалась... почти никогда. Но в любом правиле случались исключения.

– И постирать твою подушку! – добавила Анни, хитро шуря серые глазки.

– Какого чирташа вы делали с чернилами на моей кровати! – вскакивая с места, взвыла сыщица.

– Писали тебе записку, – снова хором ответили сестры.

– Надеюсь-с-сь, прощальную, – прошипела оборотень и, взглянув на застывшую на месте ведьмочку, сказала: – Знакомьтесь, чудовища! Это моя хорошая подруга Джемма. И она готова отвести вас в очень интересное место.

– Это в какое же? – полюбопытствовала Энни, просочившись в дверную щель целиком.

– В ванную, наверно, – предположила Анни, последовав за сестрой.

– И туда тоже! – мрачно заверила Олли-о, а затем, обернувшись к ведьме, с радостью сообщила: – Они твои. Забирай. Только не забудь вернуть к шести вечера. А то Ен меня без всякого оборота на осиный рой порвет.

В ПБ «Последний цветок»

В стены похоронного бюро юным гостям пришлось проникать тайком, как воришкам. Тащить девочек через парадный вход было нельзя по двум причинам: во-первых, велика вероятность,

что если дьер Дорэ дома, то попросту захлопнет перед их носом дверь (да еще и крышкой гроба подопрет для надежности), во-вторых, малышки могли испугаться похоронной атмосферы, царящей в стенах «Последнего цветка», а расстраивать любимых племянниц Джемма не хотела. Поэтому и провела их через черный ход сразу на кухню. Среди кастрюлек, поварешек и миленьких занавесочек в горошек, повешенных девушкой на окно пару дней назад, Анни и Энни будет гораздо лучше! Да и ведьмочке присматривать за активными крошками на небольшом пространстве проще. Ну что они могут там сотворить? Ложку уронить или чашку разбить? Так Джемма теперь при деньгах – купит новую!

Полчаса спустя девушка поняла, что ошиблась. Сотворить эти ангельского вида создания могли многое даже на безопасной, казалось бы, территории. Без авторитетного папы, грозной бабушки или пожилой экономки, главным воспитательным рычагом которой было лишение близняшек сладкого, шаловливые очаровашки Аттамс из прилежных девочек прямо на глазах превращались в неуправляемых юрких монстров. Быть может, занимайся ими Джемма в своем истинном облике, они и вели бы себя потише, но слушаться какую-то незнакомую, некрасивую тетю? Еще чего!

Все ножи, ложки и вилки пришлось вынести, после того как эту металлическую стаю, кружащую по кухне, удалось выловить сачком из полотенца. Кастрюли, к счастью, спрятались от взоров хулиганок за дверцами шкафчиков. И только поэтому спаслись. Все, кроме одной – пузатой, на длинной деревянной ручке и с нарисованным на округлом боку цветочком... Железной кляксой, получившейся из любимой посуды, ведьме очень хотелось отшлепать навязанных ей гостей. А ведь совсем недавно она готова была прыгать от радости, получив возможность пообщаться с племянницами без надзора бабушки и ее противной подруги. Сейчас же Джемма мечтала побиться головой об стену, глядя на то, как две маленькие ведьмочки с серым даром превращают ее уютную кухню чирташ знает во что! Готовить, оставшись с парой стеклянных мисок да с дубовой лопаткой и без того было сложно, а уж в компании двух шустрых малявок и вовсе невозможно. Пол, стол, стены, шторы и даже потолок обзавелись пятнами, и только два сероглазых чудовища, обедааясь ягодами, купленными для обещанного Олли-о десерта, оставались безупречно чистыми, не считая измазанных соком пальчиков, которые они постоянно бегали мыть к раковине. На разноцветные разводы близнецы посматривали с чувством выполненного долга, Джемма же глядела на них с тоской, мысленно представляя, сколько времени уйдет на уборку. А ведь всего-то на миг оставила сестер без присмотра – отлучилась на поиски Ви, желая запереть ее в своей чердачной комнатке, чтобы приметная и знакомая кошка, не приведи Марна, не попала на глаза малышам.

– Дьера недопокойница?! – Голос, раздавшийся за дверью, заставил девушку похолодеть. Она так надеялась, что хозяина не будет до вечера. Но по закону подлости он, уехав по делам на рассвете, изволил так не вовремя вернуться. – Джемма?! – с нажимом проговорил Эдгард. И ведьмочка, застывшая на мгновение, тут же сорвалась с места. Юным монстрам пришлось пожертвовать коробку печенья, спрятанную от жнеца и осы, и, не особо надеясь, умолять девочек вести себя прилично, а потом, сдернув фартук, устремиться навстречу неизбежности в лице дьера гробовщика. Выскользнув в коридор, девушка прикрыла за собой дверь, отрезав тем самым двух хулиганок от сурового взора черных, как сама бездна, глаз.

– Ты почему в таком виде? – окинув бледнолицую помощницу удивленным взглядом, спросил Эдгард.

– Так мне еще надо к зеленщику сходить, – тут же придумала оправдание она. – Вот и решила пока не снимать маску, чтобы не тратить лишнее время на наложение иллюзии. Сами ведь знаете, дел тьма!

Гробовщик медленно кивнул, принимая ее ответ. И тут же задал следующий вопрос:

– Ты заказала гвозди по списку?

– Да!

За дверью что-то подозрительно зашипело и с тихим «плюх» замолкло.

– Что там? – Черные брови сдвинулись на переносице, взгляд мужчины впился в бледное как смерть лицо помощницы, которое в этот миг обрело еще и сероватый оттенок.

– Мм... чайник! – нашлась с ответом ведьма.

– Самоотключающийся? – недоверчиво уточнил Эдгард.

– Одно из модных ныне заклинаний! – продолжала придумывать на ходу «блондинка».

Хозяин покачал головой и продолжил допрос:

– Малиновые ленты купила?

– Нет еще, но как пойду к зеленщику...

За дверью громыхнуло, Джемма вздрогнула, дьер Дорэ хищно оскалился.

– Чайник еще и самопрыгающий? – прищурившись, поинтересовался он. – С плиты на пол, да?

– Нет! – выразила несогласие с этой версией ведьмочка.

– Тогда кто там у тебя гремит, дьера лгунья?! – рывкнул Эдгард.

– Вишня, – шепотом ответила девушка.

– Я же говорил, чтобы кошка не шлялась по дому, – напомнил ей владелец ПБ.

– Она голодная была, – мысленно краснея за собственное вранье, пролепетала «блондинка».

– Покормишь, и наверх ее. Пусть там сидит, – немного помолчав, распорядился гробовщик. – И не забудь про ленты! Эта вульгарность нужна уже завтра. – Он одарил девушку тяжелым взглядом, но повторно отчитывать за устроенные в ПБ нововведения не стал.

– Хорошо! Я все куплю. Только приготовлю чай и пойду в лавку, – поспешила заверить его Джемма, спиной чувствуя, что за дверью, которую эта самая спина подпирала, творится что-то, чего хозяину видеть нельзя.

– Договоры для клиентов оформила?

– Еще с утра.

– А венки для двух ближайших церемоний?

– Девочки работают.

– Девочки... – протянул похоронных дел мастер, прожигая помощницу недобрым взглядом. – Знала бы ты, где у меня сидят эти твои девочки...

– Знаю! – поспешно ответила Джемма. – Но вы же разрешили пока ничего не менять, – добавила она тихо.

И Гард, вздохнув, снова кивнул.

– А ты чего ждешь? – сказал устало. – Иди проверь своих девочек и бегом к покойникам. Траурный марафет наводить!

Ведьма согласно качнула головой, но с места не сдвинулась. Вместо этого, опасливо взглянув на собеседника, она незаметно принялась. Повел носом и гробовщик. В коридоре отчетливо запахло паленым, и этот малоприятный аромат явно шел из кухни.

– А это... – начала было оправдываться «блондинка», но Гард молча отодвинул ее за плечи в сторону и, решительно распахнув дверь, переступил порог.

Две чумазые рожицы дружно повернулись и уставились на хозяина «Последнего цветка». При этом малявки чуть не свалились с табурета, на котором чудом угнездились вдвоем. Неприятный запах исходил от стоящей на огне стеклянной миски с треснувшим боком, в которой смачно чавкало что-то невообразимое.

– Это что? – хмуро поинтересовался дьер Дорэ, скрестив на груди руки.

– Дети.

– Варенье! – в один голос ответили все трое.

– Мы варим его для тети Олли! – просветила Анни, обворожительно улыбаясь мрачному дяде.

– Но и вас угостим, – добавила Энни, копируя выражение лица своей сестры. – От сладкого люди добреют и улыбаются! – со знанием дела заявила она.

И дьер гробовщик улыбнулся... Да так, что любой хищник умер бы от зависти, глядя на зверский оскал бывшего жнеца. Девочки же, ничуть не испугавшись, дружно решили, что этому дяде их варенье лучше не давать, потому что улыбка ему совсем не идет. Высказаться насчет словоохотливых «поварят» Эдгард не успел – стеклянная посуда с треском раскололась на две половины и... начался хаос.

Часом позже

Из лавки дъера Джи невзрачная блондинка летела, как ошпаренный почтовик, прижимая к груди куль с гвоздями. В руке ее трепыхался ворох малиновых лент с золоченой каймой, полы распахнутого плаща развевались за спиной, словно крылья, а шарфик и вовсе отсутствовал. Ведьме было абсолютно наплевать на шарахающихся прохожих, в ее голове мелькали картинки одна ужаснее другой. То ей виделось, как малышки пристреляли дядю Гарда к стене вилками и примеряют на его кудрявую голову кастрюлю с оплавленными краями, то как дьер гробовщик, злодейски поигрывая бровями, запихивает невинных (ну почти) крошек в ячейки хладамеры. Марна всемогущая! Зачем она согласилась оставить детей в ПБ одних и покорно отправилась за дурацкими гвоздями и лентами? А если бурное воображение не лжет? Вдруг эти несовместимые противоположности и правда угрожают друг другу, пока она бежит за покупками?!

Мотнув головой, чтобы прогнать ужасные видения, Джемма прибавила шагу и, почти не чувствуя ног, понеслась домой, свято уверенная, что кого-то там точно пора спасать. Но когда запыхавшаяся ведьма с грохотом распахнула дверь рабочего зала, ее глазам предстала нереальная в своей неправдоподобности картина. Прежде всего там было тихо, как в склепе! Ну... или как в этом мрачном здании до недавних перемен. Нанятые ведьмочкой сотрудники словно в воду канули, причем канули, судя по приготовленным для похоронного обряда гробам и стопкам венков, после того, как в рекордные сроки закончили работу, а вместе с ними куда-то запропастилась и вездесущая дъера Бланш. Но пустым просторное помещение, заставленное гробами и стойками для лент, назвать было нельзя.

Анни и Энни, такие же чистенькие, какими были после того, как «няня» умыла их перед уходом, сидели посреди помещения в перевернутой крышке гроба и, используя руки вместе с магией металла, увлеченно скручивали симпатичные розочки из проволоки и складывали их горкой. А дьер Дорэ, щурясь от яркого света заправленной свелью лампы, разбирал за столом документацию. И единственным элементом, нарушавшим идиллическую картину, был привалившийся к стене Элрой, с интересом взиравший на малышей и восклицавший время от времени:

– Нет, Гард, ты точно уверен, что не хочешь открыть еще и цирк? Даже не подозревал в тебе таких талантов дрессировщика.

Поздно ночью

Проникнуть в дом Этьена оказалось до обидного просто – замок на калитке черного хода открылся универсальным ключом, выданным ведьмочке ее сообщницей. На вид он совершенно не отличался от обычного, а если в саду и были какие-то охранные нити и ловушки, на девушку они никак не среагировали. Оно и понятно – вряд ли кто-то «сообщил» им, что

Джимджеммайла Аттамс больше не входит в число доверенных лиц ввиду скоростной кончины. А вот приоткрытое окно в гостиной требовало самого строгого выговора. Во-первых, этим путем в особняк мог забраться кто угодно, а во-вторых, уже ведь далеко не лето, чтобы сквозняки устраивать. Решив непременно намекнуть дъере Ганн, чтобы провела воспитательную беседу с сыном на тему безопасности дома, Джемма решительно полезла на подоконник.

Отодвигая прозрачную занавеску, девушка всерьез раздумывала, что из нее бы вышла отличная воровка, не прети ей такой вид заработка, как вдруг в саду за спиной ухнула сова.

Балансирующая на коленях ведьмочка от неожиданности испуганно дернулась и, неуклюже взмахнув руками, полетела на пол. Занавеска, натянувшись, смягчила падение, и только благодаря ей аккуратный носик Джеммы не расплющился о мозаичный узор паркета. Прочная, несмотря на прозрачность, ткань даже не порвалась. Не успела начинающая домушница выдохнуть с облегчением, как раздался треск и левая часть карниза, отделившись от стены, стремительно поползла вниз, оставляя вырванными гвоздями глубокие борозды на обоях. Противный скрежет слился с шелестом опадающей на пол ткани.

– Попаля! – закусив от отчаяния губу, пробормотала девушка и, торопливо раздавив один из шариков с лауритовой пылью из мешочка, висящего на поясе, от души сыпанула на себя лиловой пыли, чтобы придать и без того мрачному облику иллюзию призрачного мерцания. Собираясь на дело, Джемма хорошенько поработала над своей внешностью: лицо ее приобрело мертвенную бледность и тени под обведенными черным контуром глазами, радужки растеряли былые краски, став бледно-зелеными и водянистыми, сочные губы побелели, а в каштановых волосах, рассыпанных по плечам, появились серебряные нити. Ведьмочка надела лиловое платье, в котором ее положили в гроб. Только туфли предусмотрительно оставила под окном, не желая стучать каблуками. А теперь благодаря волшебной пыли от девушки исходило мягкое свечение, делавшее ее похожей на настоящее привидение... которое поминало нехорошим словом и ночную птицу, и собственные нервы, когда, постанывая от боли в ушибленной коленке, поднималось на ноги.

Как ни странно, но на шум от ее неловкого приземления никто не прибежал – дом все так же дышал безмятежным покоем и видел сладкие сны. Джемма достала из-за пояса тонкую палочку, покрытую свелью, и коротким заклинанием зажгла на ее конце золотой огонек. Дверь в коридор ведьма открывала уже с куда меньшим азартом и верой в собственную удачливость. Протяжно скрипнувшие петли заставили ее замереть на месте и с тоской подумать, что надо было предлагать Олли-о не одно мороженое, а обещать каждодневное сладкое на целый месяц. А лучше на год, чтобы эта ценительница десертов согласилась-таки сама «огрбить» своего сверхценного друга.

Конечно, можно было отправить к Аттамсам и Элроя, предварительно его расцеловав. Но, во-первых, жнец как-то упоминал, что на расстоянии от источника, поделившегося энергией, он теряет приобретенную способность к осязанию, и это опять же привело бы ведьмочку сюда. А во-вторых, Джемма не хотела его обнадеживать. Ведь в том, что амулет у нее получится, уверенности не было. Ну и, в-третьих, обида за подставу все еще давала о себе знать, прячась в потаенных уголках девичьей души. Да и пускать этого белого слона в родную посудную лавку ведьма не хотела. Свернет еще что-нибудь важное – Этьен потом расстроится, и девочки огорчатся. Споткнувшись в темноте о край ковровой дорожки, Джемма ухватила за стену и тяжело вздохнула. Бережно поправляя перекосившийся портрет и разглаживая задравшийся угол ковра, она уже не была уверена, что ее поздний визит нанесет особняку меньший урон. Проведя кончиками пальцев по каминной полке, нахмурилась – слишком много пыли. И куда только смотрит экономка, если горничные так плохо выполняют свою работу?

Возле лестницы Джемма чуть не уронила рыцарские латы, статуей стоявшие в нише. Грохот получился бы знатный – сбежались бы не только сонные слуги, но и соседи, чтобы узреть свеженький, еще не обросший опытом «призрак» дьеры Аттамс. Ступеньки поскрипывали под ногами так же противно, как и дверные петли, которые, по мнению ведьмочки, просто необходимо было смазать. И об этом она тоже планировала сказать Грэнне, когда они снова встретятся. А еще про нерадивую прислугу, мутный витраж, явно нуждавшийся в чистке, пятно на покрывале в гостиной и прочие малоприятные мелочи, цеплявшие взгляд «воровки». Каждый осторожный шаг казался ей топотом, всюду мерещились подозрительные шорохи, шепотки и взгляды, пугавшие новоявленное привидение куда больше, чем она сама могла бы напугать домочадцев.

Ко второму этажу нервозность домушницы наряду с раздражением от плохого содержания ее любимого дома достигли невероятных высот, а потому, когда из-за угла вынырнули две юркие тени, мерцающая дьера «призрак» чуть не завизжала на весь дом. Два комка серой шерсти с разбегу запрыгнули на руки испуганной ведьмы и огласили коридор громким урчанием.

Хозяйским котам не было никакого дела ни до наложенной на ее лицо иллюзии, ни до странного свечения, исходящего от фигуры. Они не боялись привидений, да и какой может быть бесплотный дух, если он пахнет, как хозяйка, гладит, как хозяйка, точно так же чешет шейку, за ушками и между рожек, бормоча при этом что-то ласковое.

Дальнейший путь пришлось преодолевать с двойной ношей – стоило только попытаться спустить соскучившихся животных на пол, как они тут же принимались возмущенно мяукать, путаться под ногами и лезть обратно. Урчали коты все-таки потише, вот и пришлось тащить на руках сразу обоих. Зато, как только внимание ведьмы отвлеклось от попыток быть бесшумной и незаметной, она сразу же перестала спотыкаться и цепляться за все подряд. У входа в библиотеку девушка шепотом провела воспитательную беседу с пепельно-серыми питомцами,

но те напрочь отказались понимать, что им лучше подождать за порогом, и шустро юркнули в комнату вслед за «привидением».

Смирившись с когисто-хвостатым сопровождением, ведьмочка углубилась в лабиринт стеллажей. Царство книг в доме Аттамсов было немаленьким и занимало добрую треть этажа, но ей был знаком каждый его уголок. Сквозь высокие витражи проникал лунный свет, дорожками ложась на паркет, но за шкафами было так же темно, как и в коридорах. Джемма, подсвечивая себе путь палочкой, без особого труда нашла сестринскую книгу и повернула к выходу, да так и замерла на месте. На диванчике у окна, свесив руку к полупустой бутылке, лежал тот, кого, по заверениям оставшейся в саду Олли-о, дома быть не должно. Мелькнувшая радость от осознания, что Ен не на празднике дьеры Жаннин, сменилась паникой. Палочка выпала из пальцев ведьмы и погасла, кот, выписывающий восьмерки вокруг полосатых чулок, тут же поддел ее лапой и принялся гонять по полу, словно мышь. Светящийся предмет то вспыхивал, то снова гас под игривыми коготками расшалившегося зверя. А его собрат, хитро взглянув на застывшую гостью, резво потрусил к хозяину, на ходу набирая скорость.

– Нет! – одними губами прошептала Джемма, но серому прохвосту не было дела до ее протестов – подпрыгнув, он ловко приземлился на грудь хозяину.

– Мяф-ф-ф! – прозвучало громче любого будильника.

Ведьма вздрогнула, Этьен нет.

– Хро-о-ом, – простонал мужчина, не открывая глаз, и машинально погладил животное, которое довольно выгибало спину, норовя боднуть его в шею. – Отстань, Хром, – пробормотал Ен, мягко спихивая с себя кота, который упорно лез обратно.

И ведьмочке бы сбежать, пока хозяин дома окончательно не проснулся, но ноги отказывались нести ее к выходу. Они вообще не желали двигаться, и хорошо еще, что не подгибались от страха. Веки мужчины дрогнули и медленно поднялись. Сонные серые глаза осмотрели комнату и остановились на мерцающей гостье с белым, как полог Саймы, лицом. И к бледности этой иллюзия имела очень слабое отношение.

– Майла? – произнес Этьен, спуская ноги с дивана. – Ты вернулась?

Джемма сглотнула. Паника охватывала ее с новой силой, мысли хаотично металась в голове, руки дрожали, и ко всему прочему начали неметь ноги, грозя отправить хозяйку на встречу с полом. Но разыгравшийся с палочкой кот царапнул девушку по щиколотке, и чувствительность вернулась вместе с болью. Ведьмочка отдернула ногу от занесенной для повторного удара лапки и махнула рукой, чтобы восстановить утраченное равновесие. Книга, вырвавшись из ослабевших пальцев, описала дугу и плюхнулась у самого дивана.

– Я скучал! – пронаблюдав все это, сказал дьер оружейник, из облика которого стремительно исчезала сонливость. – Почему ты так долго не приходила, Майла?

Ведьмочка молчала, не зная, что сказать. Подобной ситуации она никак не ожидала, а потому совершенно растерялась. Одно дело изображать призрака перед поднятыми среди ночи слугами, и совсем другое – морочить голову Этьену, который нанял Олли-о, чтобы разыскать ее – воскресшую «непокойницу». А значит, вариант с призраками не прокатит!

– Ты вся светишься, милая, – склонив набок голову, продолжал рассматривать ее Аттамс. – Такая красивая, бледная и мерцающая... словно сон.

«Сон! Вот оно!» – обрадовалась ведьмочка, доставая на ощупь из кожаного мешочка скатанную в шарики лиловую пыль.

– Я и есть твой сон, Ен. – Раздавив в ладони лаурит, она просыпала его на пол. – Утром ты проснешься и ничего не вспомнишь, – добавила, подарив ему улыбку. Как ей казалось – нежную, а не нервную. Ведь уголок рта дернулся всего раз или два – мелочи!

– Чудесный сон, – принимая ее объяснения, согласился дьер оружейник. – Волшебный, – добавил он, глядя, как с пола взлетают полупрозрачные сиреневые бабочки, кружат вокруг светящейся фигурки в черно-лиловом наряде и полосатых чулках, разлетаются по комнате, привлекая внимание котов. – Почему ты нас бросила, Майла? – Улыбка, гостившая на губах мужчины, была теплой и грустной одновременно. Полурасстегнутая рубашка открывала грудь, растрепанные волосы падали на глаза, а рука, потянувшись вниз, подняла бутылку.

Будь это не Этьен, Джемма наверняка провила бы что-то невразумительно-жуткое и погремела наскоро наколдованными цепями, но это был он – тот, кого она так боялась и в то же время хотела видеть. И с губ девушки само собой слетело:

– Я не хотела! Прости.

– Это было больно, – глотнув вина, поведал он.

И снова она прошептала:

– Прости.

– Иди ко мне, – позвал ее мужчина, кивнув на место рядом с собой.

Ведьмочка не шелохнулась. За что и получила очередной удар мягкой кошачьей лапкой... пока что без когтей. Но и это на девушку не подействовало. Она продолжала стоять на месте и напряженно смотреть на Этьена, не забывая при этом давить один за другим волшебные шарики. Вскоре к иллюзорным бабочкам присоединились огненные жар-птицы и радужные пони, каждый из которых мог поместиться на ладони. Губы мужчины, ожидавшего ее решения, сжались в тонкую линию, глаза прищурились.

– Ты ведь мой сон? – сказал он, откинувшись на спинку дивана.

– Твой, – не стала спорить гостья.

– Тогда посиди со мной, а лучше выпей, – криво усмехнулся он. – Ну же, Майла? Неужели даже во сне ты будешь ускользать от меня, подобно прекрасному видению. – Он снова пригубил вина. После чего отставил бутылку в сторону и протянул раскрытую ладонь «сновидению». – Иди сюда, милая. Позволь прикоснуться к тебе... хотя бы во сне.

Джемма слотнула, переводя взгляд с руки мужчины на его лицо и обратно. А возле поставленного на пол вина лежала серая книга, о которой почему-то сейчас совсем не думалось. Этьен был такой домашний, растрепанный, родной, до него так сильно хотелось дотронуться, провести кончиками пальцев по щеке, заправить за ухо непослушную прядь и сказать, что все будет хорошо, как говорил ей он... в ее сне. Но сделать это мешал страх. Не перед сидящим на диване мужчиной, нет... Ведьмочка боялась, что он раскусит обман, как только почувствует тепло ее тела. Аттамс медленно качнул головой, так и не дождавшись реакции девушки. Сжал кулак, опуская руку. И, прикрыв глаза, сказал:

– А ведь я с ума без тебя сходил, Майла.

«Сходил... – мысленно повторила она. – А теперь, значит... нет?»

– Думал, сам сдохну, когда ты умерла, – продолжал говорить хозяин дома. – А потом встретил ту блондинку с твоими глазами... Вернее, глазом. И Ви сбежала, утащив ожерелье. Когда понял, что ты жива, тоже чуть не умер. На этот раз от радости. Нанял сыщика для поисков...

– И как? – спросила девушка осторожно. Выведать что-нибудь у нетрезвого дъера, пребывающего в уверенности, что он спит и происходящее ему снится, было отличной идеей.

– До сих пор ищет, – хмыкнул Ен, открыв глаза. – Ты такая бледная, Майла. С тобой ведь все хорошо, правда? Ты не болеешь, не нуждаешься в деньгах? Тебя не...

– Трэймы! – воскликнула девушка и снова ойкнула, когда серый охотник, подкравшись сзади, куснул ее за пятку. – Сталь, прекрати! – потребовала она, хмурясь. Кот отпрыгнул, боком проскакал по комнате и скрылся за диваном.

– Они просто по тебе соскучились, – с улыбкой пояснил хозяин дома. – И девочки соскучились.

И я, – удерживая ее взгляд, добавил тихо. – Ты что-то говорила про трэймы... Тебе нужны деньги? – Он нахмурился. – Скажи, где ты прячешься, видение. И я принесу все, что тебе надо. Джемма недоверчиво прищурилась: выходит, не он оставил на ее окне тот заветный мешочек с запиской? А кто же тогда? Э... хм, неужели Грэнна, ведь ее девичья фамилия Эрис, а не Ганн или Аттамс, доставшиеся ей от мужей. Этьен тем временем продолжил:

– Не бойся, больше принуждать тебя и шантажировать не стану. Все, чего я хочу, это чтобы ты ни в чем не нуждалась и... чтобы была счастлива.

Счастлива... без него, без близняшек, без проказливых серых котов и без этого явно запущенного дома, которому не хватает заботливой руки молодой хозяйки. Как она может быть счастлива без них?! Все! Хватит! Надо хватать книгу и бежать на чердак похоронного бюро, пока чувства окончательно не затопили разум. Там работа, Эл с его проблемами, Гард со своими трупами, запертая в комнате Ви и много-много разных дел, на которые так легко отвлекаться.

– Ен... – Делая осторожный шагок к дивану, Джемма вновь попыталась изобразить улыбку, но получалось из рук вон плохо.

– Да, видение?

– Ты знаешь... – пробормотала она, снова подступая.

– Что же? – с интересом наблюдая за ее передвижениями, спросил дьер оружейник.

– Петли бы смазать надо, а то двери скрипят, – сама не зная почему, сказала ведьмочка.

– Хм... – Откинув со лба длинную челку, мужчина снова принял расслабленную позу, весь вид которой говорил о безобидности его намерений. – Какой у меня хозяйственный «сон», однако. – Какой есть, – пожала плечами Джемма, превращая призрачный зверинец, мечущийся по комнате, в звездную пыль. Подсвеченная ею комната заиграла волшебными красками, став похожей на картинку из детских сказок.

– И витраж на лестнице помыть надо, и уборку влажную почаще делать, здесь же дети! – продолжала перечислять мерцающая особа, приближаясь. – А также не забывайте на ночь закрывать все окна. И вот еще что... – Подойдя к книге, она, легко наклонившись, подняла ее и прижала к груди. – Дверь от универсальных ключей зачаруй!

– Обязательно, – пообещал Аттамс, улыбаясь. А потом резко подался вперед и, схватив взвизгнувшую ведьмочку за запястье, дернул на себя. Не ожидавшая такой подлости от «расслабленного и безобидного» мужчины, ведьма рухнула вместе с ним на диван. Вернее, рухнул туда Этьен, а она благополучно приземлилась сверху.

– Попалась, видение, – выдохнул ей в лицо он.

– М-мне п-пора... – Не придумав ничего лучшего, Джемма пробормотала: – Раствориться. Он был слишком близко! Так близко, как не бывало раньше. Запах мужчины с острыми пряными нотами, смешанными с обволакивающе-теплыми древесными, дурманил ведьмочку, попавшую в плен его рук. Сильных и ласковых, твердых и при этом безумно нежных. Чуть поглаживая девушку по спине, Ен продолжал смотреть ей в глаза.

– Правда? – шепнул, провокационно улыбаясь. – Но ведь это мой сон, не так ли?

– Твой, – оглушенная ударами собственного сердца, отозвалась она. Его запах пьянил, а близость разжигала огонь желаний. Тех самых, о которых Джемма запрещала себе даже мечтать.

– А я не собираюсь пока просыпаться. – Мягко вытянув застрявшую между ними книжку, Этьен снова бросил ее на пол, лишив тем самым ведьмочку пусть небольшого, но все же щита. Одной рукой он продолжал придерживать ее за спину, второй убрал с лица девушки локон, ласково погладил ее по щеке, затем очертил контур подбородка и, чуть приподняв его, осторожно коснулся указательным пальцем выбеленных губ. – Майла...

Полчаса спустя

Из библиотеки ведьма вылетела как ужаленная. Тяжело дыша и прижимая к груди проклятую книгу, она пронеслась по коридорам и лестнице к выходу, отодвинула засов и выскочила в сад. Лихорадочный румянец пылал на скулах, губы же горели от жарких поцелуев. Некогда белые, сейчас они алым штрихом красовались на девичьем лице, беспрестанно шепча какие-то бессвязные слова. Как?! Как она могла это допустить? Почему не оттолкнула Этьена, не убежала раньше? Неужели желание вкусить запретный плод оказалось сильнее доводов разума, а придуманная игра в сон стерла выстроенные в реальности запреты? Глупая... маленькая глупая ведьмочка! Пока он всего лишь ухаживал, не думать о нем было тяжело, но возможно. Теперь же... Как она сможет все это забыть?!

– С тебя торт! – рявкнула ведьма, лихорадочно сверкнув ярко-зелеными глазищами.

– Что значит, с меня? Я... – удивленно глядя на нее, начала возмущаться Олли-о, однако Джемма перебила:

– И мороженое! Десятислойное!

– За что?

– За Этьена и его сны, – выпалила девушка и побежала прочь из сада.

Задумчиво посмотрев ей вслед, оса бросила короткий взгляд на окно библиотеки, хмыкнула, пожала плечами и отправилась вслед за сбежавшей подругой. А мужчина, оставшийся в компании двух пушистых сообщников, поглаживал прикорнувших на его коленях котов и улыбался. Немного времени, чуть-чуть терпения и... лиловая бабочка сама впорхнет в его объятия, даже не заметив опутавшей ее паутины.

Глава 11

В душевном корпусе

Дьер Леар, устало шаркая, брел по коридору – после бессонной ночи утренний обход пациентов проходил особенно тяжело. Да и в любое другое время это была самая неприятная часть его работы. В общих палатах дела обстояли получше – там обитали те, кто уверенно двигался к выздоровлению, да и когтисто-рогатая мурлыкающая братия одним своим видом внушала оптимизм. Одиночные же не вызывали ничего, кроме жалости к их постояльцам и чувства собственного бессилия.

Подойдя к последней двери в конце длинного коридора, глава душевного корпуса остановился. Небольшое смотровое окошечко открылось, как всегда, бесшумно. Его специальное устройство позволяло видеть каждый уголок комнаты. Леар отрешенно отметил, что скользящие по стенам узоры заметно поблекли, значит, следует заменить капсулу с лиловой свелью, и обвел взглядом помещение, выискивая пациентку. Женщина все так же безучастно сидела на полу, а белоснежный Крем блаженствовал, развалившись у нее на коленях. Его рожки светились голубым, а глаза довольно шурились. Дьер Леар тяжело вздохнул и уже начал закрывать окошко, когда обтянутая плотной тканью рука пациентки вдруг поднялась и зарылась в мягкую кошачью шерсть.

– Не может быть, – прошептал лекарь, снова прильнув к стеклу. – Да поможет нам с тобой Марна, девочка! – пробормотал он минут через пять. Усталость как рукой сняло, и унылое настроение сменилось бодростью. – Работай, Крем, работай... – сказал мужчина, прекрасно зная, что кот его не слышит.

Но пушистый целитель, словно почувствовав чужое присутствие, повернулся к двери, что-то неслышно муркнул и снова поддел рогатым лбом руку женщины, требуя вполне заслуженной ласки.

Через час

– Почему сразу же не сообщили? – Голос нэра

[33]

– начальника Городских Гончих, самолично явившегося в душевный корпус, – был пропитан недовольством. – А если бы я с проверкой не нагрязнул, так уже и выписать бы ее успели?

– До выписки еще предстоит долгое лечение, – оправдывался лекарь, чувствуя себя непонятно в чем виноватым. Ну начала пациентка проявлять признаки жизни, перевели ее в новую палату и переодели. Так что же теперь о каждом шаге горгонам докладывать? – И не обязательно это лечение будет успешным, – поджав губы, проворчал он. – Сегодня появился всего лишь шанс на выздоровление бедной женщины.

– Знаю я вас! – отмахнулся важный гость, поправляя ворот форменного костюма. – Лечите, залечиваете, перелечиваете... Лишь бы расследованию мешать! – Мужчина недовольно скривился. – Все, хватит пустой болтовни, я спешу! Показывайте свою осчастливленную шансом жертву.

– Нет! – уперся Леар. – Ей ни в коем случае нельзя сейчас волноваться.

Нэр городской стражи Готрэйма остановился и вперил тяжелый взгляд в пухловатого целителя, заметно уступающего ему в росте.

– Мне напомнить вам о моих полномочиях? – спросил тихо, но от тона этого дъера по спине лекаря побежал неприятный холодок, а ладони как-то разом вспотели.

И все равно Леар не сдался. Во всяком случае сразу. Он стойко отбивался еще несколько минут, но под угрозой увольнения и судебных разбирательств был вынужден уступить. Ругая про себя дурацкие законы, пожилой целитель не только пустил мрачного гостя в палату пациентки, но и оставил его наедине с переодетой в обычный халат женщиной. Крем, выгнув спину, зашипел на незнакомца и, вывернувшись из вялых рук подопечной, шарахнулся к дальней стене. Но глава горгон не обратил на зверя внимания. Приблизившись к неподвижно сидящей брюнетке, он бесцеремонно дернул ее за волосы, запрокидывая голову вверх. Глаза его затаило белой дымкой, которая поглотила и зрачок, и радужку. Казалось, из глазниц мужчины на безучастное лицо пациентки смотрит сама смерть.

– Ничего! – прошипел нэр сквозь зубы через пару минут. – Опять ничего! – с досадой добавил он.

Мужчина отпустил несчастную, не заботясь о том, что она неловко завалилась на бок. Брезгливо обтер руки о полы мундира и поправил белые манжеты рубашки, под одной из которых мелькнул слабо мерцающий крест. Нахмурившись, горгон шагнул в сторону и, ловко схватив за шкурку кота, швырнул обратно к женщине.

– Лечи давай! – приказал строго и чуть тише добавил: – А то, чего доброго, сдохнет сегодня. Крем прекратил шипеть, только когда за незнакомцем закрылась дверь. Немного размяв лапы, он снова влез на колени к подопечной. Рожки помигали немного и наконец мерно засветились голубым, а через некоторое время и тонкие пальцы пациентки начали опять перебирать белоснежную шерстку.

«Не дождешься, не сдохнет! – уверенно решил кот, продолжая тянуть из сознания несчастной ее самые жуткие страхи. – Мр-р-р-р, вкус-с-сно!»

Где-то на улицах Готтрэйма

Они были великолепны! С пышными макушками из взбитых сливок, с шоколадной глазурью и медовыми прослойками... с клубничным джемом и застывшими в желе кусочками фруктов! Олли-о, невольно сглатывая слюну, стояла напротив прилавка лучшей в Готтрэйме кондитерской и... не могла определиться! Одно дело покупать горький шоколад любимой марки в комплекте с дорогим коньяком, другое – выбирать «сладкое извинение» для обиженной ведьмы. И ведь ей самой же понравилась «случайная» встреча с Этьеном, но признать это девчонка упорно не желала, продолжая дуться на осу. А Олли что? Олли ничего! В смысле ничего «не знала», никого «не видала», ни в чем «не виновата» и вообще была против налета на дом Аттамсов! Тогда почему сейчас она, тратя свое драгоценное время, торчит в кондитерской и мучается нелегким выбором? Наверняка из желания подсластить суровые будни помощнице гробовщика. Ну или чтобы к чаю был десерт, когда сыщица явится к своей молоденькой заказчице с новостями, добытыми лично, а не вездесущими осами.

Как выяснилось, лиловых ведьм со звучным именем Варфаламея в стране за последние пятьдесят лет было не так уж и много. Особенно тех, чье имя окутано странными слухами, большая часть которых – выдумка, но в ней, как водится, есть и доля правды. Дыма без огня не бывает – истории тоже не на пустом месте рождаются. И парочку этих самых историй про Варфаламею Вельскую дъера Сомс нашла в информационных залежах городского архива, пока жужжащие крошки занимались слежкой за очередной кандидаткой на роль лиловой ведьмы с родимым пятном на бедре. Проторчав все утро в библиотеке, Олли-о отправилась за тортом, да так и застряла в царстве десертов, попав в плен сводящих с ума ароматов и возбуждающих аппетит образцов кулинарного искусства. Джемма, конечно, пекла не хуже, но лучшие мастера Готтрэйма умели придавать каждому своему сладкому произведению вид шедевра, который и стоил соответственно. Однако чего не сделаешь для капризной ведьмочки? Особенно если расходы на нее оплачивает Этьен.

– Какая неожиданная встреча, дъера Сомс! – Голос, раздавшийся за спиной, разрушил все очарование кондитерской. – Не думал встретить вас... здесь. – И сказано это было так, что

Олли-о поняла: думал и встретил, потому что следил. Минус очко за невнимательность, дьера сыщица! Это же надо было так увлечься размышлениями о тортах, чтобы не заметить «хвост».

– Подарок выбираю. – Вежливо улыбнувшись, оборотень обернулась. – Для подруги. А вы, дьер Дэгор?

– Просто прогуливался, – не моргнув, солгал тот самый клиент, который нанял оборотня для розыска ведьмы с родинкой в виде капли. Сейчас его наряд куда больше соответствовал погоде. Кожаные перчатки грели руки, темно-коричневый плащ, скрывающий отнюдь не сублинную, судя по ширине плеч, фигуру – тело, а надвинутая на лоб шляпа, как и раньше, прятала глаза. Но рассмотреть красивый, хоть и крупный рот на гладко выбритом лице мужчины дьера Сомс при ярком освещении торгового зала могла. – У вас есть чем меня порадовать? – не стал ходить вокруг да около странный наниматель.

– Разве что длинным списком лиловых ведьм, которые точно вам не подходят, – вздохнула Олли-о и, отметив, как сжались его губы, спросила: – Надо?

– Что? – не понял он.

– Список забракованных ведьм, говорю, надо представить?

– Нет, благодарю, – чуть поморщился заказчик. – Назовите мне лучше одно, но правильное имя.

– Я работаю в этом направлении, – мило улыбнулась ему сыщица.

– А торты и подруги – это приятные дополнения к работе? – мрачно пошутил он.

Девушка понимающе хмыкнула, стянула тонкую перчатку и продемонстрировала собеседнику руку без двух пальцев, в то время как третий прямо на глазах заметно напрягшегося мужчины начал превращаться в коричневую осу с ярко-рыжими полосками.

– Мои малышки всегда на посту, дьер, – довольная произведенным эффектом, заявила оборотень и, хлопнув длинными ресницами, поинтересовалась: – Вы ведь именно поэтому меня наняли, не так ли?

Дэгор как-то неуверенно кивнул, еще раз взглянул на сжатую в кулак руку сыщицы, на костяшках пальцев которой сидело крупное насекомое, и, сказав, когда зайдет в ее контору за отчетом, удалился. Олли-о, пожав плечами, вновь повернулась к прилавку. Пусть заходит... если застанет. Ведь точное время будущего визита этот странный тип назвать не удосужился.

– Шоколадный с малиновым джемом и розами из взбитых сливок! – приняла решение оса, указав толстухе-продавщице на выбранное лакомство.

Чаепитие в похоронном бюро, которое планировала навестить девушка, обещало быть долгим и вкусным.

Чуть позже в похоронном бюро «Последний цветок»

Дьер Дорэ медленно, кто-то бы даже сказал – занудно, перебирал инструменты в выдвижном ящике стеллажа, отыскивая самый острый. На высоком квадратном столике на колесиках уже находились три флакона с химикатами, тонкие серые перчатки, парочка зажимов, пинцеты пяти размеров и одна черная кошка. Зеленоглазая красавица со вчерашнего вечера хвостом ходила за гробовщиком, начисто игнорируя хозяйку, и даже спать забралась в кровать Эдгарда. Выставить нахалку не получилось – будучи схваченной за шкурку, она так умильно складывала лапки и прижимала ушки, и при этом у нее был такой несчастный взгляд, что даже не склонное к жалости сердце гробовщика смягчалось.

– Смотри, Ви, это скальпель! – продемонстрировав оный, сказал мужчина. Привычку порой беседовать со своими безмолвными клиентами он приобрел давно, и, как оказалось, мохнатая подружка ведьмы для этих целей подходила даже лучше. Она так же не влезала в рабочий процесс, не перебивала, но зато всем своим видом демонстрировала внимание и интерес. – Сейчас мы сделаем аккуратный надрез и посмотрим, насколько глубоко разъело ткани.

– Мур-р-р, – согласилась Вишня, обвив лапки хвостиком и чуть склонив остроухую голову.

– Главное, ничего не жуй, – наставительно произнес дьер Дорэ, натягивая перчатки и вооружаясь инструментами. – А то отравишься еще, и твоя хозяйка утопит мою контору в слезах.

– Мьяв! – обиделась кошка и смерила презрительным взглядом то, от пробы чего ее предостерегали. Да такую пакость последняя помоечная мурка даже нюхать не станет. Что уж говорить о ней, магически одаренной и обласканной всеобщей любовью кисе! И ничего бордовое пятно вокруг глаза не значит, это всего лишь признак ее, Вишни, яркой индивидуальности.

Тело, лежавшее на белом столе, действительно выглядело крайне непривлекательно. В прорехах полуистлевшей одежды виднелись расползающиеся участки плоти, кисти рук разложились настолько, что обнажились кости, а голова и вовсе отсутствовала. Следующие полчаса в подвальном помещении ПБ «Последний цветок» прошли в мирной домашней обстановке: Ви, прищулив глаза, следила, как ловко мелькают в руках гробовщика блестящие «палочки»; гробовщик озвучивал сделанные при вскрытии трупа выводы; а труп уже давно было все безразлично. Хотя... не так уж и давно, как казалось на первый взгляд. Обезглавленное тело еще днем доставили к мастеру вскрытия знакомые горгоны. На сей раз не только в обход правил, но и вопреки прямому указанию начальства, потому что нэр, внезапно проявивший интерес к очередному безымянному покойнику, велел подчиненным не заниматься ерундой и с ходу причислил обнаруженного в парке мертвеца к бродягам. Только нэрл, дежурный по этому участку, прислушиваться к его мнению не спешил. Дьера Бо не слишком-то уважали в горгонарии, не говоря уже о какой бы то ни было приязни. Боялись – это да, старались не попадаться под руку и вовремя писать бесконечные отчеты, которые его интересовали больше, чем ход расследований. Характер нэр имел премерзкий – спесь, вспыльчивость и грубость соседствовали с жадностью и трусостью. Зато у начальника готрэймских горгон были происхождение, деньги и связи, что также не украшало его в глазах менее удачливых гончих, но... позволяло ему занимать высокий пост да водить дружбу с градоправителем и прочими важными персонами.

Как бы то ни было, дежурный нэрл, для вида согласившись закрыть дело, поручил доверенным лицам доставить подозрительное тело к мастеру вскрытия, чтобы тот без лишнего шума подтвердил или опроверг его догадки. Уж слишком странным было, что в Центральный парк проник никем не замеченный бродяга, душа которого вскоре так же незаметно отправилась за полог Саймы, а тело тихо гнило в публичном месте, где каждый день ходили толпы народу, а вечерами предавались порочным развлечениям парочки. И никто до сегодняшнего утра ничего не заметил!

Еще более загадочным выглядело то, что кто-то не поленился оттащить несчастному голову и унести с собой. Версия нэра про собак, которые отгрызли эту часть тела, была совсем уж неправдоподобной. Да и обнаруженное неподалеку пятно вонючей слизи вызывало подозрения. Вот и отправил нэрл «бродягу» стороннему мастеру вскрытия, не забыв приложить письмо с извинениями за досадное недоразумение, в результате которого дьер Дорэ провел несколько дней в камере предварительного заключения. К счастью, этот инцидент благополучно разрешился, и гробовщик вновь готов был работать на благо города и горгон.

Выше этажом

Наверху, над мрачным каменным залом, где царствовал довольный собой и окружающим миром гробовщик, картина была прямо противоположной – в уютной, теплой, пронизанной аппетитными запахами кухне хозяйничала очень сердитая юная ведьма. Олли-о, сидя за столом с чашкой корифа, следила за лихорадочными метаниями Джеммы с тем же интересом, с которым Вишня наблюдала за вскрытием трупа. Ведьмочка была взвинчена еще с ночи. Сперва она никак не могла найти свою любимую кошку, всерьез разобидевшуюся на подзамочное времяпрепровождение, потом ворочалась часа два, пытаясь прогнать воспоминания об Этьене, его губах и руках, утром же оказалась по самый свой колпак загружена работой.

С одной стороны, это было хорошо, потому что отвлекало от назойливых мыслей о дьере оружейнике, так ловко поймавшем девушку в паутину ее же лжи, о доме и о малышках, скучать по которым после вчерашнего общения девушка стала еще больше. С другой – при таком количестве дел помощнице гробовщика никак не удавалось выкроить минутку, чтобы заняться

подбором ключа к инструкции по созданию амулета. Джемма бегала по кухне от книжки, примостившейся на подоконнике, к плите, где пеклись пирожки и варился суп, а в промежутке писала тексты для венков, чтобы их вышили на лентах мастерицы, готовила договоры для новых заказчиков, проверяла наемных работников и наводила иллюзорную свежесть на подготовленных к погребению мертвецах. Впрочем, нет, с последними она управилась еще утром и даже получила одобрение Эдгарда, который, похвалив лиловую ведьмочку за работу, тут же напомнил ей о списке прочих обязанностей.

У-у-у, чирташев эксплуататор! И дружок его в сияющих доспехах – такой же!

– Да присядь ты хоть на минутку! – доедая второй кусок собственноручно принесенного торта, заявила оса. – У меня от твоей беготни в глазах рябит.

– Не у тебя одной, – пробормотал отлепившийся от стены жнец, уже минут десять наблюдавший за метаниями ведьмы. – Фея моя малиновая, не дай умереть от голода, а? Ну пожалуйста, Джемма, всего один ма-а-аленький поцелуйчик, пока эта проглотка все сладкое не съела! – проныл плюхнувшийся прямо на книгу жнец и, разведя в приглашающем жесте руки, вытянул губы дудочкой.

Джемма на миг притормозила, смерила Элроя взглядом и ловко выхватила из ящика разделочного стола внушительную скалку.

– Я тебя сейчас так поцелую... – со зверской улыбкой пообещала она.

– Смотри окно не разбей, – предостерегла Олли-о, отрезая себе третью порцию кондитерского чуда и наливая в чашку еще корифа.

Ведьма покосилась на обиженное лицо блондина, перевела взгляд на довольную осу, отложила скалку и, ухватив жнеца за ворот, приподнялась на цыпочки, чтобы прильнуть к его губам. Эл раздумывать над непоследовательным поведением девушки не стал, а тут же подключился к процессу – торт ведь все уменьшался, да и целовать сладкую девочку он всегда был готов.

Олли-о, уронив кусок на тарелку, с изумлением взирала, как Майла сперва потянулась куда-то вверх, а потом и вовсе повисла в воздухе, обнимая оный чуть выше собственных плеч.

– Нет, не то, – отстранившись, констатировала Джемма с грустью в голосе и, оттолкнув растерявшегося жнеца, бросилась к плите, откуда ошутимо потянуло гарью. – Мои пирожки! Элрой пересел на стул и сгреб с блюда сразу два куса шоколадно-малинового лакомства.

– Эй, невидимка, положи обратно – я для Майлы принесла, – возмутилась сыщица, ткнув ножом в сторону, где, как она полагала, находился жнец.

– Да какая разница, кто из вас съест мой десерт? Лучше с загадками помогите! – стряхнув чуть пригоревшие пирожки с противня в корзинку и переместив книжку с подоконника на стол, сказала ведьма.

– Я сыщик, а не гадалка! – лениво отозвалась оса, облизывая чайную ложку.

– А я жнец, а не...

– А у меня тут не столовая для бездомных! – отрезала ведьма. – Хотите сладкого – отрабатывайте, умники!

Гости под угрозой отлучения от кухни конечно же попытались помочь, но книга была предназначена для лилового мага и в итоге с дурацкими заданиями в духе «сделай птичку, и пусть она трижды плюнет на эту строку» пришлось справляться самой ведьме. Элрой, сославшись на срочный рабочий вызов, и вовсе исчез в мерцающем зареве портала. По странному совпадению это произошло как раз тогда, когда опустело блюдо с тортом и в корзинке с пирожками показалось дно. Так что большую часть увлекательного противостояния «ведьмочка и книга», весьма похожего на цирковое представление, Олли-о наблюдала в одиночку. Под конец она даже комментировать устала – только мелко тряслась от смеха, прикрывая рот рукой, чтобы не быть выставленной за дверь.

С капризным сестринским наследством Джемма провозилась до самого вечера (к счастью, дьер гробовщик после работы с новым заказом горгон куда-то спешно ушел, не озаботив помощницу новым списком дел), зато, когда нужный раздел стал читаем, на сооружение вождельного амулета ушло каких-то полчаса. В качестве носителя чар Джемма использовала одну из скрученных близняшками розочек, прицепив ее к простенькому браслету, купленному на торговой улице. Пропитавшись лиловой магией, незатейливое украшение стало казаться плоским стальным обручем со сквозной вязью цветочного узора.

Разумеется, творение ведьмочки тут же было опробовано. Джемма, мстительно прищурившись, нарисовала вокруг глаза осы внушительный синяк, добавила прыщей на лбу, искривила зубы и

оттопырила уши, после чего вручила сыщице зеркало. И пока та тихо обалдевала от нового облика, надела на свою руку волшебный браслет, дабы убедиться, что он работает. Только что созданное украшение не убрало наложенные иллюзии полностью, но мгновенно сделало их полупрозрачными, похожими на куски подкрашенного желе, сквозь которые просматривалась настоящая Олли-о. Обрадованная успехом, в который не очень-то верила, девушка заметно повеселела. Пускай вчерашний поход в дом Аттамсов принес неожиданные впечатления и непрошенные эмоции, зато он оказался ненапряжным.

Забрав у ведьмочки свеженький амулет, сыщица долго разглядывала сперва полупрозрачную маску, потом спешно «выращенные» на голове подружки кошачьи ушки, после чего постановила, что действие браслета непременно нужно проверить на ком-нибудь еще, прежде чем вручать жнецам – бывшему и настоящему. Вдруг творение Джеммы способно проникать только сквозь ею же созданный образ? Посовещавшись, девушки решили отправиться к салону красоты – ведь где еще гарантированно можно увидеть работу лиловых магов, как не на его пороге. Делать из себя привычную белую моль ведьма не стала. Подколола каштановые локоны под красную шляпку, накинула на плечи плащ, надела короткие сапожки в цвет нового головного убора и парой волшебных штрихов чуть поменяла черты своего лица: неуловимо, но действительно! Так что случись ей встретить кого-то из знакомых – сочтут просто похожей.

Олли же, закутавшись в длинное прямое пальто с белым шарфом, надела на руки белые же перчатки, поудобней перехватила трость со скрытым внутри «жалом» и, взбив пальцами рыжие волосы, отправилась дожидаться Джеммы на крыльце. Несмотря на унылую погоду, вечер им предстоял веселый. Так и случилось. Обрато в ПБ экспериментаторши возвращались поздно. Улицы уже опустели, влажно поблескивали в свете фонарей желто-красные листья, сметенные ветром с деревьев на мостовую. Моросил мелкий, противный дождик, но ведьме и оборотно осенняя сырость настроения не портила. Они оживленно переговаривались и смеялись. За два часа, проведенные за столиком в кафе, расположенном напротив салона «Трепетная фея», девушки насмотрелись такого, что никак не могли успокоиться.

– А помнишь эту, с тремя подбородками и пальцами, как сардельки? – ухохатывалась оса.

– Не смешно, – простонала в ответ Джемма, – представляешь, если она забудет обновить вовремя чары?

– Бедные мужчины, знали бы они, как их жестоко обманывают!

– Сами виноваты, надо не внешность ценить, а характер! – постановила ведьмочка и, не выдержав, тоже прыснула от смеха.

Девушки шли, прикрываясь одним большим зонтом, по погруженному в осенний полумрак городу. Мимо двух- и трехэтажных домов, стоящих вдоль мощеной дороги, мимо огороженных кованой оградой клумб и закрытых на ночь лавочек с подсвеченными свелью вывесками. Пару раз свернув, подружки оказались на тихой темной улочке с редкими фонарями.

– Слушай, – поправляя шляпку, вновь заговорила Джемма, – я тут подумала над историей ведьмы-аферистки, рассказанной тобой после ухода Элроя... Ну той, которая промышляла заказами на копирование известных личностей, с целью выставить их в дурном свете. А заодно и обворовывала свои жертвы.

– Да помню я. Дьера Вельская. И что?

– А почему ты уверена, что это именно та Варфаламея, которую Гард с Элом ищут? – взглянув на подругу, спросила девушка.

– Ну, во-первых, именно она родом из Готтрэйма, – привела первый довод сыщица. – Во-вторых, ее деятельность далека от невинной.

– Но она ведь и не убийца. Просто мошенница с фантазией и тягой к риску, – задумчиво проговорила ведьмочка. – Да и в тюрьме Вельская.

– Уже нет.

– Сбежала? – вскинув голову, уточнила Джемма.

– Выпустили досрочно, – чуть поморщилась рыжая. – Читай между строк: припахали к работе на благо общества.

– А-а-а, – понимающе протянула собеседница, плотнее прижавшись к плечу своей высокой и такой надежной спутницы. Вдвоем под одним зонтом было теплее. – Но ведь ты и про других Варфаламей что-то нашла, верно? – немного помолчав, спросила она.

– Да там целый список! – фыркнула оса, скосив на нее взгляд.

– Где там? В городском архиве?

– Да. – Олли-о улыбнулась. – В закрытом зале, куда можно попасть только по специальному пропуску.

– И тебя пустили?! – восхищенно воскликнула Джемма.

– У меня хорошие связи и благодарные бывшие клиенты, – не без гордости ответила оборотень.

– Я тебе по-доброму завидую, – мечтательно вздохнула ведьма. – Такая жизнь у тебя интересная, насыщенная, с приключениями...

– Кто бы говорил, дъера недопокойница! Покинуть родной дом в лиловом гробу и устроиться на работу в похоронное бюро – вот приключение так приключение, – рассмеялась сыщица, шутливо пихнув подругу в бок.

Джемма смутилась, отведя взгляд, и, желая соскочить с щекотливой темы, снова заговорила о Варфаламее. Вернее, о Варфаламеях.

– И кто там еще в списке был? Расскажи, а? – прицепилась она к дъере Сомс. И та наконец сдалась:

– Была маньячка одна. Варфеллой звалась.

– Не Варфаламеей? – Тонкие брови ведьмочки дрогнули, едва заметно хмурясь.

– Варфаламея Каботская. По медальону с личными данными именно такое имя ведьма и носила.

– А чем маньячила, раз в архив попала?

– Ну чем-чем, – Олли-о чуть пожала плечами, делая вид, что снова размышляет, – мужиков в себя влюбляла, подстраиваясь под их образ идеальной женщины, а потом бац, – рыжая провела рукой возле собственной шеи, – и кранты.

– За что ж она с ними так? – грустно вздохнула сильно впечатленная Джемма, крепче сжимая ручку зонтика.

– Да вроде как предал ее возлюбленный по юности, вот девке крышу-то и снесло.

Девушки помолчали, слушая дождь и звук собственных шагов, а потом ведьма снова спросила:

– А еще кто с этим именем в архивные записи попал?

– Еще? Хм... Ну была одна дъера, жаждущая творить добро всем и вся, причем насильно.

– И? – Зеленые глаза ведьмочки горели любопытством.

– В душевный корпус упекли.

– За что? – удивилась Джемма.

– За все хорошее, за что же еще! – усмехнулась Олли-о. – Забота, она, знаешь ли, приятна, но не когда ею пичкают, посадив на цепь и заперев в подвале.

– Жуть какая! – искренне ужаснулась ведьмочка.

– Это еще что... – многозначительно протянула оса. – Среди этих Варь был и... Варфаламей.

– Это как? – озадачилась Джемма.

– А вот так! Мужик, который, используя дар, прикидывался бабой. Ну и... со всеми вытекающими.

– А вдруг это она... в смысле он и есть? – прошептала ведьмочка. – Варфаламей... как его там?

– Рурк, если мне память не изменяет.

– Так вот, – кивнула девушка, – представь, что Эдгарду на его бывшей работе дали заказ на якобы ведьму, а он влюбился в ее девичью маску и... отпустил. С работы вылетел за это, потом искал ее повсюду, а после узнал что...

– Нет, ну это уже ни в какие рамки не лезет! – Голос, раздавшийся из тени раскидистого клена, заставил вздрогнуть обеих. – То маньячка, то мужик... Чирташ свидетель, это перебор, девушки! Вы, часом, не из пряничной идете? Пирожков с «дурью» там не откушали, нет? А то похоже, – делая шаг на тускло освещенный участок улицы, проговорил одетый в черное дъер.

– А вы... – начала было Джемма, но незнакомец перебил ее.

– Я мимо проходил, – заявил он, медленно приближаясь. – Услышал вашу болтовню, юные дъеры, – мягко улыбнулся мужчина, в то время как сыщица, добела сжав пальцы на рукояти «жала», так же медленно загораживала собой ничего не понимающую ведьмочку.

– Уходи, Майла, – шепнула рыжая, продолжая удерживать взгляд «мимо проходившего».

– Но, Олли! – возмущенно пискнула та из-за ее плеча. – Мы же...

– Брысь домой! – рявкнула та, не оборачиваясь, и довольно ощутимо толкнула ведьмочку рукой, на запястье которой красовался браслет – последней волшебную вещьцу тестировала именно оса.

– Иди-иди, девочка, – поддержал рыжую незнакомец. – Нам с дъерой Сомс надо обсудить кое-какие дела.

И Джемма, поколебавшись, отступила. Прошла пару десятков шагов до ближайшего сквера и, пользуясь прикрытием позднего вечера, нырнула под густую крону старого дерева, да там и затаилась, прижав к груди сложенный зонт. Ведьминское чутье кричало, что добром эта встреча не кончится, но спорить с подругой девушка не решилась, разумно полагая, что сыщице лучше знать, как себя надо вести в сложившейся ситуации. Джемма ей мешала, это было очевидно. Да и странному дьеру в строгом черном пальто лишние свидетели тоже, судя по всему, не требовались. Однако любопытство, замешенное на тревоге, не позволяло юной ведьме уйти совсем. Она стояла, закусив от волнения губу, и всматривалась в очертания застывших друг против друга фигур – расслабленной мужской и напряженной женской.

Все произошло быстро... так быстро, что ведьмочка не успела толком сообразить, что именно случилось. Незнакомец что-то сказал оборотню, та ответила и, отрицательно мотнув головой, начала обнажать тонкое «жалю». На это дьер отреагировал коротким пассом, словно швырнул в агрессивно настроенную сыщицу горсть невидимой пыли. В ту же секунду Олли-о обернулась рою ос, а на мокрые камни тротуара осела ее одежда да с громким звоном упали укатившийся в сторону браслет и так и не использованная трость. Пока Джемма, прикрыв дрожащей ладонью рот, пыталась справиться с испугом, мужчина в черном снова что-то бросил, на этот раз в насекомых, и те на глазах у застывшей от ужаса ведьмы тоже начали падать на тротуар. – Нет, пожалуйста, – едва шевеля губами, прошептала девушка, вжимаясь в темный ствол мокрого дерева.

Ей хотелось броситься к сыщице, но чудовище в человеческом облике продолжало стоять рядом с ворохом чужих вещей и внимательно всматриваться в темноту. Что он выискивал: укрывшихся от яда ос, случайных свидетелей или ее, Джемму, – ведьма не знала. Она боялась шелохнуться и, казалось, даже дышать перестала. А когда жуткий дьер направился в ее сторону, нащупала дрожащими пальцами лиловые шарики в кармане плаща и раздавила сразу три, активируя одно из любимых студенческих заклинаний. Проходя мимо сквера, убийца Олли-о пристально его разглядывал, но так ничего и не обнаружил. И только когда его фигура исчезла из поля зрения, одна из теней дернулась, зашевелилась и сломя голову бросилась к тому, что осталось от дьеры Сомс.

– Олли, Олличка... ты ведь не умерла, правда? – бормотала Джемма, становясь все меньше похожей на бесплотную тень, в которую ненадолго превратила ее магия иллюзий. – Ну прожужжи же хоть что-нибудь! – взмолилась она, в панике глядя, как пальто с белым шарфом с тихим шипением растворяется в мерзкой зеленой луже так же быстро, как и рукоять трости, попавшая в плен странной жижи. – Олли, пожалуйста, – размазывая по щекам то ли дождь, то ли слезы, прошептала ведьмочка. – Вернись...

В подворотне на другой стороне улицы

Акеллар Эвир втянул носом влажный осенний воздух и нахмурился. Судьба была к нему сегодня благосклонна: носителя крови, родственной той, которую дал ему наниматель, волк нашел довольно быстро. И, к своему удивлению и досаде, узнал, что его опередили. Вездесущая дьеря Сомс обнаружила лиловую ведьмочку раньше – и даже успела втереться к ней в доверие, прикинувшись доброй подружкой. Единственное, чего не понимал беловолосый сыщик, – зачем в таком случае оса следит за другими ведьмами Готтрэйма? Ведь у дома дьеры Хлэмс он видел именно ее. Спутать с кем-то другим эту рыжую занозу, однажды умыкнувшую из-под его чуткого носа дорогостоящий заказ, Эвир попросту не мог. У нее были слишком характерные внешность и манера поведения, а также свой неповторимый запах.

Уважал ли он Олли-о как коллегу? Да, безусловно! Раздражала ли она его как конкурент? Даже очень! Нравилась ли как женщина? Хм... не настолько, чтобы убиваться по ней, как это делала одна юная особа, пахнущая молодостью, корифом и джемом.

– Олли, Олличка, – причитала девушка в красной шляпке, стоя над ворохом скинутой осой одежды и растерянно озираясь по сторонам.

Столько искренности было в ее возгласах, столько беспокойства, что волк, которому давно следовало отправиться с докладом к градоправителю, медлил с уходом. Люди оборотней

недолюбливали. Как на континенте, так и здесь, на острове. Явной вражды, конечно, не было, но настороженное отношение и завуалированный страх перед двуипостасными мешал представителям рода человеческого воспринимать их как равных. Впрочем, звероловды, предпочитающие жить в закрытых общинах, охотно распространяли жуткие слухи о себе, тем самым увеличивая пропасть между расами. Единственными, кто действительно страдал от всего этого, были свободные оборотни, решившие покинуть род и жить среди людей. Мало того что для ухода по законам стаи требовалось выплатить приличные откупные старейшинам, так еще и в людской среде приходилось пробивать себе дорогу в светлое будущее не только умом, но и когтями, зубами и прочими частями звериного тела. Поэтому наблюдать, как человеческая ведьмочка рыдает над полудохлой... хотя, может, уже и совсем дохлой осой, для дьера сыщика было в новинку. Зрелище озадачивало и отчего-то завораживало, затрагивая давно забытые струны в душе бывалого хищника.

Эвир прекрасно видел, как рыжая коллега схлестнулась с женщиной в мужском обличье. И для того чтобы распознать маску, блондину не требовались никакие магические амулеты. Он просто помнил ее запах – тот самый, что витал в доме градоправителя, куда убийца дьеры Сомс часто заходила в последние дни. И это был женский запах! Сколько бы лиц ни сменила лиловая ведьма, волк все равно смог бы ее распознать. Вот только об этой стороне своего уникального обоняния он предпочитал не распространяться. Особенно с храмовниками. И так они время от времени использовали его в своих целях, мало интересуясь, хочет Акеллар на них работать или нет. Заказы храма триумвирата всегда становились приоритетными, и из-за них порой приходилось выплачивать неустойку другим клиентам. Так было и сейчас. Впрочем, нет, сейчас было куда интересней.

Ведьмочка, громко вскрикнув, отскочила от чего-то темного и круглого, упавшего сверху. Это что-то с глухим стуком ударилось о тротуар, нецензурно выругалось, снова подпрыгнуло, плюхнулось в лужу, помянуло чирташа, да так и замерло в окружении темной воды. Девчонка же в красной шляпке стояла ни жива ни мертва и круглыми от страха глазами смотрела на... голову дьеры Сомс. Эвир и сам не сразу признал в облезлом полосатом мячике с рыжими паклями то, что осталось от сыщицы. Но когда признал-таки, даже немного позавидовал двуипостастным, способным рассыпаться на рой насекомых. Выживаемость у этого вида оборотней была значительно выше, чем у других. Даже при уничтожении большей части ос Олли-о могла собрать из остатков какую-то часть человеческого тела и запустить процесс регенерации.

Будь она волчицей, скончалась бы на месте. А так... мало того что умудрялась дышать без легких, так еще и ругалась как сапожник. И почему-то сыщик не сомневался, что она, ко всему прочему, и питаться без желудка сможет... если выживет, конечно. Все-таки ущерб от воздействия странной пылицы, которой осыпала оборотня маскирующаяся под мужчину ведьма, был велик. Впрочем, это не его, Акеллара, проблемы! Рассудив так, волк медленно оттолкнулся от холодной стены, которую подпирает плечом, привычно перекинул из руки в руку белую трость и отправился прочь. Шаг, второй... на пятом, с силой сжав кулаки, Акеллар Эвир резко развернулся и уверенно двинулся в противоположном направлении.

– Помочь? – спросил он, подходя к «красной шапочке», дрожащей то ли от холода, то ли от страха, то ли еще от чего.

Девчонка подпрыгнула от неожиданности и тут же заслонила собой неподвижную голову, продолжавшую мокнуть в луже.

– Уходите! – срывающимся голосом воскликнул этот воробушек, сжимая обеими руками нераскрытый зонт, словно собираясь им драться.

Вид воинственно настроенной ведьмочки вызвал у сыщика улыбку, а ее желание защитить беспомощную подругу... вернее, часть оной – уважение. И снова в глубине волчьей души шевельнулось что-то теплое, странное... родом из далекого детства.

– Успокойся, девочка, – примирительно сказал оборотень. – Я пришел с миром. – И, обойдя настороженно следящую за ним ведьму, присел на корточки возле рыжеволосой головы,

которая, судя по смеженным векам и чуть приоткрытому рту, была как минимум без сознания, а как максимум... эх.

– Один тут с миром уже проходил... мимо, – огрызнулась «красная шапочка», взвешивая в руках зонт, и, неожиданно громко всхлипнув, выдала: – А Олли теперь мертва!

– Не один, а одна, – не глядя на нее, поправил сыщик. – И не мертва, а при смерти, – тем же ровным тоном уточнил он.

– П... при смерти? – вмиг перестав разводить сырость, переспросила девушка. – А... а она выживет?

Эвир поднял пальцами веко дьеры Сомс, взгляделся в потускневший глаз с тонкой нитью не реагирующего на свет зрачка и, вздохнув, ответил:

– Уже нет.

– Но, может быть, есть какой-то способ? Прошу вас, дьер! – взмолилась ведьмочка, опускаясь на колени рядом с ним. – Вы лекарь, да? Вы что-то знаете об оборотнях? Умоляю, помогите ей, я вам щедро заплачу! Честное волшебное! Я все-все для вас сделаю, я...

Мужчина покосился на запнувшуюся девушку. Нос и веки красные, в цвет смешной шапочки с черной сеткой, падающей на лоб. Глаза зеленые, как у кошки, и блестящие от слез. Лицо мокрое, но без разводов от косметики. Невысокая, хрупкая, дрожащая как осиновый лист и в то же время смелая, добрая, отважная девочка, готовая на «все-все» ради... оборотня. Хм, может, та двуличная особа права была – явно ведь девчонки чего-то не того в кафе съели! Или нет?

– Могу помочь ее донести, если скажешь куда, – немного подумав, предложил волк.

– Да-да, конечно, – засуетилась ведьма. – В похоронное бюро «Последний цветок», тут близко...

– В похоронное? – Белые брови оборотня чуть поднялись, но тут же снова вернулись на место. – Ну... тоже верно. Кремировать и не мучиться...

– Я не то имела в виду! – воскликнула ведьма. – Я буду о ней заботиться, выхаживать, кормить тортами и вареньем! Она выживет, вот увидите, – затараторила «красная шапочка».

– Как звать-то? – стягивая с рук белые перчатки, спросил Акеллар.

– Олли-о.

– Тебя как звать? – чуть улыбнулся ей блондин, хотя и так знал ее имя. Но почему не познакомиться лично?

– Джемма, – глядя во все глаза, как правая рука мужчины, став похожей на волчью лапу, рассекает когтем ладонь левой, выдохнула девушка. – А что вы делаете, дьер?

– Скорая помощь оборотней, дьера, – заговорщически подмигнул ей он. – И тсс... Джемма, это будет наш с тобой секрет, – прошептал, запрокидывая голову осы так, чтобы его кровь, вытекающая из свежей раны, попадала в ее приоткрытый рот. – Для всех остальных: я ничего не делал, ты ничего не видела. Понятно?

Ведьмочка поспешно закивала, продолжая сидеть на холодном тротуаре, нисколько не заботясь о новых чулках и собственном здоровье. На улице было тихо и безлюдно, только дождь все моросил, роняя холодные капли за шиворот странной парочке. Ни семенящих под дождем пешеходов, ни поздних экипажей – лишь ночь, сырость и... мерцающая призрачная фигура в белых доспехах. В первую секунду Джемма приняла посланника Саймы за Элроя, но, присмотревшись, быстро осознала свою ошибку. И от этого понимания ее бросило в холод. Неуклюже поднявшись, девушка бросилась наперерез незнакомому жнецу и, застыв напротив белого создания, удивленно вскинувшего того же цвета брови, выпалила:

– Прошу вас, дьер жнец! Не забирайте Олли-о за полог. Она поправится, обязательно поправится, только дайте ей шанс...

– Ты меня видишь, девочка? – после довольно продолжительной паузы, поинтересовался собиратель душ.

Ведьма кивнула.

– И не боишься?

Следующий жест был куда менее уверенным, нежели предыдущий.

– Понятно, – чуть улыбнулся потусторонний гость.

– Вы ее не заберете? – перейдя на шепот, спросила Джемма. – Она ведь такая молодая еще...

– А в моем списке старая и дряхлая. – Хитрая улыбка на белом лице выглядела жутковато. – Но и твою молодую я тоже могу прихватить, а то стоит неприкаянная, любитесь на белый полог Саймы, но переступить черту не решается...

– Не надо, пожалуйста! – воскликнула ведьмочка, утирая текущие ручьем слезы.

– Тихо-тихо, – сжалился над ней жнец, перестав улыбаться. – Успокойся. Связующая нить ее души с телом становится все крепче с каждой секундой. Тот дьер, – жнец кивнул на оборотня, – знает свое дело. Да и меня работа ждет. Не переживай так, поцелованная смертью. Ее время еще не пришло. – И он снова одарил Джемму улыбкой. На этот раз почти доброй.

– Правда не пришло? – всхлипнув, прошептала она.

Жнец кивнул и, коснувшись ее волос в порыве мимолетной ласки, пошел в сторону соседнего дома. А ведьма, все еще чувствуя холод призрачного прикосновения, продолжала стоять на месте, глядя вслед его мерцающей фигуре.

– Иди сюда, Джемма, – позвал ее Акеллар. Влив в Олли-о достаточную порцию собственной крови, он сменил вид уже левой руки на звериную лапу, после чего вновь вернул ей человеческие очертания. От недавнего пореза благодаря волчьей регенерации не осталось и следа. – То, что я сейчас слышал... – Мужчина замялся, подбирая слова, а потом прямо спросил: – Ты маг душ?

– Нет, мой дар лиловый, – вытирая заплаканные глаза, призналась ведьма.

– Но ты говорила с призраком, – прищурился сыщик.

– Со жнецом, – поправила его Джемма.

– Поцелованная смертью? – Чем больше он о ней узнавал, тем интересней она ему казалась. Девушка кивнула и, взглянув на неподвижную голову, с надеждой спросила:

– Теперь она выживет, да?

– В принципе должна, – пожал плечами блондин. – Но ей потребуется уход...

– Я обеспечу!

– И еда...

– Я все сделаю! – с готовностью откликнулась Джемма.

– Ну да... я помню про «все-все». – Губы оборотня дрогнули, растягиваясь в задумчивой улыбке. А ведьмочка смутилась. – Что ж, – сказал волк, поднимаясь. – Где, говоришь, похоронное бюро твоё находится? – уточнил он то, что и так знал. Естественно, по запаху. Как знал и о том, что объект его слежки живет именно там.

– Идемте, я покажу. Дьер?..

– Акеллар, – представился беловолосый оборотень с человеческими глазами и, подняв одной рукой с земли трость, второй взял за волосы бесчувственную голову своей конкурентки.

– А вы не могли бы... понежнее с ней? – сочувственно глядя на то, что осталось от сыщицы, попросила Джемма.

Эвир, тяжело вздохнув, прижал рыжую к своей груди, мысленно подписав приговор белому пальто. Хотя усеченная версия Олли-о и не кровоточила, особой чистотой она тоже не отличалась.

– Там что-то блестит под кустом. – Акеллар кивнул на темные заросли возле ближайшей ограды. – Браслет вроде, не ты потеряла?

Ведьмочка тут же метнулась к стальной с виду безделушке и, подняв ее, надела на запястье, после чего как-то очень уж внимательно посмотрела на нового знакомого.

– Что-то не так? – вопросительно вскинул бровь тот.

– Н-нет, – запинаясь, пробормотала Джемма. – Просто ваши глаза...

– И что с ними?

– Ничего, – тряхнув мокрыми волосами, ответила она.

Магическое украшение сигнализировало о наличии маски на глазах блондина, что объясняло отсутствие у него вертикальных зрачков.

Глава 12

В особняке дьера Аттамса

Этьен сидел за большим письменным столом и с упоением мастерил новые серьги для своей лиловой ведьмочки. Своей... Нет, с этим он, конечно, поторопился, ведь Майла, получив выбор и свободу, не вернулась домой. Но сердце не желало допускать сомнений. Эта девочка была его. Ну... или будет! Серебристый металл, словно глина, послушно выгибался в руках серого мага, складываясь в дивный узор ювелирного украшения. Купленные для него изумруды лежали рядом в шкатулке, дожидаясь своей очереди. Зеленые, загадочные... как глаза юной ведьмочки. Там же покоились и две тончайшие проволоочки, похожие на темные волосинки, их он надеялся незаметно вплести в прическу Джимджеммайлы при новой встрече, чтобы иметь возможность разыскать ее в случае надобности. Серьги тоже были с секретом, но о нем оружейник собирался честно рассказать возлюбленной, не скрывая multifunctionality своего подарка.

На диване мирно посапывали Сталь с Хромом, в детской, выпросив у папы целых три сказки про нерадивых рыцарей и мудрых драконов, получивших в награду вкусных принцесс, давно спали близняшки, по дому, шаркая домашними тапочками, все еще бродила экономка дъера Валия, а за приоткрытым окном моросил мелкий осенний дождь. Тепло от камина и мягкий свет круглых стеклянных ламп создавали уютную обстановку, в которой хорошо работалось. Особенно под вдохновением, причиной которого были воспоминания о ночных поцелуях... сладко-горьких, нежно-страстных и, главное, взаимных. Стоило смежить веки, и перед внутренним взором дъера оружейника возникало лицо его ведьмочки. С лихорадочно блестящими глазами-изумрудами, с припухшими от горячих ласк губами и с пробивающимся сквозь иллюзорную бледность румянцем.

Этьен моргнул, тряхнул головой, прогоняя наваждение, и снова принялся за работу. Но не успел выплести очередной завиток сложного узора, как в комнату влетела оса и под изумленным взглядом хозяина направилась к столу. Двигаясь по странной траектории, она угодила в чернильницу, затем кое-как вылезла, шмякнулась на лист с эскизом сережки и с виртуозностью контуженного бойца куда-то медленно поползла. Пару раз свернула, столько же – упала, потом поднялась вверх из последних сил и с мученическим «ж-ж-жу» рухнула на спину, раскинув испачканные синим крылья и задрав тонкие лапки.

– Э-э-э, Олли? – осторожно спросил Аттамс, тронув кончиком пальца брюшко неподвижного насекомого.

Оса не шевельнулась. Мужчина нахмурился, чуть отстранился, желая рассмотреть результат ее хождений по листу. И едва опознал три кривые буквы «Я ПБ», финальной точкой которых стал труп полосатой вестницы.

Этьен резко вскочил, уронив массивный стул и грохотом разбудив обоих котов. Пока те тарасили свои круглые глаза, их хозяин уже вылетел из комнаты, на ходу схватил с вешалки серый плащ и покинул дом.

В ПБ «Последний цветок»

– Ну, Оличка, ну еще ложечку! – сюсюкала ведьма, сидя на поскрипывающем стуле возле дивана в своей комнатухе.

– Не могу пока больше, – устало ответила лежащая на подушке голова сыщицы.

Эта незначительная по площади часть ее прежнего тела цвет имела уже вполне человеческий, но ниже обрубка шеи была лишь целомудренно прикрываемая простыней пустота. Впрочем, оборотня из клана рыжих ос это несколько не смущало. Конечно, такое количество насекомых ей регенерировать еще не приходилось ни разу за свои двадцать шесть лет, но все, как говорится, бывает впервые. Сытная еда, здоровый сон и хороший уход – вот залог скорейшего восстановления ее человеческой (и не только) формы! Именно так она и сказала бледной ведьмочке, смахнувшей с лица ненужную уже иллюзию. По заверениям успокаивающе улыбающейся Олли-о, выращивание ее туловища и конечностей должно было занять где-то около недели. Но Джемме не верилось, она вообще до сих пор

сомневалась, что ее прямолинейная и немножко циничная подруга действительно осталась жива... пусть и в сильно усеченном виде.

- А может, тортик? – чуть не плача, спросила она сыщицу.
- Тортик? – раздался со стороны окна знакомый мужской голос. – Где?
- Джемма повернулась, неловко взмахнув ложкой,жатой в руке, и, глядя на окутанный белым мерцанием витраж, сквозь который в комнату прыгнул жнец, воскликнула:
- Элрой, это ты?!
- Кхм, – немного озадаченно произнес блондин. – А могли быть варианты?
- Не могли, а были! – заявила рыжеволосая голова, с жадным любопытством уставившись на ночного гостя. – Так вот, значит, кто ест мое варенье... – задумчиво протянула она, придирчиво рассматривая долговязого посланника Саймы в полном служебном облачении. – Ну да, такую каланчу прокормить сложно.
- Эл перевел удивленный взгляд с обитательницы подушки на ведьму. Потом задумчиво почесал подбородок и не менее задумчиво спросил:
- Джемма, сладкая моя, а это... что?
- Не что, а кто! – возмутилась оса.
- Надо же, оно еще и разговаривает! – в свою очередь умилился жнец, откровенно издеваясь над пострадавшей.
- Эл, прекрати! – поморщилась ведьмочка, не оценив его иронии. – Олли-о пострадала, защищая меня от Варфаламеи! – воскликнула она, укоризненно глядя на блондина, с лица которого стремительно сползала улыбка.
- И где эта ведьма сейчас? – метнувшись к говорящей голове с явным намерением выведать все и немедленно, спросил жнец.
- Сыщица закатила глаза и обреченно вздохнула, после чего выразительно посмотрела на нависшего над ней мужчину и мрачно проговорила:
- Прости, приятель, но в связи с некоторыми личными проблемами я за ней проследить не сумела. Пока на полог Саймы любовалась, пока от приглашения ее посланника отбивалась, потом из забытья еще долго выплывала... За это время твоя драгоценная лиловая тварь успела сбежать.
- Жаль, – только и сказал Элрой.
- Ну ты... – Олли-о скривилась, после чего презрительно выдавила: – Жнец!
- Парень пожал плечами, мол, какой есть, и принялся доставать из ножен свой заплечный меч.
- Эй-эй, чего это ты делаешь, умник? – нахмурилась заметно занервничавшая оса.
- Да вот думаю одним махом избавить вредную оборотниxу от мучений и... себя от конкуренции на Джеммины вкусности, – нарочито серьезно произнес он.
- Оборотня! – рявкнула она раздраженно и, заметив, как подрагивают уголки мужских губ, обиженно засопела.
- Зато оживилась ведьмочка. Опустив на придвинутый к дивану столик банку с вареньем и ложку, с которой недавно кормила осу, девушка попросила:
- Эл, миленький, посиди с Олли-о, пока я вниз схожу. – Джемма посмотрела на жнеца с такой надеждой, что тот тут же заподозрил подвох и нахмурился. – Ей обязательно надо есть, чтобы вырастить недостающие части тела, а у меня ничего почти не осталось тут... Я быстренько приготовлю что-нибудь и вернусь. Посидишь? – О том, что на кухне брошен в одиночестве спаситель со странными глазами, Джемма умолчала.
- С ней-то? – Блондин одарил сыщицу не менее оценивающим взглядом, чем недавно она его. – Ну-у-у не знаю, – протянул неуверенно.
- Эл, прошу тебя! Мне очень надо на кухню, – взмолилась ведьма.
- Ладно, фея, – согласился он. – Посижу я с этой язвой рыжей, но... только за поцелуй!
- Эл...
- погоди, я еще не договорил, – прервал девушку жнец. – Поцелуй с тебя сейчас и что-нибудь вкусное, когда вернешься с кухни! – довольно ухмыльнулся мерцающий наглец.
- Да ты авансом уже нажрал на пять лет вперед! – возмутилась Олли-о.
- Эл, давай я тебе не сегодня, а завтра... кекс испеку с яблоками, – предложила ему ведьмочка.
- Два! – тут же сориентировался Элрой.
- А мне три, – решила не отставать от блондина оса.

– Почему три? – в один голос отозвались Джемма и жнец.
– Потому что я, во-первых, болею, во-вторых, мне придется терпеть этого жуткого типа, пока ты будешь торчать на кухне, ну и, в-третьих, я очень люблю кексы, – важно перечислила голова, после чего хихикнула, глядя на вытянувшиеся лица обоих, и устало проворчала: – Иди уже, чудо лиловое, все со мной будет хорошо.
– Эл, я на тебя рассчитываю! – подскочила со стула ведьма и, от души одарив собирателя душ поцелуем, скрылась за дверью.
Жнец бережно положил меч на стол, неспешно подошел и бесцеремонно плюхнулся прямо на диван.
– Или не будет... – задумчиво произнесла рыжая, наблюдая за тем, как он медленно берет со столика банку, зачерпывает ложкой густое красное варенье, после чего, зажмурившись от удовольствия, отправляет его... в собственный рот.
– Мм... малиновое, – протянул мерцающий гад, облизываясь.
– Слушай, обжора, у тебя, часом, моська не треснет? Это, между прочим, мое варенье! – прищурив светло-карие глаза, в радужках которых зажглись золотые огоньки недовольства, заявила оборотень.
– Да куда тебе столько, Олли? Щеки распухнут! – отмахнулся блондин.
– Хам! – «обласкала» его оборотень.
– Жадина! – не остался в долгу жнец.
– Дармод! – вошла во вкус оса.
– Башка говорящая, – огрызнулся Эл. – Лучше бы ты в какую-нибудь другую часть тела обратилась. В молчаливую! – И, похабно ухмыльнувшись, добавил: – Помнится, попка у тебя ничего была...
– Ещ-щ-ще хоть слово, болван призрачный, – прошипела сыщица, – и я тебя ужалю... пока ты осязаем.
– Не пугай, насекомое, – скептически оглядев бледную физиономию с рыжими паклями, разметавшимися по подушке, сказал Элрой. – А то и правда заберу за полог, пользуясь тем, что ты уже поцелована смертью.
Олли-о помолчала, подумала, а потом тихо буркнула, желая оставить последнее слово за собой:
– Все равно дармод.
– Ой-ой-ой! – передразнил ее жнец, вновь взявшись за варенье. – Можно подумать, ты за Джеммины десерты хоть стальс уплатила.
– За меня друг заплатил, – гордо заявила оборотень. – А ну поставь мое варенье!
– Хорошо, – неожиданно сдался блондин. – Так и быть, оставляю я тебе... треть банки, но ты за это меня поцелуешь. Идет? – Он с хитрой улыбочкой склонился над возмущенно пыhtaющей девичьей головой, намереваясь, пользуясь ее беспомощностью, осуществить задуманное, как вдруг под простыней что-то зашевелилось.
Жнец отстранился и осторожно потянул ткань на себя. Из-под белого полотна на него сердито уставился еще маленький, но очень воинственно настроенный рой.
– Сейчас-с-с мы тебя поцелуем, – предвкушающе шепнула Олли, а Элрой невольно сглотнул.

На кухне

– Простите, дьер Акеллар! – с порога воскликнула запыхавшаяся ведьма. – У меня там...
– Ничего, я все понимаю! – отозвался мужчина, вставая из-за стола, за которым мирно сидел последние минут двадцать, если не все полчаса. – Покормить осу удалось? – Изображать интерес не требовалось, ему действительно было любопытно, как идет процесс восстановления у сыщицы. И идет ли вообще? Мало кого он поил своей волчьей кровью в лечебных целях, и делать это напрасно не хотелось бы.
– Да-да! – закивала Джемма. – Олли-о съела целую банку варенья и... и еще немного из другой.
– Варенье? – Белые брови мужчины дрогнули. – Интересный выбор, – слабо улыбнулся он. – Ну, варенье так варенье. Еда для нее сейчас главное! – одобрительно кивнул сыщик. – Чем чаще приемы пищи, тем больше материала для воссоздания отмерших частей. Вы ведь знаете, как это

происходит, юная дьера? – стирая большим пальцем несуществующую пыль с набалдашника любимой трости, спросил Эвир.

Девушка неуверенно повела плечами и отрицательно мотнула головой.

– А хотели бы знать? – провокационно улыбнулся он.

– Очень! – честно призналась она. – Но это ведь не тайна, нет? – уточнила на всякий случай.

– Как сказать. Двуйпостасные из всего, что с ними связано, привыкли делать тайну. Так что... – Он с удовольствием отметил, как сникла любопытная ведьмочка, и, улыбнувшись шире, сказал: – Но у нас ведь уже есть один общий секрет, верно? Будет и второй. – И, подойдя ближе, чуть наклонился к ней, чтобы продолжить: – У оборотней, распадающихся на мелких насекомых или зверей, механизм отращивания тела своеобразный. Например, у дьеры Сомс сначала будут появляться новые осы в непосредственной близости от ее головы. И когда их станет достаточно – человеческая часть тела обратится в рой, смешается с новичками и соберется уже, к примеру, в голову с плечом и одной рукой. То есть никакого микротельца, мелких ручек-ножек. А осы будут прибывать, так что ждите нашествия жужжащих насекомых, – сочувственно закончил он.

– Но я видела, как Олли-о наращивала пальцы, не перекидываясь в ос, – задумчиво произнесла девушка.

– Небольшие фрагменты тела можно восстановить и так. Но сначала все равно образуются осы, просто чтобы слиться с ними, дьера Сомс меняла форму не полностью, а частично. Как я на улице. – Улыбка волка стала хищной.

– Да-да, я помню, – невольно отступая от беловолосого гостя, пробормотала Джемма. – И это был первый наш секрет.

– Именно, – довольно ответил мужчина, беря со спинки стула испачканное пальто. – Ну а сейчас, юная дьера, мне пора.

– Уже? – почему-то расстроилась ведьмочка, но, взглянув за окно, понимающе вздохнула. – Конечно, уже ведь поздно. Спасибо вам огромное, дьер Акеллар! Если бы не вы...

– Не стоит! – оборвал поток ее благодарностей он. – Я пойду?

– А может, вы хотя бы поужинаете? – чувствуя себя недостаточно гостеприимной, предложила Джемма. – У меня есть котлеты и...

– Спасибо, – мягко остановил ее мужчина, – но я не голоден.

– А чаю? Выпейте хотя бы чаю! – Она прекрасно понимала, что задерживать малознакомого оборотня в похоронном бюро нелюдимого дьера Дорэ – плохая идея. Но этот странный блондин спас Олли-о! Помог донести ее голову до дома и рассказал, как выходить рыжую сыщицу. А ведь мог и просто мимо пройти!

– Спасибо, не надо, – вежливо отказался Акеллар.

– С пирожками, – не унималась ведьма. – У меня разные есть: с мясом, с рисом, с печенью... – принялась перечислять она то, что не успели прикончить днем двое сладкоежек. Впрочем, их волновали только плюшки с вареньем, и не суть, что подгорелые.

– А... с капустой есть? – неожиданно проявил интерес гость и снова улыбнулся. На этот раз смущенно.

Не успела девушка обрадоваться, что хоть чем-то сможет отблагодарить спасителя, как в коридоре послышались тяжелые шаги, затем дверь скрипнула и впустила в кухню хозяина в забрызганном грязью плаще. Эдгард с недовольным лицом посмотрел на беловолосого типа, уплетающего пирог в его, дьера Дорэ, ПБ и перевел вопросительный взгляд на ведьмочку. Та открыла рот, чтобы начать оправдываться, а заодно и представить мужчин друг другу, но тут ночную тишину дома прорезал вопль, донесшийся сверху, и она, едва не сбив с ног гробовщика, бросилась на чердак. Гард, коротко кивнув Эвиру, которого знал в лицо, устремился за ней, на ходу снимая плащ. Волк, в человеческом облике предпочитавший не есть мяса, задумчиво прожевал остаток восхитительной на вкус выпечки с кисловатой овощной начинкой и, пожав плечами, потянулся за следующим румяным пирожком. Наверху топали и что-то падало. Прихватив с собой плетеную корзинку с пусть остывшим, но вкусным содержимым, Акеллар оставил на ее месте записку, в которой обещал вернуть лукошко в ближайшие дни, после чего направился к выходу.

Повод, чтобы навестить объект поиска, сыщик себе обеспечил. Да и пирожки, признаться, были слишком аппетитными, чтобы их оставлять. Выходя из похоронного бюро, оборотень едва успел посторониться, чтобы не быть сбитым несущимся сломя голову растрепанным дьером, в

котором с трудом узнал одного из лучших оружейников острова – Этьена Аттамса. Новоприбывший гость тоже устремился вверх, перепрыгивая сразу через несколько ступенек, а Акеллар, аккуратно прикрыв за собой дверь, отправился к градоправителю, на ходу поглощая пирожки с капустой. Для него эта ночь точно была удачной.

На чердаке

О важности и степенности гробовщику пришлось забыть – не до них как-то, когда неведомые чудовища громят твой чердак. Вместо Эдгарда эти качества продемонстрировала черная тень, выскользнувшая из его собственной спальни. Ви медленно потянулась, выгнув спинку, широко зевнула, поточила коготки о ковровую дорожку, устилавшую коридор, и потрусила к лестнице – вдруг там без нее что-то интересное происходит!

Распахнув дверь, Джемма застыла на пороге. Она ожидала увидеть что угодно – от повторного нападения на сыщицу убийцы до попытки похищения ее головы крылатым почтовиком, – но только не то, что происходило на самом деле. Уютная, обжитая и уже успевшая стать любимой комнатка превратилась в самое настоящее поле боя – у наружной стены валялся сломанный стул, столик был перевернут, у зеркала отколот еще один уголок, а матрас неряшливой кучей громоздился у окна, вместо того чтобы лежать в углу. Посреди всего этого погрома, размахивая мечом, проходящим сквозь стены и предметы, прыгало белое пугало с опухшим красным лицом. И даже то, что одето оно было в доспехи служителя Саймы, не помогло ведьмочке узнать в лохматом блондине Элроя Стального. Впрочем, первое впечатление быстро схлынуло, и девушка, зло прищурившись, рявкнула:

– Что ты творишь, чирташев жнец?! Олли же больная!

– Это она-то больная? – возмутилось всклокоченное существо, свободной рукой прижимая к груди банку, на донышке которой еще плескалось немного варенья. – Ну да, больная! На всю голову! – воскликнул он, уворачиваясь от нападков воинственно жужжащего полосатого роя, который то и дело бросался на добычу в стремлении украсить покрасневшую физиономию Элроя новыми укусами.

– Эл! – воскликнула Джемма, притопнув в сердцах ногой. – Да будь уже мужчиной – отдай ей эту проклятую банку!

– Что здесь происходит? – грозно спросил из-за ее спины подоспевший гробовщик.

Жнец замер. Рой тоже. А ведьма, прикрыв рукой глаза, обреченно вздохнула. В следующий момент все действующие лица разом задвигались. Насекомые шустро забрались под чудом оставшуюся на диванчике простыню. Эл спрятал громоздкий меч за спину и безмятежно улыбнулся. Вернее, попытался это сделать – гримаса, исказившая его отекавшее лицо, больше напоминала болезненный оскал. А ведьмочка отступила к стене и, привалившись к ней, с видом приговоренного принялась дожидаться следующей реплики хозяина.

– Я спросил: что здесь происходит? – делая паузы между словами, повторил Эдгард.

– Ничего, – донесся из-под простыни сдавленный голос сыщицы.

– Олли? – испуганно встрепенулась Джемма и, подскочив к дивану, кончиками пальцев осторожно потянула простыню. – Ты как там? Цела?

Собравшаяся из роя голова смерила ведьму недовольным взглядом и мрачно поинтересовалась:

– Издеваешься, да?

– Беспокоюсь! – возразила та.

– Я вот тоже... бес-с-покоюсь, – прошипел подошедший к ним Гард. – За мой дом, мою репутацию и мое же спокойствие!

– Дьер Дорэ, я могу все объяснить... – сказала Джемма, но мужчина жестом заставил ее замолчать.

– Ты, – он сделал глубокий вдох и такой же глубокий выдох, – будешь объясняться в моем кабинете. Ты, – обернулся он к жнецу, скромно стоящему посреди учиненного разгрома, – еще раз попробуешь причинить вред моему имуществу, и я сам тебя поцелую... чтобы потом неделю у меня горничной и столяром работал! Сейчас же... Все уберешь тут, и чтобы я больше ни звука отсюда не слышал! – распорядился гробовщик. И вроде сказано было это тихим

спокойным голосом, но Эл почему-то отступил к подоконнику и засиял ярче, явно намереваясь сигануть в витраж. – Стоять! – приказал Эдгард, и сияние померкло. – Ну а теперь ты... – Черные глаза гробовщика прищурились, глядя на то, что осталось от рыжеволосой сыщицы. Это что-то при отсутствии плеч умудрилось вполне удачно вжаться в подушку, на которую ее переложил ведьма.

Вишня, вынырнувшая из-за ноги Эдгарда, с плотоядным интересом уставилась на нескольких ос, ползающих у шеи Олли-о. Согнув передние лапки и чуть поджав ушки, кошка приготовилась к прыжку.

– Ка-а-акой интерес-с-ный день, – ловко перехватив в полете рогатую хищницу, протянул дьер Дорэ. – То тело без головы, то голова без тела. Может, попробовать вас сшить? – поглаживая Ви, недовольную прерванной охотой, предложил он.

– Спасибо, не стоит! – поспешила отказаться оборотень.

– А мне кажется, надо, – продолжил мрачно улыбающийся гробовщик. – Негоже обезглавленный труп в гроб класть. А так...

– Да прекратите вы! – не выдержала Джемма. – Ей и так досталось. Причем от вашей Варфаламеи! А вы... вы... вы оба... – Она бросила уничижительный взгляд на жнеца. – Да как вы можете так себя вести?! – И тут же переключилась на притихшую осу: – Олличка, как себя чувствуешь? Может, тебе еще покушать принести?

– Позже поест, – заявил Эдгард голосом, не терпящим возражений. – А сейчас, дьера недопокойница, шагом марш в мой кабинет. – И, не дожидаясь реакции девушки, вышел из комнаты. Звук его шагов сопровождался громким урчанием пригревшейся на руках кошки. Джемма вздохнула. Олли тоже изобразила вздох. Каким образом оборотень в отсутствие тела ухитрялась не только есть, но и дышать и говорить – ведьмочка не знала, да и не до вопросов осиной анатомии ей сейчас, если честно, было.

– Ну что, идем к Гарду на ковер? – ковыряя металлическим носком сапога пол, смущенно спросил Элрой. Его лицо постепенно приобретало привычные очертания, но пока не теряло ни красноты, ни следов от укусов.

– Идем, – вздохнула Джемма, доставая из шкатулки пресловутый браслет, позволяющий видеть сквозь иллюзии. – Эл, – пряча волшебное украшение в карман передника, проговорила она, – а почему ты... не белый?

– Потому что я его поцеловала! – гордо заявила Олли-о. – И еще раз поцеловала жалом в морду, и еще... – добавила она, довольно ухмыляясь.

– Но только после того, как тебя поцеловал я! – не без гордости заметил жнец.

– Самоубийца, – проворчала себе под нос ведьмочка. – Это же надо было восстановить чувствительность тела, чтобы насладиться укусами ос. Моего поцелуя тебе мало было, что ли?

– Ну... – Элрой замолчал, потирая пострадавшую физиономию. – Я бы еще не отказался от парочки. Будут?

– Я тебе дам – будут! – возмутилась сыщица. – Прекрати немедленно воровать минуты ее жизни, понял? А то...

– Что? – криво улыбнулся жнец.

– Ничего! – оборвала новый виток их препирательств Джемма. – Пошли, Эл, пока Гард не вернулся и не вышвырнул нас всех на улицу. – Бережно прикрыв подбородок подруги простыней, она наказала Олли-о отдыхать, после чего встала и направилась к двери, за которой послышались торопливые шаги. – Уже возвращается, сейчас нам бу... – створка резко распахнулась и сердце юной ведьмочки пропустило удар, – ...дет, – выдохнула она, едва успев шагнуть в сторону, чтобы не быть сбитой с ног влетевшим в комнату мужчиной. Зеленые глаза встретились с серыми, и предательское сердце забилося с удвоенной силой.

Он здесь! Он нашел ее! И что теперь? Что он сделает, скажет? Ведьма закусила от волнения губу, когда Этьен схватил ее за плечи и, бегло оглядев с головы до ног, отпустил, чтобы посмотреть на лежащую на подушке сыщицу.

– Явился, – проворчала та с дивана.

– И кого это принесло? – не остался молчаливым и Элрой, однако дьер оружейник его не слышал.

Отойдя от Джеммы, он ринулся к осе.

– Как ты? – спросил обеспокоенно и осторожно тронул щеку оборотня кончиками пальцев. – Видок не очень, – улыбка вышла вымученной, – хотя бледность тебе к лицу.

– Жить буду, – сообщила Олли-о, явно польщенная вниманием Этьена.
– Если бы ты только знала, как напугала меня своим крайне оригинальным посланием, – вздохнул мужчина.
– Да ладно, – морща нос, отозвалась пострадавшая. – Подумаешь, пару букв нацарапала...
– Это что значит? Сейчас пойдут клятвы и признания? – плюхнувшись на подоконник, с интересом протянул жнец.
– Заткнись! – отрезала оса.
– Что? – опешил гость.
– Это я не тебе, – пояснила оборотень.
– У тебя жар? – приложив ладонь к ее лбу, нахмурился оружейник.
– У нее жор! – сообщил Элрой, скрестив на груди руки.
– Убир-р-райся, зараза! – рявкнула оса.
– Олли? – Этьен странно на нее посмотрел, и рыжая вновь повторила:
– Это не тебе, Ен!
– Я, пожалуй, пойду, – подала голос ведьмочка, усилием воли оттолкнувшись от стены, на которую опиралась. Ноги слушались плохо, но все же слушались. Чем и следовало воспользоваться.
– И не тебе, – добавила подруга, скосив на нее глаза.
– Но я все равно пойду, – повторила Джемма, механическим движением открывая дверь. – Гард не любит ждать, – добавила она зачем-то и поспешно шагнула в коридор.
Оказавшись одна, девушка привалилась спиной к деревянной створке, отделившей ее от остальных, и закрыла глаза. Ну вот все и выяснилось, встало на свои места. Уже не важно, что она, Джемма, чувствует, как не существенно и то, знал ли Этьен, что его подопечная жива, или правда принял ее за сон прошлой ночью. Все это больше не имело никакого значения перед открывшейся истиной. Ведьмочка никогда не видела дьера Аттамса таким: растрепанным и в кое-как наброшенном пальто, растерянным и испуганным. В его глазах был самый настоящий страх... страх потерять близкого человека. Вернее, не совсем человека. Все правильно, все так, как и должно быть. Теперь понятно, почему он оставил близняшек именно с Олли-о. Она станет им хорошей мамой. И женой их отцу тоже будет замечательной. Именно такой, какая нужна Ену. И даже Грэнна не сможет помешать их чувствам, потому что чихала дьера Сомс на эту старую каргу.
– Чего застыла? – выйдя из стены рядом, спросил Эл.
– Собираюсь с духом, чтобы пойти к Гарду, – солгала Джемма. – А ты почему ушел? Уже убрал учиненный вами бардак?
– Да скучные они какие-то, – пожаловался жнец, потирая щеку со свежим укусом. – Сидят, молчат... тоска. Пойдем, я лучше помогу тебе пережить словесное сражение с Эдгардом Ужасным.
– Угу, а порядок наводить потом буду я? – Ведьмочка еще раз тяжело вздохнула и, через силу улыбнувшись жнецу, побрела к лестнице. Возвращаться в дом Аттамса теперь точно не имело смысла, а значит, было просто необходимо убедить дьера гробовщика не выставлять беспокойную квартирантку на улицу.
– Так этот новенький и наведет, – проговорил блондин. – Я, уходя, сказал Олли, чтобы она его приобщила к общественно полезной деятельности.
– А она?
– Послала меня... урожай косить.
– На поля? – слабо вникая в суть беседы, спросила Джемма.
– На улицы Готрэйма! – возмущенно отозвался собиратель душ. – Я жнец, а не крестьянин. Так, слово за слово, они и дошли до кабинета Эдгарда Хладнокровного.

Через пять минут

В кабинете дьера Дорэ стояла гробовая тишина, нарушаемая лишь мерным урчанием Вишни. Кошка конечно же чувствовала, как расстроена ее владелица, но настолько пригелась на руках

у большого теплого мужчины, что утешать ведьмочку не спешила, да и обида все еще давала о себе знать. Кроме того, для бестолковой хозяйки было полезнее, если верная Ви успокоит сердитого человека.

– Значит, так, – негромко заговорил гробовщик, глядя на стоящих рядом миниатюрную ведьму и долговязого жнеца. – Мне надоели шум и бедлам, которые вы двое регулярно устраиваете.

– Я... – открыла рот Джемма, но тут же его захлопнула под тяжелым взглядом Эдгарда.

– Судя по визиту дъера оружейника, прятаться тебе больше не надо. На ночь глядя не выгоню, но чтобы завтра...

– Но я... – снова попыталась оправдаться девушка, однако хозяин перебил:

– Чтобы к обеду тебя и твоих вещей здесь не было, Джимджеммайла Аттамс!

Вишня издала протяжное «мур-р-р» и, вытянув шейку, потерлась рожками о плечо брюнета.

– Хотя кошку можешь оставить, – добавил он, почесав зверя за ушком.

Глаза ведьмочки сузились, губы дрогнули, но вместо слезливых уговоров, ожидаемых гробовщиком, она воинственно заявила:

– Кошку, значит, оставить, да? А больше ничего не надо?!

– Больше ничего, – спокойно ответил он.

– Знаете, дьер Дорэ, вы... невыносимый! – выпалила ведьма, решительно шагнув к нему.

Между ними был массивный письменный стол, на который девушка и оперлась ладонями. –

А еще недальновидный, самонадеянный и... и!..

– И глупый, – подсказал Элрой, устраиваясь на подоконнике.

– Еще пара подобных высказываний, и «Последний цветок» вы покинете прямо сейчас, – демонстративно зевнув, пообещал хозяин обоим.

– Да что вы заладили-то! – взвилась Джемма. – Выгнать нас – это самое простое. Вы ведь даже разобратесь в ситуации не желаете.

– Жаждете объясниться, дъера недопокойница? – чуть насмешливо спросил Эдгард, продолжая поглаживать Ви, которая терлась мордочкой об его шею.

– Да!

– У вас есть пять минут, – снизошел он.

– А если я не успею? – нахмурилась ведьма.

– Четыре минуты и пятьдесят семь секунд, – выразительно посмотрев на настенные часы, где была и секундная стрелка, проговорил хозяин похоронного бюро.

– Ладно, пусть так, – смирилась с временным интервалом, отведенным ей на рассказ, Джемма. – Вот смотрите. – Она выудила из кармана волшебный браслет и положила его на стол. – Все началось с этого.

– С женской побрякушки? – скептически оглядев ее творение, хмыкнул гробовщик. – И почему я не удивлен?

– С амулета, позволяющего видеть сквозь лиловые чары! – не без гордости сказала девушка. – Я сама его сделала, с помощью книги моей сестры. И мы с Олли-о пошли его тестировать на улицу. Эл, не тронь! – рявкнула она на жнеца, который, шустро спрыгнув с окна, подошел к ним с явным намерением пощупать интересную штучку.

– Работает? – чуть более заинтересованно, чем хотелось бы, спросил Эдгард.

– Да! – улыбнулась ведьмочка, схватив браслет на мгновение раньше, чем жнец, на которого ее предупреждения не возымели никакого эффекта. – Я сделала его специально для вас. Вернее, для ваших поисков Варфаламеи.

– В которые ты продолжаешь упорно совать свой симпатичный носик, хоть я велел заниматься кухней и похоронными делами, так?

Кошка замурчала громче, чувствуя поднимающееся раздражение мужчины.

– Я никуда не суюсь! – возразила Джемма. – Я просто хотела быть вам полезной. Хотела помочь Элу не вылететь из жнецов, а вам... найти женщину, которую, как вы сами говорили, давно ищете и пока что безрезультатно. Мы не бегали по улицам в поисках этой ведьмы! – выпалила девушка и значительно тише призналась: – Она сама нас нашла.

– И? – Эдгард устало потер висок и машинально погладил кошку.

– Ваша ведьма пыталась убить Олли-о, – растеряв весь запал, грустно вздохнула Джемма. – У нее на руке как раз был мой браслет. Поэтому она разглядела под маской мужчины эту вашу... Варфаламею.

– Чирташево невезение! – с досадой прошипел жнец. – Мы по парку ходим в поисках безголового призрака...

– Не безголового, – поправил Гард.

– Да какая разница! – отмахнулся Эл. – Ищем, как идиоты, неприкаянную душу, чтобы узнать, чью жизнь на этот раз украла лиловая тварь, а она на наших девочек охотится! Одну вон убить пыталась.

– Не пыталась, – снова опроверг его заявление гробовщик. – Хотела бы – добила. А они обе живы и здоровы. Отчасти.

– Говорите, Варфаламея не планировала Олли за полог Саймы отправлять? – Тонкие девичьи брови дрогнули, а на гладком лбу появилась сосредоточенная морщинка.

– Уже сказал, Джемма. – Гробовщик вновь погладил теплое мохнатое тельце, уютно устроившееся у него на груди.

Вишня прилежно урчала и перебирала лапками, изо всех сил стараясь снять напряжение мужчины проверенным кошачьим способом.

– Все еще веришь в благородство Вари? – криво усмехнулся Эл.

– Нет, – отозвался хозяин ПБ. – Просто ей несвойственно бросать дело на полпути, и она знает, что для оборотней такого типа, как дьера Сомс, возможна полная регенерация, если хотя бы малая часть роя уцелела. Другой вопрос, что процесс восстановления не быстрый.

– А может, ей помешал дьер Акеллар? – предположила вновь оживившаяся девушка. – Он спас Олли-о жизнь, поделившись своей... – И запнулась, сообразив, что выдавать секреты благодетеля, который скрывает свое происхождение, не очень-то правильно.

– Может, и помешал, – не стал разубеждать ведьмочку гробовщик. – А возможно, она знала, что он там, и просчитала все наперед. Кстати о нем. Что этот ушлый сыщик забыл в моей конторе?

– Сыщик?! В конторе?! – в один голос воскликнули Элрой с Джеммой, и девушка, спохватившись, рванула к выходу. – Простите, я совсем забыла, мне срочно надо на кухню... – пробормотала она на ходу.

– Стоять! – От окрика дьера Дорэ застыла не только ведьма, но и жнец, и даже Вишня замерла. – Сбежал уже твой гость из этого дурдома, – обычным тоном пояснил он, и все словно отмерли: ведьмочка расслабилась и вернулась к столу, вертя в руках браслет. Жнец, сняв со спины ножны, опустил в стоящее у стены кресло, после чего бережно положил на колени свой громоздкий меч, а кошка снова заурчала. – Вместе с моими пирогами, – проворчал гробовщик, глядя на магическое украшение. – Значит, так, ведьма... я дам тебе еще один шанс. Последний. Больше никаких нововведений без согласования со мной. Никаких посторонних типов в похоронном бюро дальше приемной. И никаких попыток влезть в поиски Варфаламеи. Она слишком опасна для таких наивных дурех, как ты. Если она тебя не приберет, то в случае непослушания я сам, лично разрою твою фальшивую могилу, достану безвкусный лиловый гробик и зарою его повторно, но уже не пустым. А сейчас сядь куда-нибудь и не маячь. Лучше попробуй изобразить на себе, как выглядела нынешняя маска лиловой ведьмы. Заодно и браслет твой проверим в действии.

Спорить и возмущаться Джемма, естественно, не стала. Первый бой выигран – дьер гробовщик ее больше не выгоняет. А что требования выставил, так она разве против? Ну, может, насчет посторонних только. Ведь Олли-о требуется уход, а частью ПБ оса точно не является. Но этот вопрос лучше обсудить потом, когда Эдгард Дорэ окончательно расслабится и подобрееет... насколько это вообще возможно в его случае. Элрой уступил вооружившейся зеркалом девушке кресло, сам же привычно устроился на широком подлокотнике, любовно поглаживая свой мерцающий клинок, и принялся наблюдать за ее магическими манипуляциями с собственным лицом.

В то же время под крышей похоронного бюро

– Ен, прекрати, я понимаю, что ты немного испугался...

– Немного?!

– Ладно, сильно испугался, но это ведь не повод хватать нас обеих в охапку, перевозить в свой дом и выставлять у дверей вооруженную охрану.

– Серьезно? – отозвался дьер оружейник, подбирая с пола вазочку. Убедившись, что с Майлой все в порядке, да и сыщица не собирается пока к богине-сестре, мужчина заметно успокоился и куда больше стал напоминать себя настоящего, чем тот нервный тип, что примчался в похоронное бюро, поймав первый встречный экипаж. – Олли, я видел тебя без ноги после очередной заварухи, куда ты умудрилась сунуть свое осиное жало. Видел без руки. Но вот так, как сейчас...

– Не надо о грустном, – поморщилась рыжая. – И вообще, не уходи от темы.

– От какой? – укладывая на место матрас, спросил дьер Аттамс.

– От важной! – многозначительно заявила голова. – Ты уже однажды наступил на эти грабли. Не повторяй одну и ту же ошибку без конца. Если сейчас попробуешь забрать девчонку отсюда силой, она воспротивится на чистом упрямстве. И сколько ни целуй ее потом, все равно будет мечтать о побеге. Мы, женщины, существа загадочные. Пока точно не определились, чего хотим, излишнее давление вызывает протест, а вот если чуть ослабить «поводок», а потом снова притянуть и опять ослабить...

– Олли, солнышко мое рыжее, – нарочито ласково проговорил Этьен. – Откуда такие познания... о «поводках»?

– Не важно, – ответила она. – Ты суть лови, а не к сравнениям придирайся. Майла твоя сама толком не знает, чего хочет. Вернее, хочет-то она тебя, но до того, чтобы признаться себе в этом, еще незрела. Начнешь давить – сорвется с крючка, голову даю на отсечение! – с жаром заверила сыщица.

– Угу, – пробормотал собеседник, поднимая стол, – и отсекать не надо, одна голова и осталась.

– Ен! – возмущенно воскликнула упомянутая часть ее тела.

– Что, Олли-о? Что? – Мужчина со стуком водрузил на стол чудом не разбившуюся банку. – Я чуть не поседел после твоей записки! Примчался – и что увидел? Ты... уверенная в себе женщина, опытный фехтовальщик и до жути живучий оборотень... валяешься тут в таком виде. А моя перепуганная девочка хлопчет вокруг тебя.

– Вот и пусть хлопчет, – сказала оса.

– Пусть... но на моей территории, где я лично буду охранять вас обеих от козней той лиловой маньячки, про которую ты мне рассказывала.

– Не глупи, Ен, – простонала рыжая. – Это ведь такой шанс приручить Майлу. Оставь нас тут. Если что, мой пусть маленький, но все же рой сможет ее защитить. Да и жнец здесь постоянно околачивается, и сам гробовщик далеко не так прост, как кажется. В этих стенах мы в безопасности. Поверь женской интуиции: надавишь сейчас на Джемму – потеряешь шанс на ее любовь.

Оружейник задумчиво потер виски и снова принялся наводить порядок.

– Да прекрати ты уже убираться, пусть долговязый этим занимается.

– Олли, за последние полчаса ты упомянула его уже раз десять, – улыбнулся Этьен. – Мне следует начать ревновать?

– А ты бы стал? – вскинула темную бровь рыжая, которой, несмотря на недобор частей тела, явно становилось все лучше.

– Тебя-то? – Мужчина хмыкнул. – Смотря к кому. К достойному и перспективному – ни в коем случае. Но всякие потусторонние личности, способные лишь перерезать связь души с телом, признаюсь, меня напрягают.

– Меня тоже, – охотно согласилась голова. – Поэтому пусть эти личности бардак и разгребают! – добавила мстительно. – А ты сядь уже на стул и не мельтеши, в глазах от твоих передвижений рябит.

Ен, немного подумав, выполнил ее просьбу, после чего устало проговорил:

– Я не хочу снова давить на Майлу... я вообще не хочу на нее давить. Но ты сама сказала, что лиловая ведьма, которую здесь все ищут, опасна. Так что у меня просто нет...

– Есть у тебя выбор! Доверься мне, – с нажимом сказала оборотень. – Разве я когда-нибудь тебя подводила?

Мужчина отрицательно качнул головой.

– Ну вот! Поверь своей старой верной подруге, давай сделаем, как предлагаю я. Джемма уговорит гробовщика оставить меня здесь. Он ей многое спускает...

– С чего бы? – Серые глаза Аттамса неприязненно сузились, пытливо глядя на подругу.
– Пирожками подкупила, – поделилась предположением оса. – Так вот... о чем я? А! О нашем плане.
– Нашем?
– Конечно, нашем. Паук и оса... мы с тобой идеальная пара, – хихикнула сыщица, а Этьен только улыбнулся в ответ. – Сегодня Джемма так испугалась, что будет сидеть дома... развлекать меня и кормить, – лукаво добавила оборотень.
– Тебе надо было родиться не осой, а лисой, – рассмеялся Этьен, пытаясь приладить к стулу отломанную спинку.
– А тебе лисом, – не осталась в долгу Олли-о.
Их беседу оборвал тихий стук в дверь.
– Простите, я помешала? – с порога робко спросила ведьмочка, прижимавшая к груди банку вишневого компота.
С лица дъера Аттамса мгновенно слетела улыбка, серые глаза застыли, как и голос, которым он вежливо произнес:
– Я уже ухожу. – Поднявшись, мужчина подхватил со спинки дивана пальто, чтобы, накинув его на плечи, направиться к выходу. – Олли-о, поправляйся! – гораздо теплее обратился он к сыщице и, пройдя мимо растерявшейся Джеммы, перешагнул порог.
Ведьмочка застыла на минуту, а потом, словно спохватившись, бухнула банку на стол, суетливо поправила сбившуюся простыню и, выпалив:
– Я сейчас! – бросилась следом за опекуном.
Нагнать его удалось только на втором этаже. Остановившись прямо перед ним, она молча уставилась на Этьена. Выражение его лица – отстраненное, безразличное и даже чуточку жестокое – совсем не располагало к беседе. А ведь еще вчера он так жарко ее целовал, шептал разные нежности. Неужели все это было обманом?
– Я... – попробовала начать ведьма, но слова застряли в горле. – Я не хотела... – выдавила она из себя и снова замолчала, опустив взгляд.
– Не стоит оправдываться, – потрепал ее по голове дъер Аттамс. – Я все прекрасно понял. Надумаешь навестить Энни и Анни, сообщи. Доброй ночи, Майл... Джемма! – Он вежливо кивнул и зашагал вниз по лестнице, а девушка осталась смотреть ему вслед. На глаза ее навернулись слезы.
Смахнув их рукой, Джемма уныло побрела в свою комнату, на ходу тренируя беззаботную улыбку. Как бы ни была расстроена ведьмочка и что бы ни чувствовала сейчас, бедной Олли-о значительно хуже, и она нуждается в помощи и поддержке.

Через пару минут

Убедившись, что шаги Майлы стихли и наверху хлопнула дверь, Этьен, стоявший у подножия лестницы, снова поднялся на второй этаж похоронного бюро, в котором уже бывал благодаря рыжей сыщице, и направился к Эдгарду Дорэ, твердо намереваясь выяснить, что связывает этого дъера и его девочку кроме пирогов.
– Поговорим? – предложил маг металла, войдя в кабинет мага душ.
Но первым ему ответил не гробовщик, а соскочившее с его колен черное создание, издавшее радостное:
– Мяу!

Глава 13

Поздней ночью на одной из улиц Готрэйма

Уже давно перевалило за полночь, и даже ветер утих, не решаясь нарушить безмятежный покой спящего города скрипом фонарных цепей. Одинокая девичья фигурка, спешащая куда-то, посреди этого сонного царства казалась неуместной. Звонкий стук каблучков далеко разносился по пустынным улицам. Капюшон то и дело сползал, открывая обрамленное черными волосами личико и шею с пятном от поцелуя. Юная дьера возвращалась с затянувшегося свидания. Ей стоило большого труда уговорить простуженного возлюбленного отпустить ее домой одну, да и сама она была взволнована и все время озиралась в поисках неведомой опасности, но вокруг было на удивление спокойно. И, казалось, сама тишина давала гарантию безопасности. Вот только сердечко нет-нет да и сжималось в груди от тревожных предчувствий. Но дьера в который раз мысленно себя успокоила, вспомнив, что в этой части Готрэйма почти никогда ничего не происходит, ведь иначе она ни за что не рискнула бы идти ночью одна – осталась бы у жениха, презрев гнев отца, который, не обнаружив утром дочь дома, наверняка всыпал бы ей ремня, как бывало в детстве. А ведь она уже не маленькая! И диплом ведьмы у нее есть, и работа по профессии, и даже будущий муж. Вот только папа почему-то против. Ну ничего, когда они тайно обвенчаются в храме триумvirата, у него просто не останется другого выбора, кроме как принять новоиспеченного зятя.

Девушка торопливо пересекла улицу и, пройдя последний поворот, оказалась на аллее из невысоких деревьев, чьи кроны были искусно переплетены, создавая арку. Впереди виднелось родное окно с трехцветным витражом, специально оставленное чуть-чуть приоткрытым. Последние шагов десять до намеченной цели юная дьера готова была пробежать, но, помня об осторожности, она, напротив, сбавила скорость и кралась по двору, стараясь не сильно стучать каблучками.

– Добралась! – прошептала чернобровая ведьмочка, довольно улыбаясь. И уже хотела потянуть на себя кованую раму, как вдруг заметила, что от стены отделилась неясная белесая тень. Брюнетка судорожно вздохнула, когда это странное нечто на нее налетело. Припухший от недавних поцелуев рот округлился в беззвучном крике, глаза закатились, и безвольное тело осело на мокрую дорожку, едва не угодив в лужу. Несколько минут ничего не происходило. А потом юная дьера резко распахнула глаза, посмотрела на темное небо с россыпью серебристых звезд, встала, отряхнула плащ и решительно вошла в окно расположенной на первом этаже спальни.

Той же ночью на старом кладбище

– Нет, ну что за невезение, а? Ни одного поцелованного Саймой вокруг! – возмущался Элрой, шагая по заросшей тропе некогда красивого кладбища. – Я же говорил, надо было ведьму с собой брать.

– Зачем? – поинтересовался гробовщик, который, в отличие от спутника, не таранился по сторонам.

Он был одет в кожаную куртку и штаны, заправленные в высокие сапоги. Застегнутая под самое горло рубаха скрывала знаки, которые маг душ долго и вдумчиво рисовал на своем теле перед ночной вылазкой. Спутники выглядели весьма эффектно – смуглый темноволосый мужчина в черной одежде и долговязый белый жнец в сияющих доспехах. Если бы еще этот говорливый блондин убрал наконец в ножны свой меч.

– Да чтобы хоть кто-то оценил! – воскликнул Эл, откинув за спину длинные волосы. – Ты только представь, как мы со стороны смотримся! День и ночь, свет и тьма, блеск и гря... кхм... – Последнее сравнение он не закончил, подбирая менее обидный эпитет.

– Мрак и ужас, – предложил свой вариант Гард. – И да, ужас, если не понятно, – это ты. Для всех беглых призраков Готрэйма. Перестань уже мечом размахивать, и без того ветрено. – Дьер Дорэ демонстративно поправил ворот куртки. – Как тебя вообще в жнецы взяли? – проворчал он. – С твоим характером прямая дорога в балаган.

– А с твоим – сразу в гроб, – парировал Элрой, даже не думая убирать свое устрашающего вида оружие в закрепленные на спине ножны.

– Именно поэтому я и открыл похоронное бюро, а не какую-нибудь там... пряничную! – без тени улыбки ответил гробовщик.

– Не занудствуй! И не завидуй!

– Чему это? – Черная бровь мужчины выразительно изогнулась, а белые зубы сверкнули в усмешке, как блеснули и тонкие кольца, вдетые в его ухо. – Тому что тебя вот-вот выставят с работы, как меня десять лет назад?

– Вечно ты заранее готовишься к поражению, – проворчал блондин. – Если еще и я скорбную мину нацеплю, от нас не только призраки попрячутся, но и все листья с деревьев разом осыплются, и дождь пойдет, и... молоко на кухнях Готрэйма прокиснет!

– Скорее от твоей трескотни звезды с неба попадают, – улыбнулся Эдгард.

– Звездопад – это красиво, – мечтательно произнес его спутник.

Гробовщик прекрасно понимал, что за чрезмерной болтливостью Эла прячется нервозность. Время, отпущенное на поиски Варфаламеи, истекало – еще неделя-две, и придется держать ответ перед малышкой Дис, которая, вопреки ее обманчиво безобидной внешности, на деле весьма жесткая и категоричная особа. Это значит, что если к назначенному сроку результата по-прежнему не будет – Эл Стальной повторит судьбу Гарда Хладнокровного. И, в отличие от дъера, Дорэ наверняка откроет какое-нибудь агентство по отлову призраков, что в общем-то и будет тем самым упомянутым балаганом, разве что с другим названием. Но, сколько бы Гард ни иронизировал над другом и вариантами его земной жизни, он как никто другой понимал: ни одному жнецу не хочется становиться бывшим.

– Вон те развалины, – указав направление мечом, сообщил Элрой. – Старый храм какого-то мелкого божка. Уж не знаю, что за добрый человек исписал его стены магическими знаками, но попасть внутрь лично я не могу.

– Защита от посланников Саймы, – скорее утвердительно, нежели вопросительно проговорил Эдгард.

– Угу, – кивнул жнец, отчего белые пряди волос упали на лицо. – Хорошее место для сходов призраков. В окрестностях Готрэйма всего несколько старых храмов, не принадлежащих триумvirату. Этот – один из них. Плюс заброшенное кладбище и близость леса. Наши давно знают про здешнюю конспиративную квартирку беглых духов, но Дис все никак чистильщика не вызовет. Может, специально? – Он взглянул на своего спутника, задумчиво рассматривающего темные развалины.

– Может, и специально, – качнул кудрявой головой тот. – Ну что? Готов? – посмотрев на друга, спросил брюнет.

– Естественно! – радостно усмехаясь, отозвался блондин. И они двинулись к храму. – Сколько неучтенных душ можно собрать в этом рассаднике? – нарочито громко произнес Эл. – Десять, двадцать? За такой урожай и премию хорошую дадут! – весело воскликнул он, поднимаясь следом за другом по полуразрушенным ступеням к зияющей дыре некогда величественного входа.

– Вреш-ш-шь, не возьмеш-ш-шь, – зашипела в ответ темнота. – Не пройдешь сюда, жнец, даже не с-с-старайся.

– Да я и не собираюсь, – заверил незримых хозяев тот и, взвешивая на руке меч, доверительно им сообщил: – Я тут постою, подожду... пока он вас выкуривать будет.

Вышеназванный «он» тем временем уже входил в мрачное нутро храма, подсвечивая путь тонкой палочкой, направленной свелью.

– Ш-ш-ш-человек, – шелестела тьма, не отличавшаяся особым дружелюбием. – Чуж-ш-ш-ш-ак...

Гробовщик не стал обременять себя ответом. Он медленно шел вдоль потрескавшихся от времени стен, выискивая магические символы запрещенных ритуалов, позволявшие этому месту быть недоступным для слуг Саймы. Ну или делал вид, что ищет именно их. Ноздри его чуть подрагивали, вдыхая запах сырости и гнили, из-за которой полуразвалившийся храм напоминал просторный склеп. Разве что трупов не хватало. Или хватало...

– Уходи, незнакомец! – донеслось из угла, заваленного каменными обломками и какой-то ветошью. Там что-то угрожающе гроыхнуло, громко звякнуло и затихло. – Уходи, пока цел, и

цепного пса с собой забирай, – без каких-либо шипящих ноток в довольно грубом мужском басы заявила темнота слева. – Не место здесь живым людям. А жнецам тем паче!

– Убирайсь-с-ся – или ос-с-станешься в нашей влас-с-сти навсегда, – поддержала его темнота справа.

– Мы тебя не трогаем, и ты нас не тронь! – визгливо воскликнули сверху. – Вон отсюда, вон! Человечишка!

– А впрочем, пусть остается. – Слева снова гроыхнуло. – Люблю людишек есть на завтрак.

– Пусть! Пусть! – взвизгнул голосок под дырявым куполом, моментально сменив свою точку зрения на полностью противоположную. – Оставайся, человечишка!

– А я не люблю муж-ш-ш-ш-иков на завтрак, – закапризничал шепелявый оратор, затаившийся в правом углу. – Разве что мозги, – добавил скромно.

– А он, часом, не глухой? – озадаченно пробормотало девичье сопрано позади невозмутимого визитера, на лице которого не дрогнул ни один мускул в процессе обсуждения его незавидной участи рваным хором пугающих голосов. Именно пугающих: с эхом, гроыханием цепей, подвыванием и другими проверенными временем эффектами. Другой бы давно сбежал, обмочив штаны, а этот продолжал сосредоточенно изучать нутро храма, словно и не слышал сыплющихся на него угроз. – Эй, касатик? Ты чего ищешь-то? Сказал бы, мы, глядишь, и помогли бы...

– ...лучше спрятать искомое, – захихикал обитатель верхних сфер.

Эдгард остановился, осмотрелся... никого, естественно, не увидел, ибо видеть было некого, так как маскироваться местные призраки умели профессионально, и, задумчиво почесав подбородок незажженным концом палочки, проговорил:

– Я ищу дух одного свеженького покойника...

– Тебе для хозяйства али для интиму? – заинтересовался бас.

– Домаш-ш-шних пугать – можем Белху предложить, – добавил его собрат. – Она при жизни зятя запилить не ус-с-спела.

– А для спальни зови Вергулью с Южного кладбища – всего десять лет, как преставилась, – снова перенял эстафету любитель цепей, обладатель грубого голоса. – Еще помнит, что к чему. Да и тело, если аккуратно выкопать под чутким руководством некроманта, вполне сгодится. В храме дружно захохотали все, кроме гробовщика.

– Позвать? – предложил «поднебесный».

– Позови, – согласно кивнул гость. – Того дъера, которого убили прошлой ночью в городском парке зови, – уточнил он. – Ему отрубили голову и изуродовали тело до неузнаваемости. Не встречали неприкаянную душу этого бедняги?

– Нет! – на удивление слаженно рявкнули все четверо обитателей храма.

– А если подумать? – протянул мужчина, как бы невзначай царапая носком сапога начерченный на каменной стене знак защиты.

– Ты ш-ш-ш-что себе позволяешь, гад?! – зашипел любитель человеческих мозгов.

– За порчу имущества полагается кара! – зловеще позвякивая невидимыми цепями, поддержал его бас.

– Кара, кар-р-ра, – словно попугай, вторил ему голос сверху.

– Как бы вам не докаркаться, – вздохнув, пробормотал гробовщик.

– Ты нам что, угрожаешь? – взвыл призрак под аккомпанемент металлического бряцанья, и вслед за разъяренным: «Сам напросился!» – в наглого визитера полетел весь тот хлам, что пылился в углу.

Эдгард ловко увернулся, плавно переместившись назад, чтобы тут же оказаться в плену гибкой лианы, скользящей в темный провал окна.

– Вяжи его!

– Вешай!

– Голову, голову не повреди, там мозги-и-и...

Свернувшись петлей, хищное растение попыталось вздернуть мужчину, но тот легко перерубил шуструю плеть зачарованным кинжалом, рукоять которого была украшена магической вязью дымчато-серых азов.

– Ай! Ой! Он, он... – завопила раненая лиана голосом потолочного призрака. – Он ма-а-аг!

– Хоть перемаг, чирташ-ш-ш его за ногу! – перебил страдальца шепелявый.

– Лови! – крикнул бас, непонятно к кому обращаясь. Хотя, судя по обломку стены, летящему в гостя, – явно к нему.

Хватать каменную глыбу гробовщик не стал, грациозно отойдя в сторону с ее пути, чем сильно разочаровал любителя цепей, которые раздраженно зазвенели в углу.

– Может, все-таки поговорим? – пользуясь заминкой призраков, предложил дьер Дорэ. Сверху упал огрызок разъеденного временем купола. – Или нет, – вздохнул гость, едва успев увернуться от каменного подарка. – А ведь я хотел по-хорошему...

– Да пошел ты! – взвился тот, кого Эдгард мысленно окрестил «бугаем». – Явился в наш дом, угрожаешь, имущество, опять же, портишь – защитный контур разрушаешь... и называешь это по-хор-р-рошему?! – перешел на обиженный рык призрак.

– Жнеца с с-с-собой приволок, чирташ-ш-шев маг, – добавил шепелявый. – А ведь мы тебя не трогали, даже баб предлагали... для увес-с-селения.

– Пожалуй, вы правы, – немного подумав, сказал гробовщик, – мы плохо начали. Позвольте представиться: Эдгард Дорэ, ныне действующий маг и бывший жнец богини-сестры...

– Бывш-ш-ший, – эхом отозвалась темнота, в которой гостю почудилось странное копошение.

– Бывший! – радостно воскликнул покоритель лиан.

– Жнец! Ну надо же! И не врет ведь! Да он просто человечешка теперь! – раздался девичий вопль за спиной Эдгарда. – Из плоти и крови! А когда-то косил невинные души, запирали их за полог. У-у-у, душегуб!

– Работа есть работа, – пожал плечами гробовщик, стараясь выглядеть расслабленным, в то время как все тело его пребывало в сильном напряжении, ожидая если не камнепада, то атаки растений или какой-нибудь другой гадости от агрессивно настроенной компании.

Идя в логово привидений, которых магическая вязь запрещенных символов делала здесь ненормально сильными, он прекрасно представлял, на что подписался. Но понимание опасности не защищало от ее последствий. И хорошо еще, что достойная физическая подготовка (спасибо домашним тренировкам!) вкупе с острым зрением и отличным слухом помогали вовремя ускользать от каменных снарядов.

– А у нас... тоже работа! – гаркнул бас. – Всяких незваных гостей учить. Вернее, проучивать.

– Так ч-ш-ш-ш-то ничего личного, – прошипел шепелявый.

– И пусть ты маг... даже лучше, что маг... – засуетился тот, кто прятался в куполе. – Значит, сможешь дольше продержаться! – воинственно заявил он, заставив брюнета нахмуриться.

– Вперед, мужики! – неожиданно громко и задиристо воскликнула обладательница сопрано.

Ее тут же поддержали друзья: с громким воплем «Хватай, дави, ломай!» и тихим «Не повредите моз-с-с-сги» с разных сторон темного храма на гробовщика ринулись белые тени. А он лишь опустил голову и прикрыл глаза, выронив из руки тонкую палочку со светящимся концом.

Через несколько минут Элрой Стальной имел честь лицезреть друга, тяжелой походкой выходящего из мрачных недр храма на полуразрушенное крыльцо.

– Ну что? Собрал урожай? – нетерпеливо спросил блондин.

– Щаз-з-з будет тебе ур-р-рожай, светляк! – рыкнул брюнет, демонстративно разминая пальцы и с интересом поглядывая на собственные кулаки. – Эх, худосочный нынче мужик пошел, – смачно сплюнув, заявил он. Потом впериł тяжелый взгляд в слегка обалдевшего приятеля и, рванув ворот черной рубахи, стукнул себя в грудь. – Хана тебе, беломор... – Угроза оборвалась на полуслове, Эдгарда тряхнуло, словно от удара молнии, когда на коже под ключицей вспыхнул серебром нарисованный символ, отделился от тела и поплыл по воздуху, утаскивая за собой похожий на воздушный шар силуэт.

– Что это? Что? – ревел раненым зверем пойманный в ловушку призрак. – Отпусти, Саймин выкормыш! Отпусти-и-и! – Он рвался на свободу, но магический знак намертво приковал его к лежащему неподалеку куску плиты.

– Впечатляет, Гард Хладнокровный, – уважительно произнес Элрой.

– А ты думал, касатик! – кокетливо похлопав черными ресницами, улыбнулся гробовщик.

Глаз жнеца дернулся, и Элрой машинально сделал шаг назад, выставив перед собой сияющий в лунном свете меч.

– О-о-о, – пропел Дорэ подозрительно тонким голоском, – обожаю вооруженных мужчин. – Он игриво повел плечами, еще больше обнажая грудь в разорванном вырезе рубахи. – А давай проверим! – Черные глаза его сверкнули азартом. – Правду ль народ болтает, что чем больше клинок, тем меньше та штука, что в штанах... – Мага душ опять тряхнуло, и на этот раз

отделившийся от него символ уволок с собой растрепанную полупрозрачную девку с пятым размером бюста и повязкой на подбитом глазу.

Эл облегченно выдохнул, решив, что гроза миновала, но Гард зловеще зашипел:

– Рано радуеш-ш-шся, жнец! Я доберусь-с-сь до тебя. – Он решительно шагнул к блондину, выхватывая из ножен острый кинжал. – Я вырежу твои моз-с-с-сги и съем... – Гробовщик замер с занесенным клинком, а отделившийся от него призрачный горбун все еще расписывал в красках рецепт приготовления содержимого черепной коробки.

Последним тело дьера Дорэ покинул привязанный к светящемуся знаку карлик, который с чувством рассказывал ему, что вообще не при делах и в его тело попал исключительно за компанию с остальными духами. Гробовщик же, брезгливо морщась, принялся запахивать порванную рубашку и растянутую куртку. Физически его больше не трясло, но от осознания, что какие-то пару минут им управляла эта призрачная шайка, мысленно передергивало. Но все же овчинка стоила выделки. Четверка, облюбовавшая старый храм, теперь тихо сидела, привязанная магией к камням, и мрачно взирала на своих пленителей.

– Как? – раздался в гнетущей тишине слегка удивленный голос Элроя. – Их так мало? А я-то думал, не меньше двадцати будет, – разочарованно вздохнул он.

– Я тебе не бездонная бочка для этих упырей, – убирая в ножны кинжал, выхваченный под контролем шепелявого, проворчал Эдгард.

– Мы призраки, а не упыри! – гордо заявил бугай, в который раз ударив себя огромным кулаком в грудь. При жизни он был человеком-горой, теперь же походил на полупрозрачного головастика, ноги которого сливались в белесый хвост, намертво приклеенный к символу ловушки.

– Итак, дьеры призраки, – оглядев всю четверку, проговорил маг душ и, стянув с руки перчатку, задумчиво погладил перстень дымчатого аза, камень которого не был сейчас прикрыт иллюзией. – Я повторяю свой вопрос: где находится дух мертвеца из городского парка?

– Отвечайте быстро, четко и честно, – посоветовал им жнец, демонстративно поигрывая мечом. – Ложь я почувствую, и это выйдет вам боком. Или лучше проводите нас к месту, где может находиться загулявший дух. И тогда, быть может, я не стану отправлять вас за полог Саймы, – лениво добавил он, мысленно решив, что выполнять обязанности чистильщика – не его работа.

А загнанные в угол привидения переглянулись, синхронно вздохнули, хотя дышать-то им было вроде как нечем, и нехотя заговорили.

В ПБ «Последний цветок»

Джемме не спалось. Чего нельзя было сказать об Олли-о. Если не считать отсутствующих частей тела, оборотень чувствовала себя вполне хорошо и бессонницей не мучилась, в отличие от ее добровольной няньки. Ведьмочка же, переделав все возможные дела и вдоволь насмотревшись на мирно посапывающую подругу, так и не смогла сомкнуть глаз. Ведь через пару часов рассвет, а дьер гробовщик, ушедший на ночь глядя в компании жнеца, до сих пор не вернулся. В том, что поздняя вылазка этих двоих имела отношение к Варфаламее, она не сомневалась. А то, как эта самая Варфаламея расправляется с неугодными, Джемма видела собственными глазами, и потому тревога терзала ей душу, а сон, несмотря на усталость, отказывался приходить.

Еще пару раз поворочавшись на разложенном в углу матрасе, ведьма откинула в сторону одеяло, медленно поднялась, надела халат и на цыпочках прокралась к двери, чтобы, не приведи Марна, не разбудить скрипом половиц больную. Пострадавшей сыщице, по словам Акеллара, требовались хорошее питание, крепкий сон и уход. Джемма прилежно соблюдала все три пункта, искренне желая ей скорейшего выздоровления. Осторожно прикрыв за собой дверь, девушка направилась к лестнице, совершенно не замечая в темноте, как по потолку за ней ползет необычно тихая оса. Олли-о в силу своих особенностей могла одновременно и дремать, и следить за вверенным ее наблюдению объектом, чем и занималась.

Изначально Джемма хотела пойти на кухню и согреть себе молока с медом, чтобы попробовать еще раз уснуть, потом решила лучше выпить чашечку корифа и дожидаться возвращения гробовщика, чтобы накормить его перед сном, но, услышав внизу странное шебуршение, сопровождаемое негромким мяуканьем, резко поменяла свои планы и, вооружившись светящейся палочкой, отправилась искать Вишню. Кошка все еще дулась на хозяйку за инцидент с запиранием ее рогато-хвостатого величества на чердаке, в то время как Ви давно уже считала своими владениями все ПБ, включая комнату для вскрытия, кабинет Эдгарда и его спальню. Джемме же очень хотелось, чтобы ее любимица поскорее оттаяла. Отсюда и разные вкусовые, регулярно появлявшиеся в кошачьей миске, и новые шелковые бантики для острых когтков капризной киски, и даже тряпичная мышка с полудрагоценными камушками-глазками, которая стоила почти столько же, сколько шелковый халат ведьмочки. Вздохнув, Джемма покрепче затянула поясик на талии и, как была босая, ринулась искать Вишню. Но на последних ступенях споткнулась, потеряла равновесие и полетела вниз, чтобы вместо неминуемой встречи с полом угодить в крепкие объятия метнувшегося к ней мужчины.

– Осторожней, Майла, – проговорил гость, обжигая дыханием верхний край ее вспыхнувшего ушка. – Так можно и шею сломать, милая, – добавил Этьен с легким укором и медленно отпустил девушку, удостоверившись, что она твердо стоит на ногах и больше не собирается падать. – Солнышко ясное, – визитер нахмурился, – ты почему босиком по холодному полу бегаешь? Заболеть решила?

– Тебе-то что? – надулась ведьмочка, прислонившись спиной к стене. – И кстати, дьер оружейник! Какого чирташа ты тут делаешь в пять утра? – пошла в наступление она, стремясь скрыть за грубоватым тоном неловкость. – Не похоронное бюро, а проходной двор какой-то, – проворчала, невольно копируя интонации своего работодателя.

– И не говори, – вместо того чтобы начать оправдываться, улыбнулся Этьен.

– Это не ответ, дьер Аттамс! – Девушка неловко переступила с ноги на ногу. Пока она бежала, дискомфорта не было, но стоило задержаться на месте, и голые ступни тут же ощутили неприветливую прохладу каменных плит.

– У тебя нет тапок, Май... Джемма? – продолжая игнорировать ее вопрос, поинтересовался поздний... хотя, может, уже и ранний гость.

– Есть! – с вызовом глядя на него, сказала ведьма. – И тапки, и туфли, и еще много чего.

– Угу, – согласно кивнул мужчина, продолжая улыбаться. – Все есть, кроме инстинкта самосохранения, милая. – И, не дав ей больше сказать ни слова, подхватил на руки и понес обратно на чердак.

– Что ты творишь? Кто тебе право дал... – возмущалась она, не делая попыток освободиться. – И инстинкт этот у меня есть! – воскликнула Джемма. – Именно благодаря ему я не пытаюсь вырываться на узкой лестнице, рискуя свернуть шеи нам обоим.

– Очень мудро, милая, – похвалил ее Этьен, легко взбегая по ступеням, словно и не держал на руках взрослую девушку. – Вот сейчас обуешься, накинешь на плечи шаль или кофту, и я отвечу на все твои вопросы, честно-честно.

– Там Олли-о... спит, – хватаясь за косяк собственной двери, зашипела ведьмочка. – Разбудишь же! – шепотом возмутилась она и тут же, вспомнив о возможной причине его прихода, сухо проговорила: – Хотя если ты к ней...

– Я не к ней, – продолжая держать девушку на руках, сказал Ен.

Дыхание Джеммы участилось, на бледных скулах расцвел румянец, на душе потеплело, а глупое сердечко вновь поверило в сказку.

– А... к кому? – скромно потупившись, пробормотала она.

– К хозяину твоему, – ответил опекун, и... сказка кончилась.

– Нет его! – грубее, чем ей хотелось бы, воскликнула ведьма и прикрыла ладонью рот, испуганно покосившись на дверь. – Отпусти меня немедленно, – потребовала гораздо тише. – И уходи. Эдгард еще не вернулся с ночной... с прогулки. Если он тебе так нужен, подожди его на улице.

– Хочешь выгнать меня на холод, солнышко? – грустно вздохнул мужчина, пряча в уголках губ улыбку. – Неужели даже чаем горячим не угостишь члена своей семьи, ведь мы с тобой не чужие.

– Очень даже чужие, – снова начала раздражаться его подопечная. – Ты мне никто, понятно? Мы с тобой не кровные родственники. – Ей почему-то было очень важно, чтобы он признал

отсутствие родства, хотя... он никогда на обратном и не настаивал. – Ты всего лишь муж моей покойной сестры. Ты никто мне...

– Я твой друг, Майла, – серьезно проговорил Этьен, и девушка замолчала. – Друг, на которого ты можешь положиться, который всегда протянет руку помощи, поверь. – Он смотрел в ее зеленые глаза, чуть мерцавшие в полумраке узкого коридора, а она не мигая уставилась на него. Их освещал тусклый свет от зажатой в ее руке палочки, позволяя видеть лица друг друга.

– Что-то я не припомню твоей помощи, когда мне выпал жребий храма, – с обидой сказала Джемма.

– Я не отказался платить откупные, – напомнил он, мрачнея.

– Ты меня ш-ш-шантажировал, – снова зашипела она, рванувшись из его рук. – Да отпусти уже, – проворчала, вздохнув. – И правда холодно. Оденусь, обуюсь, и пойдем на кухню ждать Гарда. Там и поговорим.

– Секунду, – остановил он ее попытку соскользнуть на пол. – Скажу сейчас, чтобы больше не возвращаться к этой теме. Да, я виноват, Майла. Сгруппировал. Окрыленный твоим благосклонным отношением, принял дружбу за что-то большее и сорвался: надавил, потребовал переехать со мной в обмен на освобождение от службы в храме... Но тебе не кажется, что я достаточно наказан? – хмуро поинтересовался он, продолжая удерживать ее взгляд. – Похоронить любимого человека, знаешь ли...

– Прости. – Джемма опустила ресницы, чувствуя, что опять краснеет. – Но ты не оставил мне выбора, а дьера Ганн обещала заплатить, если... – Она замолчала, не договорив.

– Майла, Майла... – покачал головой Этьен, осторожно ставя девушку на ноги. – Неужели ты правда думала, что я позволю храму забрать тебя?

– Ты был очень убедителен, – по-прежнему не решаясь на него посмотреть, пробормотала она. Воспоминания о той сцене жгли глаза, наполнившиеся соленой влагой.

– Мне жаль, милая. – Он коснулся ее волос, желая погладить, но девушка уклонилась. – Жаль, что ты так и не научилась мне доверять. Да, я хотел уехать, хотел быть с тобой, любить тебя... хотел! – Он говорил, не сводя с нее взгляда, который она буквально ощущала кожей. – Я, как наивный дурак, думал, что и ты этого тоже хочешь, но пасуешь перед мнением безликой толпы, которое так активно продвигала моя вездесущая матушка. Что ж... признаю: ошибся.

Джемма резко вскинула голову, чтобы крикнуть, что он не прав, но смолчала, до боли закусив нижнюю губу.

– Не волнуйся, солнышко, – грустно улыбнулся Этьен. – Что было, то прошло. Урок я усвоил. Просто помни, что мы все-таки не чужие, и не забывай о близняшках, они скучают. Кстати! – Он сунул руку во внутренний карман расстегнутого пальто и вытащил оттуда созданную детскими руками открытку. – Держи вот, это они тебе сделали. Надеюсь, ты не против – я сказал, что ты уезжала, но вскоре вернешься и навестишь их или пригласишь в гости в свой новый дом.

– Мой новый дом? – эхом повторила ведьмочка, чувствуя, как болезненно сжимается сердце.

– Ну да, – кивнул Аттамс. – Ты же хочешь самостоятельности, я верно понял?

– Да, – тихо ответила она, прижав к груди подарок племянниц.

– Если нужна будет помощь, ты всегда можешь ко мне обратиться, – напомнил то, что говорил ранее, Этьен. – И я больше ничего не стану требовать взамен, – добавил он, взявшись за перила. – Я подожду тебя внизу, Джемма, – сказал он и начал спускаться.

– Но... но как же поцелуй?! – выскочив вслед за ним на лестницу, неожиданно для самой себя воскликнула девушка.

Мужчина замер и какое-то время стоял не оборачиваясь. Потом медленно повернулся и, прищурившись, спросил:

– Какие поцелуи, милая?

– Какие? – Ведьмочка растерялась. Не признаваться же теперь, что недавний его сон вовсе не сном был, а явью. Вдруг он и правда поверил, что все это грезы? Или задремал потом и забыл то, что так отчетливо помнила она. – Ах, какие?! Да никакие! – На смену растерянности пришла злость. На то, что он так легко отказался от нее, и на то, что она так расстроилась из-за этого. А ведь недавно думала, что это лучший вариант для них обоих. – Знаешь, дьера Ганн была права.

Этьен вопросительно вскинул бровь, откинув со лба длинную челку.

– С глаз долой – из сердца вон! Все эти цветы, подарки, восхищенные взгляды и красивые слова... это была лишь одержимость, да? Желание вернуть прошлую спокойную жизнь с суррогатом покойной жены! Придуманные чувства растаяли, стоило мне исчезнуть из твоей жизни...

– Я рад, – мужчина кашлянул, восстанавливая внезапно охрипший голос, и сильнее сжал несчастные перила, – что ты снова вернулась в мою жизнь, Майла.

– Я не вернулась! – чувствуя, что вот-вот заплачет, воскликнула она, напрочь забыв о том, что рядом за стенкой спит Олли-о, которой вроде как требуется покой.

– Ну, – Ен пожал плечами и обезоруживающе улыбнулся, – значит, это я вернулся в твою. И буду очень признателен, если ты не станешь гнать меня из нее своей ведьминой метлой, дьера Аттамс. – Он с нажимом произнес фамилию, словно напоминая, кто она такая. – И знаешь, милая, я не готов хоронить тебя еще раз, – полушутя-полусерьезно добавил гость, – поэтому, будь так добра, оденься и обуйся наконец. Иначе мне придется снова взять тебя на руки и...

– Придется? Да больно надо, дьер ор-р-ружейник! – рыкнула Джемма и, резко развернувшись, скрылась за дверью своей комнаты.

– Минус одно очко, Олли-о, – покосившись на сидящую на стене осу, пробормотал Этьен. В отличие от ведьмочки, он прекрасно знал, что оборотень не оставит без присмотра свою подопечную, и потому без труда засек ее присутствие. – К чирташу твой план, когда в голове у моей девочки такой выводок «тараканов». – Полосатое насекомое недовольно дернуло крылышками и, тихо жужжа, улетело.

А Этьен побрел на кухню, расположение которой помнил так же хорошо, как и комнату на чердаке. Кто бы знал, чего ему стоило сдержаться во время разговора и не унести Майлу на руках домой, чтобы там долго и вдумчиво доказывать ей на практике силу своих чувств. Но мужчина слишком боялся напугать девушку снова. Нежная, наивная, ранимая... готова ли она к такому натиску? Аттамс грустно улыбнулся – нет, не готова. По крайней мере, пока. Или это он не готов вновь рискнуть шансом быть с нею? Тихо звякнула взятая с полки посуда, закипел поставленный на плиту чайник, содержимое которого тут же было разлито по чашкам, – Этьен, сам того не замечая, потихоньку хозяйничал на кухне, ожидая прихода ведьмы. Вот только тяжелые шаги, раздавшиеся в коридоре, вряд ли принадлежали его хрупкой девочке.

– Доброе утро, дьер гробовщик, – нисколько не смутившись появлением хозяина похоронного бюро, поздоровался гость.

– Кому утро, – устало проворчал Эдгард, бросая на спинку стула куртку, – а кто и не спал всю ночь. – Ты-то какого чирташа тут делаешь в такую рань, дьер оружейник? – садясь за стол и подтягивая к себе чашку с ароматным напитком, поинтересовался он. – Свет горел, я думал: Джемма вскочила ни свет ни заря, а здесь ты. Удивлен.

– Я закончил твой заказ, – оставив без комментариев слова собеседника, сказал Этьен.

– Уже? – Черные брови Эдгарда приподнялись в удивлении.

Гость кивнул, взяв с полки третью чашку, которую тут же наполнил. Немного подумал и, повернувшись к собеседнику, поинтересовался:

– Ты один или доставать еще посуду?

Эдгард, отпивший в этот самый момент горячего чая, едва не поперхнулся.

– Решил снять с хрупких плеч своей обожаемой ведьмы часть ее обязанностей, что ли? – насмешливо поинтересовался он, оценивающим взглядом окинув гостя. – Ну да, ну да, передник тебе бы точно пошел, не хочешь примерить...

– Тсс, – зашипел на него Этьен, покосившись на темный коридор, видневшийся в проеме не закрытой хозяином двери. – Она сейчас придет, – многозначительно пояснил он.

– И? – отпив-таки чаю, спросил Гард.

– И ей ни к чему слышать про обожаемую, – тихо, но твердо произнес оружейник.

Гробовщик же пожал плечами, после чего вернулся к теме заказа, который маг металла получил от владельца «Последнего цветка» в процессе их памятного разговора в его кабинете.

Тогда, попивая коньяк с лимоном, они обсудили многое и, как часто бывает у двух умных людей, связанных общими интересами, договорились о взаимовыгодном сотрудничестве.

Этьена волновали безопасность Майлы и возможность для нее развивать свой дар на выбранной территории. Эдгарду была весьма кстати помощь одного из лучших мастеров Готрэйма, способного создать уникальный гроб. Ну и присмотр за непутевой ведьмой и ее не более путевой подружкой-осой тоже был не лишним.

Поэтому он скрепя сердце выдал оружейнику запасные ключи от похоронного бюро, успокаивая себя тем, что маг с талантами Аттамса сможет вскрыть любой замок, а чинить его после – удовольствие то еще. Но предупреждать нового союзника о своих ночных вылазках гробовщик не собирался. Вот еще, время тратить! С этим отлично справлялась и та жужжащая башка, что облюбовала его чердак, потеснив ходячие неприятности в полосатых чулках. И все же, уходя сегодня на поиск «безголового» призрака, дьер Дорэ был спокоен, ибо знал, что его дом и помощница – под защитой сильного и опасного мага, временно перебравшегося в свою новую оружейную мастерскую на соседней улице.

Тихий перестук каблучков по коридору застал мужчин за обсуждением особой вязи, покрывающей крышку заказанного гроба. Оба не сговариваясь оборвали разговор. Эдгард в пару глотков допил чай, а Этьен задумчиво вертел в руках свою почти полную кружку.

– Ну и как ты сюда проник, дьер... – входя на кухню, начала Джемма, но, увидев хозяина, восседающего за одним столом с гостем, воскликнула: – Вы наконец вернулись! – И столько искренней радости было в этом ее возгласе, столько облегчения, что гробовщик невольно улыбнулся, а оружейник нахмурился.

Он, конечно, выяснил еще в прошлый раз, что наниматель его девочки никаких видов на нее не имеет, ну, кроме деловых, естественно, однако при виде такой реакции ведьмы на другого мужчину гадюка-ревность начала душить Этьена вопреки всем доводам здравого смысла. Сжав пальцы в кулак, оружейник мысленно порадовался, что левая рука, выдающая его напряжение, спрятана под столом. Правая же, перестав крутить чашку, потянулась к другой, не тронутой, чтобы поставить ее напротив Джеммы.

– Я-то вернулся, – окинув ее взглядом, проговорил гробовщик, перестав улыбаться. – А вот ты, судя по синякам под глазами, еще не ложились. – Черные брови съехались на переносице, глаза цвета ночи нехорошо прищурились. – Нет, моя драгоценная дьера недопокойница, я, конечно, рад такому рвению с твоей стороны и полностью приветствую твое желание вкалывать круглосуточно. Работы много, ты сама для клиентов тут как медом намазала, так что мертвецы внизу ждут твоего внимания, но... полуобморочную ведьму, засыпающую на ходу, я не потерплю. Накосычишь еще, а мне потом расхлебывать! – проворчал он, нагло забирая себе тот самый чай, который Этьен поставил перед девушкой. – Марш в кровать. Если оса храпит и тебе из-за этого не спится, можешь лечь в дальней комнате – бывшей гостевой, только не трогай там ничего... кроме кровати. А книги, которые лежат на ней, аккуратно спусти на пол или... или куда-нибудь еще, где есть место. И чтобы в девять была на работе! Все, – закончил перечислять он и с удовольствием сделал еще один глоток свежесваренного напитка.

Счастливое выражение на лице Джеммы сменилось печальным. Губы обиженно поджались, а плечи поникли. И Этьен снова сжал левый кулак, чтобы подавить порыв вмешаться. Пусть хозяин ПБ и не церемонился в выражениях, он был прав – Майле следовало отдохнуть. А после нагоняя, как он знал по собственным дочерям, девочки засыпают гораздо быстрее и лучше.

– Так, теперь ты, дьер оружейник. – Больше не обращая внимания на кутающуюся в теплую шаль девушку, по-прежнему упрямо стоящую напротив, гробовщик переключился на гостя.

– Что? Тоже баиньки отправишь? – не удержался от колкости тот.

– Вовсе нет, – фыркнул собеседник, – ты мальчик взрослый, зачем тебе в детское время ложиться? Хотя, может, этот совизм у вас – семейная черта, а, Аттамсы? – криво усмехнулся Эдгард.

– А вы, значит, тоже Аттамс, да, дьер гробовщик? Раз не спите по ночам, – перестав изображать молчаливую статую, язвительно поинтересовалась Джемма, чем привлекла к себе удивленные взгляды мужчин.

– Да нет, – нарочито спокойно пожав плечами, отозвался брюнет. – Среди моих предков Аттамсов вроде не было.

– Зато среди потомков могут появиться, – заявила ведьма. Ей было обидно. Просто глупо, по-детски обидно, что ее заботу и беспокойство этот черствый дьер не то что не заметил, а еще и обругал. И все это... при Этьене!

– Каким образом? – не понял гробовщик.

– А таким! – уперев в бок руку, воскликнула девушка. – Вот выйду за вас замуж и рожу вам... парочку Аттамсов, – мстительно пояснила она.

Эдгард задумался, на лице его сотрапезника заходили желваки, а Джемма победно улыбнулась.

– Не получится, – наконец озвучил свой вердикт хозяин.

– Почему же? – воинственно поинтересовалась она.

– Потому что при таком раскладе они будут носить фамилию Дорэ, – зевнув, ответил мужчина и снова вернулся к остывающему чаю.

– Ах так! – отчего-то не желала сдаваться ведьмочка. – Ну тогда, тогда...

Оба собеседника заинтересованно уставились на нее.

– Тогда он родит сына, – она указала на Этьена, – а сын его женится на вашей будущей дочери, вот! – И к чему это построение теорий? Наверное, и правда недосып на умственных способностях сказывается. – И в потомках у вас появятся страдающие совизмом Аттамсы! – упрямо закончила девушка.

– Как-то все сложно, – почесав в затылке, проворчал владелец ПБ.

– Прошу прощения, солнышко, – не выдержал нейтралитет и оружейник, он ловко перехватил ладонь Джеммы и легко поцеловал ее дрогнувшие пальчики. – Но боюсь, что я при всем желании никого родить не смогу. Разве что будущая супруга осчастливит меня сыном... или дочкой. – И улыбнулся, глядя на нее так, что не понять намек было нереально. Или реально... во всяком случае, ведьма не поняла. Вернее, поняла, но по-своему.

– Так, значит, это правда?! – воскликнула она, отдернув руку. – Ты женишься? На этой рыжей мымре, да?! Она же... она близняшек не любит!

– Э-э-э... – настала очередь Этьена задумчиво чесать в затылке. – Рыжая? Ты про Олли-о?

– Ах, значит, все-таки Олли-о?! – еще больше рассердилась девушка. – А что, она тоже не любит Анни с Энни? – нахмурилась девушка.

– Майла, я не понимаю...

– Вот! – подняв указательный палец, сказал Эдгард, перебив растерявшегося гостя. – Не зря я говорил о вреде бессонницы. Характер у ведьмы портится на глазах, претензии непонятные на ходу сочиняет. Сама придумала, сама поверила, сама же и скандал закатила, тьфу... бабы! – И уже ей бросил: – Брысь в кровать, лиловое недоразумение, пока не передумал и не припахал тебя ассистировать при очередном вскрытии.

– А вы не пугайте, – переключилась на него заметно раздраженная Джемма. – А то я... я...

– И что же? – Гард заинтересованно посмотрел на нее.

– Кошку спрячу, – прошипела девчонка, гордо вздернув острый подбородок.

– Сначала попробуй ее найди, – ехидно парировал гробовщик, и Джемма, к своему стыду, тут же вспомнила, что из-за встречи с Этьеном так и не забрала свою рогатую любимицу с первого этажа, а ведь мяуканья ее и правда больше не слышать. Дьер Дорэ ведь не запер бедняжку в хладамере, чтобы не нарушала тишину его мрачного дома? Нет? – Все, ведьма, иди. Дай большим дядям поговорить на взрослые темы. – Наблюдая, как девушка резко разворачивается, чтобы гордо удалиться в поисках Вишни, он сказал гостю: – Если мой гроб готов, надо подумать о доставке.

– Какой гроб? – Не менее резко ведьмочка повернулась обратно. – Зачем вам гроб? – вмиг забыв все свои обиды, взволнованно пробормотала она.

– Чтобы от вашего с Элом цирка за железной крышкой прятаться, – мрачно пошутил дьер Дорэ и зловеще добавил: – С кошкой!

– Вот только Ви не трогайте... – начала заступаться за животное Джемма, но тут же осеклась, сообразив, что над ней просто подтрунивают, и тихо спросила: – Вы ведь не больны, нет? И не собираетесь умирать, да?

– Не собираюсь, – успокоил ее гробовщик, смягчившись. – Джемма, я серьезно – иди поспи уже, пока время есть. И... спасибо за беспокойство. – На губах девушки расцвела улыбка, заметив которую дьер грубиян рывкнул: – Брысь в спальню, заноза лиловая! И кошку из моего кабинета заberi, она там хозяйничает.

– А...

– Бр-р-рысь! – повторил Эдгард, и девушку как ветром сдуло. Только и остался шлейф ее дивного аромата. Джем и кориф... сладко-горькое сочетание.

«Ласковых снов, милая», – мысленно пожелал ей оружейник и, посмотрев на хозяина ПБ, спросил:

– Как гроб перетаскивать будем? Сам он точно сюда не переползет с соседней улицы.

– А может, – гробовщик в задумчивости потер переносицу, – поставим его на колеса и перекатим, пока темно? Ты как, быстро это дело организовать сможешь?

– Зависит от того, есть ли у тебя лишние колеса, – прикидывая масштаб предстоящей работы, ответил Аттамс.

– Найдем! – заверил его Эдгард, поднимаясь из-за стола, на котором остались стоять три чашки: две пустые и одна практически полная.

Первые разливы утренней зари едва окрасили хмурое небо Готтрэйма, когда по мостовой в сопровождении двух темных фигур, тихо поскрипывая, проехала странная тележка в виде металлического гроба с вязью причудливых символов на оснащенной семью замками крышке.

Глава 14

В доме Грэнны Ганн

Рыжий почтовик старательно гримасничал и косился на внушительных размеров мешочек, в котором лежали возделенные орехи. Он то тихо повизгивал, то встряхивал своими кожистыми крыльями, словно собирался улетать, однако продолжал топтаться на подоконнике в ожидании вкусного вознаграждения за свои труды. Но получательница письма, погруженная в его чтение, не обращала никакого внимания на летающую обезьяну. Валия, экономка дьера Аттамса, сообщила Грэнне о том, что ее безответственный сын, бросив дочерей на слуг и приходящую гувернантку, переехал временно жить в свою новую мастерскую, расположенную неподалеку от дома его подружки-оборотня. И сколько бы ни рассказывал он сказки про дела и прочие хлопоты, связанные с оружейным делом, всезнающая старушка была уверена – дело в девке! Вернее даже не в девке, а в ее жалком подобии, наполненном мерзкими жужжащими насекомыми.

Как чистокровный человек, воспитанный на историях про жутких двупостасных, дьера Валия никогда не понимала теплого отношения своего хозяина к рыжей осе, которую он взял когда-то на работу. Но среди прочих достоинств этой пожилой особы было умение хорошо скрывать свои чувства. И потому всегда вежливую, добродушную женщину, следящую за порядком в доме и просто-таки обожающую близняшек, Этьен заподозрил бы в чем-либо в последнюю очередь. А зря. Именно экономка была глазами и ушами Грэнны Ганн в семье сына, а не регулярно меняющиеся горничные, на которых постоянно падала искусно направленная тень подозрений.

«...И если дьер Аттамс женится на оборотне, – мелким убористым почерком писала седовласая шпионка своей благодетельнице, – это станет еще большим скандалом, чем его брак с безродной лиловой ведьмой! Кларисса хотя бы азой была, а эта рыжая... ну надо же – сыщица! Мужская работа, мужские костюмы, и манеры как у мужика! Тьфу! Драгоценная дьера Ганн, примите меры, не дайте сыну загубить репутацию уважаемого гражданина, тем более на пороге вашей помолвки с градоправителем!!! Олли-о надо услать из города подальше, чтобы не вводила порядочного дьера во грех».

Дочитав послание, Грэнна с чувством смяла желтоватый лист, процедив сквозь зубы:

– Ошибаешься, дорогая Валия, не осу нам надо отсылать, а одну глупую ведьму из похоронного бюро. Эх, Майла, Майла... что же ты никак не можешь ни уехать, ни умереть? А ведь письмо-интрига должно было давно подействовать. – Женщина нахмурилась, бросив задумчивый взгляд в окно.

– Чи-и-и? – воодушевился рыжий почтовик и даже привстал на задние лапки, протянув передние в ожидании еще одного ореха.

Глухой удар опустившейся рядом трости заставил обезьяну испуганно подпрыгнуть на подоконнике. Покосившись на металлический набалдашник, зверек молча поклонился, расправил крылья и дал деру.

В похоронном бюро

Джемма сидела, обняв банку с медом, и гипнотизировала взглядом сыщицу. Та лежала, изображая, что спит, и размышляла, что за муха укусила ее обычно сердобольную подругу. Решив, что сама ничего путного не придумает, Олли-о с обреченным вздохом открыла глаза.

– Так и знала, что ты не спишь! – воскликнула ведьмочка, победно сверкнув зелеными глазами, которые на осунувшемся бледном личике казались особенно большими и выразительными.

– А если знала, чего ж тогда молчала? – демонстративно зевнув, спросила оса.

– Боялась, – призналась Джемма. – Вдруг все-таки спишь, а тут я со своими вопросами.

– С вопросами и банкой меда, – улыбнулась ей оборотень. – Давай его сюда. Я буду сытая, добрая... и расположенная к беседе. О чем, кстати, ты хотела узнать? – спросила, слизнув с протянутой ложки золотистое лакомство.

– Ты детей любишь?

Неудивительно, что мед у Олли-о в горле застрял. И вместо того чтобы раствориться в теле, став строительным материалом для его недостающих частей, с кашлем брызнул на простыню. Ведьма тут же поднесла ко рту сыщицы воду, но оса, поморщившись, отказалась и даже отодвинула стакан... ладонью.

– Откуда у тебя руки?

– При чем здесь дети? – в один голос спросили обе.

Затем так же слаженно помолчали, после чего сыщица нехотя призналась:

– Не руки, а рука... пока что.

– Этого вполне достаточно, чтобы самой есть ложкой, – вручив ей упомянутый предмет, заявила девушка. – А банку я подержу.

– Так, – почесав нос концом столового прибора, проговорила рыжая, – что ты говорила о детях? Ты беременна, и гробовщик жаждет выставить тебя на улицу вместе со мной... или ко мне... или куда?

– Вовсе нет! – опешив от такой интерпретации ее невинного вопроса, воскликнула ведьма.

– Я беременна? – решила пошутить Олли-о. Ну а что? Кто этих магов знает. Лежишь тут, никого не трогаешь, ешь и пьешь всякие вкусности, а потом бац – и непорочное зачатие.

– Как? Уже? – окончательно расстроилась Джемма, не усмотрев в ее словах иронию. – Значит, вы все-таки поженились? – обреченно вздохнула она, а потом обиженно воскликнула: – Зачем тогда весь этот спектакль устраивали?! Оставили бы меня в покое, и все! Дали бы жить своей жизнью и не тревожили прошлое. Зачем, Олли-о, ты говорила, что он меня любит? Зачем помогала, позволяя стать твоей подругой... зачем?! – Ведьмочка с такой силой сжала несчастную банку, что та жалобно скрипнула.

Желая спасти принадлежащий ей по праву десерт, а заодно и свой бедный мозг от совершенно необоснованных претензий, оборотень рывкнула:

– Цыц! – После чего, пользуясь тем, что Джемма притихла, спокойно поинтересовалась: – Кто он? – Впрочем, вариантов было немного, поэтому она тут же добавила: – Этьен?

Ведьмочка утвердительно кивнула.

– Ладно, это понятно. Непонятно другое – какие, к чирташу, дети, Джемма?!

– Его дети, Олли. Его! Мои племянницы. – Она строго посмотрела на осу и серьезно поинтересовалась: – Ты их любишь?

– Этих двух заноз, вечно сующих свои любопытные носики куда не следует? – не без ехидства уточнила оборотень и, получив в ответ очередной кивок, продолжила: – Этих малолетних магов металла, делающих из дорогостоящих пишущих принадлежностей ободки для волос?

Джемма больше не кивала, она просто сидела и не мигая смотрела на подругу.

– Этих несносных малявок, которые умудряются испачкать все вокруг так, что бесполезна и магочистка, но сами при этом остаются относительно чистыми?

– Олли, но они же...

– Да! – довольно ухмыляясь, сказала рыжая.

– Что «да»? – не поняла ведьмочка.

– Да! Я их люблю, – «добила» ее окончательно развеселившаяся сыщица. Идея вызвать в Джемме ревность, отклоненная Этьеном, ей по-прежнему нравилась, и она не смогла отказать себе в удовольствии подразнить влюбленную глупышку. – И отца их тоже люблю, – добавила,

глядя на сникшую девушку. После чего, выдержав паузу, совершенно серьезно сказала: – И тебя, дурочку, люблю уже не меньше.

– Олли, ты не понимаешь, – грустно вздохнула ведьма, но собеседница перебила:

– Это ты не понимаешь, Джемма. Недосып плохо сказывается как на твоём милом личике, так и на мозгах. Мы с Этьеном друзья, просто друзья, о чем тебе уже было сказано, и не раз. Я люблю и уважаю его как друга. Как единственного близкого мне человека, который, уверена, не бросит в беде и не предаст. И да, я люблю его несносных детей, потому что они его дети. Я даже терплю его жуткую мамашу, что само по себе подвиг. Ну а он... любит тебя. И, поверь, вовсе не как друга.

– А сказал, что хочет стать именно другом, – пожаловалась на опекуна ведьмочка.

Оборотень же, немного помолчав, спросила:

– А чего хочешь ты, Джемма-Майла? – И, видя растерянность на лице собеседницы, уточнила: – От Ена ты чего хочешь?

Ведьма задумалась, вновь вцепившись в многострадальную банку.

– Мед, кстати, отдай, пока не разбила. Он не Этьен, его ни душить, ни обнимать не надо.

Сражаться за банку, которую принесла для больной, ведьмочка, естественно, не стала. Устроив ее рядом с осой, она сцепила пальцы в замок и уставилась на них, пытаясь мысленно ответить на вопрос, заданный подругой. А и правда, чего она хочет от дьера оружейника? Чтобы он был счастлив, но при этом не смел жениться на другой? Чтобы продолжал всю жизнь любить ее – Майлу – без перспектив на брачные узы с ней, потому что это вроде как неправильно? А что же тогда правильно?

– Так что там с Этьеном, Джемма? – зачерпнув ложкой мед, напомнила о себе оса.

– Я... я не знаю, – пробормотала девушка, покраснев.

А выговорится хотелось, и очень. Но кроме Вишни, которая в последние дни предпочитала общество Эдгарда, и Олли, занимавшей сторону дьера оружейника, у нее больше не было подруг. Однокурсницы из школы ведьм остались в прошлом, друзья-соседи – тоже. Да и в той казавшейся теперь далекой жизни до похорон встречи Майлы с бывшими одноклассниками становились все реже, потому что каждая из них была поглощена собственными делами. В доме же Аттамса, кроме Ви, добродушной экономки Валии да близняшек, и вовсе не с кем было общаться.

Зато там был Этьен – мужчина, которым она восхищалась. И втайне мечтала, что встретит такого же и выйдет за него замуж. Совершенно такого же, абсолютно, ну просто брата-близнеца... а еще лучше – его самого! И осознание этого пугало девушку. А суррогат дьера оружейника не спешил появляться на ее пути, в то время как других поклонников у молоденькой ведьмочки хватало. Но куда им было до ее идеала? А потом учеба закончилась, и девушка, получив от опекуна самый желанный на свете подарок – ожерелье с кусочками зеркала, – вернулась в его дом, чтобы окунуться в заботу и внимание того, с кем отчаянно хотела быть и от кого так же отчаянно хотела сбежать.

– А что знаешь? – спросила сыщица, нарушив поток чужих воспоминаний.

И Джемма не выдержала:

– Знаю, что люблю его, Олли. Как последняя дура, давно люблю, поняла это, еще когда Кларисса малышек под сердцем носила, и оттого я ощущала себя неблагодарной тварью. Но тогда он видел во мне подростка, а не женщину, и скрывать эти постыдные чувства в себе было проще. А потом сестра умерла... – Девушка невольно всхлипнула, но волю слезам не дала, тут же утерев глаза. – Это чувство, оно всегда... всегда было неправильным! Аморальным! Недопустимым! Понимаешь?

– Не-а, – облизав ложку, сказала рыжая. – Вот если бы ты меня так любила, это было бы неправильно, потому что мы обе девушки, хотя... всякое случается, – философски заключила она.

– Но он муж моей сестры! – Вскочив с места, Джемма принялась нервно расхаживать по комнате.

– Так не брат же, – дернула плечом рыжая, продолжая спокойно поглощать лакомство. –

И сестра уже шесть лет как того. Наверняка давно переродилась и живет теперь в каком-нибудь семействе маленькой девочкой с подчищенной памятью.

– Это я понимаю, но... Я ведь ношу фамилию Аттамс, люди знают, что я часть этой семьи.

– Так и прекрасно! Не надо будет менять медальон после свадьбы.

– Олли!

– Что? – скосила на нее глаза оборотень.

– А люди что скажут? Я же родная сестра его жены! Да и росла в его доме с малолетства. Он мне в отцы годится!

– Это вряд ли, – со знанием дела заявила сыщица. – Ен, конечно, парень хоть куда, но сомневаюсь, что он в четырнадцать лет успел кого-то зачать.

– Олли!

– Ты повторяешься.

– Олли, я не хочу портить ему репутацию, а наши отношения... они неправильные. – И совсем тихо ведьмочка закончила: – Так все говорят.

– Тебя так беспокоит чье-то мнение?

– Да! – Джемма резко остановилась, смяв пальцами передник. – Соседи этого не поймут, станут косо смотреть, презирать Этьена... его дело рухнет, мастерские перестанут приносить доход, и семья Аттамсов разорится. А девочки? Как это отразится на них? С ними никто не захочет дружить. И все из-за меня!

– Обалдеть! – восхищенно выдохнула Олли-о. – Ен прав, действительно знатный рассадник тараканов.

– Каких тараканов? – не поняла девушка.

– Больших и дрессированных, – сказала оса, вновь принимаясь за мед. – И я даже знаю, кто дрессировщик. Дьера Гангрена!

– Кто?

– Забудь, просто мысли вслух, – отмахнулась сыщица. – Продолжай, дорогая. С удовольствием послушаю о том, как ваша взаимная любовь приведет дьера оружейника, его потомков и вообще весь Готрэйм к неминуемому краху, – пафосно закончила она и, не сдержавшись, хихикнула.

– Олли-о! – укоризненно воскликнула ведьмочка.

– Двадцать шесть лет как Олли-о. Давай, не томи, что еще тебе добрые люди... вернее, мать Этьена напела?

– Дьера Ганн? – переспросила девушка, оставив в покое фартук.

– Ага, – отсалютовав ей банкой, в золотом содержимом которой была полуутоплена ложка, подтвердила оса.

– Думаешь, все не так ужасно, как она говорит? – Воодушевившись, Джемма снова села на стул.

– Уверена.

– И он меня действительно любит?

– А есть сомнения?

– Конечно же есть! – решив говорить начистоту, воскликнула ведьма. – Его матушка с подругой обсуждали скорую свадьбу Этьена с племянницей градоправителя. Да что там! Я сама их видела. И он ей так ласково улыбался, а меня даже не заметил.

– Уверена?

– Да! – в сердцах воскликнула ведьмочка, а потом гораздо тише добавила: – Нет. Не знаю. И ты... если ты его любишь, а он любит тебя, я не буду мешать...

– Джем-м-ма-а-а, – застонала Олли-о, понимая, что у нее начинает болеть от всего этого голова. Единственная и многострадальная, между прочим. – Послушай меня, свою подругу... мы ведь подруги?

Ведьмочка поспешно закивала, во все глаза глядя на оборотня.

– Так вот, милая. Любовь надо ценить, если она именно та, настоящая. За любовь надо бороться, наплевав на общественное мнение и прочую чушь. И добрая доля эгоизма в этом деле не помешает. В любви как на войне, понятно?

Джемма медленно качнула головой, не сказав ни слова, но решительный блеск ее зеленых глаз был весьма красноречив.

«А девочке, похоже, не хватало всего лишь одобрения», – с легкой грустью подумала рыжая, вслух же, улыбнувшись, сказала:

– Вот и умница. Слушай себя, свое сердце. Любишь – борись за собственное счастье. Не любишь – прекращай трепать нервы Этьену, дразня несбыточными надеждами. На его руку и сердце и так уже очередь. А Ганн Грэнну с ее доводами... в топку!

– Зачем так жестоко? – испугалась ведьма, сыщица же, пробурчав что-то на тему отсутствия чувства юмора у некоторых лиловых особ, рассмеялась.

Спустя несколько секунд заулыбалась и Джемма, глядя на заразительно хохочущую рыжеволосую голову, к которой теперь прилагались плечи и целая рука с бледным полосатым окрасом, сохранившимся после превращения осинового роя в часть человеческого тела. Хотя какое же оно человеческое, если умудряется говорить и дышать в отсутствие легких и лопать десерты без участия желудка. Одно слово – оборотень! Странное существо, так похожее на обычную девушку. Вернее, не обычную, а самую лучшую. Именно так думала ведьмочка о своей подруге, которую неплохо было бы причесать, чем она и занялась после медового завтрака.

– До чего же приятно бездельничать, – призналась Олли-о. – А ведь у меня еще пара невыполненных заказов висит, – пожаловалась на жизнь она. – Придется обернуться и слетать по делам после обеда. Ты же тут без меня не вляпаешься ни в какую историю?

– Тебе нельзя! – строго сказала ведьмочка. – Акеллар говорил...

– Акеллар твой за меня работу не сделает.

– А может, я чем-то могу помочь? – продолжая осторожно разбирать гребнем ее спутанные пряди, предложила девушка.

– Ну, если у тебя есть знакомая лиловая ведьма с необычным родимым пятном, то да.

– Не знаю даже, – пожала плечами Джемма. – У Юны... Юноны Рис, которая училась на моем потоке, была очаровательная родинка в виде сердечка над губой. А у Женевьевы на ноге, но она ее свела.

– Как это све... ай! Полегче с волосами!

– Не дергайся, и не будет больно, – посоветовала Джемма. – А свести родинку просто.

Покупается дорогой, но очень эффективный настой у зеленых магов и пару месяцев наносится на нужное место. Результат – чистая кожа. – На губах ее заиграла довольная улыбка. – Я сама ей зелье посоветовала. Проверенное.

– Угу, – отозвалась сыщица, мысленно прикидывая, как и где будет искать эту самую Женевьеву, когда до нее наконец дошел смысл сказанного подругой. – Что значит «проверенное»? – насторожилась она.

– Ну, я тоже родимое пятно сводила с бедра, когда училась, – смущенно призналась ведьмочка. – Оно было... – Она замялась.

– Какое оно было? – затаив дыхание проговорила Олли-о.

– Такое же, как у сестры! – с неосознанной досадой выпалила Джемма. – И волосы я подстригла, чтобы меньше походить на нее, и даже на курсы изменения походки пошла. Но мы... все равно с ней как две капли похожи, – грустно вздохнула девушка. – И даже родинки эти, как насмешка судьбы, были в виде капель.

– Я знала Клариссу. Вы совершенно разные, – серьезно сказала оса, задумчиво изучая подругу... и ее прикрытые платьем бедра. – Если не веришь мне, спроси у Этьена, он подтвердит.

Несколько часов спустя

Наложив пару штрихов иллюзии, лишь слегка изменившей лицо, Джемма принялась одеваться для похода в лавку. Работники «Последнего цветка», знавшие ее под именем дьеры Истри – дальней родственницы хозяина, которую тот якобы выписал из маленького городка на континенте, чтобы помогала ему по дому, на частую смену внешности смотрели с пониманием: ведь любой лиловой ведьме надо практиковаться, и желательно не только на трупах. Сама же Джемма после того, как на пороге ПБ появился Этьен Аттамс, решила и вовсе отказаться от маски «бледной моли», выбрав для частого использования образ, близкий к ее настоящей внешности. Во-первых, проще наводить чары, а во-вторых, ведьмочке хотелось быть узнаваемой. По крайней мере некоторыми.

Собираясь на торговую улицу, она крутилась перед зеркалом, то заправляя каштановые локоны под красную шляпку, то снова рассыпая их по плечам. Невольно поправляла ожерелье на шее, в

зеркальных осколках которого играли все цвета радуги, и довольно улыбалась собственному отражению. Иллюзия не столько изменила черты ее лица, сколько убрала темные круги под глазами и нездоровую бледность кожи – результат переутомления. Закончив прихорашиваться, Джемма надела плащ и, не став его застегивать, так как на улице снова потеплело, отправилась за покупками. Помимо кое-каких продуктов требовалось приобрести еще пару коробок гвоздей и набор траурных лент, из которых нанятые мастерицы приноровились делать премильные розочки.

Выйдя из похоронного бюро с корзинкой наперевес, ведьма столкнулась на крыльце с тем, кого меньше всего ожидала увидеть. Радостное настроение начало стремительно таять, стоило девушке посмотреть на мрачное лицо дьеры Ганн. Мать Этьена мало того что явилась собственной персоной в новое место обитания своей «покойной» родственницы, так еще и точно по ее душу, потому что продолжала стоять напротив Джеммы, преградив ей путь, и сверлить ее колючим взглядом. Узнала... все же идея с минимумом иллюзии была не так и хороша.

– Добрый день, уважаемая дьера, – сглотнув, поприветствовала визитершу ведьмочка.

– Недобрый, дорогая, – не сводя с девушки тяжелого взгляда, ответила Грэнна. – Совершенно недобрый. И ты знаешь-ш-шь почему, – прошипела она, понизив голос и чуть наклонившись к собеседнице, только сейчас заметившей, что возле экипажа, украшенного гербом Готтрэйма, стоит, скрестив на груди руки, рыжеволосый мужчина – тот самый, с которым Джемма столкнулась у дома дьеры Ганн и в котором, когда смогла наконец мыслить спокойно, признала самого градоправителя.

– Что-то случилось? – так же шепотом поинтересовалась ведьма, чувствуя неприятности.

– Будто ты не в курсе! – высокомерно усмехнулась гостья.

Джемма пожала плечами, всем видом демонстрируя, что понятия не имеет, о чем речь.

– Надеюсь, с Анни и Энни все в порядке? – на всякий случай уточнила она.

– Конечно же нет! – Пользуясь преимуществом высокого роста, Грэнна нависала над своей хрупкой собеседницей, словно коршун над добычей. Заметив испуг на лице девушки, она вдохновенно продолжила: – Девочки брошены одни, отец ими не занимается. Вместо этого он торчит в новой мастерской, чтобы быть ближе к тебе.

– Вы не правы... – попыталась протестовать Джемма, но дьера Ганн не дала ей закончить фразу.

– Именно к тебе, не лги мне! Я прекрасно знаю своего сына. Пока он думал, что ты мертва, – пил не просыхая и сидел дома. Как понял, что твоя смерть была разыграна, резко преобразился и начал рыскать по городу, а когда нашел тебя – перебрался поближе.

– Он просто открыл новую мастерскую, – пользуясь тем, что даже Грэнне требуется иногда делать вдохи и выдохи, вставила ведьмочка.

– И ты по странной случайности знаешь, где именно, – натянуто улыбнулась женщина, укоризненно глядя на собеседницу. – Майла, мы ведь это уже обс-с-суждали, – вновь начала шипеть она. – Ты не пара ему. Хочешь сломать вам обоим жизнь?

– Вовсе нет! – мотнула головой ведьма.

– Тогда зачем ломаешь? – Длинные тонкие пальцы, украшенные дорогими перстнями, сжали плечи ведьмочки. – Ты для него всего лишь блажь. Ваше с сестрой сходство – это единственное, что его привлекает. И не потому, что он сильно любил Клариссу. – Дьера Ганн с удовольствием отметила, что девушка нервно кусает губы. Убедить девчонку в том, с чем она и так согласна, всегда было несложно. – А потому, что хочет вернуть дочкам мать, пусть и таким странным способом. Сам же, получив желаемое, найдет себе любовницу на стороне. А ты будешь сидеть дома, как клуша, и растить девочек. Тебе это надо, Майла? – предвидя близость победы, с показным сочувствием поинтересовалась гостья.

– Мне? – Девушка растерянно оглянулась на плотно закрытые двери похоронного бюро, неосознанно коснулась висящего на шее ожерелья и, перестав хмуриться, улыбнулась. – Мне надо!

– Майла-а-а?! – больше от удивления, нежели от возмущения взывала Грэнна.

– Я Джемма, уважаемая дьера Ганн, – продолжая так же светло и искренне улыбаться, поправила ее ведьмочка. – Джемма Истри, троюродная племянница дьера Дорэ. И, простите, но мне уже пора за покупками. – Она попыталась обойти долговязое препятствие в длинном черном пальто, но женщина удержала ее.

– Я пыталась быть доброй, – процедила она, склонившись к ведьмочке так, чтобы их больше никто не слышал. – Хотела дать тебе шанс на новую жизнь, заплатила храму и устроила фальшивые похороны...

– За что вам огромное спасибо, дьера, – в тон ей ответила ведьма. – Как только заработаю, непременно верну деньги и за храм, и те, которые вы одолжили на развитие нашего с Гардом дела.

– Какого еще дела? – не поняла гостя, чем окончательно убедила Джемму, что загадочная подпись «Э» и девичья фамилия Грэнны – вовсе не одно и то же.

– Семейного! – чувствуя странный подъем настроения, ответила ведьмочка. – Я же троюродная...

– Заткнись, – прервала визитерша ее попытку повторить байку о выдуманном родстве. – Ты не Джемма Истри. Ты никто, понятно? Просто девка с лиловым даром, обманом прижившаяся здесь. Без медальона, без фамилии и имени. Потому что Джимджеммайла Аттамс для всех мертва, а эта никому неизвестная Истри если и существует, то точно не живет здесь. И как думаешь, что скажет почтенный дьер Дорэ, когда узнает, что ты солгала ему, представившись родственницей, которую он никогда не видел?

Злые серые глаза смотрели в не менее злые зеленые, и это дьере Ганн совершенно не нравилось. Получать отпор от той, что всегда прислушивалась к ее словам, было странно и неприятно, а еще очень досадно. Настолько досадно, что знаменитый самоконтроль светской львицы трещал по швам, а искренние эмоции проступали сквозь привычную маску хладнокровия. Все шло не по плану. Девчонка после прочтения письма, где говорилось, что она не родная сестра Клариссы, давно должна была явиться с вопросами, на которые уже были заготовлены побуждающие к поискам настоящей семьи ответы. И наконец-то убраться из города. Но малолетняя пигалица мало того что продолжала жить в Готрэйме и работать в этом дурацком похоронном бюро, она еще и вознамерилась заполучить Этьена! И это сейчас, когда умница и красавица Жаннин проявила благосклонность к великовозрастному идиоту по фамилии Аттамс. Ну уж нет, проще удавить мерзавку Майлу и ночью похоронить в уже оформленной могилке, чем позволить ей...

– Дьер Дорэ скажет, чтобы я шла за гвоздями, – оборвала поток ее гневных мыслей лиловая выскочка. – И будет совершенно прав, – решительно отцепив пальцы Грэнны от своих плеч, проговорила девушка. – Простите, – отступив на шаг, вздохнула она, – но не вам решать за дьера гробовщика. Да и за дьера оружейника тоже! – выпалила Джемма и, не оборачиваясь, зашагала прочь по улице.

– У вашего сына хороший вкус, дорогая Грэнна, – подходя к невесте, с улыбкой сказал Вэйдмар Эсми.

– А еще у моего сына нет мозгов, – глядя вслед быстро удаляющейся ведьме, добавила женщина, кутаясь в длинное пальто.

– В таком случае можем предложить закрытый гроб, – вежливо произнес хозяин «Последнего цветка», выходя им навстречу. – Ну-с, дьеры? Где покойник? – невозмутимо спросил он, переводя взгляд с мрачного лица знакомой по ведьминым похоронам женщины на довольную физиономию ее рыжеволосого спутника.

И все бы ничего, вот только части этой самой физиономии подозрительно мерцали, как и руки, поглаживающие металлическую пластину с пульсирующим на ней лиловым цветком, и глаза, внимательно смотрящие на Дорэ. Цепкий взгляд, холодный... другой на месте гробовщика непременно бы вздрогнул. Но Эдгард Хладнокровный лишь вежливо поздоровался с лжеградоправителем.

– Какой покойник? – хмурясь еще сильнее (хотя, казалось бы, куда уж больше?) спросила дьера Ганн.

– Ну так сын ваш, который без головы, – пряча под манжетой сделанный Джеммой браслет, ответил гробовщик. – Хороним завтра? Послезавтра?

– Что за чушь? Жив мой сын, слава Марне! – возмутилась дьера.

– Без мозгов? – ужаснулся Эдгард.

– И такое бывает, – ухмыльнулся рыжий.

– Какой ужас! Безмозглый в семье! – воскликнул дьер Дорэ и, доверительно понизив голос, предложил: – Рекомендую все же закопать. Сделаю скидку.

– Да чтоб вас жнецы утащили! – процедила сквозь зубы женщина и, резко развернувшись, пошла к карете, бросив на ходу: – Причем всех!

Дьер Дорэ равнодушно пожал плечами, а Вэйдмар Эсми, вернув ему приветствие вкупе с прощанием, сунул в руку мужчины скрепленный магической печатью конверт и тихо попросил: – Будьте так любезны, уважаемый, передайте это письмо Джемме Истри... лично.

И снова гробовщик пожал плечами, едва заметно поморщившись, так как роль посыльного ему претила. Впрочем, любопытство оказалось сильнее недовольства. Узнать, что хочет «градоправитель» от его ведьмы, было почти так же интересно, как и встретиться с человеком, чью личину сейчас носила Варфаламея.

На торговой улице

Джемма шла торопливо, едва не срываясь на бег. Слова Грэнны всколыхнули старые сомнения, уснувшие после утреннего разговора с Олли-о. Но вместо того чтобы спрятаться от всего мира в темной комнате и заняться самобичеванием, как это бывало раньше, девушке хотелось действий. Встреча с дьерой Ганн превратила хрупкое равновесие, царившее в душе ведьмы, в какой-то дикий хаос, добавив ей несвойственной смелости вперемешку с сумасбродством, подтолкнувшими Джемму к поступку, на который она еще вчера бы не отважилась.

Сейчас же ведьмочка направилась вовсе не в лавку дьера Джи, она понеслась туда, где, по словам сыщицы, располагалась новая мастерская под вывеской «Аттамс». И не важно, что, судя по списку в корзине, помощнице гробовщика туда совершенно не было нужно, что этот странный маршрут отвлекал ее от запланированных покупок и мог вызвать недовольство хозяина ПБ. Единственное, что на данный момент имело смысл, – Этьен. Ей просто жизненно необходимо было его увидеть, поговорить... выяснить, что он действительно к ней чувствует, чтобы понять: стоит ли бороться? Несмотря на страх быть отвергнутой, Джемма продолжала уверенно шагать в сторону видневшейся вдали витрины с красивой серебристо-черной надписью. Но чем ближе девушка подходила к мастерской, тем менее уверенной она становилась.

И без того подрагивающие пальцы начали трястись сильнее, и ведьме пришлось добела их сжать на спасительной ручке корзинки. На виске выступила капелька пота, и девушке почему-то стало очень жарко, несмотря на расстегнутый плащ и прохладный ветерок, трепавший ее волосы. Каждый новый шаг давался с трудом, и в конце концов Джемма просто остановилась, переводя взгляд с витрины с коллекцией лучшего в городе оружия на отделанную металлом дверь с висащим над ней колокольчиком. Всего-то один рывок на вдохе... подойти, протянуть руку и позвонить. Но как это сделать, когда ноги словно приросли к каменным плитам тротуара, в висках стучит, а в глазах темнеет, и очень хочется прислониться к чему-нибудь плечом, чтобы позорно не упасть в обморок посреди торговой улицы? Зажмурившись, ведьмочка принялась мысленно уговаривать себя воскресить ту шальную смелость, которая кипела в ней недавно. Но все было тщетно.

Внутренний голос предательски нашептывал, что дьер оружейник, вероятно, отдыхает после бессонной ночи в своем особняке, а вовсе не торчит в мастерской, на двери которой еще даже нет таблички «Открыто». И вся эта затея с выяснением отношений – полнейшая глупость. И то, что Этьена здесь нет, даже к лучшему, потому что она, Джемма, не выставит себя полной дурой, явившись к нему с идиотскими вопросами. К тому же его мать наверняка права, а Олли-о ошибается. Он ведь сказал, что хочет быть другом, чтобы не лишать близняшек возможности общаться с тетей... Не в силах справиться с накатившей робостью, ведьмочка досадливо закусил губу и, вздохнув, развернулась, чтобы уйти, но вместо этого едва не уткнулась носом в грудь стоящего за ее спиной мужчины, отшатнулась и уставилась на дьера оружейника, державшего в руках пакет с эмблемой ближайшей пряничной.

– Ну что же ты, трусишка, – мягко поддел он, глядя сверху вниз на бледное личико под красной шляпкой, на тонкую шею с подаренным им ожерельем, на высоко вздымающуюся девичью грудь. – Ты так спешила сюда, что я еле поспевал за тобой, а зайти испугалась. Не бойся, Майла, людоедов в моей мастерской нет, а вот чай со свежей выпечкой гарантирую, – заверил

он, продолжая неотрывно смотреть на ведьмочку. Усталый, слегка растрепанный, такой красивый... и родной.

Глубоко вздохнув, девушка решилась:

– Майлы больше нет! – сказала она твердо, ставя на землю корзину и сокращая одним решительным шагом и без того небольшое расстояние между ними. – Я Джемма Истри, – не дав ему больше сказать ни слова, она обняла оружейника за шею, вынуждая его склониться, и впилась в губы поцелуем. Неожиданным, неумелым, но до безумия сладким.

Пакет с пряниками с тихим шорохом упал, освободив руки Этьена, и ведьме сразу же стало по-хорошему тесно в крепких объятиях любимого мужчины. Город жил своей жизнью: галдели птицы, гуляли люди, шныряли между домами крылатые почтовики... но эти двое ничего не замечали вокруг, увлеченные лишь друг другом.

Тем же днем в СБ дьеры Сомс

Короткий стук в дверь отвлек небольшой осиный рой от метания по тускло освещенной комнате. Все же стоило просто написать записку этому заинтересованному в лиловых ведьмах дьеру, а не являться на ранее назначенную встречу. Обратней и так народ побаивается, зачем же пугать человека еще больше, демонстрируя ему свой внешний недокомплект? И все же Олли-о рискнула. Перевоплощение заняло секунды, после чего сыщица устроилась на сложенных на кресле подушках, прикрыла плотной накидкой перьевой заменитель тела и громко крикнула:

– Войдите!

Глазам посетителя, которых было почти не видно из-под полей низко надвинутой шляпы, предстало обыденное зрелище – хозяйка сысского бюро чинно восседала за столом и вертела в руке лупу. Вот только девушка зачем-то набросила на плечи плащ, словно собиралась уходить или только-только зашла в помещение, а ее запястье и локоть, видневшиеся среди складок темной ткани, были обнажены.

В голову мужчины закралось подозрение, что рыжеволосая сыщица накинула верхнюю одежду прямо на голое тело. Может быть, он оторвал ее от жаркого общения с любовником или... учитывая, что встреча была назначена именно ему, столь соблазнительный вид этой очаровательной особы тоже для него? Несмотря на прохладу, царившую в комнате, посетителю стало жарко, и он, не отдавая себе отчета, начал медленно разматывать шарф, скрывавший его лицо до самого носа.

– Доброго вечера, дьер Дэгор, – поприветствовала гостя оборотень, с интересом его разглядывая. Все тот же гладко выбритый подбородок и довольно крупный рот, красивые очертания которого она отметила еще в кондитерской. А он ничего, только скрытый уж очень, да и возраст с ходу не определишь. При такой внешности и доступности услуг лиловых кудесников этому мужчине могло быть как тридцать, так и сорок лет, если не все пятьдесят, но Олли-о почему-то хотелось верить в естественный вид визитера.

– Добрый! – прокашлявшись, словно был слегка простужен, отозвался он. Не дожидаясь приглашения, мужчина придвинул второе кресло к столу и сел. – Чем вы меня порадуете, дьера Сомс? – Вопрос был закономерен и понятен, но смотрел мужчина, задавая его, вовсе не в медовые глаза сыщицы, а несколько ниже ее шеи – туда, где ткань плаща провокационно обрисовывала округлые девичьи формы. На воссоздание всего тела Олли-о пока была не способна, но благодаря щедрой кормежке Джеммы ее молодого роя уже вполне хватало не только на голову и верхние конечности, но и на бюст.

Шляпа, приземлившаяся на столешницу рядом с отложенной дьерой лупой, больше не скрывала ни слегка вьющихся каштановых волос гостя, ни тонкого породистого носа, ни яркой зелени колдовских радужек. И в душу сыщицы тоже стало закрадываться подозрение, вот только, в отличие от мыслей дьера Дэгора, совсем неприятное.

– Увы, порадовать вас мне нечем, – делано вздохнув, повинилась Олли-о. – Вынуждена признать, что поиски вашей ведьмы, – она выделила интонацией слово «вашей», – не увенчались успехом.

– В самом деле? – облокотившись на стол и тем самым еще больше приблизившись к собеседнице, произнес наниматель.

– Именно! – уверенно сказала хозяйка СБ. – Могу вас заверить, дьер Дэгор...

– Кайнар, – поправил он.

– Что, простите? – не поняла Олли-о.

– Зовите меня Кайнар, милейшая дьера Сомс. – Заказчик не сводил с нее пристального взгляда, и обычно уверенной в себе осе стало как-то неуютно. Было бы тело в наличии, она бы не нервничала, но тела-то не было...

– Раз наше с вами сотрудничество подошло к концу, дьер Дэгор, не думаю, что стоит знакомиться ближе, – как можно прохладней проговорила рыжая, в свою очередь откинувшись на спинку кресла, чтобы быть подальше от посетителя, который начинал изрядно ее раздражать. – В Готрэйме нет ни одной лиловой ведьмы с описанной вами приметой. К тому же вы не назвали возраст...

– Она молодая.

– Молодых нет!

– А пожилых? Лиловые маги, знаете ли, такие затейники, – улыбнулся визитер, как бы невзначай поглаживая золотистую лупу, рядом с которой лежала правая кисть сыщицы. И мимолетное прикосновение мужских пальцев к ее коже вряд ли было случайным. Вздвогнув, Олли-о спрятала руку в складках спасительного плаща.

– И пожилых нет, – довольно резко ответила оборотень. – А зачем вам вообще нужна эта ведьма? – спросила, старательно делая вид, что ответ ее не сильно интересует.

– Секрет. – Его красивые губы снова растянулись в улыбке. Обольстительно-загадочной... как и сам дьер Дэгор. – Но если вы, Олли-о, – он назвал ее по имени, глядя в глаза, словно бросал тем самым вызов, который она, не моргнув, приняла, – перестанете пытаться отделаться от меня и моего заказа, я, так и быть, расскажу вам... – Его взгляд скользнул по ее плотно сжатым губам, чуть вздернутому подбородку и снова остановился на притягательных полушариях высокой груди, – про ведьму.

– Не думаю, что это поможет, – стараясь придушить разыгравшееся любопытство, сухо ответила сыщица. – Нельзя найти то, чего тут нет. А вашей ведьмы...

– Я уже слышал, не стоит повторяться, – перебил ее наглый дьер, чье лицо все больше казалось осе знакомым. Не зря он раньше так старательно прятал его под тенью своей шляпы и высоко намотанным шарфом.

Нет, странного нанимателя до встречи в бюро она раньше не видела, это точно. Зато была знакома с одной милой ведьмочкой с такими же колдовскими глазищами в обрамлении пушистых ресниц и волнистыми каштановыми волосами. Конечно, Кайнар Дэгор мог находиться под лиловой иллюзией или просто обладать случайным сходством с Джеммой, но Олли-о не привыкла верить в случайности.

Если таинственный тип ищет молодую ведьму с характерной родинкой на правом бедре, и сам внешне похож на искомую особу, значит, это не что иное, как привет из ее прошлого. Родственник или тот, кто хочет так выглядеть, не важно! Зато важно то, что вторжение зеленоглазого дьера в жизнь Джеммы, даже если он намерен сообщить ей о привалившем наследстве, может поломать все планы Этьену и его пугливой глупышке, которая только-только начала осознавать чего (а главное, кого!) она по-настоящему хочет. Вывод? К чирташу таких «родственников»! Вот разберутся эти двое, поженятся наконец, а там пусть и всплывают всякие Дэгоры на их семейном горизонте.

– Что ж, тогда, думаю, вопрос исчерпан, – натянуто улыбнулась оса, всем своим видом давая понять, что больше не задерживает гостя. Он же продолжал сидеть напротив, вертел в руке лупу и поглядывал на нее так, словно хотел съесть.

Проклятье! Стоило все же отделаться от него письменным отказом от дальнейшей работы в связи с отсутствием искомого объекта, а не устраивать эту встречу при тусклом освещении. Словно в подтверждение ее мыслей, Кайнар снова подался вперед, навис над письменным столом и с придыханием произнес:

– Но, учитывая плачевные результаты вашего поиска, вы ведь не откажете мне... в свидании, Олли-о?

– Дьера Сомс!

– Дьера Олли-о Сомс, – с улыбкой исправился гость, а она лишь криво усмехнулась, решив сменить тактику. Раз ледышка его только больше привлекает, стоит стать развязной хамкой и сделать то, что так хочется – съездить по этой холеной физиономии с такими красивыми зелеными глазами или лучше прищемить ему... что-нибудь. – Злость вам к лицу.

– Правда? – Светло-карие глаза сыщицы хищно сверкнули.

– Да, – шепнул Дэгор, накрывая ее левую ладонь своей. – Люблю девушек с характером. Горячие пальцы чуть сжали холодные девичьи. Ее ногти царапнули стол, дыхание мужчины участилось. Она попыталась отдернуть руку, он не дал. И терпение осы лопнуло, взорвавшись сотней угрожающе жужжащих насекомых. Плащ, хищно взмахнув черными полами, взмыл, а вместе с ним в воздух поднялась рыжеволосая голова и зависла, мрачно улыбаясь.

– Любите, значит? – зловеще уточнила она, глядя сверху вниз на вжавшегося в спинку кресла визитера. – И как любиться будем? – подлетела ближе, демонстрируя темноту под накидкой, которая... колыхалась, шевелилась и жужжала, давая понять, что там вовсе не пусто. – Могу предложить несколько вариантов. В соседней комнате есть...

– Прекратите, дьера Сомс. – К чести визитера, его голос не дрогнул. Только темные брови съехались на переносице, которую вскоре скрыла тень от надетой на голову шляпы. – Я все понял.

– Поняли? – отлетев за кресло и зависнув там темным силуэтом, переспросила очень злая девушка-оборотень. – Неужели?! А я уже настроилась на жаркую секс-минутку в спальне...

– Не стоит перегибать палку, дьера, – холодно проговорил он, поднимаясь. – А то ведь я могу и согласиться, несмотря на ваш неполный комплект.

– И осы не пугают? – прищурилась рыжая.

– Тот, кто боится ос, не стал бы предлагать свидание одной из них, – криво усмехнулся он. – И да, предложение по-прежнему в силе. Как восстановитесь, буду рад увидеться снова.

– Разве вы не покинете город? – наигранно удивилась Олли-о.

– Вряд ли.

– Но вашей ведьмы тут...

– Она здесь, – оgoroшил сыщицу наниматель. – И мне ее непременно найдут. А когда это случится, я вас познакомлю, – наслаждаясь тем, как побледнело ее лицо, сказал Кайнар.

– Что ж, – пожала плечами парящая в воздухе сыщица. – Если найдете ее в Готрэйме, верну ваш задаток и пойду с вами на свидание! – пообещала она, стараясь доказать тем самым, что полностью уверена в отсутствии обсуждаемой персоны на территории Готрэйма.

– Договорились! – Белые зубы мужчины блеснули в ухмылке. – До встречи, Олли-о, – сказал он и, резко развернувшись на каблучках, ушел.

– Надеюсь, не до скорой, – мрачно пробормотала оборотень, опускаясь на подушки. – Вот же не было печали! И какого чирташа тебе надо от нашей ведьмочки, Кайнар Дэгор?

Вечером возле душевного корпуса

Рыжий закат окрасил крыши домов на западном берегу реки, добавил золотых бликов темной воде и ярче зажег пестрый костер осенних крон. Вечер был теплый, а редкие тучи, медленно плывущие по небу, еще не созрели для дождя. Самое время для прогулки идущей на поправку пациентки! Она сидела на деревянной скамье и мерно поглаживала спину большого белого кота, уютно устроившегося на ее коленях. Глаза зверя щурились от удовольствия, искрсясь голубым светом, а «хрустальные» рожки ловили закатные всполохи. Крем тихо урчал, изредка помахивая пушистым хвостом, а девушка чуть заметно улыбалась, глядя на раскинувшуюся за оградой набережную. Ей было хорошо.

Сидящий рядом с этой парочкой лекарь и сам готов был замурлыкать, наблюдая, как на глазах оживает пациентка, сумевшая противостоять странной болезни, поражающей горожанок в последние месяцы. Эта дьера была первой, кому удалось выжить. И Леар искренне радовался их с Кремом победе. Признаться, после визита нэра Городских Гончих, сильно напугавшего несчастную, лекарь всерьез беспокоился за здоровье своей чудом спасенной подопечной. Но ухудшение ее самочувствия, к счастью, оказалось временным: спустя несколько часов больная

снова почувствовала интерес к жизни, а на бледном лице ее начали проступать эмоции. И довольный положительной динамикой целитель разрешил ей прогулку. Они сидели так уже полчаса, наслаждаясь теплым осенним вечером, когда умиротворенное состояние девушки вдруг резко изменилось. Сжавшись, она затряслась, словно от холода, впилая пальцами в белоснежную шерсть кота и испуганно уставилась на аллею, прекрасно видимую сквозь ажурную вязь ограды. Там было что-то страшное для нее. Но этого чего-то, увы, не узрел дьер Леар, внимательно изучавший набережную. Крем тихо зашипел, намекая, что ему не комфортно, а лекарь принялся бормотать успокаивающие слова, чуть поглаживая по плечу пациентку и предлагая ей вернуться в палату. Девушка не возражала, желая спрятаться за толстыми стенами душевного корпуса, которые сулили ей безопасность. Уводя подопечную, целитель задержался в дверях, чтобы в последний раз окинуть задумчивым взглядом аллею, но так и не понял, в ком – или в чем – причина странной смены настроения его пациентки. Вдоль реки прогуливались несколько парочек, куда-то спешил пожилой дьер с тонкой тростью, о чем-то увлеченно беседовали две старушки в смешных шляпках... и, совершенно не глядя в сторону лечебницы, в направлении жилого квартала энергично шагала молодая лиловая ведьма с черными как смоль волосами.

Глава 15

В комнате ведьмы

Джемма собиралась на свидание, без конца вертась перед настольным зеркалом с отбитыми уголками. Рассмотреть свое отражение целиком в нем было невозможно, девушке то и дело приходилось отступать на несколько шагов, чтобы увидеть себя по пояс, и снова возвращаться, дабы не упустить подробности. Решала она ну о-о-очень сложный и по-настоящему важный вопрос: что надеть на встречу с мужчиной, для которого хочется быть самой красивой на свете? Все недавно купленные наряды казались неподходящими, а ведь еще вчера она считала их практически идеальными.

«Что же все-таки выбрать... что? – вертелось в голове Джеммы, без конца примерявшей развешанный по комнате гардероб. – Лиловое платье с черным кружевом и того же цвета корсет или черное платье с лиловой отделкой и в тон ей приталенный жилет? Да и с волосами как поступить – непонятно! Уложить локоны в высокую прическу или оставить распущенными? А может, лучше закрепить заколками пряди на висках, а остальное не трогать? Или плюнуть на все и нахлобучить на голову остроконечную шляпу с сине-фиолетовой лентой, которая отлично гармонирует с полосатыми чулками? А если...»

– Джемма-а-а, – простила лежащая на диване сыщица, которую от ведьмочкиной беготни по небольшой чердачной комнате уже поташнивало. Или это из-за третьей банки клубничного варенья?

– Что? Плохо? – встревожилась девушка, комкая в руках свою парадно-выходную шляпу.

– Хорошо! – уверенно кивнула Олли-о. – Но пора бы уже и определиться. А то до иллюзии у тебя так руки и не дойдут. Ты же не хочешь опоздать на спектакль или пойти туда в образе недавно усопшей Джимджеммайлы Аттамс? – с нажимом поинтересовалась она.

Нервно закусив губу, ведьма энергично замотала головой и еще сильнее стиснула несчастный головной убор. Так скоро воскресать в глазах общественности она не планировала. Потом, к слову, тоже этого делать не собиралась. Ее вполне устраивала роль вымышленной племянницы дьера Дорэ, на которую тот, поворчав, дал свое согласие, как устраивал и сам гробовщик в качестве хозяина похоронного бюро, где девушка надеялась продолжать работать и дальше, и троюродного дяди.

– Выбор – это не всегда благо, – вздохнув, проворчала рыжая и, подцепив со спинки стула отделанный серебристой нитью корсет, бросила его подруге. – Это надень, тебе идет.

– А платье?

– То, которое на тебе, – уверенно заявила оса, оценивая изучая черный наряд с ненавязчивым лиловым узором по краю подола и соблазнительного декольте. – Отличный вариант!

– А чулки? Оставить эти? – уточнила Джемма, глядя на свои полосатые колени.

– Нет. Снимай их! Нужны другие.

– Но... – И без того раскрасневшееся лицо ведьмочки расцвело новыми красками. – У меня нет других, – перейдя на шепот, призналась она. – Я купила только три пары таких.

– Трагедия, – притворно вздохнула сыщица, убирая на стул ополовиненную банку. – И что же нам делать?

– Надеть лиловое платье и шляпу? – с надеждой глядя на подругу, предложила девушка.

– Нет, – поморщилась Олли-о. – Ты в театр идешь или на шабаш?

– Я... – Зеркало отразило пунцовое лицо Джеммы и той же раскраски ушки, кончики которых виднелись среди ее пышных каштановых волос. – В театр... иду, – сглотнув, ответила она, опустила ресницы и отвернулась к приоткрытому окну, за которым сгустились сумерки. От него веяло прохладой, и это немного остудило ее пылающую кожу. Джемма была смущена, взволнована и растеряна одновременно. Все верно, после сумасшедших поцелуев на улице и недолгой, но такой приятной прогулки по торговым рядам Этьен пригласил ее зайти в свою мастерскую на чай, но девушка, помня, что в ПБ ждут не только ее, но и гвозди, с сожалением отказалась. Зато с радостью согласилась пойти с дьером оружейником вечером на музыкальную комедию, главную роль в которой играла городская прима. Вот только посмотреть постановку им предстояло, сидя в темной ложе, вход в которую закрывается на ключ. И пусть ложа пятиместная, Аттамс выкупил ее целиком, значит, сегодня там будут лишь они вдвоем. А еще громкая музыка, звучащая со сцены, и темнота, способная скрыть все что угодно: от позорного сна «ценителей» искусства до... жарких объятий влюбленных парочек. От предвкушения и страха у ведьмочки в бешеном стуке заходило сердце, а лицо без конца краснело, предательски выдавая ее далекие от невинности мысли. Ведь губы по-прежнему помнили жаркие поцелуи, которые безумно хотелось повторить.

Ох, Марна! Как же она решилась на это?! Среди бела дня, на кишащей народом улице, где любой случайный прохожий мог оказаться старым знакомым. А ведь иллюзия Джеммы не отличалась проработкой, и со стороны ее легко можно было спутать с прежней Майлой. Но это лишь разжигало странный азарт в молоденькой ведьме. Будто она шагнула за черту, приняв сложное решение, и все стало таким простым, понятным и к тому же очень приятным. Не важно, что на них глазели, кто-то отпускал веселые шуточки, а кто-то осуждающе цокал языком... Пусть видят, что они с Этьеном вместе! Видят и завидуют их счастью.

– В сумке моей возьми. – Сказанные будничным тоном слова разрушили очарование воспоминаний Джеммы.

– Что? – словно очнувшись, тряхнула волосами она.

– Сумку видишь? – указав взглядом в сторону ширмы, спросила Олли-о. – Ту, с которой я пришла, то есть меня принесли... ну ты поняла.

Ведьмочка кивнула. Как оборотень вернулась сегодня в дом после встречи с одним из своих заказчиков, она помнила прекрасно. Особенно ей запало в память белое словно мел лицо курьера, вокруг которого кружил рой полосатых ос. Счастье, что дьера гробовщика к тому времени уже не было в конторе, а то выгнал бы он эту рыжую страдальцу взашей, заподозрив, что она решила перебраться к нему с вещами.

– Открой ее и найди там сверток с чулками. К черному платью должны подойти, – сложив на недавно восстановленной груди руки, сказала сыщица.

Чулки действительно подошли, когда Джемма, совладав с приступом всепоглощающего восторга, наконец их надела. Это была та самая жутко дорогая пара, на которую она как-то любовалась в витрине. Черные, тонкие, будто шелковая паутинка, невесомые и нежные. Кружевные резинки лилового цвета плотно обхватывали бедра, прячась в складках короткого платья, а причудливая вязь изящного узора спускалась до самых щиколоток. Последним штрихом стали туфли на высоком каблучке и... шляпа.

– Сними, она не подходит, – пряча улыбку, посоветовала сыщица, и ведьма послушно стянула с головы забракованный осой колпак. – Про лицо не забудь, – напомнила рыжая, с удовольствием разглядывая метнувшуюся к зеркалу подругу.

Аттамс будет очарован. Впрочем, он будет очарован, даже если Майла явится к нему в лохмотьях нищенки. И все же хороша девка! Благодаря парочке летучих стражниц, которые не выпускали из виду ведьмочку, оборотень прекрасно знала о грядущем свидании своих лучших друзей и, несмотря на излишнюю нервозность, вызванную общением с Дэгором, нашла в себе силы как следует подготовиться. Ведь как чувствовала, что Джемме чего-нибудь будет не хватать в самый ответственный момент, а Этьен, конечно, не сообразит подарить ей недостающее. И слава богам, что этой вещью оказались всего лишь чулки!

– Ну как? – повернувшись к подруге, спросила девушка.

Выглядела она изумительно: хрупкая, изящная, черно-серебристая бабочка, готовая вот-вот взлететь, расправив свои прекрасные крылья с лиловыми вкраплениями. Неуловимо изменившиеся черты побледневшего под действием иллюзии лица и черный контур вокруг загадочно мерцающих зеленых глаз добавляли ведьме шарма. Майла Аттамс действительно превратилась в Джемму Истри, которая лишь напоминала себя прежнюю. И ведьмочке, как прекрасно видела сыщица, это нравилось. Она активно вживалась в выбранную роль, позволившую ей отринуть сомнения и жить полной жизнью, беря от нее все, что хочется. Пусть не сразу, пусть со временем... но этот лиловый бутон еще расцветет в полную силу, поразив окружающих не только красотой, но и силой духа, целеустремленностью, упорством.

– Замечательно. – Олли-о искренне улыбнулась своей подопечной. – Самой-то нравится?

Джемма уверенно кивнула, приведя в движение каштановые локоны, так и оставшиеся свободно лежать на плечах. Взглянула на настенные часы, на подругу, снова на часы... и, отчего-то смутившись, пробормотала:

– Я пойду?

– Иди, – улыбаясь еще шире, ответила рыжая.

– Ен, наверное, уже ждет, – словно извиняясь, добавила ведьма и украдкой бросила взгляд в окно, где и правда стоял запряженный лошадьми экипаж с закрытым верхом.

– Наверное, – стараясь сдержать смехок, глядя на это неуверенное в себе создание, сказала оса.

– А ты... – Джемма, запнувшись, покосилась на полупустую банку.

– Я уже сыта, – успокоила свою сиделку оборотень. – И чувствую себя просто замечательно. Все, брысь отсюда! А то и правда опоздаете.

Уговаривать ведьмочку не пришлось. Бросив прощальный взгляд на свое отражение в зеркале, она торопливо сгребла со стола не пригодившиеся заколки и сыпала их в открытый ящик.

Серебристо-золотисто-лиловые шпильки легли колючим ковром поверх серенькой книжки, на уголке которой красовалась сделанная от руки надпись «Рисси Д». Выцветшая от времени, едва различимая и все же читабельная. Будучи маленькой, Майла спрашивала старшую сестру, заменившую ей мать, кто такая эта загадочная Рисси, на что Кларисса всегда отвечала, мол, не знает: вероятно, одна из бывших владелиц крайне полезной и редкой книжицы, доставшейся ей самой от подруги. Рука сама потянулась к потертому томику. Пальцы скользнули по переплету, провели по незатейливому тиснению...

– Прости, Кларисса, – шепнула девушка, – но Ен мой. – И решительно задвинула ящик.

– Ты что-то сказала? – прикинулась глухой Олли-о.

– Все, убегаю, – улыбнулась ей Джемма. – Спасибо, Олличка, за помощь.

– Эй! Так просто не отделаешься! – возмутилась «больная». – С тебя торт, пирожки и... подробный рассказ о свидании.

Даже сквозь иллюзорную бледность кожи на скулах ведьмы проступил румянец.

– Ладно, без подробностей, – сжалась над ней подруга. – Иди уже. И письмо от градоправителя захвати. Покажешь Аттамсу, глядишь, он тебе тоже что-нибудь дельное присоветует.

– Но дьер гробовщик уже сказал, что пойдет на эту встречу завтра вместе со мной, – застыв на полушаге, возразила Джемма.

– Один умный мужик рядом – хорошо, а два – лучше, – маскируя под иронию беспокойство, заявила оборотень. – Скажи Этьену, что Вэйдмар Эсми назначил тебе встречу, упомянув о твоём прошлом, главной части которого ты не знаешь. И что письмо было с саморазрушающейся магической печатью, кроме тебя, его никто не смог бы открыть. А значит, он в курсе, кто ты такая, и...

– Ладно, скажу, – чуть поморщившись, вздохнула ведьмочка. – Покажу даже. – Она снова метнулась к столу, достала из-под книги белую бумагу с золотыми вензелями и вытисненным вверху гербом Готрэйма. На листе размашистым почерком было написано всего три строчки:

«
Милейшая дьера Джемма!

Хочу сообщить Вам кое-какие сведения, касающиеся Вашего рождения.

Жду завтра в десять утра в моем рабочем кабинете в городской ратуше.

С искренней симпатией к Вам, В. Эсми».

– Приятного отдыха! И не забудь зонтик! – запоздало крикнула рыжая, вспомнив, что вечером обещали дождь, но захлопнутая за ведьмой дверь никак на этот возглас не отреагировала.

В то же время в другой части города

По-осеннему ранний вечер уже давно наступил. Над мокрыми крышами Готрэйма в проясняющемся небе одна за другой появлялись звезды, но редким пешеходам было не до разглядывания красот над головой, их куда больше заботили лужи под ногами и экипажи, так и норовящие окатить грязной водой. Одна из карет остановилась у пересечения двух узких улочек, выпустила из своих недр пассажира и умчалась прочь. Подняв воротник плаща и сунув руки в карманы, Эдгард Дорэ уверенно зашагал в сторону горгонария, ничуть не заботясь о том, куда ступает.

Для своих в этом величественном здании был предусмотрен еще один вход, куда более скромный, чем парадный. К неприметной двери, находившейся чуть ниже уровня земли, вели несколько выщербленных ступенек, а тень от козырька превращала добротное деревянное полотно в темное пятно. Неподалеку от «клаза» и устроил свой наблюдательный пункт дьер Дорэ. Прислонившись спиной к стволу уже облысевшего дерева, он терпеливо ждал человека, ради встречи с которым проделал весь этот путь. И... дождался. Немолодой нэр в застегнутом на все пуговице форменном пальто, помахивая зонтом-тростью, вышел из горгонария и неспешной походкой направился на стоянку экипажей, как вдруг услышал задумчивое:

– Этот облик тебе определенно не идет, Варя.

Фальшивый горгон даже не вздрогнул, постепенно замедлив шаг, он остановился напротив подпирающего дерево Гарда и, склонив к плечу голову, принялся с интересом его изучать.

– Как вычислил? – спросил чуть хриплым, словно простуженным голосом.

– Друзья помогли, – ответил гробовщик, продолжая с не меньшим любопытством рассматривать собеседника.

– Это какие же? – Цепкий взгляд «нэра» заметил край магического браслета на руке Эдгарда. – Уж не те ли, которые тебя этим амулетом снабдили? – криво усмехнулся «мужчина». – Не лучшая работа, наверняка неопытный мастер делал. Или делала? – интонацией выделив последний слог, поинтересовался «горгон».

– Не важно, – ответил дьер Дорэ. – Главное, что эта штука работает. Кстати, хороший был ход с маской поверх маски. Рассчитывала пустить меня по ложному следу, когда пострадавшие от твоих рук девушки опишут совершенно другого мужчину? Умно, но... ты просчиталась.

– В чем же?

Вместе с украденным обликом лиловой ведьме во многом доставались и физические характеристики копируемого объекта. Конечно, большое сердце, одышку или пропитанную алкоголем печень Варфаламея не приобрела, но чужое грузное тело ощутимо мешало, а дорого было каждое мгновение. Примерить личину юного атлета было бы сейчас самым удачным решением, но времени на подобную трансформацию катастрофически не хватало, и жертве охоты пришлось ограничиться собственной внешностью.

Перевоплощение было стремительным – к истинной форме изменчивый маг, коим она являлась, мог вернуться даже при полностью пустом энергетическом резерве. Варфаламея же на нехватку силы не жаловалась. Напротив, она была, что называется, во всеоружии, так что вовсе плела защитные заклинания на бегу, сбивая погоню со следа. Но жнец – не человек, и так просто отделаться от этого потустороннего преследователя ей, увы, не удавалось.

Хрупкая фигурка тонула в мужской одежде, а от обуви и вовсе пришлось избавиться.

Подмерзшая земля колола босые ступни, неприбранные волосы светлым облаком окутывали худенькие плечики, на которых, как на вешалке, болталось мужское пальто. Редкие прохожие косо поглядывали на столь странное для осеннего вечера видение, но никто и не подумал остановить несущуюся со всех ног женщину. Охваченного азартом погони жнеца и его «собачек» они не замечали, а значит, и не понимали, что за угроза нависла над чудаковатой бегуньей.

Эл же видел перед собой только цель, которая без конца ускользала от него, используя все: от магических уловок до отличного знания города. Вопреки, казалось бы, неоспоримому преимуществу в скорости, расстояние между ним и ведьмой почти не сокращалось. Блондинка постоянно скрывалась из виду, то нырнув в очередную малоприметную подворотню, то проскользнув через дыру в ограде, то проскочив среди зарослей заброшенного сада. И каждый раз след ее ауры путался, раздваивался, а то и вовсе терялся, вводя в заблуждение погоню. Оставалось рассчитывать лишь на собственное чутье и глаза, которые пусть не сразу, но находили беглянку.

Узкие улочки небогатого района с домами, которые почти соприкасались нависающими над мостовой балконами, а порой и соединялись на уровне второго этажа небольшими мостиками, были для Варфаламеи лучшими помощниками. Компаньоны же Элроя оказались куда менее надежными – бывшим призракам вовсе не хотелось поймать ведьму. Поучаствовать в охоте согласно договору – это пожалуйста, но лишь создавая видимость активной деятельности, не более того.

Увлеченный процессом жнец, если и замечал отсутствие должного рвения у своих «псов», никак это не комментировал. Желанный приз был так близко – буквально в нескольких шагах впереди. А ведь Эл Стальной уже почти попрощался с должностью и тайне, не признаваясь даже Гарду, примерял на себя роль бывшего посланника Саймы. Поскользнувшись на куче мокрой листвы, Варфаламея упала на одно колено, и белый охотник наконец-то получил возможность преодолеть те самые несколько шагов, что мешали до нее дотянуться. Он уверенно взмахнул мечом, полоснувшим по тонким нитям жизни, и... ничего! Ведьма победно оскалилась, взглянув на неудачника через плечо, подскочила и снова устремилась прочь.

Светящиеся же «струны», соединявшие ее душу с телом, завязались на месте обрыва в узелки, а мгновение спустя и вовсе выровнялись, будто и не встречались никогда с клинком жнеца.

Пока Элрой пытался осмыслить произошедшее, коварная блондинка, подмигнув ему на прощание, скрылась за дверями белокаменного храма, посвященного богу-отцу Жию. В это святилище Жизни посланникам Смерти хода не было. Да жнец и не думал туда рваться. То, что он только что видел, порождало крайне неприятные подозрения о предателях среди подданных Саймы.

– Ну? Дальше что? – пролаял один из призрачных псов, почесав лапой ухо. – Мы свободны?

– Вполне, – отозвался жнец, снимая невидимые поводки подчинения со своих проводников.

Привидений давно уже и след простыл, а блондин продолжал стоять на месте, опираясь на свой огромный меч, и задумчиво изучал крыльцо величественного здания. Значит, Гард не ошибся, намекая на подозрительно мощные обереги Варфаламеи, у которой явно был очень могущественный покровитель среди высокопоставленных храмовников или даже жнецов.

Сейчас эта неуловимая тварь снова прикинется нищенкой или сбежавшей от мучителей жертвой, попросит защиты у главного жреца и конечно же ее получит. Живые живую пожалеют и прикроют. Что ж... живым ее и ловить!

В особняке Аттамса

Если бы дом дъера оружейника обладал разумом и даром речи, он, несомненно, нашел бы что сказать по поводу участвовавших ночных визитов. Черная тень, бесшумно скользившая по особняку, шаг в шаг повторяла путь своей лиловой предшественницы. Только вот ловкости у этой домушницы было не в пример больше. Или опыта? Гардина, карниз которой утром слуги заново закрепили на стене, осталась нетронутой. Ковровая дорожка не собиралась под ногами поздней гостьи, картины висели все так же параллельно полу, половицы и петли не скрипели, и даже доспехи в нише у лестницы не спешили поприветствовать визитершу, зацепившись за ее одежду. Казалось, обитель Аттамсов изо всех сил игнорирует постороннее существо, проникшее в ее нутро. Впрочем, существо тоже платило дому холодным безразличием: не обращало никакого внимания на пыль и грязную люстру и уж точно не тратило время на глупое любовное внимание интерьером.

Едва переступив порог библиотеки, окутанная маскировочными тенями фигура стянула с руки перчатку и, начертив тонким пальчиком на ладони похожий на связку змей символ, сдула его в сторону стеллажей. Поисковик, поблескивая серебром, медленно поплыл вдоль рядов книг. Полчаса спустя домушница, поймав так и не обнаруживший искомое «клубок», раздраженно пнула ближайший шкаф и плюхнулась на диван. Черная туфелька с мягкой кожаной подошвой нервно выстукивала дробь на полу, пальцы барабанили по обивке, выдавая скверное настроение девушки не хуже, чем срывающиеся с губ ругательства. Наконец, осененная идеей, незваная гостья подскочила и уверенно направилась в кабинет хозяина дома, надеясь в книжном шкафу найти заветную книгу, но и там ее ждала неудача.

Обследовав полки, заставленные томами по оружейному и ювелирному делу, визитерша заглянула в тумбочку, где хранились счетные книги. Ничего! Соорудив очередное магическое плетение, которое помнила наизусть, пустила его кружить по дому, выслеживая пропавшую вещь. Когда «ищейка» вернулась, в ее клубящемся туманом нутре можно было рассмотреть бледный силуэт ведьмочки, прижимавшей к груди серую книгу. Досадливо поморщившись, неудачливая воровка развеяла чары и уже самостоятельно, без какого-либо применения магии, на пару секунд задержалась у подноса с напитками, стоявшего на рабочем столе дъера Аттамса, чтобы капнуть в коньяк содержимое темного флакона. А через несколько минут, так и не потревожив ни одного охранного заклинания, странная визитерша покинула спящий особняк. Экономка, почивавшая наверху, видела сладкие сны и даже не подозревала о поздней гостье. Не услышали ее приход и слуги, отдыхавшие в своих комнатах, и даже близняшки, которым до всего всегда было дело, сегодня подозрительно крепко спали.

Но кое-кого это сонное царство все же не коснулось. Две серые тени, куда более мелкие, чем домушница, но вполне способные дать ей солидную фору по ловкости и бесшумности, выползли из-под дивана, грациозно потянулись, поточили коготки о ковер и запрыгнули на стол. Повалявшись на хозяйских бумагах, коты аккуратно обошли чернильницу, тронули лапками оставленные без присмотра инструменты и затеяли игривую потасовку за право понюхать цветы в вазе. Естественно, спихнули на пол поднос... совершенно случайно! Переглянувшись, Сталь и Хром спустились вниз, принялись, дружно фыркнули и деловито потрусили на кухню, распушив роскошные хвосты. Их усатые мордочки не выражали ни малейшего сожаления о разбитом графине и впитавшемся в ковер коньяке, чей запах изменился незаметно для человека, но очевидно для магически одаренных котов, распознавших яд.

На театральной площади

Несмотря на поздний час, в небольшом скверике, что находился в центре квадратной площади, было многолюдно. Ночь выдалась почти по-летнему теплой, влажный после недавнего дождя

воздух манил свежестью и горьковатыми ароматами осенних цветов, а мерцание звезд в прояснившемся небе могло поспорить по яркости с многочисленными мелкими фонариками, закрепленными на тянувшихся вдоль аллей цепях. Но не будь эта ночь столь располагающей к прогулкам, мощеные дорожки и удобные лавочки все равно бы не пустовали – с трех сторон площади белели колоннады театров, а с четвертой призывно светились огромные, от пола до потолка, окна лучшего в Готрэйме ресторана. Конечно, многие после спектакля или ужина спешили домой, но некоторые, еще не проживающие совместно, были не готовы так скоро расстаться.

Из пар, блуждающих среди облетевших деревьев и пестрых клумб, особенно выделялась одна – на бледном личике девушки ярким пятном алели припухшие губы, а зеленые глаза светились счастьем. Мужчина, на чьем локте уютно устроилась девичья ладонь, практически не смотрел под ноги, предпочитая любоваться спутницей. Ведьма же пребывала в состоянии, близком к эйфории. Первое настоящее свидание с бывшим опекуном не просто оправдало все ее ожидания, оно их превзошло. И хотя Джемма вряд ли сумела бы рассказать, о чем пела со сцены сладкоголосая прима, она точно знала, что каждая минута, проведенная в ложе, навсегда останется в ее памяти. Каждая фраза, каждое прикосновение... каждый поцелуй.

На миг переведя взгляд с дорожки на лицо Этьена, девушка смущенно покраснела и поспешила вернуться к высматриванию луж. Свободная рука ее поднялась, чтобы заправить за ухо каштановую прядь и украдкой потрогать подаренную кавалером сережку. От воспоминания о том, как мужчина осторожно продевал сквозь мочки тонкие дужки украшения, скользя прохладными пальцами по нежной коже, побагровели уже не только щеки и уши, но, кажется, даже шея. Джемма в который раз порадовалась, что оставила волосы распущенными, – во-первых, распушившиеся от влажного воздуха локоны позволяли хоть немного прикрыть пылающее лицо, а во-вторых, из-за того, что Ен весь вечер перебирал пряди на ее затылке, от прически все равно бы ничего не осталось.

Как ни хотелось парочкам растянуть ночную прогулку до бесконечности, время брало свое, и аллеи сквера постепенно пустели. Дьер Аттамс и его очаровательная спутница тоже покинули театральную площадь и пешком направились в сторону похоронного бюро. Спящий город как нельзя лучше соответствовал умиротворению, воцарившемуся в сердце ведьмочки, – наконец-то все было правильно, и впереди виднелись не туманные перспективы, а самое настоящее светлое будущее. Впрочем, туман тоже был. Он стелился по мостовой, смазывая тени, призрачной дымкой заползал на стены, приглушал свет фонарей и звук шагов. Поэтому, когда вышедшая из подворотни фигура преградила им дорогу, Джемма от неожиданности громко вскрикнула, Этьен выхватил скрытое в трости «жалю», а оса, успешно прятаясь весь вечер в капюшоне плаща девушки, с тревожным жужжанием взмыла в воздух.

– Милая! – воскликнул незнакомец, распахнув объятия, из-за чего полы его плаща колыхнулись, и пьяно покачнулся. – Какая встреча!

Ведьма невольно отступила, хотя первоначальный испуг уже прошел, а вид мужчины, невзирая на низко надвинутую шляпу и замотанный шарфом подбородок, не внушал опасений. Одежда была добротной, дорогой и чистой, речь внятной, настрой дружелюбным. Дьер не производил впечатления бандита, желающего ограбить припозднившихся прохожих, и это успокаивало.

– Простите, но вы обознались, – сказала Джемма.

Оса согласно жужжала, воинственно топорща крылышки, а Этьен опустил «жалю», но так и не убрал его обратно в трость.

– Как же так? – огорчился мужчина, сдвигая на затылок шляпу. – Это же я, Кайнар!

Ведьмочка перевела взгляд с осы, на которую взирала с вполне понятным возмущением, на упрямого дьера. Черты его лица показались ей знакомыми, особенно яркие зеленые глаза, но она была уверена, что никогда прежде не встречалась с этим человеком.

– Простите! – повторила девушка, разведя руками. – Вы меня с кем-то перепутали.

– Посмотри повнимательнее, Рисси, – настаивал на своем Кайнар. Он даже сделал шаг вперед, чтобы его могли разглядеть получше, но наткнулся на выставленную вперед ладонь Этьена и раздраженное:

– Оставьте в покое мою невесту!

– Но я...

– Довольно! Она ясно дала понять, что впервые вас видит и знать не знает никакой Рисси.

Всего хорошего! – Подхватив под руку ведьмочку, дьер Аттамс поспешил увести ее прочь от

навязчивого пьяного. Джемма, словно извиняясь за грубость своего спутника, вежливо улыбнулась на прощанье и обратила все внимание на кружащую над ее головой осу. – Шпионка полосатая! – прошипела ведьма, удаляясь. – Жужжалка бессовестная! Извращенка крылатая... ты что, за нами подсматривала?!

Дэгор смотрел им вслед совершенно трезвыми глазами и обдумывал ситуацию. Девушка не сделала ни малейшего намека, что узнала его, выходит... действительно не она? И что теперь делать? Может, все-таки поговорить с ней без свидетелей? Вдруг она просто побоялась раскрыться в присутствии своего агрессивного надсмотрщика и шпионящей за каждым ее шагом осы. Погрузившись в раздумья, мужчина двинулся за удаляющейся парой, стараясь не слишком приближаться, чтобы не быть замеченным. Почти у самого похоронно бюро шагнувшая из подворотни тень, точно так же, как он сам полчаса назад, преградила ему дорогу. – Ну здравствуй, Кай! – воскликнула брюнетка, чье незнакомое лицо кривила до боли знакомая ухмылка. – Рисси?

Глава 16

В ПБ «Последний цветок»

– Неужели тебе здесь действительно нравится? – Высокий голосок невзрачной блондинки, примостившейся на самом краешке подоконника, выражал одновременно и восторг, и недоверие.

– Очень! – улыбнулась Джемма, на миг отвернувшись от сковороды, на которой пекла блинчики, чтобы посмотреть на гостью.

В череде обыденных утренних дел встреча с Зарой на улице стала огромной неожиданностью. Столкнувшись помощница гробовщика с кем-то другим, она, скорее всего, сделала бы вид, что не имеет никакого отношения к покойной Джимджеммайле Аттамс, хоть и похожа на нее внешне. Благо привычно подправленные черты лица позволяли сказать, мол, извините, вы обознались. Но Заре Фарли, бывшей однокласснице по начальной школе, где изучали азы волшебства, соврать не вышло. Девчонка, пять лет назад переехавшая на материк, а теперь вот внезапно навестившая остров, обладала слабым даром золотых магов: умела чувствовать ложь. К тому же Джемме внезапно захотелось поговорить с кем-то еще кроме Олли-о, с которой они проболтали полночи, и поделиться распирающей ее радостью. А еще узнать, как там на Большой земле, куда ведьмочка еще недавно планировала отправиться.

– Но здесь же мрачно, – гостя понизила голос до шепота, – и страшно! – Ее округлившиеся глаза с белесыми ресницами выглядели комично.

Джемма отвернулась к плите, пряча очередную улыбку. Когда она увидела дьеру Фарли на торговой улице, едва не выронила корзину. Девушка оказалась точь-в-точь такой, как Джемма себе представляла, создавая маску «бледной моли», под которой пряталась несколько дней. Лиловая волшебница угадала и с косичками, и с отсутствием макияжа, разве что одета настоящая Зара была значительно богаче, чем ведьма, носившая ее личину. А еще за эти годы блондинка превратилась из неприметной скромницы в уверенную в себе особу, и блеклая внешность этому совершенно не мешала.

– Здесь здорово! – сказала Джемма, ловко переворачивая очередной блинчик.

На блюде рядом с плитой уже возвышалась высокая стопка, но двум сладкоежкам, полосатая представительница которых жужжала над плечом ведьмочки, этого было на один укус. Олли-о, наполовину восстановившись, активно занималась работой, покинув чердак в виде роя, но к ужину обещала непременно вернуться. Элрой тоже собирался заглянуть на вечерний чай. А еще ведь и Гард скоро явится, и Этьен попозже зайдет... Впрочем, сейчас речь не о них!

– Работы много, зато постоянно есть возможность тренировать магические навыки... – Отогнав прочие мысли, девушка принялась нахваливать похоронное бюро, ей отчего-то было важно

убедить бывшую одноклассницу, что этот мрачный дом на тихой улочке – едва ли не лучшее место на земле.

Девушки еще немного поговорили о жизни, после чего Зара начала разглагольствовать о пагубном влиянии мертвецов на психику юных дев, а Джемма сосредоточилась на готовке. Закончив, она устроилась за столом напротив гостьи и принялась начинать блинчики засахаренной вишней, между делом поглядывая на блондинку, разговор с которой постепенно увял. Вдруг подумалось, что дьер гробовщик вряд ли одобрит очередное самоуправство помощницы, без спросу пригласившей в его дом постороннюю девицу. Ему, конечно, в последнее время не до подобных мелочей, но... эта юная особа умудрилась утомить своей болтовней даже Джемму, чего уж говорить об угрюмом дьере, обожающем мертвую тишину. Поначалу ведьмочке казалось, что она легко объяснит все Гарду, расписав нечаянную встречу с приятельницей как подарок судьбы, сейчас же ситуация представлялась совсем в иных красках. Да и дел у помощницы гробовщика хватало, к тому же приближалось время назначенной градоправителем встречи, обсудить которую хотелось вовсе не с Зарой. А она все никак не уходила, расспрашивая вновь обретенную подружку о всяких пустяках. Через полчаса от непрерывного щебета блондинки, восторгавшейся каждой кастрюлей, у ведьмочки начала болеть голова, и просьба Зары продемонстрировать ей перед уходом «чердачную каморку» показалась мизерной платой за освобождение от надоевшей компании. Оставив недоделанные блинчики, Джемма взбежала вверх по лестнице, ведя за собой гостью, втолкнула ее в свою комнату и на всякий случай закрыла дверь – вдруг Гард вернется раньше, чем обещал. Шум разбудил дремавшую на диване Вишню, она вскочила и, спросонья выпустив когти, воинственно зашипела.

– Как здесь интересно! – воскликнула Зара, осматриваясь. Она медленно обошла помещение, внимательно изучила выстроившиеся на стеллаже книги, восхитилась видом из окна и зачем-то подергала кусок черного бархата, прилаженный Джеммой в качестве занавески. Вдохнув поднимающуюся пыль, блондинка закашлялась и отчаянно простонала: – Воды!..

Перепуганная ведьма стремглав ринулась на кухню, полосатая летунья, зависнув на миг в воздухе, словно решая, за кем следить, улетела следом, а издающая жуткие звуки гостья осталась. Едва за Джеммой и ее жужжащей нянькой захлопнулась дверь, поведение Зары резко изменилось. Кашель исчез, как не бывало, а добродушное личико исказила неприятная гримаса.

– Заткнись, тварь! – далеким от беззаботного щебета голосом скомандовала дьера Фарли, ловко ухватив вновь зашипевшую Ви за шкуру. – А не то в окно выброшу!

Швырнув прижавшую ушки кошку в угол, белобрысая колдунья нарисовала пальцем на ладони переплетение линий и легонько подула на них. Засветившийся «клубок» медленно поплыл по комнате, выискивая вещь, на которую был настроен. Вытянувшись в тонкую струю, он сквозь щель просочился в ящик стола и остался там.

– Так я и знала, – с толикой разочарования пробормотала блондинка. – Бесхитростная доверчивая Майла... ничему-то жизнь тебя не учит.

Когда Джемма в сопровождении верной осы вернулась на чердак со стаканом воды, Зара тяжело дышала, держась за горло и время от времени надрывно кашляла. Но главное, она была полностью готова к выходу, о чем свидетельствовали уже надетые плащ и перчатки, которые гостья весьма кстати прихватила с кухни. К своему стыду, вместо сочувствия к бедняжке ведьмочка испытала облегчение. Идея пообщаться со старой знакомой, казавшаяся такой хорошей недавно, теперь выглядела крайне неудачной, и Джемме хотелось поскорее распрощаться с одноклассницей. К счастью, послезавтра Зара покинет Готтрэйм и отправится на материк, о котором так толком ничего и не рассказала. Вернее, ведьмочка просто не успела расспросить, занятая ответами на вопросы визитерши. Но между продолжением беседы и недостатком информации о Большой земле Джемма выбрала второе. Тем более Вишне, недовольно шипевшей из-под дивана, повзрослевшая дьера Фарли тоже не нравилась.

В приемной градоправителя

В покоем на трон кресле с высокой резной спинкой дьер Эми восседал за массивным столом из темного дерева. Градоправитель мерно, словно отсчитывая секунды, постукивал указательным пальцем по лиловому бутону, изображенному на небольшой пластине, и старательно хмурил брови. Удержаться от улыбки было непросто, уж очень забавляло то, как собственнически держал ведьмочку за руку ее мрачный сопровождающий. Физиономия единственного сыночка Грэнны выражала что угодно, кроме радости от общения с будущим отчимом. Впрочем, о грядущем и неминуемом родстве, ибо отступить от своих планов Вейдмар Эми не собирался, дьер оружейник пока не подозревал. Иначе, наверное, не ограничился бы настороженным взглядом и сделанным с порога заявлением, что любые вопросы с его невестой будут решаться исключительно в присутствии жениха. Особых возражений у градоправителя такой расклад не вызвал, хотя сложившаяся ситуация и смешила. Его так и подмывало похулигански подмигнуть чрезмерно серьезному кандидату в пасынки и предложить совершить обмен – женщину на женщину. Только вот Этьен вряд ли оценил бы шутку без должных разъяснений, а портить отношения с оружейником в преддверии скорой свадьбы с его матерью Вейдмар счел неразумным.

Молодая пара, заняв кресла напротив стола, молчала, а дьер Эми все никак не мог выбрать, с чего начать. До боли знакомые зеленые глаза на лице девушки сбивали с мысли и мешали сосредоточиться гораздо больше, чем недружелюбный настрой ее спутника. Ошибки быть не могло – Джимджеммайлу Аттамс, которая теперь представлялась как Джемма Истри, родители называли Айлой. Перед Вейдмаром, давшим умирающему другу слово выяснить, что случилось с его пропавшими детьми, сидела наследница рода Морт. Внучка ворчуна Миландера, известие о которой дало старику новый стимул к жизни. Конечно, дальние родственники, рассчитывающие на имущество троюродного деда, не очень-то обрадовались оживлению засохшей ветви фамильного древа, но никто не посмел и рта раскрыть, узнав, что глава рода обратился за помощью к храмовникам.

Молва утверждала: «божественные псы» способны обнаружить и разоблачить любой заговор, а зачинщиков, как и исполнителей, уничтожить и сжечь их тела в магическом огне. К сожалению, в этих словах была лишь доля истины. За все годы поисков храмовнику, ныне носящему личину дьера Эми, так и не удалось выяснить, кто заказал убийство жены Шертана и выкрал из дорожной кареты двух его дочерей. Арис тогда было чуть больше семнадцати, а малышке Айле едва исполнилось три. Девочки пропали бесследно, и вот теперь одна из них, молодая, красивая и почти замужняя, внимательно взирала на него и... ждала объяснений.

– Так о чем пойдет речь, дьер градоправитель? – не выдержав, прервал затянувшееся молчание оружейник.

– Ен, – одернула его ведьмочка, слегка смущенная не слишком вежливым тоном жениха, и тут же легко погладила мужские пальцы, будто успокаивая.

На этот раз хозяин кабинета не смог скрыть улыбку, скользнувшую по его губам. Пара выглядела так трогательно, что он невольно затосковал по молодым годам, когда еще не был ни храмовником, ни градоначальником Готтрэйма.

– Насколько я знаю, не так давно вам, Майла, исполнился двадцать один год, – определившись с отправной точкой беседы, начал Вейдмар.

– Да, вы правы, – подтвердила девушка и попросила: – Называйте меня, пожалуйста, Джеммой.

– Какое значение имеет ее возраст? – напрягся Аттамс.

– Вы, Джемма, – игнорируя его, продолжил градоправитель, – безусловно, знаете, что именно в этом возрасте максимально раскрывается магический дар.

– Это всем известно, – пожала плечами ведьмочка.

– В семье моего друга есть артефакт, который реагирует как раз на это событие...

– К чему вы ведете? – перебил Этьен дьера Эми.

– Терпение, молодой человек, – укоризненно взглянул на него тот. – Я все вам непременно расскажу, но... постепенно. Шесть лет назад внезапно дала росток одна из ветвей семейного древа Морт. – Он снова посмотрел на девушку. – Долгие годы она считалась такой же засохшей, как и прочие. Но боги сотворили чудо, поведав главе рода, что его внучка жива. А в день вашего совершеннолетия, Джемма, появился и бутон, символизирующий раскрытие лилового дара юной наследницы. Разыскать вас и ввести в курс дела было поручено именно мне. И поверьте, все эти годы я отнюдь не бездействовал.

– Но откуда такая уверенность, что Майл... Джемма именно та, кто вам нужен? – возразил дьер оружейник, привычно сбившись на имени невесты. Судя по его реакции, делить свое зеленоглазое солнышко он не хотел ни с кем, особенно с внезапно появившимися на горизонте родственниками. – В один с ней день родились многие девушки. Что общего у моей невесты с родом Морт? У Джеммы нет родни, не считая племянниц! – упрямо заявил он, раздраженно тряхнув волосами.

«Мальчишка! – мысленно усмехнулся Вейдмар. – Влюбленный и потому глупый, иначе бы не отказывался от привалившего наследства будущей супруги».

Вслух же он сказал:

– Безусловно, совпадение возраста было бы недостаточным основанием для определения родства. И даже направленность дара, а все Морты являются сильными лиловыми магами, ни о чем не говорит, но есть еще это. – Эсми вытащил из ящика стола небольшой портрет, заключенный в овальную раму, и подвинул его к гостям. – И это. – Слева от миниатюры легла пластина с нарисованной веткой с лиловым цветком, который стал еще ярче, очутившись рядом с ведьмочкой. – Он наливался цветом в вашем присутствии, Джемма, что является несомненным свидетельством принадлежности мага к древнему и, должен отметить, весьма богатому роду Морт.

Девушка одарила артефакт мимолетным взглядом – благосостояние и знатность ее, казалось, не заинтересовали вовсе. Она жадно впилась взглядом в изображенную на портрете чету – сходство между ней и зеленоглазым мужчиной оказалось слишком заметным, чтобы списывать его на случайность, а у приветливо улыбавшейся женщины были точно такие же брови, как у Джеммы. На то она и дочь своих родителей, чтобы на них походить. Родителей... звучит-то как!

– Расскажите о них? – спросила ведьма, подняв на градоправителя заинтересованно заблестевшие глаза.

Дьер Аттамс, поджав губы, принялся разглядывать пластину с цветком, который бледнел, когда его отодвигали от той, в чью честь он распустился, и становился насыщенно-лиловым, стоило поднести артефакт к ведьмочке.

– И что ты хочешь знать? – пряча за грустной улыбкой давнюю боль, спросил Вейдмар.

– Все! Кто они, где? Они меня... нас с сестрой искали? А может, у них есть еще дети? Кларисса говорила, что они нас бросили, но, если им не было известно о том, что мы живы, тогда, может быть...

– Джемма, – мягко перебил ее собеседник, – прости, девочка, но твои родители давно уже за пологом Саймы.

Девушка сникла: плечи ссутулились, уголки губ опустились, и за густой завесой ресниц мелькнули невыплаканные слезы.

– Однако твой дедушка жив и ждет не дождется, когда вы с ним наконец познакомитесь, – приободрил ее градоправитель.

– Это замечательно! – Ведьмочка выдавила улыбку, которая вопреки ее желанию получилась печальной. – Но мне бы хотелось для начала услышать рассказ о маме и папе... если вы, конечно, что-то про них знаете.

Сестра всячески уклонялась от разговоров о родителях, а если и говорила о них, то выставляла не в лучшем свете: отдали в приют, исчезли... беседы об этом были под запретом, и доверявшая Клариссе ведьмочка привыкла не затрагивать болезненную тему. Сейчас же Джемме хотелось узнать как можно больше о матери и отце, которые их любили и вовсе не бросали.

– Знаю. – Дьер Эсми откинулся на спинку кресла, внимательно изучая визитеров. – Более того, я был и являюсь лучшим другом твоего отца и... твоим опекуном. Пусть уже и бывшим.

– Еще один! – вырвалось у обычно сдержанного оружейника, и, больше не таясь, градоправитель расхохотался в голос.

– Спокойно, Этьен, – проговорил он, отсмеявшись. – Никто на твою невесту не покушается. Разве что она сама передумает выходить за тебя замуж.

Оружейник и ведьмочка переглянулись. В его взгляде читался вопрос, и она, напрочь забыв о градоправителе, родителях и всем на свете, с жаром выпалила:

– Я ни за что не передумаю, Ен! Честное волшебное!

Через час

После визита в ратушу, обрушившего на них с Этьеном столько неожиданной и, без сомнения, важной информации, Джемма брела по улице, одной рукой вцепившись в локоть жениха, а другой бережно прижимая к груди драгоценную миниатюру. Она никак не могла прийти в себя от новостей – шутка ли дело вот так, в один миг, обрести родителей, пусть и давно умерших, деда, проживающего в родовом поместье на континенте, и бесконечную вереницу предков, чья история уходила корнями на десяток столетий назад. В отличие от Ена, въедливо задававшего вопрос за вопросом и крутившего в руках пластину с цветущей ветвью, ведьмочка поверила градоправителю сразу. И даже расплакалась, услышав страшную историю о том, как на мать, поехавшую вместе с детьми навестить подругу, напали разбойники. Ее очень тронуло, как переживал отец, обнаружив возле сгоревшей дотла кареты тело жены с перерезанным горлом и убитых охранников, как до самого дня своей смерти не верил, что обе его дочери тоже погибли. Он искал их везде, обращался к опытным сыщикам, к магам, к гадалкам, но девочки будто в воду канули.

Джемма не понимала, почему сестра, которая на момент трагедии была значительно старше ее, никогда не рассказывала о семье. Зачем придумала им обоим новые имена, превратив Айлу в Джимджеммайлу, а Арис – в Клариссу. Что помешало ей тогда вернуться к еще живому отцу вместо скитаний с маленьким ребенком на руках и последующего переезда на остров? Вероятно, чудом уцелевшим дочерям Шертана Морта в родном доме угрожала какая-то неведомая опасность, заставившая старшую навеки позабыть о прошлом, разорвав все связи с семьей. Ведь нападение на экипаж, как предполагал дьер Эсми, было не простым ограблением, а заказным убийством. Именно эти мысли девушка и озвучила новоявленному опекуну и... узнала нечто совершенно новое о покойной сестрице. Судя по письму, показанному Вейдмаром, Кларисса на самом деле не являлась родственницей Джеммы. Поэтому и кровь, которую ведьмочка сдавала в лечебнице, ей не подошла. Но как такое могло быть? Ведь они похожи словно две капли воды! Разве что опытная аза, используя лиловый дар, подправила свою внешность, чтобы ни у кого не возникало сомнений в их родстве. Но... зачем? Ответ на этот вопрос градоправитель не знал. Зато и ему, и Этьену, и тем более Джемме было теперь над чем задуматься.

Дьера Аттамса известие об обретенном невестой дедушке не слишком волновало после того, как ведьма при свидетеле подтвердила намерение стать его женой. По всем законам она была совершеннолетней и могла сама распоряжаться своей судьбой, а следовательно, планам на скорую свадьбу ничто не угрожало. Малышки Энни и Анни, учитывая непонятное происхождение Клариссы, к роду Морт отношения не имели, и это радовало – делить с каким-то знатным стариком своих детей, как, впрочем, и Джемму, Этьен не хотел. Пожалуй, единственным, что вызывало у него смутное беспокойство, была личность покойной жены, умудрявшейся столько лет прятать наследницу рода Морт от профессиональных сыщиков. Цели женщины, с которой он прожил четыре года в браке, оставались такой же загадкой, как и она сама.

Скорей всего, Кларисса знала что-то о том жутком нападении и всеми силами пыталась защитить попавшего к ней ребенка. Возможно, старшая дочь Шертана была тяжело ранена, но перед смертью умудрилась заручиться поддержкой коллеги по лиловому дару, согласившейся спрятать малышку. А может, бандиты решили, что Айла мертва, и бросили ее среди трупов, где Кларисса, кем бы она ни была, случайно нашла выжившую девочку, пожалела и забрала себе. Если так, она вполне могла ничего не знать про Морт и их поиски. Просто взяла на воспитание крошку, сказав всем, что это ее сестра. И сейчас, будь она жива, наверняка радовалась бы вместе с Джеммой, узнав о грядущем воссоединении семьи.

Или нет. Ведь росток на фамильном древе ожил только после смерти Клариссы. Значит, она осознанно скрывала от родни свою приемную сестренку, используя запретные заклинания, о которых Этьен не столько знал, сколько догадывался. И что было причиной: нежелание отдавать родным девочку, к которой успела привязаться, или нечто иное – неизвестно. И если его жена – не сестра ведьмочки, где же тогда настоящая Арис? Погибла или живет на материке, прячась от всех и вся? Нет, невозможно! Тогда артефакт четырнадцать лет назад среагировал

бы на ее совершеннолетие так же, как сейчас – на расцветание дара Джеммы. Значит, настоящая сестра мертва... как и фальшивая.

Ведьмочка молчала, доверчиво прижимаясь к сильному плечу жениха. А он, коря себя за черствость, думал о том, что рад смерти Клариссы, потому что в свете открывшейся информации вовсе не уверен в ее благих намерениях относительно Майлы. А еще Этьен внезапно понял, что не имеет ничего против небольшого путешествия на континент и знакомства с будущими родственниками, но... только после свадьбы! На нее, к слову, придется пригласить и Миландера Морта с дьером градоправителем, который, как оказалось, был не только женихом Грэнны, но и другом отца Джеммы. С другой стороны, нет худа без добра: ведь если Вэйдмар Эсми встанет на сторону ведьмочки, мать быстро успокоится и смирится с выбором сына. А значит, не будет больше трепать нервы будущей невестке.

На Звездном мосту

Каменный мост был узкий и горбатый, с литой чугунной балюстрадой под гранитными перилами, с парой фонарей, свисающих на цепях с высоких столбов, и с прибитой кем-то доской для прощальных записок. Именно на ней самоубийцы оставляли свои памятные росчерки, прежде чем сигануть в темную воду. Не то чтобы это часто случалось, но, как показывала практика, лучшего места для тихой добровольной кончины в Готрэйме не найти. Слабо освещенная окраина, расположенная на выезде из города, не пользовалась популярностью у прохожих. Люди здесь встречались редко, разве что лодки время от времени проплывали под каменной аркой, держа курс на порт. И уток тут точно не было! Дьер гробовщик сам не знал, зачем сюда пришел. Изначально он планировал составить компанию Джемме на приеме у градоправителя и лично выяснить, с чего вдруг у рыжего прохвоста возник такой интерес к его ведьме. Но, узнав, что с девушкой пойдет оружейник, передумал. Этот кому угодно глотку перегрызет за свою невесту, расспросить же Джемму о сути разговора можно будет и позже. К тому же кто-то должен был следить за конторой, пока помощница гробовщика прохлаждалась в ратуше! Вот только вместо привычного корпения над счетными книгами Эдгард зачем-то притащился на проклятый мост и, чтоб этой чирташевой Варфаламее икалось, даже булку в пряничной купил! Полюбовавшись где-то с полчаса золотыми отблесками заката на водной глади, дьер Дорэ проводил задумчивым взглядом одинокую лодку, везущую какие-то ящики, швырнул в урну утиный ужин и отправился в обратный путь. Однако проходя мимо большой черной доски в бронзовой раме, притормозил, чтобы, озадаченно почесав кудрявый затылок, прочесть верхнюю надпись:

«
Лами + Эд = любовь до гроба».

Возникла идея предложить свои услуги самоубийцам, оставив на доске адрес «Последнего цветка». Но вместо этого мужчина нацарапал дату и время, а под ними мелко расписался: «Э. Хладнокровный».

– Свидимся, Лами, – шепнул, криво улыбнувшись, и, насвистывая веселый мотивчик, пошел домой.

Джемма наверняка уже вернулась в ПБ и угощает на кухне чаем своего серого мага. А может, и оса там, и Эл за порцией варенья заглянул... Не в первый раз Эдгард поймал себя на мысли, что гости в его мрачной конторе стали привычными и, чего уж скрывать, приятными.

В пряничной

Хотя время было вечернее, посетителей в зале оказалось совсем мало: в дальнем углу хихикали, перешепываясь над чашками, смешливые школьницы, возле окна миловалась влюбленная парочка, а пожилой дьер, сидевший возле входа, задумчиво попивал кориф, изучая газету. За столиком в самом центре зала Джемме было неудобно, но, когда она пришла, Зара уже выбрала место и даже успела сделать заказ. Впрочем, чувство неловкости могло быть вызвано совсем иной причиной – ведьмочка мало того что злилась на приятельницу, так еще и не могла решиться перевести разговор на интересующую ее тему. Когда рано утром девушку разбудил почтовик, требуя орех за срочное послание, она была готова всерьез поспорить с вновь обретенной подругой детства, однако, несмотря на мелькнувшие было сомнения, отказаться от приглашения не смогла. Хотелось выяснить все и сразу, причем срочно. В искренность многословно... вернее, многострочно кающейся дьеры Фарли Джемма не верила. Блондинка писала, что случайно утащила книгу Клариссы и теперь жаждет вернуть ее хозяйке. Как же еще можно было прихватить неприметный томик из закрытого ящика стола, если не случайно?! Лгунья! А ведь раньше она такой не была. Все-таки время сильно меняет людей. Интересно, Джемма тоже за последние годы приобрела негативные черты характера или это коснулось только Зары?

На встречу ведьмочка собиралась, пытая от возмущения, но по дороге решила не ссориться с уезжающей на континент подругой, у которой все же проснулась совесть, раз она захотела вернуть украденное. К тому же ее можно было как следует расспросить о жизни на Большой земле, что в свете родства с семейством Морт казалось весьма своевременным. Так что желание отчитать воровку, побудившее Джемму сорваться с места и побежать в пряничную, проиграло битву не на шутку разыгравшемуся любопытству, и теперь ведьма никак не могла придумать, чем бы обосновать свой внезапно проснувшийся интерес. В результате за столом воцарилось неловкое молчание, лишь изредка прерываемое робкими извинениями смущенной блондинки. Ну и жужжанием осы, естественно. Видимо, за этот противный звук ее и прихлопнул официант, водрузивший на стол поднос с двумя ароматно пахнущими чашками. Причем сделал это так ловко, что частичка Олли-о не успела вернуться.

– Нет! – воскликнула Джемма, вскакивая с места.

– Ты меня не простишь? – расстроилась Зара.

– Дьера недовольна корифом? – еще больше расстроился официант.

– Оса-а-а, – простонала ведьма и дрожащими пальцами подняла газету. – Зачем вы ее убили? – спросила грустно.

– Чтобы она вас не ужалила, – растерянно пробормотал парень, пряча трупик насекомого в карман белого фартука.

– Майла, ты что? – удивленно захлопала ресницами подруга. – Эта тварь могла же впиться тебе в руку, или в шею, или...

– Хватит! – оборвала ее Джемма.

– А у меня на укусы пчел и ос жуткая аллергия, – не унималась дьера Фарли. – Спасибо вам, юноша! – искренне поблагодарила она убийцу маленькой Олли.

– Давай сменим тему, – попросила ведьмочка, жестом отпустив грустного официанта, которому бессердечная блондинка еще и серебряный трим сунула в благодарность. – Что ты там говорила про книгу? Случайно залезла в мой стол и не смогла совладать с соблазном? – язвительно поинтересовалась Джемма.

Когда она уходила, гробовщика дома не было. Если он вернется раньше, то непременно устроит ей выволочку за отлучку без предупреждения, так что расслаиваться здесь до ночи девушка не собиралась. Особенно теперь, когда ее крылатая охранница пала жертвой сердобольного официанта.

– Ладно, сдаюсь! – примирительно улыбнулась Зара, подняв вверх руки. – Любопытство взяло верх над моралью, и я, обнаружив интересное заклинание, решила его испытать до отъезда. Но ведь позаимствовать пособие по магии – не такая большая провинность, правда? – спросила она. – Прости меня, я не хотела тебя обидеть, честно.

– Прощу, если расскажешь, как все устроено на континенте.

– Зачем тебе? – изумилась дьера Фарли.

– Хочу уехать из Готрэйма, – не стала вдаваться в подробности Джемма. Она требовательно посмотрела на обескураженную блондинку. Но удивление Зары длилось недолго – расплывшись в счастливой улыбке, подруга восторженно защебетала:

– Так это же здорово, Майла! Может, ты поселишься в столице, рядом с нами? Я буду очень-очень рада. Я тебе всё-всё распишу: где какие заведения, конторы, лучшие лавки, храмы, рестораны и пряничные... Уверена, ты поймешь, что жить на континенте – это замечательная идея! Там столько всего интересного, – мечтательно произнесла она, скользя взглядом по залу. – Ой, время! – воскликнула виновато и, кивнув на настенные часы, призналась: – Меня жених ждет в сквере. Пойдем, прогуляемся, заодно поболтаем. Я очень хочу вас познакомить.

– Ты помолвлена? – Ведьмочка нахмурилась, сиюсь вспомнить, упоминала вчера гостя о своем суженом или нет. – Поздравляю! Но мне тоже пора, так что разговор, увы, придется отложить до новой встречи.

– Ерунда! – не сдавалась блондинка, вскакивая с места. – Сквер как раз по пути к твоему похоронному бюро. Идем! – Она схватила Джемму за руку и потащила к выходу, бросив на стол еще один трим за так и не выпитый кориф. – Мой жених так много всего знает, он расскажет о континенте даже лучше, чем я.

– Но...

– Никаких «но»! – заявила дьера Фарли.

– Гробовщик меня убьет, – с трудом поспевая за спутницей, пробормотала ведьмочка.

– Поехали с нами! – внезапно предложила Зара. – Паром уходит утром, часов за шесть доберемся до портового городка. И этот деспот тебя не догонит.

– Нет, что ты... – Ведьмочка даже растерялась от столь неожиданного предложения, а еще оттаяла, видя, что подруга желает ей только добра, раз готова забрать ее с собой без вещей и денег. – Я не могу уехать. Пока что. Но потом обязательно навещу вас с будущим мужем.

– Ловлю на слове! – подмигнула ей блондинка. – Мы уже пришли! – весело пропела она, останавливаясь возле лавочки, с которой им навстречу поднялся высокий дьер в коричневом плаще. – Привет, дорогой. – Голос Зары прозвучал иначе: в нем появились до боли знакомые интонации, только слышала их Джемма у кого-то другого. – Заждался?

– Почти! – хмыкнул мужчина, в котором ведьмочка с удивлением признала того странного господина, спутавшего ее с кем-то после театра. Но удивиться новой встрече она не успела – помешала брошенная в лицо бледно-зеленая пыльца, источавшая сладковато-гнилостный запах снотворного.

– Отличная работа, дорогая! – отметил дьер Дэгор, подхватывая на руки бесчувственную ведьму.

– Еще бы, – ухмыльнулась «невеста», чья бесцветная внешность стремительно менялась, обретая краски. – А теперь чуть-чуть лилового маскарада и... вуаля!

Вскоре в тенистом уголке сквера вместо блондинки и шатенки оказались две длинноволосые брюнетки в одинаковой одежде. Прогуливающаяся по соседней аллее пара увидела лишь, как к стоянке экипажей торопливо шагает хмурый мужчина с девушкой на руках, а ее встревоженная сестра бежит вокруг, нервно тискает толстую косу, переброшенную через плечо, и причитает, что близняшку надо бы поскорее доставить к лекарю. Естественно, ни у кого не возникло и мысли остановить дьера, бережно укладывающего не подающую признаков жизни девицу на сиденье кареты, – какие могут быть вопросы, когда ее точная копия села рядом и крикнула: «Гони!» А что до некой Джеммы Истри, чьи поиски начались немногим позже, так ее, увы, никто и не встречал.

Глава 17

Неподалеку от ПБ «Последний цветок»

День у Акеллара Эвира, получившего гонорар за блестяще выполненную работу, был прямо-таки посвящен несвойственной ему благотворительности. С утра волк совершенно бескорыстно помог одной пожилой дьере отыскать пропавшую собачку, в обед – просвещал конкурентку в ее сыском бюро на тему самого действенного способа ускорения регенерации, еще и собственной крови для этого не пожалел, ну а к ужину вот решил вернуть ведьмочке корзинку. Чем не благое дело? Можно ведь было и не утруждаться. А если вдруг снова выпечкой с капустой угостят, так это же сугубо добровольно будет, правда? Не дойдя до цели пару десятков шагов, оборотень остановился и беззвучно скользнул в арку дома напротив, чтобы оттуда наблюдать крайне занятное действие.

Небезызвестный в Готрэйме дьер оружейник, выскочивший из похоронного бюро как ошпаренный, выбежал на середину улицы, застыл, будто памятник самому себе, и уставился на небольшую круглую железку на раскрытой ладони. После чего выругался и рванул обратно. Срывающиеся с его пальцев искры устремлялись вверх и оседали, высвечивая контуры какого-то непонятного мешка на подоконнике второго этажа. Превратив выуженное из трости «жалю» в длинный крюк, маг металла стащил утративший невидимость туюк на землю, в считанные мгновения разодрал его на части, выхватил из кучи тряпья что-то блестящее и, пнув обрывки мешка, снова воззрился на свою круглую блямбу.

Блондин, решивший все же выйти из тени, чтобы предложить помощь, даже рта не успел раскрыть – сорвавшийся на бег оружейник едва не сбил его с ног и даже, кажется, не заметил. Этот спектакль просто обязан был иметь не менее занятное продолжение, и, оставив корзинку на пороге, Акеллар устремился за Этьеном, на ходу вдыхая его запах, чтобы ни при каких обстоятельствах не потерять взятый след. Ведь если подумать, оружейник в скором времени станет пасынком бывшего заказчика, а значит, за информацию о нем с рыжего можно стрясти... ну как минимум услугу. Должен же быть предел волчьему альтруизму!

Поздним вечером в ПБ «Последний цветок»

Ножки стола были исполосованы когтями, все коленки – намяты лапками, тарелка разбита, чашка – опрокинута, колбаска (надо отметить, вкусная) – показательно разбросана по полу, но никто не обращал на Ви внимания. А уж она-то знала, что сказать по обсуждаемому вопросу. Только какой в этом смысл, если никто из двуногих не понимает по-кошачьи? Даже хозяин лишь погладил мимоходом, ссадил на пол и умчался, хлопнув дверью. А та, что ног не имела вовсе, буркнув: «Не приставай, крокодил!» – зачем-то плюхнула в мисочку неаппетитной красной жижи, которую беспрерывно поглощала из большой банки. Странные эти люди... и глупые!

– Сколько ты еще будешь ждать?! – поправив распахнувшийся плащ, брошенный на голое тело с нижним недокомплектом, воскликнула Олли-о. – Уже почти ночь!

– Я оговаривал десять как последний срок, после которого не пушу ее в дом, – в пятый раз за последние тридцать минут повторил Эдгард, бросив взгляд на часы.

– А еще ты сказал, что после обеда Джемма должна была заниматься оформлением гробов и привести в порядок парочку покойников для завтрашних похорон, а она вместо этого потащилась в пряничную к белобрысой стерве, которая, бьюсь об заклад, какое-нибудь тайное заклинание доверия на свое послание навесила! Или в комнате в прошлый раз оставила, – махнув липкой ложкой, словно указкой, заявила оса. – Ты же маг, проверь чердак, раз все равно ждем!

Почти опустошенная банка клубничного варенья вопреки ожиданиям сыщицы только усилила ее нервозность. Умом она понимала, что паниковать рано, но профессиональное чутье буквально вопило об опасности, а осы, отправленные на поиски подруги, до сих пор не нашли ни следа.

– Если и было что-то, вряд ли оно сохранилось после достижения цели. Хотя, по мне, с этой глупой девчонки станется верить всем и вся без всяких чар-р-р, – рыкнул гробовщик.

Оборотень явилась в похоронное бюро к ужину. Она бы прилетела и раньше или послала новую шпионку к подопечной, но после улучшающего регенерацию ритуала, который ей любезно

показал дьер Эвир, несколько часов Олли-о не могла сменить ипостась, а когда у нее это наконец получилось, рванула со всех крыльев к Джемме, рассчитывая отведать очередной вкуснятины, делясь рассказом о целебном эффекте волчьей крови, вывести, чем закончились посиделки с Зарой, и проконтролировать сборы ведьмочки на свидание с Этьеном. Однако вместо угощения ее ждали хмурый гробовщик, пустующая кухня и размяукавшаяся кошка. Аттамс прибыл к восьми, чтобы отправиться с невестой на прогулку. Не обнаружив ее, он отчитал сыщицу за недосмотр, рыкнул на Гарда за то, что тот не только сам не озаботился поисками, но и ему не сообщил о пропаже, после чего унесся прочь, ни с кем не попрощавшись. А дьер Дорэ лишь одобрительно кивнул, когда сыщица, жертвуя очередным пальцем, отправила за изрядно взвинченным другом шпионку-осу. Как ни старался хозяин ПБ сохранять невозмутимость, беспокойство в итоге одолело и его. Когда горе-помощница не явилась накладывать иллюзии на покойников, гробовщик лишь досадливо вздохнул, предположив, что девица, по самый свой ведьминский колпак влюбленная в жениха, просто позабыла о рабочих обязанностях. Но едва выяснилось, что Аттамс не общался с Джеммой после совместного похода в ратушу, а дьера Сомс последний раз видела ее в пряничной, картина начала вырисовываться совсем иная. И Эдгарду она не нравилась. Под мерное постукивание ложки о стенки и доньшко опустевшей банки и под непрерывное мяуканье Вишни часы отсчитали последние секунды и пробили девять.

– Пора! – бросил гробовщик, надевая куртку. – Позже загляну еще в центральный морг, – озвучил он свои планы.

– Типун тебе на язык! – отмахнулась оса. – Хотя... загляни, чем чирташ не шутит. Думала, мы тут до десяти проторчим, – с сомнением посмотрев на циферблат, пробормотала она.

– Тебя никто не держал.

– А тебя держали? – съязвила рыжая.

– Я ждал...

– Дождался? – все тем же тоном поинтересовалась сыщица, но гробовщик не удостоил ее ответом. – Полечу, пожалуй, за Этьеном, еще пару ос зашлю в пряничную по третьему кругу, вдруг Джемма туда вернулась? – зачем-то поделилась намерениями Олли-о. – А одну здесь оставлю. Ну и с тобой отправлю полосатую малышку тоже, чтобы быть на связи, – сказала рыжая и рассыпалась жужжащим роем, уронив на пол одолженный мужчиной плащ. Дорэ кивнул, подобрал ставшую ненужной вещь, бросил ее на спинку стула и в сопровождении крылатого войска направился к выходу, где на пороге топтался молоденький нэрлис. Парень недоуменно рассматривал корзинку, стоящую на крыльце, да обрывки каких-то лоскутов, разбросанных по улице.

– Генеральная уборка... в разгаре, – неопределенно махнул рукой гробовщик, ничуть не удивившийся визитеру, которого на самом деле ждал. – Привлекает диких ос, – буркнул он, взглянув на зависший над тряпьем рой, после чего отправился вместе с горгоном к его экипажу, на ходу объясняя суть возникшей проблемы.

Где-то в бедных районах Готрэйма

Темнота была вязкой, плотной, словно густой кисель. Она распластывала, раскатывала и не давала пошевелить даже пальцем. Да что там пальцы, веки и те не поднимались. Джемме казалось, что ее тело камнем лежит на дне моря под толщей мутной воды, а рядом кружит стайка серебристых рыбок, невесомо касаясь ее скользкими плавниками.

– Просни-и-ись, – напевно звали они, и их тоненькие голоса постепенно сливались в один – такой знакомый и родной. Хм, разве рыбки умеют говорить? Или это все сон? – Просыпайся, Майла! Ну же, открывай глазки... – Холодный рыбий хвост пощечиной полоснул по лицу, давящая масса вдруг разом схлынула, и ведьмочка открыла глаза. – Ну привет, сестренка! Джемма бы испуганно вскрикнула, но из пересохшего горла вырвался лишь глухой кашель. В первые мгновения ей показалось, что она умерла и бестелесным духом парит над мирской оболочкой, покоящейся на камне. Но почему же тогда видит не ее, а свою призрачную сущность? Полупрозрачное лицо привидения куда больше напоминало отражение в зеркале,

чем немного позабытый образ Клариссы. Прошедшие с ее похорон шесть лет окончательно сгладили отличия во внешности, превратив разновозрастных сестер в близнецов. Или нет, не сестер? Дьер Эсми же показывал письмо лекаря.

– Клара? – наконец сумела выдать Джемма.

– Я, Майла. Это действительно я, – счастливо улыбнулась потусторонняя собеседница и радостно захлопала в ладоши. Звук напоминал шум прибоя. – Я знала! Знала, что все получится!

– Что получится? – переспросила ведьмочка, пытаясь сесть.

Тело все еще было вялым и не спешило подчиняться командам разума. Зато ощущения потихоньку возвращались, позволяя прочувствовать и шершавую поверхность камня под обнаженной спиной, и шелковистую прохладу брошенной на голое тело простыни. Она раздета? Но почему?! Закравшееся в душу подозрение придало сил, и девушка решительно приподнялась, опираясь на локти. Вопреки опасениям помещение, в котором она находилась, не было ни больничным моргом, ни залом в подвале ПБ – тем самым, что пришлось отмывать в свой первый рабочий день. Обычная комната с обшарпанной деревянной дверью, плотно зашторенными окнами, мозаичным паркетом, пыльной люстрой и парой потрепанных кресел. Не вписывались в этот простенький интерьер лишь мерно светящиеся линии пентаграммы, начерченной на полу, испуганно подрагивающие огоньки черных свечей и каменный стол, похожий на языческий алтарь.

– Где я? – прошептала Джемма, озираясь. – Это что, чирташев жертвенник? – нервно комкая на груди простыню, спросила она. – Ты решила меня... – Застрявший в горле ком помешал закончить фразу.

– Да нет же! – воскликнул призрак, усаживаясь прямо на ноги Джеммы. Невесомый и ледяной, словно осенний ветерок. – Да, это все атрибуты ритуала, но вовсе не жертвенного! – с жаром принялась убеждать «сестра». – Я хочу, чтобы ты помогла мне... вернуться! – загадочно улыбнулась она.

– К-куда? – запинаясь, уточнила ведьмочка. Возможное воскрешение Клариссы отчего-то не обрадовало.

А привидение, как назло, выдерживало театральную паузу, не спеша отвечать. Несколько недель назад, до знакомства с Элом, подобное соседство, как, впрочем, и сам факт беседы с покойницей, напугали бы девушку до полусмерти, теперь она лишь мимолетно отмечала холодок, скользящий по коже, и с тоской понимала, что все это происходит на самом деле.

– Почему ты молчишь? Ты решила вернуться в мир живых?

– Ты мне не рада? – обиженно надул губы призрак.

– Рада, – ответила Джемма не задумываясь и тут же поняла, что действительно не прочь поболтать с духом покойной «сестры». – У меня к тебе столько вопросов!

– У меня тоже, милая...

Как выяснилось, восставать из мертвых Кларисса не планировала, даже наоборот. Призрачная женщина с жаром говорила, а ведьма слушала и изредка поддакивала, даже не пытаясь вклиниться в ее монолог. Оказаться один на один с настоящим духом было... странно. После недель, проведенных в похоронном бюро, и отнюдь не мимолетного знакомства с посланниками Саймы напугать или хотя бы удивить ведьмочку одним-единственным привидением было сложно. Эффект неожиданности схлынул вместе с жутковатыми подозрениями, и... Джемма успокоилась. Не совсем, конечно, но от вида расчерченного пола и догорающих свечей ее уже не потряхивало, а сидящий рядом дух перестал вызывать нервный озноб. И все равно эта полупрозрачная версия Клариссы настораживала девушку – бестелесная фигура имела крайне мало общего с тем образом, что хранился в ее памяти.

Откуда-то вдруг в «сестре» появились капризность и театральность, самолюбование и даже истеричность. Стала ли смерть причиной этих перемен в ее характере или Клара всегда была такой? А вдруг ведьмочка отрицательные качества приписывает ей неосознанно, чтобы оправдать собственную черствость и неблагодарность? Ведь она любит Этьена, а он – муж покойной «сестры». Вопреки высказанным вслух заверениям, Джемму совсем не обрадовала неожиданная встреча с прошлым, и потому она чувствовала себя виноватой, что, впрочем, не мешало ей, вслушиваясь в пылкую речь привидения, понимать: из нее пытаются сделать дуру. – Значит, ты все эти годы присматривала за нами, но была слишком слаба, чтобы показаться или заговорить? – Простыня, даже дважды обернутая вокруг тела, не спасала от холода

каменной плиты, однако температура пола была еще ниже, а кресла казались такими ветхими и пыльными, что девушка не отважилась покинуть «алтарь». Он был хотя бы чистым, если не считать нарисованных по углам магических символов, которые тоже светились.

– Да, да, я ведь уже сказала! – нетерпеливо ответила призрак. – И вот наконец... – продолжила она с пафосом, но ведьма перебила:

– А как только набралась сил, вместо того чтобы обратиться ко мне напрямую, попросила Зару выкрасть книгу и заманить меня в ловушку?

– Да нет же! Я...

– Зачем были нужны такие сложности, Клара? – Джемма очень старалась не демонстрировать свое недовольство слишком явно, но холодный каменный стол, непонятно куда исчезнувшая одежда, мысли о неминуемом гневе дьера Дорэ, а главное, беспокойство, что Этьен уже наверняка обнаружил ее отсутствие, доброжелательности не способствовали. Высокие черные свечи, расставленные по углам пентаграммы, которые теперь, когда девушка сидела, были особенно хорошо видны, пробуждали задремавший было страх. Хотя «сестрица» и уверяла, что не причинит ей вреда, Джемма сомневалась.

– Я хотела с тобой поговорить, но... – Очередная трагическая пауза едва не заставила собеседницу зарычать. – Как я могла, когда рядом с тобой все время то этот жуткий гробовщик, то рыжая девка, то... – Призрак шумно всхлинула и, прижав к полупрозрачной груди такие же эфемерные руки, громко прошептала: – Мой муж!

Еще совсем недавно, услышав эти слова, ведьмочка непременно бы покраснела, потом побледнела и пожелала себе немедленно провалиться сквозь землю. Но после убеждений жениха и осы, а также в свете информации, предоставленной дьером Эсми, Джемма начала смотреть на ситуацию под другим углом. Вместо вины и смущения за свою любовь к зятю она испытывала лишь раздражение и жгучее желание выяснить наконец истинную причину столь неожиданной встречи с его мертвой женой. А еще ей очень хотелось вернуться домой: к ворчанию дьера гробовщика, урчанию верной Ви и теплой улыбке Этьена. Ее Этьена! Кларисса лгала... Она лгала и раньше, утверждая, что они родня, то же самое эта призрачная особа делала и теперь. Но если в прошлом ее обман звучал вполне убедительно, то сейчас рассказы о необходимости похищения воспринимались полным бредом.

– Хорошо. Пусть ты не могла обратиться ко мне в ПБ, опасаясь Эдгарда, пусть видела, как я забрала книгу из библиотеки, пусть уговорила Зару попроситься ко мне в гости... пусть! Но скажи, во имя Марны, зачем надо было меня усыплять и привозить сюда? Что это, кстати, за дом? Чей он? Откуда здесь этот каменный стол? Кто расставил свечи, начертил пентаграмму? Зара? И где она? Почему прячется? И кто, чирташ вас всех поберет, тот зеленоглазый мужчина, что был в парке?!

– Майла!

– Я не понимаю, что за ритуал вы вознамерились провести, – игнорируя ее возглас, продолжала ведьмочка. – Не жертвоприношение, говоришь? Нет? Тогда почему меня раздели и уложили в позе покойницы на алтаре?!

– Майла, сестренка... почему ты так со мной разговариваешь? – Призрак недовольно поджал губы. Кларисса всегда так делала, когда сердилась или хотела вызвать в Джемме чувство вины. – Я все это затеяла ради тебя! Я так старалась, а ты... Ты даже не даешь мне все как следует объяснить! Скончавшись в той проклятой родильной, я не ушла за полог – осталась, чтобы присматривать за своими крошками и за тобой. А потом, когда решила предстать перед Саймой, путь к перерождению для меня оказался закрыт. С тех пор я незримо витала рядом с вами, гадая, как мне быть дальше, а потом вспомнила, что в книге, доставшейся мне... от подруги, описан подходящий ритуал. Но провести его без помощи живых невозможно. От других свободных призраков я узнала, что лишь через несколько лет скитаний смогу двигать небольшие предметы, показываться людям на глаза и даже говорить с ними. И вот такой день настал! Я так ждала, так надеялась...

– А потом отчего-то решила пообщаться с посторонними, а не со мной или... с Этьеном?

– Милая, к чему твой сарказм? – вздохнула Кларисса. – Когда я вошла в силу, поняла, что мое присутствие в вашей жизни будет лишним! Малышки счастливы и совсем во мне не нуждаются, для мужа я – давно пройденный этап, да и тебе наша встреча, как вижу, неприятна. Поверь, если бы знала, как обойтись без твоей помощи, не стала бы беспокоить. Но для ритуала, который откроет мне путь за белый полог, нужен не просто человек из плоти и крови, но близкий

родственник. Думала, будет достаточно одного твоего присутствия, поэтому Зара с женихом... да-да, он просто ее жених, а не злодей из придуманных тобою фантазий. Почтенный дьер Дэгор специализируется на общении с призраками. Поэтому я к ним с дьерой Фарли и обратилась. Так вот, мы хотели, чтобы ты просто поспала в центре пентаграммы, а к моменту пробуждения твоя подруга уже вернула бы все на свои места, и ты бы ничего не узнала о случившемся. Но, похоже, для достижения результата требуется твое согласие и...

– Я не согласна! – заявила ведьмочка, хотя перспектива отправить неприкаянный дух в царство богини-сестры и выглядела привлекательно. Но куда больше Джемме хотелось выяснить всю правду об их с Клариссой прошлом. Однако для начала стоило все же одеться. А то, не приведи Марна, сюда вероломная блондинка со своим странным женишком явится, а она тут сидит в чем мама родила и препирается с привидением. Рука мимолетно коснулась мочки уха, не нащупав подаренных Этьеном сережек, и ведьмочка вздохнула. Он говорил, что в них она точно не потеряется. А что теперь?

Участие в магической аванюре казалось ей крайне рискованным. Слепо доверять «сестре», как это бывало прежде, она больше не собиралась. Раз Клариссе понадобилась помощь, что ж... пусть сначала ответит на вопросы, а потом Джемма позаботится об ее уходе за полог. Только не через сомнительный обряд, о котором она ничего не знает, а с легкой руки Элроя... хотя скорее уж стараниями его гигантского меча. Жнец вполне способен открыть для заблудшего призрака путь к вечному покою или перерождению – ведь в этом и заключается его работа. Конечно, ходят слухи, что некоторые души в наказание отдают на съедение пожирателям, но... это ведь только слухи. Жаль, нельзя позвать Эла прямо сюда, хотя, зная тягу посланника к сладостям, он наверняка явится в ближайшее время в ПБ. Всего-то и надо – устроить этим двоим встречу, а заодно получить повод вернуться домой. Так Джемма и сказала призраку, уверенная, что нашла лучшее решение для всех. Но вопреки ее ожиданиям идею не одобрили. Более того, на белом лице «сестры» на миг появилась злобная гримаса, которая так быстро сменилась скорбным выражением, что ведьма заподозрила у себя обман зрения.

– Нет, Майла! Я устала ждать! Все эти годы я мечтала уйти, и вот сейчас, когда цель так близка, ты предлагаешь мне отступить? А если твой жнец запрет меня навечно за пологом, лишив права перерождения в назидание другим непокорным душам?! Или того хуже, отдаст монстрам Саймы! – взвизгнула она. – Неужели тебе меня совсем не жаль? Ты здесь, все готово! Ну же, малышка... не упрячься. Единственное, чего не хватает, – это твоего согласия. Или ты хочешь, чтобы сюда привезли Энни или Анни? – Последнее прозвучало как угроза. Если Джемме и требовалось доказательство, что ею беззастенчиво манипулируют, она его получила.

– Где моя одежда? – холодно спросила ведьма, спрыгивая с «алтаря».

– Никуда ты не пойдешь! – закричала раздосадованная «сестрица», она белым вихрем метнулась к выходу и зависла, преграждая пленнице путь. Та невольно отшатнулась от ставшего пугающим призрака.

– Это глупо, Кларисса! Эл Стальной тебе поможет, я знаю. Он отличный парень.

Полупрозрачные губы скривила злобная ухмылка, но ответить призрак не успел. Резко распахнувшаяся дверь пролетела сквозь эфемерное тело и с грохотом стукнулась о стену.

– Майла! – выдохнул ворвавшийся в комнату Этьен. – Как ты сюда... – Он запнулся, узрев прямо перед собой дух мертвой жены.

– А вот и муженек явился! Живучий, гад, – кисло усмехнулась Кларисса, забыв о ведьмочке, растерянно застывшей посреди комнаты и нервно тискающей несчастную простыню.

– Ты? – изумленно прошептал оружейник, невольно опуская руку с зажатым в ней «жалом».

– Я! – пропела покойная супруга и, подлетев вплотную, предложила: – Поцелуемся? – Призрачные ладони обхватили шею мужчины, а ледяные губы коснулись искаженного гримасой рта.

– На прощанье! – дополнил реплику Клариссы Дэгор, едва переступив порог, и с силой вонзил кинжал в спину оружейника. В попытке отделаться от прилипчивого привидения Этьен не успел вовремя среагировать, за что и поплатился.

Отчаянный вопль, вырвавшийся из горла кинувшейся к любимому ведьмочки, оборвался, когда в нее швырнули новую порцию печально знакомой пыльцы с сонным эффектом и запахом болотной гнили.

Некоторое время спустя

Багровая лужа расплзлась по паркету, въедалась в дерево, смешивалась с пылью и оплывшим воском, размывая линии потухшей пентаграммы. Вместе с кровью капля за каплей из тела дьера Аттамса уходила жизнь. Серые глаза бессмысленно смотрели в потолок, готовясь закрыться навсегда. Воздух в углу комнаты подернулся белесой дымкой, облачко тумана уплотнилось, разрослось, и из него шагнула окутанная светящимся ореолом девочка.

– Опять кто-то дохнет без разрешения, – буркнула Дис, выуживая из ножен на спине свои парные мечи. – И все жнецы конечно же заняты. Ни минуты покоя! – Подойдя к умирающему, она остановилась, присмотрелась и недовольно сморщила носик. – Знакомые лица... – протянула координатор жнецов, раздраженно пнув носком туфельки руку мужчины, судорожно сжимающую эфес тонкой шпаги. – Это что же получается... он тут сейчас ко мне за полог отправится, а безмозгло-жизнерадостная ведьма навечно у Гарда поселится? Ну уж нет! Мечи с тихим шелестом вошли обратно в ножны. Присев на корточки, девочка сосредоточилась и, ухватившись за тонкую светящуюся нить, идущую куда-то вверх от груди оружейника, с силой ее дернула. Намотав длиннющий обрывок на шею мужчины и завязав кособоким бантиком, Дис наклонилась, прижалась на миг губами к его лбу и, проворчав: «Живи, герой!», исчезла.

Однако жить, по крайней мере спокойно, дьеру Аттамсу было еще рано – не успела посланница Саймы раствориться в воздухе, как дверь распахнулась, едва не задев ноги раненого.

У перешагнувшего порог оборотня хищно раздувались ноздри – крови было так много, что ее солоноватый запах уловил бы и куда менее чувствительный нос. Окинув внимательным взглядом комнату и убедившись, что больше в ней никого нет, Акеллар опустился на колено рядом с Этьеном и проверил пульс. Удостоверившись, что сердце слабо, но бьется, волк выудил из-за пазухи плоскую флягу с мутно-зеленой жидкостью, перевернул оружейника и щедро полил зиявшую на его спине рану. Большого он сделать не мог, да и время поджимало. Ведьмочка, что пекла отменные пирожки, была здесь совсем недавно, ее след еще не остыл. И ей помощь оборотня требовалась даже больше, чем Аттамсу. Отшвырнув в сторону опустевшую флягу, оборотень принялся поспешно раздеваться, пряча в ворохе одежды свою коллекционную трость. Жаль, но взять ее в погоню не удастся, разве что в зубах тащить, а это чревато нежелательным промедлением. К тому же он уже вызвал помощь, значит, за вещами присмотрят. Минуты не прошло, как крупный белый волк устремился прочь от кособокого домика, расположенного на отшибе одной из бедных улочек Готрейма.

Чуть позже

Дверь снова открылась, взметнув в воздух валявшуюся поверх кучи одежды шляпу. Осторожно заглянувшая в комнату гостья, закутанная в черный плащ, оценила обстановку и разочарованно застонала.

– Ну почему, почему я опять опоздала?! – В возгласе Варфаламеи слышалась досада. Сняв с головы капюшон, она раздраженно стукнула кулачком по стене. – Эта тварь опять улизнала! Еще и убила кого-то. Хотя... – Не уделив и толики внимания лежавшему в луже крови мужчине, ведьма медленно обошла пентаграмму на полу, затем шагнула к каменному столу, потрогала кончиком пальца один из нарисованных на углу символов, коснулась оплывшей и давно погасшей свечи. Глаза ее затаили белесой пеленой, ноздри хищно дрогнули, а на губах появилась пугающая улыбка. – Интерес-с-сно! – прошептала женщина, в этот момент похожая на потустороннего монстра. – К кому же это ты так крепко себя привязала, гадина? – Вопрос остался без ответа.

Хрупкая блондинка с миловидным лицом, на котором гостило отнюдь не невинное выражение, вышла на середину комнаты и предвкушающе ухмыльнулась. Она смежила веки, затем раскинула руки, повернув их ладонями вверх, и принялась медленно кружиться, пытаясь

уловить отголоски проведенного здесь ритуала, но вместо этого нашла кое-что другое – где-то внизу слабо билось еще одно сердце и металась в панике чья-то истерзанная душа. В отличие от оружейника их обладательницу никто не искал. Тихо выругавшись, Варфаламея снова накинула капюшон, пряча в его тени лицо, и отправилась на поиски входа в подвал.

Через двадцать минут

Следующий визитер, нагрянувший в некогда одинокий дом, ущерба многострадальной двери не нанес лишь потому, что она так и осталась открытой.

– Ты уже здесь? – произнес ничуть не удивленный дьер Эсми, устало привалившись к косяку. – И опять без результата? Может, тебе на покой пора, Варя?

– Крайне невежливо напоминать девушке о возрасте, – огрызнулась внешне молодая блондинка, похлопывая по щекам бледную до синевы брюнетку с растрепанной косой. Эту несчастную Варфаламея обнаружила в подвале, в стенной нише, скрытой за одним из стеллажей. Если б не она, девчонка умерла бы там, не сумев выбраться, даже если бы очнулась. Ведьма очень надеялась привести ее в чувство, чтобы выяснить хоть что-нибудь полезное. – Ну чего стоишь, как на смотринах? Лучше бы лекаря вызвал. У нас тут сразу две недобитые жертвы.

– Так, может, добить? – задумчиво протянул Вэйдмар, разглядывая Этьена. Тот по-прежнему был без сознания, но угроза для его жизни, похоже, миновала.

Увы, как следует поразмыслить над заманчивой идеей, пришедшей в его голову, градоправителю не удалось. Сперва в популярный этой ночью дом ворвалось рыже-коричневое жужжащее облако, за ним степенно вошли два вооруженных нэрлиса, которые, заметив градоправителя, дружно поклонились и застыли по обе стороны от двери, будто статуи. Затем порог комнаты переступил угрюмый гробовщик.

– Вы как раз кстати, дьер Дорэ! – оживился градоправитель, жестом приказывая горгонам выйти. – Как, по-вашему, во сколько обойдутся пышные похороны и солидный гроб вот на эти габариты? – кивком указав на Этьена, поинтересовался он.

– Воскресить дешевле, – невозмутимо ответил Эдгард, глядя исключительно на Варфаламею. Та при виде его скромно опустила глаза и, отойдя от бесчувственной брюнетки, с показной робостью принялась изучать собственные ногти, как будто ничего интересней поблизости не было.

– С таким подходом к клиенту вы мигом разоритесь, дьер гробовщик, – рассмеялся Вэйдмар. Осинный рой, собравшись в плотный кокон, превратился в одноногую полосатую девицу, которая, нисколько не смущаясь своего вида, рухнула на колено рядом с раненым и, зло взглянув на остальных, прошипела:

– Какие похороны, вы что, совсем спятили? – Олли-о принялась лихорадочно ощупывать друга, проверяя его состояние. – Психи, все психи, – пыхтела она, чуть не плача. Вроде понимала умом, что Аттамс выживет, так как одна из ее ос наблюдала и визит девочки-жнеца, и поступок волка, чье дивное снадобье остановило кровь, но... сердце все равно сжималось при виде распластанного на полу тела Этьена.

– Вы тут разбирайтесь, а я, пожалуй, пойду! – подала голос Варфаламея, бочком пробираясь к выходу.

– Куда это? – заступил ей дорогу Эдгард. – Сначала поговорим.

– Потом как-нибудь, – оглянувшись на дьера Эсми, пробормотала она.

– Где моя ведьма? – гаркнул гробовщик.

– Твоя?! – взвилась Варя.

– Наш-ш-ша, – прошипела оборотень, подняв пылающие ненавистью глаза на ту, из-за кого была вынуждена восстанавливаться столько дней. Правда, после помощи Эвира и новой порции его крови процесс шел ударными темпами, и при следующем обращении оса планировала вернуть прежнюю форму, но... содеянного многоликой тварью, стоявшей напротив, это не отменяло!

- Понятия не имею, где
ваша
ведьма, – с самым честным видом ответила блондинка. – Я просто мимо проходила, никого не трогала. И дальше пойду, ладно? – Она снова покосилась на градоправителя.
- Выпустите ее, – махнул рукой тот.
– Она преступница! – возразил дьер Дорэ.
– Осоубийца! – поддакнула сыщица.
– Я бы сказала, карающая рука триумвирата, – ничуть не испугавшись обвинения, заявила Варфаламея. – А некоторые излишне любопытные насекомые, как я смотрю, живы и почти здоровы, – добавила, одарив взглядом оборотня.
– Хочешь сказать, что племянника почтенного дьера Эми ты прикончила по воле богов? – Губы Эдгарда тронула кривая усмешка.
– Этот рыжий мерзавец, простите, дьер градоправитель, за такие подробности, – явно переигрывая, повинилась ведьма, – несколько лет безнаказанно соблазнял и топил в бассейне молоденьких девочек из бедных кварталов, а потом его слуги скидывали трупы под Звездным мостом, чтобы никто не заподозрил убийства. Тебе никогда не казалось странным, что каждые месяц-два в Готрэйме появлялась новая утопленница, которой бы еще жить да жить?
– Ко мне на стол они не попадали, – пожал плечами гробовщик.
– Естественно! Потому что богатенького подонка прикрывал могущественный дьер Бо.
– И за это ты убила его? благородно, угу. – Мужчина откровенно иронизировал.
– Убила, потому что мне была нужна его должность, – не стала утаивать очевидное Варфаламея. – Но никто ведь не мешал совместить необходимое с полезным, верно?
– Допустим, убедила, – сказал собеседник. – Эти двое заслуживали кары. Но чем провинился нэрл Гэлвин?
– Хотелось бы мне сказать, что ничем, но и его руки в крови, – ответил за ведьму градоправитель. – При всей своей положительности этот горгон любил сбрасывать напряжение, избивая до полусмерти заключенных. А некоторых и до смерти. Пусть они преступники, но... это не повод использовать их вместо боксерской груши, согласитесь, дьер Дорэ.
– Но ведь наверняка были и другие жертвы этой «карающей руки», – не сдавался Эдгард.
– Может быть, но мы об этом не знаем, – с намеком проговорил рыжий. – Отпустите девушку, у нее дела. Под мою ответственность!
– Под вашу и храма триумвирата? – глядя в лицо Вейдмару, уточнил гробовщик.
– Все верно.
Брюнет машинально тронул похожую на крест серьгу в своем ухе и шагнул в сторону, освобождая проход. Варфаламея, благодарно кивнув, поспешила воспользоваться шансом и выскользнула из комнаты.
– Полагаю, объяснять, что разглашение этой информации под запретом, не стоит?
– Нет.
– Вот и отлично! А вам, дьера? – Градоправитель уставился на одноногую сыщицу, из одежды на которой были лишь рыжие полосы, но ее это мало волновало.
– А мне нужен лекарь! Ен, чирташев сын! Очнись уже, а? – Олли-о позорно шмыгнула носом, отвернулась и тихо буркнула: – Да кому я проболтаюсь? А если и так, кто мне поверит? – Про то, что служение храму трех богов добавляет плюсов репутации любого политика, о чем дьер Эми и сам прекрасно знал, но зачем-то решил повязать их всех общей тайной, оборотень благоразумно промолчала. – Вы вызвали лекаря? – вернулась она к прежней теме.
– Не переживайте так о раненом, дьера Сомс! – сказал градоправитель, давая понять, что прекрасно осведомлен о личности собеседницы. – Оружейнику пока лучше побыть без сознания. И да, помощь уже в пути, – отбросив в сторону шутки, серьезно проговорил он. – Насколько я могу судить, а опыт у меня немалый, этот тип будет отравлять мне жизнь еще очень долго.
– Согласен, – тряхнул черными кудрями гробовщик. – Разве что утопится, потеряв свое лиловое сокровище. Чем причитать, Олли-о, лучше бы продолжила поиски!
– А я и не прекращала! – огрызнулась та, показав ему руку без трех пальцев.
– То есть ты в курсе, где Джемма?
– Да.

– Рассказывай! – велел Эдгард, подойдя к ней.
– При нем? – Оборотень покосилась на дьера Эми.
– Ну я же открыл вам свои страшные тайны, – усмехнулся тот, снимая дорожное пальто, которое накинута на плечи обнаженной сыщицы. – Долг платежом красен, девушка. Тем более Джемма дорога мне не меньше, чем вам. Итак... где она?
– Там же, где ваш ручной волк, – не удержалась от шпильки оборотень. Потом задумалась, на миг прикрыла глаза и, резко распахнув их, заявила: – Мне пора. Оставлю вам пару ос-проводников. Догоняйте! – В то же мгновение пальто шлепнулось в кровь, рукавом стегнув раненого, а воинственно жужжащий рой вылетел за дверь.

Глава 18

Где-то за городской чертой

Стены Готтрэйма давно остались позади, запряженные в карету лошади неслись на пределе сил, но до моря все еще было слишком далеко. Шляпа слетела с головы зеленоглазого возницы на первом же крутом повороте, и теперь каштановые кудри дьера Дэгора яростно трепал ветер, а полы распахнутого плаща крыльями взмывали вверх. Темно-коричневая ткань удачно скрывала следы попавшей на нее крови, если бы не это и не иллюзия, наложенная призрачной ведьмой на салон экипажа, выбраться из города без приключений вряд ли бы получилось. А так... пара золотых трэймов страже, чтобы не задавали лишних вопросов, и упоминание утреннего парома, на который торопится странный дьер, решили все возможные проблемы в зародыше. Руки Кайнара дрожали от перенапряжения в буквальном смысле, нервы – в переносном. А еще мужчину душила ярость. Холодная колючая ярость, от которой темнело в глазах и скрипели плотно сжатые зубы. Чувал он, что добром это все не кончится, но разве Рисси переубедишь?
– Поаккуратнее там! – в который раз за время бешеной скачки завопила его призрачная спутница, высунувшись по пояс из крыши кареты аккурат рядом с сидящим на козлах мужчиной. – Ты представляешь, как тяжело сосредоточиться, когда Майлу трясет, как желе в стакане?
– А ты представляешь, как мне не хочется попасть в тюрьму за похищение и убийство? – огрызнулся Дэгор, на миг повернувшись к духу, из-за чего экипаж ощутимо качнуло. – Все твои idiotские идеи, сестренка!
– Вселение прошло бы идеально...
– Но не прошло! – рявкнул Кайнар, вымещая свою злость ударами кнута на боках ни в чем не повинных животных. Лошади заржали и прибавили скорости, а кучер заорал, прекрасно зная, что его слышат: – Идеально было бы следовать моему плану! Приворотное зелье, немного подчиняющей магии, быстрое бракосочетание в местном храме... и наследство наше, а что теперь?
– Для тебя идеально, братец! Только для тебя, – процедила сквозь зубы Кларисса, продолжая маячить рядом. – Ты получил бы покорную и, чего уж скрывать, симпатичную жену вместе со всеми деньгами старика Морта, а я? Так и прыгала бы от одной одноразовой оболочки к другой? Или, может, сразу к Сайме отправилась на поклон, чтобы она стерла мне память и засунула в тело новорожденного младенца? Или заперла в белом мареве навеки! Или... да о чем с тобой говорить, ты же не мертв! Я не для того столько лет себе тело выращивала, чтобы только ты им воспользовался! Даже внешность свою корректировала, делая нас с Айлой похожими. Я слишком много сил вложила в эту идею, и не смей говорить мне, что она плохая! – взвизгнула призрак прямо в ухо брата.
Он дернулся, поморщившись, карету снова тряхнуло.
– Ты умерла, сестренка, понимаешь? Умерла! – сказал Кайнар, тяжело вздохнув. Он больше не кричал, хотя по-прежнему злился. – А ритуал твой рассчитан на обмен душами между живыми людьми.

– Ерунда! Ты совершенно не разбираешься в магии, недоучка! – презрительно бросила она. – Я все продумала...

– Плохо продумала, раз ничего не вышло! – рыкнул возница. – Сколько раз ты уже пыталась, о всезнающая аза? Четыре?

– Четыре было в доме, – мрачно признала призрак. – Еще шесть в пути.

– Вот видишь! – победно воскликнул он. – Говорил я тебе вчера: не надо спешить. Потренировалась бы еще неделю-две, зато потом...

– Я устала ждать! – вновь сорвалась на визг Кларисса. – Это ведь не тебе пришлось возиться с сопливой девчонкой, растить ее, воспитывать, притворяться, что любишь, а потом случайно залететь, сдохнуть при родах и шесть лет болтаться рядом с ненавистной семейкой, имея возможность лишь наблюдать, когда очень хочется вмешаться и накомстылять всем по шее. Вдруг мой сластолюбивый вдовец сделал бы ей ребенка? Что тогда?! Беременная для ритуала не подходит!

– Не ори! – отрезал Кайнар. – Я не виноват, что Арис умудрилась свернуть себе шею, прежде чем ты подготовила ритуал. Из-за твоего недосмотра четыре года ожидания, пока старшей дочери Шертана исполнится двадцать один, превратились в восемнадцатилетнюю канитель до совершеннолетия младшей! И уж точно не моя вина, что тебе приспичило выйти замуж и окочуриться при родах!

– Сам бы попробовал, не привлекая излишнего внимания, содержать себя и ребенка. Аттамс был идеальным вариантом, – парировала Кларисса, явно намереваясь добавить еще пару ласковых, но брат перебил:

– Ладно, сестренка, давай успокоимся! Ссориться сейчас ни к чему. Конечно, было бы лучше следовать моему плану изначально, но раз твоя затея провалилась, к нему еще не поздно вернуться. Увезем Айлу на континент, и я на ней женюсь...

– Через мой труп!

– Ты уже... труп, – хмыкнул возница.

– И ты им скоро с-с-станешь, – угрожающе прошипел призрак, нависая над собеседником. – Ай, да ладно, Кай! Все получится, если эта дура скажет «да», – сменила она гнев на милость.

– И как ты убедишь ее дать согласие?

– Придумаю!

– А если все равно не выйдет?

– Не хочу даже думать об этом.

– Есть еще один вариант. – Мужчина снова стегнул лошадей и громко присвистнул, подгоняя их. – Приворот может не сработать, подчинение разума тоже дает сбои, а вот если Айла родит от меня ребенка – наследника рода Морт...

– Что-о-о? – в лучших традициях привидений взывала Кларисса.

– Сама подумай... девчонка после родов помрет, как и ты. Я же, будучи отцом маленькой наследницы, до совершеннолетия смогу распоряжаться всем имуществом Мортов, а за это время мы доработаем твой ритуал, и ты займешь тело племянницы. Конечно, может родиться мальчик, но...

– Ты совсем спятил? А мне что все эти годы делать? Бесплотным духом витать и умиляться тому, как ты радостно тратишь наши деньги?

– Зачем же бесплотным? Ты прекрасно вселялась последние пару месяцев в разных девиц.

– Прекрасно, да! Только вот при таком методе носитель сходит с ума и умирает через несколько дней. Предлагаешь мне осваивать роль зомби?! – возмущенно поинтересовалась сестра.

– Доработаешь свой ритуал, подберешь симпатичную жертву и вселишься как положено. А когда придет время, используешь запрещенную магию для обмена телами с племяншкой, как и планировала.

– Не могу!

– Почему? – с досадой спросил Кайнар.

– Потому что половина обряда уже проведена и я получила привязку к телу Айлы. Но захватить над ним контроль, как и пробиться внутрь, не могу! А бросить – не получается. Я даже отдалиться от нее больше чем на несколько шагов не в состоянии.

Молчание, повисшее между собеседниками, было тягостным. Зато позволило кроме громкого стука копыт и шума ветра услышать тихий стон, донесшийся из кареты, и прозвучавший где-то вдалеке волчий вой.

На той же дороге

Акеллар уже почти не чувствовал лап. Скорость оборотня позволяла ему не упускать экипаж беглецов из виду, но вот нагнать никак не получалось – проклятые копытные, выведенные магами, мчались все быстрее. Иногда расстояние удавалось немного сократить, и тогда до чуткого слуха волка долетали выкрики сидевшего на козлах мужчины и его призрачной собеседницы. От него нестерпимо разило кровью и страхом, от нее – холодом. Полностью понять, о чем говорят эти двое, было нельзя, но и того, что удавалось разобрать, хватало для вывода: ничего хорошего в их компании ведьмочку не ждет. Бежать и дальше за каретой Эвир считал бессмысленным. Но если срезать через холм, который экипажу придется огibtать... «Может получиться!» – решил волк, сворачивая с ночной дороги.

В карете

– Соглашайся, – требовал призрак, нависая над Джеммой, которая лежала на полу кареты, похожая на гусеницу в коконе из простыни. Плотное спеленатое тело затекло и обзавелось многочисленными синяками. На каждом ухабе экипаж подбрасывало, а вместе с ним ненадолго взлетала и ведьмочка, порой ощутимо прикладываясь головой о край сиденья. Но хуже всего было не это, и даже не то, что ее везли неизвестно куда. Больше всего девушку пугали кровавые пятна на ее импровизированном одеянии. – Ты же любишь моего мужа, да, Майла? – вкрадчиво продолжил дух, ласково поглажив девушку по щеке. От этого, казалось бы, невесомого прикосновения Джемму до костей пробрало холодом. – Так зачем тебе жить, когда он умер? Ведьма зажмурилась, пытаясь удержать слезы, и прикусила губу. Верить, что Ен действительно мертв, она не желала. Пусть сама видела, как оружейник упал, истекая кровью после подлого удара в спину, пусть... Но он ведь мог выжить! Потому что ему нельзя умирать! – Просто скажи «да» и сможешь уйти вслед за ним, – искушающе шептала Кларисса, в которой Джемма с трудом узнавала женщину, вырастившую ее. Наконец-то она перестала ломать комедию и открыла как свое истинное лицо, так и планы. – Ну же, малышка, всего одно слово! Больше не будет страшно и не будет больно... – Нет! – отрезала Джемма. – Даже если Ена больше нет, я нужна близняшкам... – Ты им никто! – сорвался на крик призрак, но тут же вновь сменил тон на увещающий: – Я их родная мама. Я! Кто лучше позаботится о детях, чем их мать? – Нет! – Упрямая девчонка! Я все равно добьюсь своего! – заорала Кларисса, в который раз взлетая к потолку кареты, чтобы рухнуть оттуда вниз в попытке слиться с телом измученной чарами ведьмочки. Джемму прошибло ознобом, глаза подернуло белесой пеленой, но уже через несколько мгновений все прекратилось, а вновь выброшенному из желанной оболочки призраку оставалось лишь бесноваться от злобы и бессилия. Слабость, овладевшая девушкой после очередного неудавшегося захвата, лишила возможности шевелиться, что уж говорить о попытках встать. Перед глазами все поплыло, а в ушах противно зажужжало. Или не в ушах? – Чирташевы твари! – раздалось снаружи. Карету потряхнуло, сильно накренило вправо, затем что-то громко звякнуло, надрывно треснуло, и... экипаж слетел с откоса под испуганное ржание лошадей.

Там же некоторое время спустя

– Дура! – лаконично заявил Акеллар, смерив неласковым взглядом полосатую девицу, прилаживающую к интимным местам несколько кленовых листьев. – Додумалась же лошадей покусать.

– Сам дурак! По-твоему, надо было позволить этим мерзавцам на материк удрать? – огрызнулась Олли-о, покосившись на волка, который, пока распрягал чудом уцелевших лошадей, умудрился где-то раздобыть лопух. Все еще зеленый, несмотря на осень, мясистый лист куда лучше подходил для прикрытия, чем ее кленовые огрызки. Тем более у мужчин и прятать всего одну деталь надо, а ей тут майся! – Можно подумать, выскочи ты вовремя из кустов, карета бы не опрокинулась, а развернулась и обратно в Готрэйм поехала!

– Я бы на крышу запрыгнул, сменил ипостась и спихнул этого, – оборотень пнул ногой связанного разодранной на полосы рубашкой Дэгора, – похитителя честных ведьм. И пленница осталась бы цела!

Олли-о виновато покосилась на подругу, завернутую в снятый с Кайнара плащ. Насколько она могла судить после беглого осмотра, риска для жизни Джеммы не было, но на макушке девушки красовалась солидная шишка, левая рука выглядела сломанной, и в сознание она не приходила.

– Сволочи! Мерзкая гадина! Псина шелудивая! Чирташевы отродья! – фоном этой короткой беседы завывала призрачная Кларисса, набрасываясь то на волка, то на осу, но те никак не реагировали на ее старания, чем бесили духа еще больше. – Ненавижу-у-у!

– Предлагаю развести костер и...

– ...вырыть землянку? – перебила оборотня сыщица. – Ну да, чем нам еще заниматься.

Создадим новую общину доблестных ос и медлительных волков! – пошутила она.

– Вообще-то я хотел предложить согреться и поискать одежду в чужих чемоданах, но твоя идея определенно не лишена смысла, – отозвался блондин, даже не улыбнувшись. – Думающие волки и безмозглые осы – так будет вернее.

– А потом можно будет устраивать засады и грабить экипажи, – продолжила рассуждать Олли-о.

Даже для нее столь длительное пребывание на не слишком-то теплом воздухе было чревато как минимум простудой, но снова оборачиваться роем она не спешила, ведь Джемма могла очнуться в любой момент, и поддержка подруги пришлась бы кстати. Да и переругиваться с конкурентом сыщице нравилось, это, как ни странно, успокаивало, отвлекая от переживаний за ведьмочку. К тому же их перепалка бесила Клариссу. Пустячок, а приятно! И еще грело душу, что она-то, Олли из общины ос, в отличие от зазнайки с лопухом знает, что минут через десять – пятнадцать сюда прибудет небольшой отряд горгон во главе с дьером гробовщиком и молодым лекарем. Его более опытный коллега под присмотром градоправителя повез в лечебницу раненого Этьена. Единственное, что проглядела вездесущая оса, – это явление закутанной в черный плащ фигуры, прибывшей на место крушения кареты раньше других.

– С-с-нова ты! – прошипела сыщица, отшвырнув в сторону бестолковые листья, которые лишь привлекали больше внимания к ее наготы. Может, эта неуловимая ведьма и за дело грохнула своих предыдущих жертв, но простить ей нечестный поединок Олли-о не могла. Хотелось как минимум расцарапать паршивке лицо, на котором сейчас странно мерцали подозрительно белесые глаза.

– Не лезь под руку, рыжая, – холодно бросила блондинка, чей взгляд был прикован к притихшему привидению. – Эвир, придержи свою подружку, я работаю.

– Да как... – начала возмущаться сыщица, однако волк, подскочивший к ней, бесцеремонно зажал девушке рот.

– Поверь сородичу, не связывайся, – шепнул он ей в ухо, крепче притиснув девушку к себе.

И Олли-о замерла, перестав вырываться из сильных рук мужчины, который, судя по тому, что она ощущала, где-то потерял свой лопух. Варфаламея тем временем подошла ближе к полупрозрачной Клариссе, отчаянно пытавшейся разорвать незримую нить, привязавшую ее к Джемме, и хищно облизнулась. А потом она открыла рот, и жуткий вой, от которого стыла кровь, разнесся по округе. Акеллар развернул сыщицу к себе лицом, и она благодарно уткнулась носом ему в плечо, не забыв зажать ладонями уши. О том, как пожиратели поглощают приговоренные души, девушка слышала разные версии, и частенько в них упоминалось, что наблюдающих сей процесс ожидает та же судьба. Так что, несмотря на

любопытство, дьера Сомс предпочла не рисковать. Эвир, к слову, тоже. Когда оборотни открыли глаза, ободренные тишиной, ни ведьмы с омерзительным даром, ни привидения с гнилой душой поблизости не было. Зато на дороге показался отряд горгон, и двупостасные не сговариваясь сиганули в кусты. Через минуту оттуда вылетел победно жужжащий рой, волк же предпочел не высовываться.

На следующее утро

Лучи неяркого осеннего солнца не без труда пробивались сквозь стекла витража, чтобы цветными бликами оживить стерильную белизну палаты. Мерно мигали зеленые огоньки на закрепленном возле двери табло. Из шарообразного сосуда, висящего под потолком, во все стороны растекалась золотистая свель, причудливые узоры которой действовали успокаивающе. Две узкие койки были сдвинуты к центру так, что лишь полшага не хватало до объединения их в одну кровать. Естественно, подобная расстановка мебели не соответствовала изначальной, но персонал настолько утомился, бегая между соседними палатами с вопросами и поручениями, что небольшое нарушение правил показалось меньшим из зол. Если эта покалеченная парочка хочет быть вместе – пусть, тем более главный лекар уже дал свое разрешение.

Хлопок распахнувшейся двери разорвал умиротворенную тишину, в комнату ворвались два ярко-красных вихря и тут же заполнили ее восторженным визгом.

– Майла! – Алый бант на голове Энни сполз и забавно болтался возле уха, накрахмаленные оборки пышного платья слегка помялись, зато на личике сияла счастливая улыбка, а в руках красовался букет металлических ромашек. Судя по стебелькам, переходящим в плоские овалы с монограммой «ГГ», совсем недавно они были столовыми приборами в доме бабушки. Малышка шустро влезла на койку и чмокнула растроганную Джемму в щеку. – Ба сказала, что ты сильно болела, но теперь почти выздоровела!

Ведмочка кивнула, подтверждая такую версию.

После всего случившегося она согласилась вернуться к прежней жизни, чтобы не вводить в заблуждение будущих падчериц и перестать наконец прятаться за чужими личинами. Тем более что Майла звучало почти как имя, данное родителями. Ее недавние похороны объяснили летаргическим сном, а чудесное спасение – внимательностью кладбищенского сторожа, услышавшего звон колокольчика, якобы доносившийся от свежей могилы. Такими нехитрыми приспособлениями в виде нити, за которую мог дернуть внезапно очнувшийся «мертвец», были оснащены все дорогие гробы. Потом, по придуманной общими стараниями легенде, ведмочка долгое время восстанавливалась в деревне, приходя в себя после болезни и душевного потрясения, сломала там руку, свалившись с яблони, и загремела на соседнюю койку с Этьеном, который получил ранение в схватке с грабителем.

– Папа! – Вопль Анни был ничуть не тише сестринского. Цветов у нее не было, зато имелась большая открытка со старательно нарисованной четверкой персонажей, в которых легко угадывались сами близняшки, их отец и ведмочка в лиловом платье.

Джемме очень хотелось обнять девочек, но целители строго запретили тревожить сломанную руку как минимум сутки. Этьену же и вовсе рекомендовали не двигаться, а лучше и не разговаривать еще пару дней. Правда, следовать указаниям дьер оружейник не собирался. Едва очнувшись и узнав, что вслед за ним в лечебный корпус поступила лиловая ведьма, он вознамерился ее немедленно увидеть. Приставленная к пациенту сиделка с удовольствием привязала бы этого беспокойного дьера к кровати, раз уж использовать снотворное или сонные чары маг, восстанавливавший повреждения, не велел, однако приходилось учитывать, что раненого привез сам градоправитель, ссориться с которым не хотелось никому.

– Не вздумай, Ен! – воскликнула ведмочка, верно оценив намерение жениха сесть, чтобы пообщаться с дочками, но отчитать его как следует Джемма не успела.

В палату медленно и важно вплыла дьера Ганн. Темно-синее платье женщины (как, впрочем, и одежда близняшек) выглядело слишком торжественным для визита в лечебницу, а нежно-розовую ажурную шаль, наброшенную на плечи Грэнны, легко можно было представить на

какой-нибудь юной кокетке, но никак не на ней. Девушка невольно втянула голову в плечи: от будущей свекрови она ожидала самого худшего и лишь робко надеялась, что при внучках дьера Ганн не станет высказываться слишком уж резко.

– Майлочка! – просияла посетительница, усаживаясь на краешек кровати. – Как ты себя чувствуешь, детка? – На лице Грэнны не было и намека на былую неприязнь.

– Хорошо, – чуть запнувшись, пролепетала ведьмочка.

– Я уже расспросила главного лекаря, – продолжила дьера Ганн, попутно поправляя бант на голове Энни, – и он заверил, что через три дня все последствия этого досадного происшествия будут ликвидированы. – Она выразительно посмотрела на согнутую в локте и забинтованную руку Джеммы. – Твои вещи и кошку сегодня же перевезут домой. С храмом о брачной церемонии я тоже договорилась. А еще составила список гостей, выбрала свадебный торт и многое другое, – заботливо поправляя одеяло на растерявшейся от такого напора девушке, ворковала Грэнна. – От тебя, дорогая, потребуется самая малость – примерить платье.

– Э-э-э... – попыталась вставить хоть слово обескураженная ведьмочка.

– Этьен и без примерки обойдется, – по-своему истолковала ее мычание дьера Ганн, поднимаясь. – Набирайся сил, Майлочка! Невеста на церемонии должна выглядеть цветущей. Энни, Анни, положили подарки и на выход! – скомандовала она.

Малышки дружно насупились, но, едва услышав о том, что дома их ждет Ви, покорно зашагали к распахнутой бабушкой двери. Спустя минуту лишь семейный портрет, нарисованной детской рукой, да металлический букетик нарушали порядок в палате. А еще глухой, надсадный кашель дьера оружейника, которого в отличие от Джеммы мать не удостоила ни единым словом.

– Ен, милый, тебе плохо? – всполошилась ведьмочка и, лишь потянувшись здоровой рукой к звонку для вызова сиделки, поняла, как ошиблась: оружейнику не стало хуже, он просто не мог совладать со смехом.

Просвещать озадаченную невесту насчет причины чудесного превращения, произошедшего с Грэнной, дьер Аттамс не стал, хотя догадывался, в чем тут дело. Наверняка его деятельная мать уже выяснила все подробности открывшегося прошлого Майлы, изучила глубину корней ее семейного древа, оценила размеры наследства и мигом сменила гнев на милость. Конечно, теперь было не избежать пышного торжества и кучи свадебных хлопот, но у вмешательства дьеры Ганн имелся и неоспоримый плюс – деваться его лиловой ведьмочке теперь точно некуда. Из цепких рук Грэнны перспективной невесте без кольца на пальце не выбраться.

Поздним вечером

Вэйдмар пришел значительно позже, когда часы, отведенные для посещений, давно миновали. Как и положено должностному лицу, сперва он заглянул в управление лечебницы, где выслушал весь перечень недавних достижений вместе со списком нужд, и лишь после этого нагрянул в интересующую его палату.

– Дьер Эсми! Приветствую! – искренне обрадовалась ему ведьмочка. Ускоренная магией регенерация работала отменно – сломанная рука почти не болела, и девушка уже не лежала, а сидела, подложив под спину подушку, и что-то чиркала в тетради. – Я составляю список вещей для поездки к дедушке. Как вы полагаете, шубу брать?

Этьен, чья рана была куда серьезнее, позволить себе сидячее положение пока не мог, зато ничто не мешало ему, осторожно повернувшись на бок, любоваться невестой. И уж конечно, никакое ранение не могло удержать оружейника от недовольной гримасы при виде рыжеволосого посетителя. Дьер Аттамс прекрасно понимал, что Вэйдмар не так уж плох, если не сказать – хорош, но избавиться от иррациональной неприязни не мог. Было в этом типе нечто настораживающее. Хотя, возможно, чувствами оружейника управляла банальная ревность, ведь градоправитель умудрился заявить права не только на его мать, но и на возлюбленную, пусть это были и малоубедительные права бывшего опекуна.

– Чем обязаны? – после обмена едва заметными приветственными кивками осведомился Этьен.

– Да вот, решил провести свою будущую семью, – с улыбкой ответил Вэйдмар, усаживаясь в кресло, и добавил, хмыкнув: – Сынок!

Раненый скривился, но комментировать провокационное обращение не стал. Не дождавшись предполагаемой реакции, дьер Эсми разочарованно вздохнул и перешел к делу:

– Полагаю, вам, как непосредственным участникам, будет небезынтересно узнать результаты допроса похитителя Айлы.

– Он выжил? – не без сожаления спросил Аттамс.

– Нашими стараниями. И проживет дьер Дэгор еще долго – в каменоломнях следят за здоровьем каторжников.

– Кто он такой? – отложив тетрадь, спросила ведьмочка. – Я кое-что слышала там, в карете, но ничего толком не поняла.

– Хм... – Гость ненадолго задумался. – Начну тогда, пожалуй, с самого начала. У дворецкого, чья семья не первое поколение служила роду Морт, было две дочери-близняшки. Одна из них служила кухаркой в поместье Миландера, другая управляла небольшой пряничной в соседней деревушке. Первая благополучно вышла замуж, вторая нет, но это не помешало ей родить двойню – мальчика и девочку. Косые взгляды соседей и послеродовая депрессия скверно сказались на здоровье бедной женщины, и после очередного срыва она утопилась. Кайнара же и Клариссу, которую все сокращенно именовали Риссой, забрала на воспитание тетка. Попавшие в дом Морта малыши сразу же стали объектом всеобщего внимания: каштановые локоны, редкие в том краю, слишком выразительные зеленые глаза подозрительно знакомой формы... Люди шептались за спиной, а то и прямо говорили, что Миландер, едва овдовев, обрюхатил молоденькую девицу, а жениться на простолюдинке отказался, вот она с горя и кинулась в омут головой. Открывшийся у Риссы лиловый дар, свойственный почти всем Мортам, лишь подтверждал слухи.

– Так Клара была моей тетей?! – воскликнула пораженная историей Джемма. – Рисса? Значит, та серая книга принадлежала ей, а не подруге, – скорее для себя, чем для остальных, пробормотала она.

– Позвольте продолжить, нетерпеливая дьера, – в шутку пожурил ее рассказчик, но ведьмочка все равно смутилась. – Близнецы росли в уверенности, что имеют права на родовое имя, поместье и прочие блага наравне с вашим отцом – законным наследником. И в день совершеннолетия они явились эти права предъявить. Миландер откровенно рассмеялся им в лицо, а артефакт, часть которого я вам показывал в кабинете, начисто проигнорировал совершеннолетие этой парочки, не выпустив ни одного нового ростка на главной ветви. Вскоре выяснилось, что отцом двойняшек был четвероюродный кузен Морта, кровь которого фамильное древо не воспринимало как близкородственную. А столь явное сходство с главой рода, проявившееся у близнецов, оказалось всего лишь капризом природы. Ну или шуткой богов.

– Полагаю, «наследники» открытию не обрадовались? – усмехнулся внимательно слушавший Этьен.

– Сначала они не поверили. Потом устроили скандал, взбаламутили все окрестности, и их выслали куда подальше, вынужденно прибегнув к не совсем законным методам.

– Это как? – насторожилась Джемма.

– Запихнули в экипаж, увезли на другой конец страны, дали денег и велели не возвращаться, если жизнь дорога, – пояснил Вейдмар, поморщившись. – Некрасиво, но иного пути утихомирить молодых людей не нашлось. За близнецами, конечно, присматривали, но не слишком бдительно, ибо серьезных проблем от них никто не ожидал. А вскоре и вовсе пришло известие, что они погибли. Когда через пять лет произошло нападение на жену Шертана, об амбициозных двойняшках никто и не вспомнил, а зря. Именно они подстроили эту жуткую резню, наняв бандитов, готовых за пару трэймов родную мать к Сайме отправить. Прикрывшись иллюзиями, брат с сестрой пробрались в поместье, которое знали с детства, и подсыпали в еду снотворный порошок, действующий через час после приема. Разбойникам оставалось лишь перерезать полусонных путешественников. К тому моменту, как тела обнаружили, наличие зелья в организме пострадавших уже было невозможно определить, а все следы указывали на банальное ограбление. В изгнании Кайнар и Кларисса связались с магами, практикующими запрещенные ритуалы, один из них ведьма собиралась применить к старшей внучке Миландера, которой было на тот момент семнадцать. Но на Арис снотворное подействовало слабо – Шертан говорил, ее укачивало в карете, так что от части съеденного она, вероятно, избавилась по дороге. Девушка, схватив младшую сестру, выскочила из экипажа во

время нападения, но убежать не смогла – неудачно упала, сломала шею и вскоре умерла. Айла... ну то есть вы, Джемма, сильно ударились головой. Преступники приняли спонтанное решение и забрали вас с собой. Вселиться в старшую наследницу рода Морт не удалось, зато оставалась младшая.

– Чудовищно, – вырвалось у ведьмочки, но она тут же прикусила язык, внимательно слушая градоправителя. Этьен протянул руку и накрыл ладонью пальцы невесты, давая понять, что он здесь, рядом, и никому больше не позволит обидеть свое лиловое счастье.

– Предполагалось, что Рисса в теле Арис поживет в какой-нибудь глухой деревушке до совершеннолетия и под ручку с «женихом» Кайнаром, прикрытым качественной иллюзией, явится на «познание» к фамильному древу, чтобы получить-таки то, о чем эти двое мечтали с детства. А вместо этого близнецам пришлось расстаться на долгие годы. Проведение ритуала с маленьким ребенком не имело смысла – стать вдруг трехлетней и оказаться на попечении «отца» и «деда» ведьма побоялась. Подправив свою внешность, чтобы подчеркнуть ваше якобы родство, а заодно и отбросив десяток лет, Кларисса поселилась с Айлой в Готрэйме и занялась выращиванием своего будущего тела. До самой смерти ведьма прикрывала вашу ауру, Джемма, так что семейный артефакт считал эту ветвь отмершей. Явившийся к оговоренному сроку Кайнар с сестрой, мертвой уже шесть лет, разумеется, не встретился. Когда он выяснил, что с ней случилось, принялся искать Айл... то есть вас, Джемма. Смерть Клариссы, несмотря на присущую близнецам связь, он не почувствовал, видимо, потому, что ее душа не ушла за полог, а осталась в мире живых. Кайнар же решил, что сестра осуществила задуманное, вернувшись из мира мертвых и вселившись в вас. Устроил проверку, подкараулив вас с Этьеном после театра, выяснил, что вы – не она, и вернулся к запасному плану, который придумал, когда узнал о смерти сестры. Вместо фиктивного брака с ней, заполучившей тело наследницы рода Морт, он вознамерился заключить настоящий союз с ведьмой, которую признает кусочек артефакта, украденный из поместья много лет назад. Дэгор обзавелся разными полезными зельями, дорогостоящими заклинаниями доверия и артефактом внушения, поэтому ничуть не сомневался в успехе.

– Ур-р-род! – рыкнул Этьен, неосознанно сжав руку ведьмочки.

– А что же Кларисса? – спросила она, чуть улыбнувшись любимому.

– Призрак покойной дьеры Аттамс к этому моменту как раз набрал достаточно сил, чтобы начать действовать, и опыта, чтобы вселяться в живых людей. Но для полного замещения чужой души такой метод не годится. Кроме прочего, Риссе нужна была книга с описанием обряда, дабы закрепить привязку. Ну и, понятное дело, ей требовалась сама наследница рода Морт, не имевшая ни малейшего представления о том, кем является. Захватив очередную несчастную – на этот раз лиловую ведьму, синхронизация с которой у призрака прошла куда удачней, чем с прочими жертвами, Кларисса начала осуществлять свой коварный план, на котором буквально помешалась за эти годы. Маску Зары она выбрала не случайно – во-первых, видела, как ее использовали вы, Джемма, а значит, помнили бывшую одноклассницу и легко узнали бы при встрече. Во-вторых, мертвая ведьма знала, что дьера Фарли, которую она помнила еще со времен вашей учебы, Джемма, давно уехала. Так что разоблачения Кларисса не боялась. Призраку удалось все: и забрать книгу, и выманить Джемму из дома, и избавиться от осы, заплатив официанту за ее убийство, но сам ритуал пошел прахом. Здесь вмешался случай, предусмотреть который ведьма никак не могла.

– Ошибка в заклинаниях? – предположил Этьен. – Проблема в том, что она была мертвой?

– Клара заставляла меня сказать «да»! – вспомнила Джемма. – Если бы я сдалась... – Ведьмочка испуганно замолчала, глядя на гостя.

– Нет, ничего бы не помогло, – успокоил ее он. – Технически все было сделано правильно, и бестелесность Риссы скорее способствовала более легкому вселению, нежели препятствовала. Даже добровольное согласие жертвы на самом деле ей не требовалось.

– Что же тогда? – нахмурилась девушка.

– Восемнадцать лет назад вы, Джемма, едва не погибли – жнец, явившийся собирать урожай на то кровавое побоище, оставил на вас метку, усилившую не только восприятие потустороннего мира, но и защиту от него. Она-то и стала тем барьером, который не смогла преодолеть запретная магия.

Той же ночью

Дьер Эсми давно ушел, а в палате царило угрюмое молчание. Открывшаяся правда не радовала ни ведьмочку, убедившуюся, что ее растили почти как корову на убой, ни оружейника, выяснившего, что он был женат на монстре. Хорошо, что Анни и Энни ни капли не походили на свою мать. Двойняшки были копией отца не только внешне, что легко объяснялось иллюзорным обликом, который намертво закрепила на своем лице Кларисса, но и по характеру. Неожиданно тишину разорвал негромкий смешок Джеммы.

– Что тебя развеселило, солнышко? – спросил Этьен, воодушевленный переменой в настроении невесты.

– Думаю вот... Восемнадцать лет – слишком долгий срок даже для метки Саймы, а значит, дело не в той первой встрече с жнецом, а в недавнем общении с Элом. Что ж, он сполна отработал свое варенье!

Неделю спустя

Фонари в этой части Готрэйма были редкостью, прохожие – тоже, зато звезды щедро освещали названный в их честь мост и аллеи, ведущие к нему. На каменных перилах, покачивая стройной ножкой, сидела хрупкая блондинка, чьи серебрившиеся в ночи волосы тщательно уложенными волнами лежали поверх черного плаща.

«Еще одна полоумная топиться собралась, – подумала пожилая дьера, выгуливающая в мрачном лесопарке свою облезлую псину. – Туда ей, дура, и дорога!» – припечатала она, дернув за поводок флегматичного кобеля с проплешинами на боках.

Однако женщина, вопреки ожиданиям нечаянной свидетельницы, на встречу с холодной водой не спешила – она рассчитывала совсем на иное свидание. Мысли Варфаламеи витали вокруг одного мрачного дьера, который когда-то отпустил ее, не став отправлять за полог Саймы. До него были и другие жнецы, которых хитроумная ведьма обвела вокруг пальца, но занозой в сердце засел именно Гард Хладнокровный. Белый посланник, сумевший пробудить в черствой душе изменчивой ведьмы нечто похожее на любовь. Она пыталась о нем забыть, скрывалась от него, мучила тюремным заключением и все равно невольно ловила себя на мысли, а как бы оно было, если...

– Неужели все напрасно? – мотнув головой, чтобы избавиться от навязчивых размышлений, пробормотала блондинка. И словно в ответ на ее ожидания из тени под мостом медленно, как важная дама, выплыла небольшая прогулочная яхта, на носу которой стоял темноволосый мужчина, с головы до ног одетый в черное. На его смуглом лице блеснула улыбка.

– Заждалась, Варя? – с легкой насмешкой спросил гробовщик. – Или теперь тебя лучше называть Ламией?

– Как тебе больше нравится. Ты, кстати, почти опоздал, – подпустив капризных ноток в голос, заявила Варфаламея. – Я прочла записку. И? Зачем звал?

– Полюбоваться на тебя настоящую, – ответил Эдгард.

– Так я и поверила! – фыркнула ведьма, но при этом кокетливо повела плечами и поправила прическу.

– Нас многое связывало, ты ведь помнишь? – мягко продолжил дьер Дорэ. – Я действительно очень хотел тебя увидеть... снова. Прокатимся?

Варфаламея подозрительно взглядела в лицо мужчины, но все же кивнула и легко соскользнула с перил в протянутые к ней руки.

«Кто ж так в воду сигает? – возмутилась не удержавшаяся от подглядывания старуха, которой за перилами яхта была не видна. – Точно дура, даже утопиться как следует не способна. Тьфу!» – Она отправилась прочь от моста самоубийц, утащив за собой лениво семенящую собаку, которой, в отличие от хозяйки, было абсолютно безразлично, кто там и как собрался топиться.

– Поужинаешь со мной? – ставя ведьму на ноги, но продолжая прижимать к себе, вкрадчиво произнес гробовщик.

– Меня пугает твоя галантность, – призналась женщина, тем не менее позволяя увести себя в каюту.

Там на крохотном столике действительно стояли аппетитные блюда и бокалы с уже разлитым вином, но внимание Варфаламеи привлекло совсем иное – почти все пространство небольшого уютного помещения с низким потолком занимала кровать.

К губам давнего полуврага-полувозлюбленного ведьма потянулась первой. Поцелуй вышел жарким и в то же время очень нежным, завораживающим, напрочь обрывающим все мысли.

Плащ соскользнул на пол, а под спиной вдруг оказалось что-то мягкое.

– Добегалась, неуловимая моя, – ласково шепнул ей в самое ушко Эдгард.

– Что? – пролепетала ведьма, с трудом приоткрыв глаза.

Как раз вовремя, чтобы увидеть коварную улыбку не простившего ее мужчины. Крышка гроба, замаскированная искусной иллюзией под спинку кровати, захлопнулась, похоронив на шелковой подстилке блондинку. Варфаламея разочарованно треснула кулачком по прочному железу и громко выругалась.

– Прости, дорогая, но лучезарная уже зажала тебя, – ответил вероломный возлюбленный, приступая к трапезе.

– Ну как?! – нетерпеливо воскликнул Элрой, едва материализовавшись на яхте.

– По плану, разумеется! – спокойно проговорил Эдгард, указывая на отливающий серебром гроб. – Надо признать, Аттамс мастер своего дела – отменно зачаровал эту жестянку. Даже сама Сайма не выбралась бы, что уж говорить про Варю. Да и Джемма поработала на славу, хоть и возмущалась нашим коварством и бездушием. Никто, глядя на это роскошное ложе, не заподозрил бы ловушку! Все, Эл! – Он отсалютовал сообщнику бокалом, пряча под стол пустую бутылку. – Моя часть сделки выполнена. Сдашь Дис эту консервную банку вместе с содержимым и сможешь спокойно работать дальше. А я как-нибудь на досуге, может, съезжу на Корлунскую гряду поискать обещанные тобой сокровища.

Эпилог

Элрой Стальной нервно вышагивал вокруг прикрытого еловыми ветками и присыпанного прелыми листьями гроба. Близился рассвет, и, хотя на заброшенном кладбище, куда Гард помог доставить оснащенную колесиками ловушку, вряд ли мог кто-то появиться и выпустить пленницу, жнец не находил себе места от беспокойства. Истекали последние часы срока, отведенного Дис на поимку Варфаламеи, а эта синеглазая зараза не показывалась, начисто игнорируя все настойчивые призывы Эла. Проиграть вот так, в полушаге от успеха? Да где же носит эту девчонку?! Специально, что ли, прячется? Мелочь зловредная!

– Чего тебе? – прикрывая ладошкой зевот, произнесла Дис, показавшись из-за разлапистой ели. – Что тарачишься, словно впервые видишь? – проворчала девочка, сладко потягиваясь. От образа, в котором явилась координатор жнецов, Эл на миг забыл даже собственное имя. Из-под обшитого кружевом подола широкой ночнушки торчали острые коленки, белые волосы топорщились во все стороны, как иголки у ежа, на щеке виднелся отпечаток подушки, а под мышкой болтался огромный игрушечный кролик со светящимися синими рожками.

– Я... я... – только и сумел выдавить жнец.

– Вижу, что ты! – нахмурилась Дис. – Разбудил, значит, вызвал не пойми куда и якает, как идиот. Чего надо, спрашиваю? У меня сон недосмотрен.

– А разве жнецы спят? – обалдело произнес посланник.

– Некоторые да, как видишь. Так зачем приглашал?

– Задание выполнено, лучезарная! – взяв себя в руки, отрапортовал светящийся блондин и указал на маскирующую гроб листву. – Забирай! Варфаламея Неуловимая в собственном соку, тьфу ты, в собственном гробу.

– Живая?

– А как же! – самодовольно ухмыльнулся ловец душ. – Честь перерезать нити жизни этой строптивой ведьмы достанется тебе.

– Не подлизывайся! Ты едва не провалил задание, – буркнула Дис, на глазах приобретая свой привычный облик. Последним изменился кролик, под личиной которого оказалась толстая книга в кожаном переплете. – Итак, посмотрим... – протянула она, подходя к вороху листьев и простирая над ними ладонь. – Ну что же, действительно она. Молодец, Эл! – похвалила девочка и, обернувшись, вдруг спросила: – В отпуск хочешь?

– Зачем? – опешил жнец.

– Вареньем отгусться, – совершенно серьезно предложила собеседница. – Годика три-четыре тебе хватит?

Спустя пять минут Дис отправила в Готрэйм ошалевшего от неожиданного счастья жнеца, который, конечно, не отказался от оплаченного отпуска с возможностью вернуться потом на службу, и, положив магический талмуд на подмерзшую землю, сделала несколько пассивов над гробом. Затем смела с него часть листьев и трижды постучала по очищенному месту.

– Да-да? – приглушенно ответили изнутри.

– Вылезай! – скомандовала девочка, отступая. – Я нейтрализовала чары.

Щелкнули, послушно открываясь, сломанные замки, крышка приподнялась, сместилась вбок и со звоном съехала вниз.

– Где тебя носило? – вторя недавним претензиям Эла, раздраженно спросила Варфаламея, усаживаясь и подпихивая под спину шелковую подушку. – Я уже со скуки думала спицы из шпилек сделать и носки из волос связать!

– Повежливее, – холодно отрезала собеседница. В ее синих глазах отразилось что-то древнее, страшное.

– Прости, – тихо извинилась ведьма. – Я переволновалась, боялась, что меня заживо похоронят в этой жестянке, – поспешив выбраться из гроба, где так картинно устраивалась минуту назад, пояснила Варфаламея. – Я не хотела грубить, я...

– Хватит! – оборвала ее Дис. – Руку давай, пока я добрая.

Умолкнув и даже дыхание затаив, чтобы не спугнуть удачу, блондинка проследила, как истаял крест на ее запястье, и робко произнесла:

– Я...

– Да что вы все сегодня якаете?! – возмутилась координатор. – Чего уставилась? Свободна!

Я, знаешь ли, держу свои обещания.

Варфаламея убежала еще быстрее, чем неожиданно получивший отпуск жнец. Проводив недобрым взглядом белокурую макушку ведьмы, сиганувшей в открытый для нее портал, Дис покачала головой.

– Дурацкие правила! – Из изменчивой, пойманной ею много лет назад, вышла замечательная пожирательница душ, отличная подсадная утка для проверки жнецов на верность и неплохая наемница на службе храма. Но по условиям заключенной с ведьмой сделки ее все равно пришлось отпустить. Впрочем, была у Дис одна идея, как снова привлечь этот ценный кадр к работе. – Навешу-ка я пока братца Жилия, – рассуждала вслух синеокая девочка, являвшаяся одним из любимых воплощений самой Саймы. – И подарочек ему захвачу!

Крышка гроба, подчиняясь взмаху маленькой руки, взмыла вверх и легла на место, после чего вся конструкция уменьшилась до размеров шкатулки и плавно поплыла в ладони богини смерти.

– Чуть доработает, и будет куда Марну во время истерик запихивать. Или лучше Марне эту прелесть преподнести? Хм, надо подумать...

Прикидывая, кто больше достоин занятого презента – брат или невестка, Дис растаяла, и лишь неопрятный ворох листьев на старом кладбище напоминал о недавнем происшествии. Но и их вскоре разметал по округе ветер.

В похоронном бюро «Последний цветок»

В подвале с утра ждали своей очереди два безымянных тела, доверенных скальпелю дъера Дорэ горгонами, да и записи в счетной книге следовало упорядочить, а Эдгард зачем-то пришел на кухню и вот уже несколько минут бездумно смотрел на кружку с корифом. Рука рефлекторно

дернулась, но погладить было некого, как и прогнать с колен, легонько хлопнув по хвостатому задку, или почесать за острым ушком. А еще некого было ругать за лишний шум, чрезмерную инициативность и нарушение порядка. Лиловая ведьма в полосатых чулках исчезла из стен ПБ так же внезапно, как и появилась. А вместе с ней не стало аппетитных запахов, витавших в доме, незатейливых песенок, бесцеремонных гостей, жужжащих постоялиц и шаловливой кошки. Даже колпака ведьминского на память не осталось. Да что там колпак! Элрой и тот перестал заглядывать к старому другу. Ну конечно, целовать-то его теперь некому, а значит, и вареньем полакомиться он не сможет.

В «Последнем цветке» воцарились тишина и спокойствие, столь милые сердцу бывшего жнеца. Так почему же у него ни к чему не лежала душа, а родная обитель начала казаться какой-то осиротевшей?

«Может, кота завести? – подумал мужчина, взглянув в окно. – Или плюнуть на все и рвануть за кладом Бристоука?» – Вздохнув, он отпил остывшего корифа, поморщился и решил: чем предаваться дурацким размышлениям, уж лучше пойти и разрезать кого-нибудь в мертвецкой. Отставив кружку, гробовщик поднялся и направился к выходу из кухни, но не успел сделать и пары шагов, как между ним и дверью стало разрастаться светящееся облачко.

– Не ждал? – разорвал безмолвие звонкий голосок Дис. Похлопав длинными белыми ресницами, она потупилась и, выставив вперед ножку, принялась выводить мыском восьмерки. – У меня тут это...

На лице дьера Дорэ при виде показного смущения, столь вдохновенно разыгрываемого, все шире расплзалась улыбка.

– Трагедия у меня, вот! В смысле нехватка... Ну то есть некомплект... недобор... недо...

Тьфу! – Девочка подняла на бывшего жнеца свои синие глазищи и, склонив голову к плечу, лукаво улыбнулась. – Хочешь поработать, Гард Хладнокровный?

Там же спустя пару месяцев

В длинном помещении с низким потолком на массивном столе лежал рыжий парень в зеленом бархатном халате и пижамных штанах. Прищурившись, он методично стрелял из гвоздострела, пытаясь прищипить к балке на редкость верткую муху. За резной спинкой стоявшего возле стола кресла висела внушительная коллекция колюще-режущего оружия, жемчужиной которой являлся огромный двуручный меч. Поднять его было бы под силу разве что какому-нибудь великану. Роль подушки под головой нового хозяина «Последнего цветка» играла стопка давно не открывавшихся счетных книг. На стеллаже, что тянулся справа вдоль стены, неопрятные груды траурных гирлянд и ворохи лент соседствовали с липкими банками из-под варенья и тарелками с крошками от тортов. В этом царстве хаоса парочка обтянутых черным шелком гробов, покоящихся на невысоких постаментах, казалась чем-то инородным.

Отчаявшись справиться с везучим насекомым, Эл отложил гвоздострел и, закинув руки за голову, принялся лениво перебирать список неотложных дел. В отпуске оказалось совсем не так весело, как изначально предполагал жнец. Только вот обратно на работу его пока не звали, да и не бросишь ведь ПБ Гарда без присмотра. Хоть и очень хочется.

Элрою было откровенно скучно тут одному, и даже всевозможные сладости, которыми он активно отъедался, не спасали. Джемма вышла замуж за дьера Аттамса и укатила на континент демонстрировать деду своего любимого оружейника вместе с его очаровательными дочерьми, успев перед отъездом купить помещение для салона красоты, которое усердно ремонтировали наемные рабочие. Дьер Эсми женился на Гангрене и, кажется, даже не жалел об этом. Олли-о погрязла в делах и бесконечной грызне со свежее испеченным компаньоном – расследований, в том числе и подброшенных храмowników, у парочки сыщиков было столько, что оборотни, закрутившись, даже название для совместной конторы никак не могли выбрать. И конечно же в череде неотложных задач у них не оставалось времени для визита к старому знакомому, то есть к нему, Элрою Стальному.

Утратив белый облик, свойственный всем жнецам, блондин превратился в долговязого рыжего парня, каким был при жизни. И хотя теперь ему стали доступны все мирские радости без

исключения, это не спасало от тоски, опутавшей своими невидимыми щупальцами. И как Эдгард умудрялся жить в этом склепе? К слову, сам Хладнокровный не появлялся в похоронном бюро уже пару недель, так как вновь гонялся за Варфаламеей, которая каким-то чудом умудрилась ускользнуть от Дис. На сей раз вернувшийся на службу жнец ловил изменчивую ведьму, чтобы уговорить стать его напарницей. Лучезарной вдруг пригрезилось, что такой талант, как у Вари, просто обязан служить смерти. Эл нисколько не сомневался – рано или поздно Гард настигнет беглянку. Вопрос только, как после подставы с зачарованным гробом он убедит ведьму с ним работать. Впрочем... Эдгард изобретателен. Почесав бровь цвета ржавого железа, начинающий гробовщик нехотя слез со стола и, позевывая, направился к двери. Кажется, на кухне был еще один нетронутый горшочек меда. В этот самый момент послышался шорох. Парень остановился, прислушиваясь. «Тараканы, что ли?» – подумал Элрой, которому соседка дьера Бланш, возмущенная количеством сладкого мусора, давно обещала нашествие этих усатых тварей. Шорох стал громче. – Голодные тараканы! – с некоторой долей сочувствия предположил рыжий. Желудок его согласно заурчал. Приободренный такой поддержкой шорох сменился мерным стуком. – Ого! Гигантские тараканы! – решил жнец, машинально потянувшись к любимому двуручнику. Увы, поднять этот устрашающий клинок он сейчас вряд ли бы смог, пришлось ограничиться гвоздострелом, столь скверно себя зарекомендовавшим в борьбе с мухами. – Надеюсь, эти насекомые хотя бы не летают, – продолжал размышлять парень, подкрадываясь к гробу, из которого, судя по звуку, и следовало ожидать усатых гостей. Подойдя ближе к обтянутому черным шелком ящику, похоронных дел мастер прислонился спиной к стене и настороженно устоял на крышку с серебристым крестом. Кто покоится под ней, без сопроводительных бумаг Эл не вспомнил бы и под страхом смерти. Да и где эти бумаги валяются, оставалось лишь гадать. Из глубины ящика раздался очередной удар, подозрительно походивший на звук вгрызающегося в дерево лезвия. Затем еще и еще... Тяжелая крышка жалобно крикнула и... шевельнулась. Элрой растерянно почесал веснушчатый нос, не делая никаких попыток оказать помощь конкурентам по поеданию сладкого. Еще несколько ударов, подозрительный треск, и крышка гроба, поддавшись, полетела-таки на пол, потревожив глухим «бу-бум-м-м» тишину рабочего зала. Рыжеволосый «труп» с узкими полосками зрачков в светло-карих глазах стремительно сел на свое ложе и негодуя устоял на бывшего жнеца. – Помочь не мог?! – отбросив в сторону секиру и уперев руки в бока, возмутилась «покойница». Эл проехался взглядом по Олли-о, обряженной в симпатичную пижамку, особое внимание уделил глубокому вырезу ее туники и притаившейся возле подушки бутылке коньяка, после чего расплылся в счастливой улыбке. С этой конкуренткой он был готов разделить даже последний горшочек меда.

Сноски

1

Готрэйм
– главный город острова.

2

Богиня-сестра
– богиня смерти Сайма.

3

Дар

– всех чародеев принято классифицировать по назначению способностей и именовать по цвету их дара. Когда-то давно, когда маги только начали заряжать своими чарами свель из измельченного лаурита (прозрачного горного камня, который довольно легко добыть в пещерах), пыльца меняла цвет. В руках магов огня она становилась алой, у магов-травников – зеленой и т. д. Отсюда и пошла традиция называть чародеев цветом их дара (красный маг, лиловая ведьма, синий маг и т. д.). Даже в женской школе ведьм и мужской школе магов факультеты имели названия цветов. А вот специальности маги с похожим даром могли выбрать разные. Например, из тех же красных (огненных) чародеев получались и отличные пожарные, способные как разжечь, так и потушить магией пламя, и боевые маги, и те, кто отвечал за тепло в домах, заряжая прозрачную лауритовую пыльцу своим даром.

Цвет, соответствующий дару, не только фигурирует в названии ведьмы или мага, но и в ее или его форменной одежде (впрочем, и другие вещи магов обычно содержат любимый колер, так как носитель цветной магии интуитивно тянется к оттенкам своего цвета). Примеры магов: зеленый – магия растений, желтый – магия света, красный – магия огня, цвет морской волны – магия воды, лиловый – магия иллюзий, голубой – магия воздуха, золотой – магия истины, темно-синий – некромантия, коричневый – магия земли, серый (стальной) – магия металла, дымчатый – магия душ. Черный и белый – нейтральные цвета, не имеющие соответствующего вида магии. Поэтому они еще часто используются в костюмах тех магов, которые желают скрыть свой дар. А также в одеждах служителей божественного триумвирата.

4

Богиня-мать
– богиня магии Марна.

5

Триумвират

– трио верховных богов: бога жизни, богини магии и богини смерти, которые также известны под именами Жиль, Марна и Сайма. Жизнь и Магия считаются родоначальниками всего живого в мире. Представляются в виде супружеской пары. Смерть – в образе сестры бога жизни.

6

Свель

– волшебная пыльца, которую заряжают маги своим волшебством. Есть желтая свель, лиловая, зеленая и т. д. Так, например, на золотистой свели, заряженной желтыми магами, работает большинство источников света: фонари, лампы, световые палочки и прочее.

7

Дьер, дьера

– вежливые обращения к мужчине и женщине, принятые в обществе.

8

Горгоны

– сокращение от Городских Гончих, как называют стражей порядка в Готрэйме и других городах.

9

Крест

– символ богини смерти.

10

Серн

– название дерева с серой кроной, которая испускает в темное время суток пахнущую хвоей мерцающую дымку, отпугивающую нечисть и подсвечивающую пейзаж.

11

Жнецы душ

– посланники Саймы, отправляющие души за полог.

12

Пряничные

– небольшие заведения на несколько столиков, где подают пряники (специальную выпечку со всевозможными пряностями, в том числе, из-под прилавка естественно, и с дурманящим эффектом), а также пирожки и горячие напитки.

13

Почтовик

– крылатая обезьяна. Вид, специально выведенный для доставки писем и небольших посылок. Дежурят почтовики на крышах в ожидании вызова, питаются особым сортом орехов, которые можно приобрести только у хозяев почты. Обладают индивидуальным характером и интеллектом. Обучены грамоте.

14

Зельемагичистка

– заведение, где чистят одежду от грязи и пятен специальными зельями, а в особых случаях и магией. Услуги эти довольно дороги и, как правило, применяются для меховых и парадных нарядов.

15

Горючка

– жидкость с высоким содержанием алкоголя, название получила оттого, что превосходно горит. Используется для дезинфекции, а также в нагревательных приборах с аналогичным названием. Некоторые особо смелые дьеры умудряются ее даже пить!

16

Аз, аза

– звание, получаемое чародеем, который достиг высшего уровня своего мастерства. Часто употребляется в качестве приставки к имени. Отличительным знаком аза является перстень с лауритом, который носится на указательном пальце. Цвет камня, в который чародей «вдыхает» частицу своей силы, соответствует цвету его дара. Но азы обычно предпочитают скрывать это, держа волшебный камень в прозрачном состоянии.

17

Чирташ

– мелкий пакостный дух, имя которого часто упоминают как ругательство. Аналог: черт, лукавый, бес.

18

Единорожденные

– близнецы, двойняшки.

19

Каракусы

– небольшие шарообразные растения, сплошь покрытые ядовитыми колючками.

20

Веселый дом

– бордель.

21

Косырь

– головной убор в виде кожаной косынки, повязывается на лоб. Часть формы горгон, защищающая лоб от порезов, а волосы от захвата в рукопашном бою.

22

Нэрл, нэрлис

– звания горгон. Нэрл – офицерский чин, в его распоряжении, как правило, несколько подчиненных. Нэрлис – самый младший чин, аналог: констебль.

23

Белый полог Саймы

– эфемерная грань, отделяющая мир живых от загробного.

24

Изменчивый

– редчайший вид магии, который меняется в зависимости от того, какой дар использует носитель. Своеобразный маг-универсал, обладающий способностями разных цветов. Изменчивых магов (или магов-хамелеонов) очень мало, и они чаще скрывают свою сущность, нежели выставляют ее напоказ. Но именно такие маги способны в ущерб прочим довести один избранный дар не просто до совершенства, а до безумия. Вариант, когда магия становится одинаково и могущественной, и опасной.

25

Трэйм

– местная денежная единица. Небольшая золотая монета с гербом страны. Один золотой равен двадцати серебряным тримам. А один трим – пятидесяти стальсам – мелким и тонким монеткам из железа, зачарованным серыми магами от коррозии. Медь же в этом мире считается чрезвычайно дорогим металлом.

26

Скалы Корлуна

, также именуемые

Корлунской грядой

– цепь мелких скалистых островов в море с другой стороны континента, нежели остров, на котором находится Готрэйм.

27

Олли-о

– у оборотней к имени добавляется первая буква или начальный слог второй ипостаси.

28

Община ос

— оборотни в этом мире живут довольно закрытыми поселениями-общинами, где господствуют свои традиции, вероисповедания и законы. Но есть и свободные оборотни, которые по каким-то причинам покидают общину и пытаются устроиться среди обычных людей.

29

Кориф

— напиток, похожий на кофе.

30

Трехполосная дорога

— дорога, предназначенная для встречного движения. Центральная полоса используется исключительно для обгона или движения экипажей специального назначения: почтовых, пожарных и т. п.

31

Горгонарий

— жаргонное название главного здания Городских Гончих и службы в целом.

32

Дитэра

— небольшой восьмиструнный инструмент, который изготавливают из специальных пород дерева.

33